ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

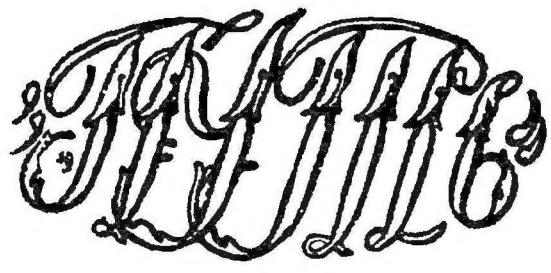
СОЧИНЕНІЙ

И. В. КИРѢЕВСКАГО

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

М. ГЕРШЕНЗОНА



Томъ I

9035.

Исключена из Б-ки ИМЭЛ
Институт К. Маркса и Ф. Энгельса Ц. И. К.
3287/30
Московская библиотека имени В. И. Ленина
Ф 30007-38 v

МОСКВА.
Типографія Императорскаго Московскаго Университета.
1911.

Иванъ Кирѣевскій.

Настоящее изданіе сочиненій И. В. Кирѣевскаго въ общемъ воспроизводитъ текстъ перваго, Кошелевскаго изданія (1861 г.), редактированнаго братьями Кирѣевскаго по матери, В. А. и Н. А. Елагиными. Отличія нашего изданія отъ Кошелевскаго заключаются въ слѣдующемъ:

1) Мы не сочли нужнымъ перепечатывать обширныя выдержки изъ автобіографіи Стеффенса, переведенныя по указанію И. В. Кирѣевскаго его матерью, А. П. Елагиной, и сохранили только написанное имъ предисловіе къ этимъ выдержкамъ.

2) Въ немногихъ мѣстахъ возстановлены цензурные пропуски, что отмѣчено въ Примѣчаніяхъ.

3) Добавлены: статья о Баратынскомъ, стихотворенія, Письма и Примѣчанія.

4) Наконецъ, текстъ раздѣленъ на три отдѣла: въ первомъ собраны философскія статьи Кирѣевскаго, во второмъ—литературно-критическія, въ третьемъ—беллетристика. Въ каждомъ изъ этихъ отдѣловъ матеріалъ расположенъ въ хронологическомъ порядкѣ.

Среди бумагъ Кирѣевскаго, предоставленныхъ для настоящаго изданія внучкою А. П. Елагиной, М. В. Беэръ, не нашлось никакихъ неизданныхъ его статей. Основываясь на его собственномъ показаніи (см. ниже, т. II, стр. 232), мы не внесли въ изданіе извѣстной записки 1832 года о закрытіи „Европейца“, представленной отъ его имени Бенкендорфу. Точно также опущено стихотвореніе, напечатанное за подписью „Киреевскій“ въ приложеніи къ „Сочиненіямъ кн. З. А. Волконской“ (Па-

рижъ и Карлсруэ, 1865), такъ какъ неизвѣстно, кѣмъ изъ двухъ братьевъ Кирѣевскихъ оно написано *).

Изъ писемъ Кирѣевскаго, уже ранѣе бывшихъ въ печати, немногія мало-содержательныя опущены; часть писемъ печатается впервые, съ подлинниковъ. Въ „Русскомъ Архивѣ“, гдѣ появилось наибольшее число писемъ Кирѣевскаго, они печатались крайне небрежно, со множествомъ ошибокъ и сокращеній; въ настоящемъ изданіи всѣ такія письма воспроизводятся съ подлинниковъ, и всѣ вообще письма печатаются вполнѣ, безъ сокращеній, за исключеніемъ немногихъ, оригиналъ которыхъ утраченъ или былъ намъ недоступенъ. Какъ въ текстѣ сочиненій, такъ и въ текстѣ писемъ соблюдены правописаніе и пунктуація подлинника. Слогъ Кирѣевскаго своеобразенъ; старомодная тяжеловѣсность и почти торжественность фразы соединяется у него съ замѣчательной ясностью, глубиной и мѣткостью языка; замѣнить эти важныя окончанія на *ію*, напримѣръ въ *нравственностію*, банальнымъ *ью*, или выкинуть многочисленныя запятыя, которыми уснащены его періоды, значило бы подновить его слогъ, т. е. исказить его писательскую физіономію.

Портретъ, приложенный къ настоящему изданію, воспроизведенъ съ наброска Э. А. Дмитріева-Мамонова въ одномъ изъ альбомовъ А. П. Елагиной, подпись взята изъ письма.

Въ книгѣ моей „Историческія Записки“ есть глава о Кирѣевскомъ; тамъ я указалъ и то, въ чемъ вижу цѣнность мысли Кирѣевскаго, и то, въ чемъ вижу его заблужденія. Его частныя *мнѣнія*, историческія, политическія, церковныя, кажутся мнѣ во многомъ ошибочными, — но я высоко цѣню его корен-

---

*) Возможно даже, что оно вовсе не принадлежитъ никому изъ Кирѣевскихъ: отсутствіе иниціала имени и ошибка въ начертаніи фамиліи показываютъ, что въ подлинникѣ подписи не было.—Тамъ-же помѣщено и другое стихотвореніе—„Куплеты на день рожденія кн. З. А. Волконской 3-го декабря 1828 г., составленные въ Москвѣ Вяземскимъ, Баратынскимъ, Шевыревымъ, Павловымъ, Киреевскимъ“.

ное нравственно-философское *убѣжденіе*. Въ той книгѣ я старался показать, что онъ незаконно вывелъ свои невѣрныя мнѣнія изъ своей вѣрной основной идеи. Эти его мнѣнія сыграли огромную пагубную роль, не только тѣмъ, что изъ нихъ выросла вся реакціонная политическая идеологія, на которую русская власть и извѣстная часть общества донынѣ опираются въ своей борьбѣ противъ свободы и просвѣщенія народнаго,—но и потому, что онѣ заслонили въ общемъ сознаніи подлинную истину, изъ которой онѣ будто бы были выведены. Сочиненія Кирѣевскаго въ извѣстномъ смыслѣ, для новѣйшей русской исторіи,—первоисточникъ и русской правды, и русской неправды. Поэтому я считалъ полезнымъ ихъ переизданіе; надо привести общество къ первоисточнику тѣхъ идей, которыя въ немъ борятся; пусть оно непосредственно увидитъ самую эту истину, заключенную въ коренномъ убѣжденіи Кирѣевскаго, и пусть увѣрится также, что та ложь беззаконно ссылается на нее, какъ на свою основу и оправданіе.

16 ноября 1910 г.

М. Г.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ

И. В. КИРѢЕВСКАГО.

Родъ Кирѣевскихъ принадлежитъ къ числу самыхъ старинныхъ и значительныхъ родовъ Бѣлевскихъ и Козельскихъ дворянъ. Въ старину Кирѣевскіе служили по Бѣлеву, владѣли въ Бѣлевскомъ уѣздѣ многими вотчинами и помѣстьями, и имъ изстари принадлежало село Долбино, въ 7 верстахъ отъ г. Бѣлева. Замѣчательное красотою мѣстоположенія, Долбино знаменито въ округѣ своею старинною церковью, въ которой находится чудотворный образъ Успенія Пресвятыя Богородицы, усердно чтимый мѣстными жителями. Въ продолженіе лѣтнихъ мѣсяцевъ, почти ежедневно являются изъ г. Бѣлева благочестивые горожане отслужить молебенъ и поклониться Св. Иконѣ. Въ Августѣ, во время Успенской ярмарки, нѣсколько тысячъ народа стекается въ с. Долбино изъ всѣхъ окружныхъ городовъ и уѣздовъ.

Въ Долбинѣ прошли первые дѣтскіе годы И. В. Кирѣевскаго. Его отецъ, Василій Ивановичъ Кирѣевскій, былъ человѣкъ замѣчательно просвѣщенный. Онъ зналъ пять языковъ; библіотека, имъ собранная, свидѣтельствуетъ о его любви къ чтенію; въ молодости самъ переводилъ и даже печаталъ романы и другія мелкія литературныя произведенія того времени; но по преимуществу онъ занимался естественными науками, физикой, химіей и медициной; охотно и много работалъ въ своей лабораторіи; съ успѣхомъ лечилъ всѣхъ, требовавшихъ его помощи. Онъ служилъ въ гвардіи, и вышелъ въ отставку секундъ-маіоромъ; въ 1805 году женился на Авдотьѣ Петровнѣ Юшковой. Во время первой милиціи былъ онъ выбранъ въ дружинные начальники. Въ 1812 году перевезъ всю свою семью въ Орелъ. Здѣсь и въ Орловской деревнѣ своей (Кирѣевской Слободкѣ), въ 3-хъ верстахъ отъ Орла, онъ далъ пріютъ многимъ семействамъ, бѣжавшимъ изъ Минска, Смоленска, Вязьмы и Дорогобужа; взялъ на себя леченіе, содержаніе и продовольствіе 90 человѣкъ раненыхъ Русскихъ, съ христіанскимъ самоотверженіемъ ухаживалъ за больными, брошенными Французами,—и на подвигѣ христіанскаго сердоболія заразившись тифозною горячкою, скончался въ Орлѣ 1-го Ноября 1812 года. Тѣло его было перевезено въ с. Долбино и похоронено въ церкви. Послѣ него остались два сына—Иванъ (родился въ Москвѣ 1806 года 22 Марта) и Петръ (родился въ Долбинѣ 1808 года 11 Февраля), и еще дочь Марія (род. 1811 года 8 Августа), на рукахъ своей матери, овдовѣвшей на 23-мъ году жизни.

Авдотья Петровна Кирѣевская возвратилась съ дѣтьми въ Долбино. Сюда въ началѣ 1813 года переѣхалъ Василій Андреевичъ Жуковскій.

ея близкій родственникъ, воспитанный съ нею вмѣстѣ и съ дѣтства съ нею дружный. Жуковскій прожилъ здѣсь почти два года. Въ концѣ 1815 года онъ оставилъ свою Бѣлевскую родину: поѣхалъ въ Петербургъ для изданія своихъ стихотвореній, надѣясь возвратиться скоро и думая посвятить себя воспитанію маленькихъ Кирѣевскихъ и принять на себя опекунскія заботы.

Вотъ отрывки изъ его писемъ 1815 года:

„Вотъ мое расположеніе: кончивъ изданіе своихъ стиховъ, котораго на бѣду никому постороннему поручить не могу, тотчасъ отправлюсь въ Дерптъ..... Вы между тѣмъ увѣдомьте, что̀ вы хотите дѣлать, когда соберетесь къ намъ и когда должно мнѣ пріѣхать за вами. Гораздо было бы лучше, когда бы я васъ и проводилъ изъ Дерпта, тогда могъ бы подолѣе съ вами остаться. При свиданіи будемъ говорить о томъ, что для меня есть одно изъ главныхъ дѣлъ жизни, о воспитаніи нашихъ дѣтей. Я ждалъ и жду плана, и право не даромъ сказалъ, что въ этотъ планъ входитъ много моего будущаго. Чтобы придумать что-нибудь основательное, надобно имѣть этотъ планъ въ рукахъ; а вы все еще его не присылаете“.

„Милые друзья, благодарствуйте за добрые совѣты, а еще болѣе за то нѣжное чувство дружбы, которое видно въ вашихъ письмахъ. Слава Богу! Это восклицаніе весьма тутъ кстати. Какъ не сказать слава Богу, думая о друзьяхъ и видя ихъ къ себѣ дружбу? Послушайте, милая Долбинская сестра *). Я и самъ было испугался своего предложенія **), сдѣланнаго вамъ въ первую минуту, но испугался только своей неспособности его исполнить. Что, если бы мнѣ удалось только болѣе еще испортить дѣла ваши? Но, какъ говорятъ, на безрыбьѣ и ракъ рыба, а я готовъ быть для васъ ракомъ. Что же было бы лучше, какъ потрудиться для нашихъ милыхъ дѣтенковъ, да вы отъ меня не уйдете. Дайте мнѣ устроить свое здѣшнее, и я опять у васъ, опять въ своей семьѣ, опять въ прекрасномъ родимомъ краю, окруженный всѣми милыми воспоминаніями, среди соловьевъ и розъ и проч. и проч. Знаете, что всякій ясный день, всякій запахъ березы производитъ во мнѣ родъ Heimweh. . . .“.

Жуковскому не суждено было возвратиться на житье въ Долбино. Жуковскій остался въ Петербургѣ, вступилъ въ службу и только изрѣдка, и на короткое время, могъ пріѣзжать въ свою Бѣлевскую родину. Но нѣсколько лѣтъ, проведенныхъ вблизи такого человѣка, каковъ Жуковскій, не могли пройти безъ слѣда для молодой души Кирѣевскаго. Кирѣевскій развился весьма рано. Еще въ 1813 году, онъ такъ хорошо владѣлъ шахматною игрою, что плѣнный генералъ Бо-

---

*) Авдотья Петровна Елагина.
**) Быть опекуномъ надъ малолѣтными Кирѣевскими.

нами не рѣшался играть съ нимъ, боясь проиграть семилѣтнему мальчику; съ любопытствомъ и по нѣскольку часовъ слѣдилъ за игрою ребенка, легко обыгрывавшаго другихъ Французскихъ офицеровъ. Десяти лѣтъ Кирѣевскій былъ коротко знакомъ со всѣми лучшими произведеніями Русской Словесности и такъ называемой классической Французской литературы; двѣнадцати лѣтъ онъ хорошо зналъ Нѣмецкій языкъ. Конечно, тихіе Долбинскіе вечера, когда Жуковскій почти каждый разъ прочитывалъ что-нибудь, только что имъ написанное, должны были имѣть сильное вліяніе на весь строй его будущей жизни; отсюда, быть можетъ, его рѣшительная склонность къ литературнымъ занятіямъ, идеально-поэтическое настроеніе его мыслей. Для Кирѣевскаго Жуковскій всегда оставался любимымъ поэтомъ. Излишне, кажется, говорить объ ихъ дружескихъ отношеніяхъ, неизмѣнявшихся во все продолженіе ихъ жизни. Жуковскій горячо любилъ Кирѣевскаго, вполнѣ цѣня и его способности, и возвышенную чистоту его души. При всѣхъ литературныхъ предпріятіяхъ Кирѣевскаго, Жуковскій спѣшилъ являться первымъ и ревностнымъ сотрудникомъ, и, если обстоятельства того требовали, энергическимъ заступникомъ. Зная Кирѣевскаго, онъ всегда смѣло могъ ручаться за благородство его стремленій, за искренность его желаній блага. Вотъ отрывокъ изъ письма Кирѣевскаго къ матери, писаннаго незадолго до кончины Жуковскаго.

„Съ тѣхъ поръ, какъ я вамъ писалъ, я получилъ письмо отъ Жуковскаго, въ отвѣтъ на мое. Удивительный человѣкъ этотъ Жуковскій. Хотя, кажется, знаешь необыкновенную красоту и возвышенность его души, однако при каждомъ новомъ случаѣ узнаешь, что сердце его еще выше и прекраснѣе, чѣмъ предполагалъ. Онъ почти кончилъ свою Одиссею, работая надъ нею постоянно, и перевелъ, и уже почти напечаталъ 23 пѣсни съ половиною, — и оторвался отъ этой работы, потому что пришла страстная недѣля, и онъ сталъ говѣть. Въ это время получилъ онъ мое письмо съ просьбою. Для говѣнья онъ оставилъ Одиссею; но для добраго дѣла въ ту же минуту нарушилъ свой святой шабашъ, и написалъ длинное и прекрасное письмо къ принцу Ольденбургскому, другое къ Б. и третье ко мнѣ. Эту жертву, конечно, Богъ приметъ, какъ живую молитву сердца“.

До пятнадцатилѣтняго возраста Кирѣевскіе оставались безвыѣздно въ Долбинѣ; у нихъ не было ни учителей, ни гувернеровъ *); они росли и воспитывались подъ непосредственнымъ руководствомъ матери и вотчима. Въ 1817 году А. П. Кирѣевская вышла замужъ за своего внучатнаго брата Ал. Ан. Елагина. Елагинъ, горячо и нѣжно любившій Кирѣевскихъ, былъ ихъ единственнымъ учителемъ до 1822 года; и мо-

*) При маленькихъ Кирѣевскихъ отъ 1815 до 1818 года былъ Нѣмецъ К. И. Вагнеръ, для упражненія въ Нѣмецкихъ разговорахъ. Обязанность его была одѣвать дѣтей, гулять съ ними, словомъ все, что требуется отъ дядьки; но онъ никогда не былъ ни гувернеромъ, ни преподавателемъ.

лодой Ваня Кирѣевскій привязался къ своему второму отцу всѣми силами своей любящей души. Кирѣевскій развивался быстро, не говоря уже о томъ, что онъ еще въ деревнѣ прекрасно выучился по Французски и по Нѣмецки, коротко познакомился съ литературами этихъ языковъ, перечелъ множество историческихъ книгъ и основательно выучился математикѣ. Еще въ Долбинѣ началъ онъ читать философическія сочиненія, и первые писатели, которые случайно попались ему подъ руки, были Локкъ и Гельвецій, но они не оставили вреднаго впечатлѣнія на его отроческой душѣ *). А. А. Елагинъ, въ началѣ усердный почитатель Канта, котораго „Критику чистаго разума“ онъ вывезъ съ собою изъ за-граничныхъ походовъ, въ 1819 году черезъ Веланскаго познакомился съ сочиненіями Шеллинга, сдѣлался его ревностнымъ поклонникомъ, и въ деревнѣ переводилъ его письма о догматизмѣ и критицизмѣ. Свѣтлый умъ и врожденныя философическія способности И. В. Кирѣевскаго были ярки въ этомъ, почти что отроческомъ возрастѣ; прежніе литературные разговоры, во время длинныхъ деревенскихъ вечеровъ не рѣдко стали замѣняться бесѣдами и спорами о предметахъ чисто философическихъ; и когда Елагины, для дальнѣйшаго воспитанія дѣтей, переселились въ Москву, молодой Кирѣевскій явился (1822) въ кругу своихъ сверстниковъ знакомымъ со многими положеніями тогдашней Германской философіи.

Въ Москвѣ (1822) И. В. началъ учиться по Латыни и по Гречески, и выучился сколько требовалось тогда для экзамена **), бралъ уроки у Снегирева, Мерзлякова, Цвѣтаева, Чумакова и другихъ профессоровъ Московскаго Университета; слушалъ публичныя лекціи профессора Павлова, и выучился по Англійски. Нѣкоторые уроки онъ бралъ вмѣстѣ съ Ал. Ив. Кошелевымъ, и съ этихъ поръ начинается дружба Кирѣевскаго и Кошелева, крѣпкая на всю жизнь. Они вмѣстѣ выдержали такъ называемый комитетскій экзаменъ, и въ одно время вступили на службу въ 1824 году, въ Московскій Главный Архивъ Иностранной Коллегіи. Въ это время въ Архивѣ, подъ просвѣщеннымъ начальствомъ Алексѣя Ѳедоровича Малиновскаго, служилъ цвѣтъ тогдашней Московской молодежи,—архивные юноши, какъ называлъ ихъ Пушкинъ. Това-

---

*) Въ 1830 году, вотъ что писалъ Кирѣевскій А. И. Кошелеву: „О Гельвеціи, я думаю, и самъ былъ бы такого же мнѣнія, какъ ты, если бы прочелъ его теперь, но лѣтъ десять назадъ онъ произвелъ на меня совсѣмъ другое дѣйствіе. Признаюсь тебѣ, что тогда онъ казался мнѣ не только отчетливымъ, яснымъ, простонародно убѣдительнымъ, но даже нравственнымъ, не смотря на проповѣданіе эгоизма. Эгоизмъ этотъ казался мнѣ не точнымъ словомъ, потому что подъ нимъ могли разумѣться и патріотизмъ, и любовь къ человѣчеству, и всѣ добродѣтели. Къ тому же мысль, что добродѣтель для насъ не только долгъ, но и счастіе, казалась мнѣ отмѣнно убѣдительною въ пользу Гельвеція“.

**) Недостаточность своихъ свѣдѣній въ древнихъ языкахъ И. В. почувствовалъ гораздо позднѣе, и въ сороковыхъ годахъ, черезъ 20 лѣтъ, снова сталъ учиться по Латыни и по Гречески, и выучился хорошо, такъ что могъ въ подлинникѣ читать классиковъ и Св. Отцовъ.

рищами Кирѣевскаго были: Веневитиновы (Д. В. и А. В.), В. П. Титовъ, С. П. Шевыревъ, И. С. Мальцевъ, Н. А. Мельгуновъ, С. А. Соболевскій и многіе другіе. Изъ нихъ составился первый кругъ друзей Кирѣевскаго, и къ нему примкнули питомцы Московскаго Университета: Н. М. Рожалинъ, М. А. Максимовичъ и М. П. Погодинъ. Это было цвѣтущее время Русской Словесности, ознаменованное яркими успѣхами Пушкина; вокругъ него начинала свѣтиться блестящая плеяда первоклассныхъ поэтическихъ талантовъ; имена Баратынскаго, Языкова, Барона Дельвига, Веневитинова, Хомякова, начали не рѣдко мелькать въ альманахахъ и журналахъ того времени. Они навсегда останутся драгоцѣннымъ украшеніемъ Русской Словесности;—но рядомъ съ возникновеніемъ дѣятельности чисто литературной, въ Москвѣ стала возникать въ это время новая умственная дѣятельность, подъ вліяніемъ философіи Шеллинга. Въ 1821 году профессоръ М. Г. Павловъ, по возвращеніи изъ-за границы, читалъ въ Университетѣ и въ Университетскомъ благородномъ пансіонѣ лекціи о природѣ. Впечатлѣніе его лекцій было сильное и плодоносное, возбудившее въ тогдашнемъ поколѣніи Москвичей сочувствіе къ философіи Германской. Однимъ изъ первыхъ ея поборниковъ явился тогда питомецъ Московскаго Университета, князь В. Ѳ. Одоевскій, собиравшій у себя небольшой кругъ молодыхъ литераторовъ, во имя Любомудрія, и съ 1824 года издававшій свою 4-хъ книжную Мнемозину, въ началѣ которой была помѣщена прекрасная статья его учителя Павлова о способахъ изслѣдованія природы. Къ этому кругу принадлежалъ Кирѣевскій съ своими архивскими сослуживцами, между которыми самою блестящею и любимою надеждою былъ Д. Веневитиновъ, „рожденный для философіи еще болѣе, чѣмъ для поэзіи“ *) но по несчастію, у той и другой отнятый преждевременною неожиданною смертью. Еще въ исходѣ 1826 года, когда, пріѣхавши въ Москву, Пушкинъ такъ дружно сошелся съ Веневитиновымъ и сблизился съ его товарищами, у нихъ состоялся новый литературный журналъ, Московскій Вѣстникъ, подъ редакціей М. П. Погодина. Кирѣевскій не выступалъ еще на литературное поприще, къ которому готовился, и на которомъ начинали дѣйствовать его товарищи. Къ этому времени (1826 и 1827) относятся первыя уцѣлѣвшія его письма, и мы помѣщаемъ ихъ здѣсь вполнѣ.

КЪ А. А. ЕЛАГИНУ.

1826 Августъ.

„Вы ко мнѣ не хотите писать, милый папенька, потому, что въ грустномъ расположеніи духа, а я гораздо лучше бы хотѣлъ отъ васъ получить грустное письмо, нежели шуточное, и пишу къ вамъ теперь

*) Слова Кирѣевскаго.

именно потому, что мнѣ не весело. Въ эти минуты душа невольно какъ-то обращается къ тому, что всего дороже, и забываетъ все, что ее разсѣявало, и всѣ обыкновенныя занятія, которыя, скользя только по поверхности ея, не доходили въ глубь. Я, по крайней мѣрѣ, во время печали невольно ищу предмета, который бы вполнѣ занималъ всего меня, который бы заключалъ въ себѣ не одно опредѣленное желаніе, не одну опредѣленную мысль, но входилъ бы во всѣ желанія, во всѣ мысли, и если что нибудь живое на землѣ можетъ быть такимъ предметомъ полнаго я, то, безъ сомнѣнія, это вы и маменька. Ибо вы оба служите для меня связью всей прошедшей моей жизни, и входите во всѣ тѣ планы, которые воображеніе строитъ въ будущемъ, которые, можетъ быть, не сбыточны, но которые трогаютъ самыя чувствительныя струны моего сердца. На всемъ пути жизни моей (которую, признаюсь, люблю одѣвать въ блестящія краски) я вижу васъ непремѣннымъ сопутникомъ моимъ, и до сихъ поръ не рождалось у меня ни одного желанія, ни одной надежды, которыя бы вполнѣ занимали меня, и которыя бы могли исполниться безъ васъ. Вотъ почему и думается объ васъ, когда грустно, а если думается, то и пишется. Но, впрочемъ, мысли эти не связываются ни съ чѣмъ тѣмъ, что у насъ теперь дѣлается, ни въ чемъ изъ того, что насъ теперь занимаетъ, и связываются только съ тѣмъ, что занимаетъ меня всегда, къ чему я постоянно возвращаюсь отъ вседневныхъ занятій. И такъ, если бы писать къ вамъ объ томъ, о чемъ думается, и такъ, какъ хочется, то я не писалъ бы къ вамъ ни объ васъ, ни обо мнѣ, ни объ нашемъ, но писалъ бы къ вамъ о высочайшемъ счастіи, о средствахъ къ общему нашему достиженію онаго, о самоусовершенствованіи, и т. п. Не знаю, впрочемъ, въ какую минуту вы получите письмо мое; можетъ быть, въ минуту холодную,—а мнѣ бы не хотѣлось профанировать моихъ мыслей. И такъ, если вы хотите, чтобы я къ вамъ писалъ, то обѣщайте мнѣ, что вы иначе не распечатаете письма моего, какъ тогда, когда вамъ будетъ грустно. Это необходимое условіе для того, чтобы понять меня, какъ я того хочу“.

1827.

КЪ А. И. КОШЕЛЕВУ.

„Спасибо, Кошелевъ, за твое письмо. Истинно счастливый подарокъ. Я въ немъ нашелъ прежнее участіе, прежнюю любовь и довѣренность. Минута полученія была для меня драгоцѣнною минутою. Признаться стыдно, но необходимо для облегченія совѣсти, что и я началъ уже сомнѣваться въ твоихъ чувствахъ ко мнѣ. Твои холодныя письма—и Богъ знаетъ что еще—а можетъ быть и привычка къ потерямъ, внушали мнѣ самыя грустныя мысли. Я ихъ развивалъ и оправдывалъ. Я думалъ: теперь Кошелевъ живетъ въ свѣтѣ, сдѣлалъ

много новыхъ знакомствъ и, можетъ быть, пріобрѣлъ новыхъ друзей: они открыли ему новую сторону въ жизни, и его образъ мыслей могъ измѣниться; можетъ быть, онъ нашелъ людей съ умомъ возвышеннымъ, съ дарованіями рѣшительными, и тѣ качества, которыя уважалъ прежде, уже считаетъ ничтожными. Я съ своей стороны долгимъ молчаніемъ далъ ему право думать, что и я перемѣнился, и пр. и пр. Все это оправдывалось одно другимъ и сливалось въ одно тяжелое чувство. Но твое письмо, милое, дружеское, разомъ уничтожило все сплетенье несправедливыхъ предположеній, сказавъ: Кошелевъ тотъ же; онъ тебя любитъ и увѣренъ въ твоей любви.

„Благодарю тебя за твои разспросы обо мнѣ и буду охотно отвѣчать на нихъ обстоятельно; ибо нѣтъ тяжеле состоянія, какъ быть неузнаннымъ тѣми, кого мы любимъ. Для меня на всемъ земномъ шарѣ существуютъ только два человѣка, которыхъ одобреніемъ я дорожу, какъ собственнымъ: это ты и Титовъ. И оба вы меня не поняли. Вы думаете, что я, не зная цѣны жизни, безполезно трачу свое время, не сожалѣя о потерянныхъ минутахъ и не имѣя въ душѣ того огня, который не позволяетъ успокоиться въ бездѣйствіи, за настоящимъ забываю и прошедшее, и будущее; что я произвольно предоставилъ обстоятельствамъ направлять мои поступки по волѣ случая, и оправдываю это состояніе (которое ты справедливо называешь состояніемъ ничтожества) тѣмъ, что въ немъ есть нѣчто поэтическое. Но въ самомъ дѣлѣ не знаю я: есть ли поэзія въ произвольной утратѣ самобытности; знаю только, что я не искалъ такой поэзіи. Но не вы виноваты въ томъ, что не поняли меня; виноватъ одинъ я, или, лучше сказать, тѣ обстоятельства, которыя ввели меня въ двумысленное положеніе.

„Еслибы передъ рожденіемъ судьба спросила меня: что хочешь ты избрать изъ двухъ? или родиться воиномъ, жить въ безпрестанныхъ опасностяхъ, безпрестанно бороться съ препятствіями, и не зная отдыха, наградою за всѣ труды имѣть одно сознаніе, что ты идешь къ цѣли высокой,—и лечь на половинѣ пути, не имѣя даже въ послѣднюю минуту утѣшенья сказать себѣ, что ты видѣлъ желанное? или провесть спокойный вѣкъ, въ кругу мирнаго семейства, гдѣ желанья не выходятъ изъ опредѣленнаго круга возможностей, гдѣ одна минута сглаживаетъ другую, и каждая встрѣчаетъ тебя равно довольнымъ, и гдѣ жизнь течетъ безъ шума и утекаетъ безъ слѣда?... Я бы не задумался о выборѣ и рѣшительною рукою взялъ бы мечъ. Но, по несчастію, судьба не посовѣтовалась со мною. Она окружила меня такими отношеніями, которыя разорвать значило бы измѣнить стремленію къ той цѣли, которая одна можетъ украсить жизнь, но которыя сосредоточиваютъ всю дѣятельность въ силу перенесенія. И здѣсь существуетъ для меня борьба, и здѣсь есть опасности и препятствія. Если онѣ незамѣтны, ибо происходятъ внутри меня, то отъ того для меня значительность ихъ не уменьшается.

„Въ самомъ дѣлѣ, разсмотри безпристрастно (хотя въ теперешнемъ твоемъ положеніи это значитъ требовать многаго): какое поприще могу я избрать въ жизни, выключая того, въ которомъ теперь нахожусь?—Служить—но съ какою цѣлью?—Могу ли я въ службѣ принесть значительную пользу отечеству? Ты говоришь, что сообщеніе съ людьми необходимо для нашего образованія,—и я съ этимъ совершенно согласенъ; но ты зовешь въ П.—Назови же тѣхъ счастливцевъ, для сообщества которыхъ долженъ я ѣхать за тысячу верстъ, и тамъ употреблять большую часть времени на безполезныя дѣла. Мнѣ кажется, что здѣсь есть вѣрнѣйшее средство для образованія: это—возможность употреблять время, какъ хочешь. Не думай, однакоже, чтобы я забылъ, что я Русскій, и не считалъ себя обязаннымъ дѣйствовать для блага своего отечества. Нѣтъ! всѣ силы мои посвящены ему. Но мнѣ кажется, что внѣ службы—я могу быть ему полезнѣе, нежели употребляя все время на службу. Я могу быть литераторомъ, а содѣйствовать къ просвѣщенію народа не есть ли величайшее благодѣяніе, которое можно ему сдѣлать? На этомъ поприщѣ мои дѣйствія не будутъ безполезны; я могу это сказать безъ самонадѣянности. Я не безполезно провелъ мою молодость, и уже теперь могу съ пользою дѣлиться своими свѣдѣніями. Но цѣлую жизнь имѣя главною цѣлью: образовываться, могу ли я не имѣть вѣса въ литературѣ? Я буду имѣть его, и дамъ литературѣ свое направленіе. Мнѣ все ручается въ томъ, а болѣе всего сильные помощники, въ числѣ которыхъ не лишнее упомянуть о Кошелевѣ; ибо люди, связанные единомысліемъ, должны имѣть одно направленіе. Всѣ тѣ, которые совпадаютъ со мной въ образѣ мыслей, будутъ моими сообщниками. Кромѣ того, слушай одно изъ моихъ любимыхъ мечтаній: у меня четыре брата, которымъ природа не отказала въ способностяхъ. Всѣ они будутъ литераторами, и у всѣхъ будетъ отражаться одинъ духъ. Куда бы насъ судьба ни завела и какъ бы обстоятельства ни разрознили, у насъ все будетъ общая цѣль: благо отечества, и общее средство: литература. Чего мы не сдѣлаемъ общими силами? Не забудь, что когда я говорю *мы*, то разумѣю и тебя и Титова.....

„Мы возвратимъ права истинной религіи, изящное согласимъ съ нравственностію, возбудимъ любовь къ правдѣ, глупый либерализмъ замѣнимъ уваженіемъ законовъ, и чистоту жизни возвысимъ надъ чистотою слога. Но чѣмъ ограничить наше вліяніе? Гдѣ положишь ты ему предѣлъ, сказавъ nec plus ultra? Пусть самое смѣлое воображеніе поставитъ ему Геркулесовы столбы,—новый Колумбъ откроетъ за ними новый свѣтъ.

„Вотъ мои планы на будущее. Что можетъ быть ихъ восхитительнѣе? Если судьба будетъ намъ покровительствовать, то представь себѣ, что лѣтъ черезъ 20 мы сойдемся въ дружескій кругъ, гдѣ каждый изъ насъ будетъ отдавать отчетъ въ томъ, что онъ сдѣлалъ, и въ свои свидѣтели призывать просвѣщеніе Россіи. Какая минута!

„Но если я теперь не дѣлаю ничего, то причина тому, по несчастію, слишкомъ достаточная. Я такъ разстроилъ свое здоровье въ нынѣшнюю зиму, что всякое напряженіе ума для меня вредно. Нѣкоторыя обстоятельства заставляютъ даже опасаться чахотки, и потому ѣздить верхомъ, ходить, спать и прочее, составляютъ всѣ мои занятія. Даже кофе, на который ты такъ нападаешь, долженъ я былъ промѣнять на шоколадъ à la santé. Трубка еще не покидаетъ меня, но это потому, что она мнѣ не вредитъ. Впрочемъ, образъ жизни моей весьма однообразенъ. Утро я провожу въ своей комнатѣ, читаю романы, стихи и все то, что не требуетъ большаго труда. Послѣ обѣда сплю, а ввечеру ѣзжу верхомъ. Новыхъ знакомствъ не дѣлаю, и видаюсь почти только съ Рожалинымъ, Полевымъ, Мицкевичемъ и Соболевскимъ, съ которымъ вмѣстѣ ѣзжу по окрестностямъ Москвы. Вотъ тебѣ подробный отчетъ обо всемъ, что до меня касается. Надѣюсь получить отъ тебя такой же. Если же ты собираешься скоро къ намъ, то оставь Титову завѣщаніе: не лѣниться. Онъ сталъ ни на что не похожъ“.

Въ началѣ 1827 года, когда въ Москвѣ возобновились литературные вечера у княгини З. А. Волконской, на которыхъ бывалъ Кирѣевскій, князь Вяземскій успѣлъ взять съ него слово написать что-нибудь для прочтенія, и онъ написалъ „Царицынскую ночь“. Это былъ первый литературный опытъ Кирѣевскаго, сдѣлавшійся извѣстнымъ многочисленному кругу слушателей и нынѣ впервые напечатанный. Весною 1828 г., когда Московскіе литераторы провожали уѣзжавшаго въ Петербургъ Мицкевича, за ужиномъ, при поднесеніи ему серебрянаго кубка, И. Кирѣевскому первому пришлось произнесть свои стихи въ честь Польскаго поэта. Въ томъ же году, онъ написалъ для Московскаго Вѣстника, издаваемаго его друзьями, Погодинымъ и Шевыревымъ: Нѣчто о характерѣ поэзіи Пушкина. Статья была напечатана безъ подписи его имени и только съ цифрами 9 и 11. Тогда же и Петръ Кирѣевскій напечаталъ въ Вѣстникѣ отрывокъ изъ Кальдерона, переведенный имъ съ Испанскаго, и издалъ особою книжкою переводъ Байроновской повѣсти Вампиръ. Такимъ образомъ въ 1828 г. оба брата вмѣстѣ выступили на литературное поприще.

КЪ А. И. КОШЕЛЕВУ, въ 1828 г. Октября 1-го.

„Получивши твое письмо 17 Сентября, я отложилъ отвѣтъ до сегодняшняго дня, потому что рѣшился писать къ вамъ, Петербургскимъ, только два раза въ мѣсяцъ, 1-го и 15, для того, чтобы писать, ибо иначе я вѣчно бы остался при однихъ сборахъ. И такъ, ты не долженъ на меня сердиться за медленность отвѣта и напередъ пріучи себя ждать 2 недѣли, выключая экстренныхъ случаевъ. Я лучше хочу навѣрное писать изрѣдка, нежели собираться цѣлый годъ — писать

каждый день, т.-е. я не хочу брать примѣра съ людей, каковъ Кошелевъ. Нечего сказать, министръ на обѣщанія! Хотѣлъ писать часто и до сихъ поръ написалъ только одно письмо; хотѣлъ прислать отрывки изъ своихъ сочиненій объ исторіи, и я увѣренъ, и сочиненія и отрывки sind noch im Werden. Хотѣлъ перевести Cousin, хотѣлъ прочесть всего Гердера, и я дамъ руку отсѣчь, что ты одного не кончилъ, а другаго и не начиналъ. Знаешь ли ты, отчего ты до сихъ поръ ничего не написалъ? Отъ того, что ты не пишешь стиховъ. Еслибы ты писалъ стихи, тогда бы ты любилъ выражать даже бездѣльныя мысли, и всякое слово, хорошо сказанное, имѣло бы для тебя цѣну хорошей мысли а это необходимо для писателя съ душой. Тогда только пишется, когда весело писать, а тому, конечно, писать не весело, для кого изящно выражаться не имѣетъ самобытной прелести, отдѣльной отъ предмета. И потому: хочешь ли быть хорошимъ писателемъ въ прозѣ?—пиши стихи. Я увѣренъ, что Титовъ моего мнѣнія. Что Шеллингъ любитъ поэзію и хорошо знаетъ всѣхъ древнихъ и новыхъ поэтовъ,—это извѣстно; но, читая его рѣчь объ искусствахъ, нельзя сомнѣваться, чтобы онъ въ молодости не писалъ стиховъ. За то Кантъ, поручусь, никогда не прибралъ ни одной риѳмы; за то онѣ незваныя приходили къ нему въ его прозѣ; за то читатели Канта къ читателямъ Шеллинга какъ 5 къ 5000. Изъ всего этого слѣдуетъ: Кошелевъ, пиши стихи! Не будешь писать стиховъ, не будешь имѣть читателей, какъ бы твои мысли хороши ни были; слѣдовательно: Кошелевъ, пиши стихи!

„Я увѣренъ, что не только для усовершенствованія слога, но и для образованія ума и воображенія, для развитія чувства изящнаго (которое, какъ мы съ тобой знаемъ, есть начало, причина, мѣра и цѣль всякаго усовершенствованія), слѣдовательно для счастія жизни, для красоты жизни, для возвышенности жизни, необходимо писать стихи: и потому, Кошелевъ, пиши стихи!

„Ты вѣрно согласенъ, что чѣмъ образованнѣе человѣкъ, тѣмъ онъ лучше владѣетъ своимъ языкомъ; но развей эту мысль и ты увидишь, что въ ней самой заключается еще другая: чѣмъ лучше человѣкъ владѣетъ языкомъ, тѣмъ онъ образованнѣе. Слѣдовательно, опять возвратимся къ моему припѣву: Кошелевъ, пиши стихи!

„Не думай, чтобы это была шутка, или что я пишу къ тебѣ объ стихахъ отъ нечего писать: нѣтъ, у меня это крѣпко лежитъ на сердцѣ, и я считаю за долгъ говорить тебѣ объ томъ, что мнѣ кажется въ тебѣ недостаткомъ. Впрочемъ, если ты знаешь другое средство заставить себя заниматься языкомъ для самаго языка, тогда, пожалуй, можешь и не писать стиховъ. Но мнѣ всетаки лучшимъ средствомъ кажутся стихи, потому: Кошелевъ, пиши стихи!

„Перейдемъ къ прозѣ, т.-е. къ моимъ занятіямъ. Съ твоего отъѣзда мои занятія состояли въ ничего-недѣланіи. Прожектовъ много, но лѣни еще больше. Не думай однако, чтобъ я не писалъ стиховъ; я ча-

сто ихъ дѣлаю, хотя, разумѣется, никому не показываю. Но мое стихотворство не помѣшаетъ моей дѣятельности. Не знаю, отчего, мнѣ даже некогда и читать то, что хочется, а некогда отъ того вѣроятно, что я ничего не дѣлаю. Правда, я прочелъ комедій 200 послѣ твоего отъѣзда, одну съигралъ, одну перевелъ, но мои прожекты объ Жуковскомъ, объ критикѣ, объ философіи въ Россіи,—до сихъ поръ все еще прожекты. На дняхъ намѣренъ приняться за исполненіе. Между тѣмъ много еще другихъ сочиненій—кандидатовъ, которые просятся въ комплектъ, но которыхъ я до сихъ поръ оставляю при особенныхъ порученіяхъ. А между тѣмъ ты понимаешь, что они другъ другу мѣшаютъ, перебиваютъ другъ у друга мѣста и пр. Но я буду писать, и скоро. Если бы ты зналъ, какъ весело быть писателемъ. Я написалъ одну статью, говоря по совѣсти, довольно плохо, и если бы могъ, уничтожилъ бы ее теперь. Но, не смотря на то, эта одна плохая статья доставила мнѣ минуты неоцѣненныя; кромѣ многаго другаго, скажу только одно: есть въ Москвѣ одна дѣвушка, прекрасная, умная, любезная, которую я не знаю, и которая меня отъ роду не видывала. Тутъ еще нѣтъ ничего особенно пріятнаго, но дѣло въ томъ, что у этой дѣвушки есть альбомъ, куда она пишетъ все, что ей нравится, и, вообрази, подлѣ стиховъ Пушкина, Жуковскаго и пр., списано больше половины моей статьи. Что она нашла въ ней такого трогательнаго, я не знаю; но, не смотря на то, это одно можетъ заставить писать, если бы даже въ самой работѣ и не заключалось лучшей награды.

„Кстати или не кстати: на другой день послѣ твоего отъѣзда былъ у меня А. Н. съ своею поэмою. Я уговорилъ его не печатать ее, не сдѣлавши нѣкоторыхъ поправокъ; а поправки я ему задалъ такія, что надѣюсь, будетъ работы по крайней мѣрѣ еще на годъ. Мнѣ того только и хотѣлось, ибо въ поэмѣ много хорошихъ мѣстъ, но вся она никуда не годится. Чѣмъ больше онъ будетъ поправлять ее, тѣмъ лучше. Я знаю, ты другаго мнѣнія; но если ты хочешь спорить, то я возвращусь опять къ старому припѣву: Кошелевъ, пиши стихи. Между тѣмъ пиши письма. Сдѣлай по моему, пиши рѣдко и много. Отчего бы, напримѣръ, не развивать тебѣ твои мысли объ исторіи въ письмахъ ко мнѣ! Мы будемъ спорить, толковать, и, право, это будетъ намъ обоимъ полезно, а всего полезнѣе для твоего сочиненія, ибо это заставитъ тебя невольно больше и чаще объ немъ думать. Одно условіе: пиши безъ приготовленій, что въ голову придетъ, и въ томъ порядкѣ, какъ придетъ въ голову, иначе мнѣ вѣкъ не дождаться твоего письма. Такая переписка всего лучше познакомитъ насъ съ положеніемъ другъ друга; для насъ теоретическія мысли еще жизнь; наша опытность—опытность ума; покуда мы не будемъ богаче дѣлами, чѣмъ мыслями, до тѣхъ поръ, вмѣсто вопросовъ о здоровьѣ, о житьѣ-бытьѣ и пр., намъ надо спрашивать другъ у друга: какія перемѣны въ вашемъ образѣ мыслей? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ мы скажемъ все. Въ старости будетъ у насъ другая переписка.

„Твоимъ мыслямъ о Cousin я очень радъ. Что ты говоришь объ его лекціяхъ, я то же думалъ объ его fragments philosophiques. Но я еще больше радъ тому, что тебѣ нравится Гердеръ. Не испорченность ума, какъ ты думаешь, но бо̀льшая зрѣлость заставляетъ тебя предпочитать поэтическое сухимъ выкладкамъ. Самъ Шеллингъ—поэтъ тамъ, гдѣ даетъ волю естественному стремленію своего ума. Только необходимость приноравливаться къ ограниченному понятію читателей заставляетъ его иногда быть сухимъ. Но, мнѣ кажется, онъ въ этомъ ошибся: кто не понялъ мысль чувствомъ, тотъ не понялъ ее, точно также какъ и тотъ, кто понялъ ее однимъ чувствомъ. Но для меня непонятно то, что ты говоришь о пламенной любви Гердера ко вселенной. Что такое любовь ко вселенной? Ты что-то не то хотѣлъ сказать.

„Было у меня еще что-то сказать тебѣ, но теперь забылъ. Прощай. Твой Кирѣевскій“.

Въ концѣ 1829 года М. А. Максимовичъ, собираясь издать Альманахъ Денницу на 1830 годъ, убѣдилъ Кирѣевскаго написать для нея Обозрѣніе Русской Словесности за 1829 годъ. И онъ охотно занялся этою второю статьею, написанною имъ для печати, и рѣшился подъ нею, въ первый разъ, подписать свое имя.

Въ Іюлѣ 1829 года Петръ Васильевичъ Кирѣевскій отправился за границу для слушанія лекцій въ Германскихъ университетахъ. Ив. Вас. остался въ Москвѣ; онъ желалъ ѣхать въ чужіе края, прежде чѣмъ приступить къ исполненію своихъ завѣтныхъ предположеній объ изданіи журнала и заведеніи типографіи. Его приковывали къ Москвѣ другія сердечныя заботы. Иванъ Васильевичъ полюбилъ ту, которой впослѣдствіи суждено было сдѣлаться подругой его жизни, и въ Августѣ 1829 года искалъ ея руки; но предложеніе его, по нѣкоторымъ недоразумѣніямъ, не было принято. Со стороны Кирѣевскаго, это не была минутная страсть, скоропреходящее увлеченіе молодости: онъ полюбилъ всею душою, на всю жизнь, и отказъ глубоко потрясъ всю его нравственную и физическую природу. Его, и безъ того слабое, здоровье видимо разстроилось, за него стали бояться чахотки, — и путешествіе было уже предписано медиками, какъ лучшее средство для разсѣянія и поправленія разстроеннаго здоровья. Иванъ Васильевичъ выѣхалъ изъ Москвы въ началѣ Января 1830 г.—и 11-го Января былъ уже въ Петербургѣ.

Письма Кирѣевскаго изъ-за границы.

11 Января 1830. 11 часовъ вечера.

„...Какъ провели вы нынѣшній день? Я встрѣтилъ его тяжело, а кончилъ грустно, слѣдовательно легче; я кончилъ его съ Жуковскимъ, у котораго въ комнатѣ пишу теперь. Хотѣлось бы разсказать вамъ все, что было со мною до сихъ поръ и, лучше сказать, было во мнѣ

но этого такъ много, такъ смѣшано, такъ нестройно. Оставя Москву, я уже оставилъ родину; въ ней все, что въ отечествѣ не могила, и все, что могила; я оставилъ все; на дорогу вы отпустили со мною память о вашихъ слезахъ, которыхъ я причиною. Осушите ихъ, если любите меня; простите мнѣ то горе, которое я доставилъ вамъ; я возвращусь, возвращусь скоро. Это я чувствую, разставшись съ вами. Тогда, можетъ быть, мнѣ удастся твердостью, покорностью судьбѣ и возвышенностью надъ самимъ собою загладить ту слабость, которая заставила меня уѣхать, согнуться подъ ударомъ судьбы".

Половина перваго.

„Я остановился писать, задумался и, очнувшись, уже не въ состояніи продолжать. Прощайте до завтра. Трое сутокъ я почти не спалъ, а сегодня почти ничего не ѣлъ и оттого усталъ очень, хотя здоровъ совершенно. Боюсь только, что завтра не вспомню всего, что говорилъ съ Жуковскимъ. Вы теперь еще не легли, а вы, маменька, еще, можетъ быть, долго не заснете. Чѣмъ заплачу я вамъ?"

12 Января.

„Я пріѣхалъ въ Пбргъ вчера въ два часа. Въ конторѣ дилижансовъ меня ждали уже два письма: одно отъ А. П., другое отъ Жуковскаго.— Первая пріискала для меня квартиру, а Василій Андреевичъ звалъ переѣхать прямо къ нему. Я такъ и сдѣлалъ. Жуковскій обрадовался мнѣ очень и провелъ со мною весь вечеръ, разспрашивалъ обо всѣхъ васъ, радовался моему намѣренію ѣхать учиться и совѣтовалъ ѣхать въ Берлинъ, хотя на мѣсяцъ. „Тамъ на мѣстѣ ты лучше увидишь, что тебѣ дѣлать: оставаться въ Берлинѣ, или ѣхать въ Парижъ". Послѣднее, однако, кажется, ему не нравится. Я послушаюсь его, поѣду въ Берлинъ, проведу тамъ мѣсяцъ, буду ходить на всѣ лекціи, которыя меня будутъ интересовать, познакомлюсь со всѣми учеными и примѣчательными людьми, и если увижу, что Берлинская жизнь полезнѣе для моего образованія, нежели сколько я ожидаю отъ нея, то останусь тамъ и больше... Разговоръ Жуковскаго я въ связи не припомню. Вотъ вамъ нѣкоторыя отрывочныя слова, которыя остались у меня въ памяти; вообще каждое его слово, какъ прежде было, носитъ въ себѣ душу, чувство, поэзію. Я мало съ нимъ разговаривалъ, потому что больше слушалъ, и старался удержать въ памяти все хорошо сказанное, т.-е. все похожее на него; а хорошо сказано и похоже на него было каждое слово.

„При немъ невольно теплѣешь душею, и его присутствіе даетъ самой прозаической головѣ способность понимать поэзію. Каждая мысль его— ландшафтъ съ безконечною перспективою. Вотъ что я запомнилъ изъ его разговора: „Изо всѣхъ насъ твоя мать перемѣнилась меньше всѣхъ. Она все та же, по крайней мѣрѣ такъ кажется изъ ея писемъ. Все, кажется,

она пишетъ одно письмо.—Ты будешь со временемъ писателемъ, когда поучишься хорошенько. Теперь объ этомъ еще и думать рано. У тебя въ слогѣ, сколько я читалъ твои сочиненія, есть свой характеръ;—виденъ человѣкъ мыслящій, но еще молодой, который кладетъ свои мысли на Прокрустову постель. Но со временемъ это качество можетъ быть полезно, ибо это доказываетъ привычку думать. Теперь тебѣ надо наблюдать просто, безкорыстно. Теоріи только вредны, когда мало фактовъ. Замѣчай самъ все, и не старайся подвести подъ систему твои наблюденія; бойся вытянуть карлу и обрубить ноги великану. Впрочемъ, слогъ твой мнѣ нравится. Знаешь ли, у кого ты выучился писать? у твоей матери. Я не знаю никого, кто бы писалъ лучше ея. Ея письма совсѣмъ она. Она, М. А. и А. А.—вотъ три. А. А. писала прекрасно, il y avait du génie dans son style". Тутъ пріѣхалъ Г. П. Опухтинъ, и я ушелъ въ ту комнату, которую Жуковскій отвелъ для меня. Мнѣ бы хотѣлось описать вамъ эту комнату, потому что она произвела на меня сильное впечатлѣніе своими картинами. Горница почти квадратная. Съ одной стороны два окна и зеркало, передъ которымъ бюстъ покойной Прусской королевы, прекрасное лицо и хорошо сдѣлано. Она представлена сонною. На другой стѣнѣ картины Фридрихса. По серединѣ большая: ночь, луна и подъ нею сова. По полету видно, что она видитъ; въ расположеніи всей картины видна душа поэта. Съ обѣихъ сторонъ совы виситъ по двѣ маленькихъ четвероугольныхъ картинки. Одна подарокъ Александра Тургенева, который самъ заказалъ ее Фридрихсу. Даль, небо, луна,—впереди рѣшетка, на которую облокотились трое: два Тургенева и Жуковскій. Такъ объяснилъ мнѣ самъ Жуковскій. Одного изъ этихъ мы вмѣстѣ похоронили, сказалъ онъ. Вторая картинка: ночь, море и на берегу обломки трехъ якорей. Третья картина: вечеръ, солнце только что зашло и западъ еще золотой; остальное небо, нѣжно-лазуревое, сливается съ горою такого же цвѣта. Впереди густая высокая трава, по серединѣ которой лежитъ могильный камень. Женщина въ черномъ платьѣ, въ покрывалѣ, подходитъ къ нему и, кажется, боится, чтобы кто-нибудь не видалъ ее. Эта картина понравилась мнѣ больше другихъ. Четвертая, къ ней, это могила Жидовская. Огромный камень лежитъ на трехъ другихъ меньшихъ. Никого нигдѣ нѣтъ. Все пусто и кажется холодно. Зеленая трава наклоняется кой-гдѣ отъ вѣтра. Небо сѣро и испещрено облаками; солнце уже сѣло и кой гдѣ на облакахъ еще не погасли послѣдніе отблески его лучей. Этимъ наполнена вторая стѣна противъ двери. На третьей стѣнѣ четыре картины, также Фридрихсовой работы. На одной, кажется, осень, внизу зеленая трава, на верху голыя вѣтви деревьевъ, надгробный памятникъ, крестъ, бесѣдка и утесъ. Все темно и дико. Вообще природа Фридрихсова какая-то мрачная и всегда одна. Это островъ Рюгенъ, на которомъ онъ жилъ долго. Другая картина—полуразвалившаяся каменная стѣна; на верху, сквозь узкое отверстіе, выходитъ луна.

Внизу, сквозь вороты, чуть виденъ ландштафтъ: деревья, небо, гора и зелень. Третья картина: огромная чугунная рѣшетка и двери, растворенныя на кладбище, которое обросло густою, непроходимою травою. Четвертая картина: развалины, образующія сводъ по серединѣ колонны, подлѣ которой стоитъ, облокотившись, женщина. Она обернулась задомъ, но видно, по ея положенію, что она уже давно тутъ, давно задумалась, засмотрѣлась ли на что-нибудь, или ждетъ, или такъ задумалась—все это мѣшается въ головѣ и даетъ этой картинѣ необыкновенную прелесть. Между дверью и окномъ Мадонна съ Рафаэлевой,—чей-то подарокъ. Двѣ стѣны комнаты занимаетъ угловой диванъ, подлѣ котораго большой круглый столъ—подарокъ Прусскаго принца. Онъ самъ разрисовалъ его. Когда Опухтинъ уѣхалъ, я опять пришелъ къ Ж. Ему принесли Сѣверную Пчелу и разговоръ сдѣлался литературный. Про Булгарина онъ говоритъ, что у него есть что-то похожее на слогъ и однако нѣтъ слога; есть что-то похожее и на талантъ, хотя нѣтъ таланта; есть что-то похожее на свѣдѣнія, но свѣдѣній нѣтъ; однимъ словомъ, это-какой то восковой человѣкъ, на котораго разныя обстоятельства жизни положили нѣсколько разныхъ печатей, разныхъ гербовъ, и онъ носится съ ними, не имѣя ничего своего.

„Выжигинъ ему крѣпко не нравится, также и Самозванецъ; онъ говорилъ это самому Булгарину, который за то на него сердится. Юрій Милославскій ему понравился очень. Я показывалъ ему дѣтскій журналъ и сочиненія. Онъ прочелъ все, съ большимъ удовольствіемъ, смѣялся и особенно радовался повѣстью, которую хвалилъ на каждомъ почти словѣ. Разспрашивалъ объ нашемъ житьѣ-бытьѣ, взялъ мою статью на ночь и улегся спать. На другой день говорилъ, что она ему не понравилась. Опять Прокрустова постель, говоритъ онъ. Гдѣ нашелъ ты литературу? Какая къ чорту въ ней жизнь? Что у насъ своего? Ты говоришь объ насъ, какъ можно говорить только объ Нѣмцахъ, Французахъ и проч. Душегрѣйка ему не понравилась, о Баратынскомъ также; однимъ словомъ, онъ почти ничего не похвалилъ. Говоритъ, однакоже, что эта статья также хорошо написана, какъ и первая, и со временемъ изъ меня будетъ прокъ, только надобно бросить Прокрустову постель.

„... Потомъ я отправился къ Титову и Кошелеву. Обѣдали мы вмѣстѣ съ Жуковскимъ, который остался дома нарочно для меня; разспрашивалъ про Долбино, про Мишенское. Всѣ дома, говоритъ онъ, всѣ слѣды прежняго уже не существуютъ. Въ Москвѣ я не узналъ ни одного дома; они сгорѣли, перестроены, уничтожены; въ Мишенскомъ также, въ Муратовѣ также. И это, казалось ему, было отмѣнно грустно. Послѣ обѣда онъ легъ спать въ моей комнатѣ; я также. Въ вечеру онъ отправился въ Эрмитажъ, а ко мнѣ пришелъ Кошелевъ и увелъ меня къ Одоевскому, гдѣ ждалъ Титовъ. Кошелевъ и Титовъ оба зовутъ меня переѣхать къ нимъ; но кажется, что я не стѣсняю Ж.—Здѣсь я оста-

С.С.С.Р.
ИНСТИТУТ
Ц. И. К.

нусь до слѣдующей середы, до 22-го Января. Въ своихъ я нашелъ здѣсь еще больше дружбы и теплоты, нежели сколько ожидалъ. Говоря свои, я разумѣю Титова и Кошелева. Вчерашній вечеръ у Одоевскихъ была совсѣмъ Москва.

„Я былъ вчера въ Казанскомъ соборѣ и слушалъ Евангеліе, загадавши, но не разслушалъ ни однаго слова, кромѣ послѣдняго: „И возвратится въ домъ свой".

„Прощайте, пора на почту".

Отъ 14-го Января.

„... Оттуда я пошелъ осматривать Петербургскія улицы и зашелъ въ лавку къ Смирдину. Вертеръ, который у него былъ, уже весь проданъ *). Онъ проситъ прислать ему экземпляровъ 20 на комиссію. Полеваго Исторіи у него разошлось около 200 экз., т. е. почти всѣ, на которые онъ подписался. Юрій Милославскій былъ разхваченъ въ одну минуту. и теперь его въ Петербургѣ нельзя найдти до новаго полученія изъ Москвы. Видѣлъ тамъ Денницу, и ея изданіе мнѣ очень понравилось. Скажите это Максимовичу, которому кланяются всѣ здѣшніе и я включительно. Выйдя изъ лавки Смирдина, я озябъ порядочно и отправился обѣдать къ Демуту, оттуда къ Титову, тамъ домой. Въ вечеру явились Тит. и Одоевск., съ которыми мы просидѣли до часу ночи. Жуковскій, который сидѣлъ вмѣстѣ съ нами, былъ очень милъ, веселъ, любезенъ,—не смотря на то, что его глаза почти слипались, какъ говоритъ Вася, ибо онъ обыкновенно ложится въ 10 часовъ. Онъ разсказывалъ много интереснаго про свое путешествіе, про Жанъ-Поля, говорилъ объ Исторіи Полеваго, объ Юріи Милославскомъ и пр., словомъ выискивалъ разговоръ общезанимательный. Я еще не описалъ вамъ его образа жизни, потому что не хорошо знаю его и не успѣлъ распросить всего подробно. Я выѣзжаю отсюда ровно черезъ недѣлю, потому отвѣтъ на это пишите ко мнѣ въ Берлинъ, poste-restante".

Отъ 15 Января.

„... Я всякій день вижусь съ своими Петербургцами: съ Титовымъ, Кошелевымъ, Одоевскимъ и Мальцевымъ. Пушкинъ былъ у насъ вчера и сдѣлалъ мнѣ три короба комплиментовъ объ моей статьѣ. Жуковскій читалъ ему дѣтскій журналъ, и Пушкинъ смѣялся на каждомъ словѣ,— и все ему понравилось. Онъ удивлялся, ахалъ и прыгалъ; просилъ Жуковскаго „Зиму" напечатать въ Литературной газетѣ, но Ж. не далъ. На Литературную газету подпишитесь непремѣнно, милый другъ папенька; это будетъ газета достоинства Европейскаго; большая часть статей въ ней будетъ писана Пушкинымъ, который открылъ средство

---

*) Переводъ Н. М. Рожалина, изданный Елагинымъ.

въ критикѣ, въ простомъ извѣщеніи объ книгѣ, быть такимъ же необыкновеннымъ, такимъ же поэтомъ, какъ въ стихахъ. Въ его извѣщеніи объ исповѣди Амстердамскаго палача вы найдете, какъ говоритъ Жуковскій, и умъ, и приличіе, и поэзію вмѣстѣ.

„... Жуковскаго опять нѣтъ дома, у него почти нѣтъ свободной минуты; оттого немудрено ему лѣниться писать. Вчера однако мы видѣлись съ нимъ на минуту поутру и вмѣстѣ провели вечеръ съ Пушкинымъ“.

17 Января.

„... Дни мои проходятъ все однимъ манеромъ. Поутру я встаю поздно часовъ, въ 11, пишу къ вамъ, потомъ одѣваюсь, кто нибудь является ко мнѣ, или я отправляюсь куда нибудь; потомъ обѣдаю по большей части въ трактирѣ,—послѣ обѣда я сплю, или гуляю: въ вечеру, если дома, то съ Жуковскимъ, а если не дома, то съ Петербургскими Московцами; потомъ ѣду къ вамъ въ Москву, т.-е. ложусь спать: въ эти два часа, которые проходятъ между раздѣваньемъ и сномъ, я не выхожу изъ-за Московской заставы. Вчера Жуковскій сдѣлалъ вечеръ, какъ я уже писалъ къ вамъ; были всѣ, кого онъ хотѣлъ звать выключая Гнѣдича, мѣсто котораго заступилъ Василій Перовскій, и, слѣдовательно, число 12 не разстроилось. Жуковскій боялся тринадцати, говоря, что онъ не хочетъ, чтобы на моемъ прощальномъ вечерѣ было несчастное число. Чтобы дать вамъ понятіе о Крыловѣ, лучше всего повторить то, что говоритъ объ немъ Жуковскій, т.-е. что это славная виньетка для его басень: толстый, пузатый, сѣдой, чернобровый, кругломордый, старинный, въ каждомъ движеніи больше смѣшной, чѣмъ острый.—Пришелъ Мальцевъ. Прощайте до завтра“.

20 Января.

„Неужели вы не получаете моихъ писемъ, тогда какъ я писалъ каждый день, три раза во время дороги и здѣсь уже разъ 12? Не носятъ ли писемъ моихъ кому другому? Нѣтъ ли другой Елагиной у Красныхъ воротъ? Если вы теперь получили мои письма, то вы видѣли изъ нихъ, что вчера я еще разъ осматривалъ Эрмитажъ. Я употребилъ на это три часа; стоялъ передъ нѣкоторыми картинами болѣе $^1/_4$ часа и потому все еще не видалъ большей половины какъ должно. Оттуда я отправился къ Dubois, (это родъ Andrieux), гдѣ меня ждали Титовъ и Кошелевъ; оттуда къ Одоевскому, потомъ домой, гдѣ проспорилъ съ Васильемъ Андреевичемъ до 1-го о Фламандской школѣ, и, кажется, опять оставилъ о себѣ такое же мнѣніе, какое онъ имѣлъ обо мнѣ послѣ перваго нашего свиданія въ 26 году. Но я не раскаиваюсь; когда нибудь мы узнаемъ другъ друга лучше. Онъ читалъ мнѣ нѣкоторые стихи свои давнишніе, но мнѣ неизвѣстные: къ фрейлинамъ, къ Нарышкину, на заданныя риѳмы и проч. Cette pro-

fanation du génie m'a choqué. Теперь онъ не пишетъ ничего, и тѣмъ лучше. Поэтическое дѣло важнѣе поэтическихъ стиховъ. Но окончивши, ему опять хочется возвратиться къ поэзіи и посвятить остальную жизнь Греческому и переводу Одиссеи.

„Если бы я могъ высказать вамъ всю дружбу, которую мнѣ показываютъ здѣсь всѣ наши, то вѣрно доставилъ бы вамъ этимъ большое удовольствіе; — особенно Кошелевъ, который обходится со мною такъ, какъ только дѣлается между родными братьями. Жуковскій надавалъ мнѣ кучу рекомендательныхъ писемъ въ Берлинъ и Парижъ; кромѣ того подарилъ мнѣ свою дорожную чернилицу и ящикъ съ складными перьями. Онъ читалъ письма Петрушины и говоритъ объ нихъ съ большимъ чувствомъ. Въ самомъ дѣлѣ письма брата такъ хороши, что по нимъ можно узнать его. Жуковскій обѣщается писать къ вамъ послѣ моего отъѣзда, и я увѣренъ, что сдержитъ слово. Напишите мнѣ въ Берлинъ все, что онъ скажетъ обо мнѣ. По многимъ причинамъ мнѣ это будетъ отмѣнно интересно. Если можно, пишите обо всемъ, что для меня можетъ быть интересно и что мнѣ весело будетъ узнать и что нѣтъ,—только бы я зналъ“.

Письмо В. А. Жуковскаго.

Середа 21 Января, Спб. 1830.

„. . . . Нынче въ 10 часовъ отправился нашъ милый странникъ въ путь свой, здоровый и даже веселый. Мы съ нимъ простились у самаго дилижанса, до котораго я его проводилъ. Ему будетъ хорошо ѣхать. Повозка теплая, просторная; онъ не одинъ; хлопотъ не будетъ никакихъ до самаго Берлина. Дорога теперь хороша, и ѣзда будетъ скорая. Въ Берлинѣ ему будетъ, надѣюсь, пріятно. Я снабдилъ его письмами въ Ригу, Берлинъ и Парижъ. Въ Ригѣ одинъ мой добрый пріятель поможетъ ему уладить свои экономическія дѣла, то есть размѣнять деньги выгоднѣйшимъ образомъ. Въ Берлинѣ мое письмо познакомитъ его прозаически съ нашимъ посломъ, который дастъ ему рекомендательныя письма далѣе, и поэтически съ Гуфландомъ, который потѣшитъ душу его своею душою. Въ Парижѣ онъ найдетъ Тургенева, котораго я просилъ присосѣдить его къ себѣ, и быть ему руководцемъ на Парижскомъ паркетѣ. Для меня онъ былъ минутнымъ милымъ явленіемъ, представителемъ яснаго и печальнаго, но въ обоихъ образахъ драгоцѣннаго прошедшаго, и веселымъ образомъ будущаго, ибо, судя по немъ и по издателямъ нашего домашняго журнала (особливо по знаменитому автору заговора Катилины) и еще по Мюнхенскому нашему медвѣженку, въ вашей семьѣ заключается цѣлая династія хорошихъ писателей — пустите ихъ всѣхъ по этой дорогѣ! Дойдутъ къ добру. Ваня—самое чистое, доброе, умное и даже философи-

ческое твореніе. Его узнать покороче весело. Вы напрасно такъ трусили его житья-бытья въ Петербургѣ: онъ не дрожалъ отъ холода, не терпѣлъ голода въ трактирѣ; онъ просто жилъ у меня подъ роднымъ кровомъ, гдѣ бы и вамъ было мѣсто, если бы вы его проводить вздумали, и напрасно не вздумали. Къ несчастію, по своимъ занятіямъ, я не могъ быть съ нимъ такъ много, какъ бы желалъ, но все мы пожили вмѣстѣ. Я познакомилъ его съ нашими отборными авторами; показывалъ ему Эрмитажъ. Болѣе вмѣстѣ нигдѣ быть не удалось. Но Петербургъ отъ него не убѣжитъ: черезъ 2 года вы пріѣдете его встрѣтить здѣсь, и вмѣстѣ съ нимъ и со мною все осмотрите. Удивляюсь, что вы не получали писемъ отъ него. Онъ писалъ ихъ нѣсколько разъ съ дороги и почти всякій день изъ Петербурга. Я не писалъ отъ того, что онъ писалъ. Теперь пишу объ немъ, чтобы вы были совершенно спокойны на его счетъ: здоровъ и веселъ. До извѣстной вамъ раны я не прикасался, дорога затянетъ ее. . .“.

Письма И. В. Кирѣевскаго.

27 Января, Воскресенье, Рига.

„Вотъ онъ *я*, въ Ригѣ. Вчера въ вечеру пріѣхалъ и вчера же отправился съ письмомъ отъ Жук. къ прокурору Петерсону, которымъ studiosus Петерсонъ стращалъ станціонныхъ смотрителей. Этотъ прокуроръ Петерсонъ принялъ меня какъ роднаго, какъ друга. Но въ будущемъ письмѣ я опишу это подробно. Сегодня цѣлый день провелъ я въ расхаживаньи, въ разъѣздѣ по городу, котораго достопримѣчательности показывалъ мнѣ этотъ милый толстый прокуроръ. Сейчасъ изъ Муссы, гдѣ видѣлъ Нѣмцевъ, которые еще Vorschmack тѣхъ Нѣмцевъ къ которымъ ѣду. Въ Дерптѣ я не былъ у бабушки, потому что проѣзжалъ черезъ Дерптъ въ 2 часа ночи; но видѣлъ ихъ домъ и отсюда пошлю ваше письмо, вмѣстѣ съ своимъ и съ вашимъ образомъ. Прощайте, уже 1 часъ, а завтра мнѣ надо вставать въ 6, мѣнять деньги, пить кофе у Петерсона и перемѣнить паспортъ, который оказался недѣйствительнымъ, ибо по новому постановленію онъ живетъ только три недѣли. Найду ли я на почтѣ письмо отъ васъ? Я оставлю здѣсь у Петерсона подробное описаніе моего отъѣзда изъ Петербурга сюда до послѣдняго часа отсюда въ Кенигсбергъ. Петерсонъ отправитъ это на слѣдующей почтѣ“.

27 Января.

„Я ошибся вчера числомъ и вмѣсто 26 поставилъ 27. Сегодня, т.-е. въ Понедѣльникъ, я послѣдній день въ Ригѣ и завтра вмѣстѣ съ свѣтомъ выѣзжаю въ Кенигсбергъ, куда нанялъ извощика за 40 руб. сер. Это очень дешево по мнѣнію цѣлой Риги, потому что я познако-

мился почти съ цѣлой Ригой у милаго, почтеннаго, толстаго, добраго Петерсона, который совершенно плѣнилъ меня своею добротою, добродушіемъ, готовностію къ добру и умѣньемъ его дѣлать. Весело видѣть человѣка, котораго почти каждая минута посвящена пользѣ и добру. Онъ пользуется здѣсь всеобщимъ уваженіемъ и заслуживаетъ его болѣе, чѣмъ кто другой. Das Rechte—вотъ его цѣль, его любовь, его божество. Въ два или три дня, которые я пробылъ здѣсь, я успѣлъ уже узнать его такъ хорошо, что готовъ отвѣчать головою за каждый его поступокъ. Право, онъ успѣлъ уже сдѣлать столько хорошаго, показать столько доброты, сколько у другаго частнаго человѣка растянется на всю жизнь. Въ исполненіи своей должности онъ отличается какимъ-то рыцарствомъ законности, независимостію отъ посторонникъ толковъ и частныхъ волей (какъ вы говорите), самостоятельностію характера, твердостію, прямотою, и необыкновеннымъ знаніемъ дѣла и людей. Вотъ общая молва объ немъ всего города. Комната его съ утра до вечера набита людьми, изъ которыхъ одни приходятъ просить у него совѣта, другіе помощи, третьи услуги, четвертые приходятъ толковать о городскихъ новостяхъ, пятые ничего не дѣлать, и для всѣхъ для нихъ достанетъ у него времени, охоты и веселости. Теперь особенно домъ его набитъ народомъ, потому что все почетное дворянство Остзейскихъ провинцій съѣхалось сюда провожать маркиза Паулучи, который черезъ недѣлю ѣдетъ въ Италію, оставляя свое мѣсто графу Палену. Со мной Петерсонъ обошелся такъ, какъ обходятся съ 20-лѣтнимъ другомъ. Но я разскажу вамъ все подробно: изъ Петербурга выѣхалъ я 22-го. Жуковскій, Мальцевъ, Титовъ и Кошелевъ провожали меня въ контору дилижансовъ. Всѣ провожавшіе меня обѣщались въ тотъ же день писать къ вамъ. Напишите, кто сдержитъ слово. Дорога была довольно безпокойна, потому что дилижансы изъ Петербурга въ Ригу устроены скверно. Черезъ Дерпть я проѣхалъ въ 2 часа ночи и не видалъ никого и ничего. Но только дышать Дерптскимъ воздухомъ и знать, что здѣсь университетъ, здѣсь Ласточка и проч.—все это такъ живо напоминаетъ нашего Петерсона и Языкова, что мнѣ было въ Дерптѣ и весело и скучно. Въ Ригу я пріѣхалъ 25-го въ 12 часовъ, остановился въ трактирѣ Петербургъ, напился кофе, выбрился, разложился; между тѣмъ пришло время обѣда, послѣ котораго я улегся спать и въ осьмомъ часу отправился къ прокурору Петерсону. У него я засталъ большое общество и музыку. Онъ самъ маленькій, толстый, плѣшивый, въ тепломъ пестромъ халатѣ, сидитъ важно посреди комнаты въ большихъ креслахъ, которыя едва вмѣщаютъ его персону. Когда я отдалъ ему письмо отъ Жуковскаго и назвалъ свое имя, онъ вскочилъ, бросился обнимать меня и пришелъ въ совершенный восторгъ. Когда первый порывъ его кончился, прерванная музыка доигралась, то онъ повелъ меня въ другую комнату, прочелъ письмо Жуковскаго, говорилъ много объ немъ въ Дерптѣ, съ большимъ чувствомъ,

съ большою душою, и разстроганный разговоромъ и воспоминаніемъ, досталъ кошелекъ, который подарила ему A. A. W. при прощаніи, и поцѣловалъ его со слезами, говоря, что это лучшее сокровище, которое онъ имѣетъ. На другой день этотъ кошелекъ отдавалъ мнѣ на память.—Нужно ли еще разсказывать вамъ, какъ онъ обходился со мною? Интереснаго я въ Ригѣ видѣлъ: 1) Die Domkirche, гдѣ недавно отвалился камень и открылся замуравленный человѣкъ: это былъ рыцарь, заколовшій епископа въ этой же церкви. Вотъ повѣсть для Погодина. Церковь сама стара только снаружи, внутри все перекрашено, выбѣлено и—чисто. 2) Домъ Шварцгейптеровъ, das Schwarzhäupterhaus, котораго зала превращена въ новую, но изъ подъ новаго можно отгадать и весело отгадывать бывшее старое. Я многое осматривалъ еще, но интереснаго, кромѣ этого, не видалъ; былъ однако въ Муссѣ, смотрѣлъ водопроводъ и безпрестанно гляжу на памятникъ 12-го года, который стоитъ передъ моими окнами. Это такая же холодная металлическая слава, какая стоитъ у насъ на Красныхъ воротахъ, только вмѣсто Красныхъ воротъ узенькая колонна, вмѣсто Москвы Рига, вмѣсто—и проч. Забылъ еще интересное: постыдный столпъ, къ которому привязывали преступниковъ.—Довольны ли вы моею аккуратностію? Чего я не разсказалъ, то вы можете легко отгадать. Отъ васъ же писемъ здѣсь нѣтъ и Богъ знаетъ будутъ ли?“

$^{11}/_{23}$ *Февраля. Берлинъ.*

„Сегодня рожденіе брата. Какъ-то проведете вы этотъ день? Какъ грустно должно быть ему! Этотъ день долженъ быть для всѣхъ насъ святымъ: онъ далъ нашей семьѣ лучшее сокровище. Понимать его возвышаетъ душу. Каждый поступокъ его, каждое слово въ его письмахъ обнаруживаютъ не твердость, не глубокость души, не возвышенность, не любовь, а прямо величіе. И этого человѣка мы называемъ братомъ и сыномъ!

„Вчера получилъ я ваши письма, ваши милыя, святыя письма. Чувство, которое они дали мнѣ, я не могу ни назвать, ни описать. На каждое слово ваше я отвѣчалъ вамъ слезою, а на большую часть у васъ недостаетъ словъ. Не удивляйтесь этому: съ нѣкотораго времени я выучился плакать. Однако не толкуйте этого дурно; напротивъ, вообще я сталъ покойнѣе, яснѣе, свѣжѣе, чѣмъ въ Москвѣ.—За чѣмъ спрашиваете вы, борюсь ли я самъ съ собою? Вы знаете, что у меня довольно твердости, чтобы не пережевывать двадцать разъ одного и того же. Нѣтъ, я давно уже пересталъ бороться съ собою. Я покоенъ, твердъ и не шатаюсь изъ стороны въ сторону, иду вѣрнымъ шагомъ по одной дорогѣ, которая ведетъ прямо къ избранной цѣли. Мысли, въ несбытности которыхъ я разъ убѣдился, для меня умерли, безъ воскресенія. Слѣдъ, который онѣ оставили въ душѣ, не ослабляетъ ее,

но укрѣпляетъ. Не знаю, поймете ли вы меня, по крайней мѣрѣ вѣрьте, что это такъ. Мои намѣренія, планы, мечты получили какую-то осѣдлость. Я сталъ такъ дѣятеленъ, какъ не былъ никогда. На жизнь и на каждую ея минуту я смотрю какъ на чужую собственность, которая повѣрена мнѣ на честное слово, и которую слѣдовательно я не могу бросить на вѣтеръ. Иногда мнѣ кажется, что такое состояніе души и его причина есть особенное благодѣяніе моего Ангела Хранителя, въ котораго я вѣрю. Я не рожденъ былъ къ нему. Но можетъ быть оно спасетъ меня отъ ничтожества и сдѣлаетъ достойнымъ братомъ моего брата, возвышеннаго, сильнаго. Если бы можно было пережить снова, то я опять дѣйствовалъ бы такъ же, какъ прежде; но теперь если бы все перемѣнилось, я уже не возвратился бы назадъ, а остался бы вѣренъ теперь избранной дорогѣ.

Въ Берлинъ пріѣхалъ я третьяго дня къ вечеру и едва, едва могъ отыскать комнату въ трактирѣ: такъ весь городъ набитъ проѣзжими, которые отправляются на Франкфуртскую ярмарку. Завтра надѣюсь переѣхать на особенную квартиру, которую отыскалъ мнѣ молодой Петерсонъ, сынъ Рижскаго прокурора, получившій въ наслѣдство отъ отца все его добродушіе и обязательность. Онъ покуда единственный человѣкъ, съ которымъ я познакомился въ Берлинѣ. Надѣюсь однако, что не оставлю ни одного примѣчательнаго человѣка, которыхъ здѣсь какъ въ морѣ песку, съ которымъ бы, по крайней мѣрѣ, я не попробовалъ познакомиться. Въ Кенигсбергѣ я провелъ вечеръ у профессора Штруве, филолога и брата Дерптскаго. Я имѣлъ къ нему письмо отъ стараго Петерсона и узналъ въ немъ человѣка отмѣнно любопытнаго, умнаго, ученаго, проницательнаго и теплаго. Черезъ полчаса мы уже были съ нимъ, какъ старые знакомые, и разстались почти какъ друзья. Все, что онъ сказалъ мнѣ интереснаго, я напишу въ письмѣ къ Баратынскому, вмѣстѣ съ подробнымъ описаніемъ моего путешествія. Если всѣ Нѣмецкіе ученые такъ доступны, какъ Штруве, то я возвращусь въ Россію не съ одной расходной книжкой. Послѣдняя, впрочемъ, не велика до сихъ поръ и могла бы быть вдвое меньше, еслибы я зналъ напередъ, гдѣ и что должно платить. Но опытность моя не должна пропасть понапрасну. Скажите Погодину, что я пришлю ему подробную роспись всѣхъ издержекъ, сдѣланныхъ мною, вмѣстѣ съ совѣтами и примѣчаніями. Но все это, вмѣстѣ съ письмомъ къ Баратынскому и съ вторымъ Берлинскимъ письмомъ къ вамъ, я пришлю черезъ мѣсяцъ, а можетъ быть и меньше. А вы, ради Бога, пишите ко мнѣ два раза въ мѣсяцъ, и если можно еще больше, еще подробнѣе. Говорите меньше обо мнѣ и больше объ васъ: это тотъ же я, только лучше, больше интересный для худшаго. Голубушка, милая сестра! исполни свое обѣщаніе, пиши всякій день и больше. Сегодня я видѣлъ тебя во снѣ такъ живо, такъ грустно, какъ будто въ самомъ дѣлѣ. Мнѣ казалось, что вы опять собираете меня въ дорогу, а Маша

сидить со мною въ залѣ подлѣ окна и держитъ мою руку и уставила свои глазки на меня, изъ которыхъ начинаютъ выкатываться слезки. Мнѣ опять стало такъ же жаль ее, какъ въ день отъѣзда, и все утро я сегодня плакалъ, какъ ребенокъ. Умѣлъ однако спрятать слезы, когда пришелъ Юлій Петерсонъ. Вообще не бойтесь моей излишней довѣрчивости. Что для меня свято, тѣмъ помыкаться я не могу, еслибы и хотѣлъ; либо полное участіе, либо никакого, было моимъ всегдашнимъ правиломъ, и я тѣмъ только дѣлюсь съ другими, что они могутъ вполнѣ раздѣлить со мною".

13 Февраля.
25 Февраля.

Я былъ два раза на лекціи у Риттера. Онъ читаетъ географію, и покуда я останусь въ Берлинѣ, не пропущу ни одной его лекціи, несмотря на то, что, онъ читаетъ въ одинъ часъ съ Hegel'емъ. Одинъ часъ передъ его каѳедрой полезнѣе цѣлаго года одинокаго чтенія. Каждое слово его было для меня новостью, ни одна мысль не пахнетъ общимъ мѣстомъ. Все обыкновенное, проходя черезъ кубикъ его огромныхъ свѣдѣній, принимаетъ характеръ геніальнаго, всеобъемлющаго. Все факты, все частности, но въ такомъ порядкѣ, въ такой связи, что каждая частность кажется общею мыслію. Даже въ отдѣльности почти каждая частность была для меня новостью. Присоедините къ этому даръ слова отмѣнно пріятный, спокойный и немножко поэтическій, и вы поймете, почему я предпочитаю его Hegel'ю, котораго впрочемъ я еще не слыхалъ. Кромѣ Риттера, я буду еще слушать Раумера, профессора новѣйшей исторіи, Stuhr, также профессора исторіи 18-го столѣтія, и, можетъ быть, нѣкоторыхъ другихъ, о которыхъ отдамъ отчетъ слышавши ихъ. Каждую лекцію я буду записывать и присылать вамъ экстракты всего интереснаго; это будетъ для Петерсона и для тѣхъ, кому онъ захочетъ показать. Я былъ также на лекціи Риттера, когда онъ читалъ географію Палестины, но только для того, чтобы увидѣть и удивляться его манерѣ. Но такъ какъ эти подробности меня не очень интересуютъ, то я ограничусь одною всеобщею географіею. Комнату я нанялъ особенную, хорошенькую, чистую, меблированную, съ постелью, полотенцами для умыванья и пр., пр., пр., и плачу въ мѣсяцъ 6 талеровъ, т.-е. около 22 руб. Не познакомился я еще ни съ кѣмъ, кромѣ здѣшнихъ Русскихъ студентовъ, изъ которыхъ большая часть взята изъ семинаріи и воротится въ Россію такими же неумытыми, какими пріѣхали сюда. Завтра отправлюсь къ Радовицу, къ которому Жуковскій далъ мнѣ письмо, оттуда къ Барону Мальтицу, оттуда къ Посланнику, оттуда къ Гуфланду. Обо всемъ напишу вамъ подробно въ слѣдующемъ письмѣ, за которое готовьтесь платить рублей 20, потому что это будетъ не письмо, а тетрадь. Письма къ вамъ мой журналъ. Не смотря на то, или именно потому, не ждите найдти

въ нихъ многаго обо мнѣ самомъ. Я теперь то, что̀ внѣ меня; то, что̀ я вижу, то, что̀ я слышу—плюсъ нѣсколько мыслей объ Москвѣ, одинакихъ, неизмѣнныхъ, какъ Господи помилуй. Одна только перемѣна можетъ быть и бываетъ въ этихъ мысляхъ: большее или меньшее безпокойство объ васъ. Вотъ почему прошу васъ всѣмъ сердцемъ, пишите ко мнѣ больше и чаще..... Уѣзжая я думалъ, что меня будутъ интересовать подробности объ моей статьѣ; вообразите, что это было самое не интересное мѣсто въ вашемъ письмѣ, если что нибудь можетъ быть не интересно въ вашемъ письмѣ. Это письмо, я думаю, вы получите 1-го марта. Поздравляю всѣхъ васъ и обнимаю крѣпко, крѣпко. Прощайте до черезъ мѣсяцъ. Въ Берлинѣ я останусь до 1-го Апрѣля, т.-е до конца лекцій".

20 Февраля.
4 Марта.

„Вы, конечно, не позабыли, что обѣщали мнѣ писать черезъ 2 недѣли послѣ 27 Января; а вотъ уже 4-е Марта, т.-е. 20-е Февраля, а отъ васъ еще нѣтъ ни слова. Вы также вѣрно помните, что послѣднее письмо ваше было для меня не совсѣмъ понятно, потому что многое въ немъ было продолженіемъ того, что вы писали ко мнѣ въ Ригу и что, слѣдовательно̀, до меня не дошло. Къ тому же корь, шпанская муха, ваше безпокойство, нездоровье, безсонныя ночи, требовали бы отъ васъ скорѣйшаго извѣстія. Я пишу къ вамъ это для будущаго, потому что надѣюсь отъ васъ получить прежде, чѣмъ вы получите это письмо. Къ брату писалъ почти тотчасъ по пріѣздѣ и безпрестанно жду отвѣта. Я звалъ его на будущій семестръ въ Берлинъ, надѣясь, что здѣшній университетъ будетъ для него полезнѣе Мюнхенскаго. Но теперь вижу, что ошибся. Историческія лекціи здѣсь не стоятъ ни гроша, не потому, чтобы профессора не были люди ученые, и особенно въ своей части, но потому, что они читаютъ отмѣнно дурно. Штуръ читаетъ исторію 18-го вѣка по тетрадкѣ, написанной весьма посредственно, съ большими претензіями на краснорѣчіе, слѣдовательно дурно. Раумеръ, славный ученый Раумеръ, всю лекцію наполняетъ чтеніемъ реляцій и другихъ выписокъ изъ публичныхъ листовъ. Эти реляціи и выписки по большей части на Французскомъ языкѣ; вообразите же, какъ пріятно передаютъ ихъ Нѣмецкія уста! Нѣмецкія остроты ихъ еще пріятнѣе. Особенно острятся Штуръ и Раумеръ. Когда удается имъ сказать что нибудь соленое, т. е. соленое на Нѣмецкій вкусъ, то они такъ обрадуются этой находкѣ, что жуютъ и пережевываютъ свою соль до тѣхъ поръ, пока она совершенно распустится, а между тѣмъ вся аудиторія громко хохочетъ. Вообще исторія здѣсь не въ большомъ уваженіи, и тогда какъ въ Университетѣ больше 2,000 студентовъ, у профессоровъ исторіи ихъ бываетъ отъ 40 до 50 человѣкъ. У Раумера на предпослѣдней лекціи было 37, вмѣстѣ съ нимъ и со мною.—Теоло-

говъ здѣсь больше другихъ, и говорятъ, что этотъ факультетъ здѣсь въ цвѣтущемъ состояніи. Въ особенности блеститъ Берлинскій университетъ своимъ юридическимъ факультетомъ. Здѣсь Савиньи, Гансъ, Кленцъ и другіе пріобрѣли извѣстность Европейскую еще больше своими лекціями, нежели книгами. Ганса я слушалъ нѣсколько разъ; это ученикъ Гегеля и читаетъ естественное право, народное положительное право и Прусское гражданское. Онъ отмѣнно краснорѣчивъ, уменъ и милъ на каѳедрѣ, не смотря на то, что онъ крещенный Жидъ. Но этотъ Жидъ провелъ многіе года во Франціи, въ Парижѣ, и это отзывается въ каждомъ его словѣ: приличностію, блескомъ изложенія и неосновательностію свѣдѣній. Въ его лекціяхъ рѣдко можно услышать новый фактъ (выключая одной объ Жидовскомъ правѣ, гдѣ онъ сказалъ много любопытнаго); за то безпрестанныя отступленія къ общимъ мыслямъ, отступленія неумѣстныя и которыя были бы утомительны, еслибъ онъ не умѣлъ ихъ прикрасить жаромъ и даромъ слова.—Медицинскій факультетъ также, говорятъ, одинъ изъ лучшихъ въ Германіи. Но все это не то, что нужно намъ—съ братомъ. Гегель на своихъ лекціяхъ почти ничего не прибавляетъ къ своимъ Handbücher. Говоритъ онъ несносно, кашляетъ почти на каждомъ словѣ, съѣдаетъ половину звуковъ и дрожащимъ, плаксивымъ голосомъ едва договариваетъ послѣднюю. Есть однако здѣсь одинъ профессоръ, который одинъ можетъ сдѣлать ученье въ Берлинѣ полезнымъ и незамѣнимымъ—это Ритеръ, профессоръ географіи. Каждое слово его дѣльно, каждое соображеніе ново и вмѣстѣ твердо, каждая мысль всемірна. Малѣйшій фактъ умѣетъ онъ связать съ бытіемъ всего земнаго шара. Присоедините къ этому простоту, ясность, легкость выраженія, краснорѣчіе истины, и вы поймете, отчего я не пропускаю почти ни одной его лекціи. Вотъ все, что я до сихъ поръ могу сказать объ здѣшнемъ университетѣ. Студенты по большей части не отличаются ничѣмъ отъ другихъ гражданъ ни въ одеждѣ, ни въ манерахъ. Немногіе только носятъ усы, еще меньшее число носитъ длинные волосы и не носитъ галстуковъ, и не больше 20 ходятъ съ бородою, и тѣ не Берлинцы, а выходцы изъ другихъ Университетовъ. Дуэли здѣсь почти также рѣдки, какъ въ нашей миролюбивой Москвѣ, и если встрѣтится гдѣ нибудь разрубленная щека, то почти навѣрное можно сказать, что она принадлежитъ лицу не Берлинскому.—Знакомствъ я до сихъ поръ сдѣлалъ не много. Былъ у посланника, который пригласилъ меня обѣдать, и я провелъ у него почти цѣлый день, вмѣстѣ съ маркизомъ Паулучи, который былъ здѣсь на два дня проѣздомъ въ Парижъ. Ни жена посланника, ни дочь не знаютъ ни одного слова по-Русски, и спрашивали меня, хорошо ли пишетъ Жуковскій. Изъ его писемъ и записокъ они отгадывали qu'il doit ecrire très joliment. Впрочемъ, онѣ любезны и со мной были очень привѣтливы за письмо Жуковскаго, котораго они очень любятъ. Кромѣ того я познакомился съ барономъ Мальтицемъ, совѣтникомъ при по-

сольствѣ, къ которому также имѣлъ письмо отъ Жуковскаго. Онъ только годъ въ Берлинѣ и провелъ 8 лѣтъ въ Соединенныхъ Штатахъ: человѣкъ отмѣнно серьезный, молчаливый, умный и немного ultra. Онъ обѣщалъ мнѣ показать все достопримѣчательное въ Берлинѣ, но до сихъ поръ еще не успѣлъ, потому что мы или не заставали другъ друга дома, или онъ былъ занятъ службою и пр. У Гуфланда я еще не былъ. Но больше всѣхъ понравился мнѣ въ Берлинѣ Радовицъ, также хорошій знакомый Жуковскаго. Твердую, богатую, многостороннюю ученость соединяетъ онъ съ душою горячею, съ мыслями оригинальными и съ добродушіемъ Нѣмецкимъ. Онъ досталъ мнѣ билетъ въ здѣшній музей, который я осматривалъ съ однимъ молодымъ, но уже извѣстнымъ живописцемъ Rühl, съ которымъ я познакомился у Радовицей. Она, или Frau Majorin von Radowitz, молодая, хорошенькая, очень умная, очень добрая и очень любезная женщина, особенно пріятна простотою своего обхожденія....

„Скажите Погодину, что я ему пришлю для журнала выписку изъ моего журнала, заключающую въ себѣ дорогу отъ Кенигсберга до Берлина, т. е. больше всего описаніе Маріенбурга. Если Дельвигъ въ Москвѣ, то скажите ему, что онъ можетъ получить отъ меня статью объ религіозномъ направленіи ума въ Германіи. Кстати: я слышалъ проповѣди Шлейермахера, славнаго переводчіка Платона, одного изъ краснорѣчивѣйшихъ проповѣдниковъ Германіи, одного изъ замѣчательнѣйшихъ теологовъ и философовъ, одного изъ лучшихъ профессоровъ Берлина, и человѣка имѣющаго весьма сильное вліяніе на высшій классъ здѣшней столицы и на религіозныя мнѣнія всей протестантской Германіи. За то, послѣ Гегеля, можетъ быть нѣтъ человѣка, на котораго бы больше нападали, чѣмъ на него. Но прежде чѣмъ я оставлю Берлинъ, я постараюсь покороче познакомиться съ его сочиненіями и съ нимъ самимъ, и тогда напишу объ немъ подробно. Въ театрѣ я былъ нѣсколько разъ, видѣлъ всѣхъ лучшихъ актеровъ и въ хорошихъ піесахъ, но больше не пойду, потому что ни одно представленіе мнѣ не пришлось по вкусу. Тасса—Гете я смотрѣлъ даже съ досадой, не смотря на то, что его играли лучшіе актеры и что почти вся публика была въ восторгѣ. Можетъ быть я ошибаюсь, но мнѣ казалось, что ни одинъ актеръ не понялъ поэта, и одинокое кабинетное чтеніе этой трагедіи говоритъ въ тысячу разъ больше душѣ, чѣмъ ея представленіе. Видѣлъ новую трагедію Раупаха—Генриха VI, гдѣ, не смотря на неестественность и нехудожественность цѣлаго и частей, красота и сила стиховъ и эффектность нѣкоторыхъ сценъ невольно увлекаютъ и трогаютъ. Видѣлъ также нѣкоторыя новыя Нѣмецкія комедіи, которыя гораздо лучше на сценѣ, чѣмъ воображалъ. Во всѣхъ этихъ представленіяхъ особенное вниманіе обращалъ я на публику, и результатомъ моихъ наблюденій было то, что, не смотря на бо́льшую образованность Нѣмцевъ, они въ массѣ такъ же бездушны и глупы, какъ наши сооте-

чественники, которыми наполняются наши театры. Въ трагедіяхъ великій крикъ, особенно неумѣстный, непремѣнно аплодированъ. Все истинное, простое, естественное незамѣчено, какъ бы не было. Вообще чѣмъ больше актеры горячатся, тѣмъ больше имъ хлопаютъ; чѣмъ напыщеннѣе стихъ, тѣмъ больше восхищаетъ онъ публику. Это объясняетъ множество лирическихъ трагедій, которыми наводнена Нѣмецкая литература. Какъ это портитъ актеровъ и писателей, тому служитъ доказательствомъ Берлинскій театръ и Раупахъ. Въ комедіи Нѣмцы хохочутъ каждой глупости, аплодируютъ каждой непристойности, и на театральное лицо, которое говоритъ самыя обыкновенныя вещи и дурачится самымъ незамысловатымъ образомъ, Нѣмцы глядятъ съ какимъ-то почтеніемъ, какъ на существо другаго міра. Между всѣми восклицаніями, которыми они выражаютъ свой восторгъ, особенно повторяется das ist ein verrückter Kerl. Все, что выходитъ изъ однообразной колеи ихъ жизни и разговоровъ, кажется имъ признакомъ геніальности. Я вслушивался въ разговоры простаго народа на улицахъ и замѣтилъ, что онъ вообще любитъ шутить, но съ удивленіемъ замѣтилъ также, что шутки ихъ почти всегда однѣ и тѣ же. Сегодня онъ повторитъ съ удовольствіемъ ту же замысловатость, которую отпустилъ вчера, завтра тоже, не придумавъ къ ней ничего новаго, и, не смотря на то, повторитъ опять, покуда какой нибудь verrückter Kerl выучитъ его новому, и это новое онъ пойметъ и приметъ не прежде, какъ слышавши разъ 20 отъ другихъ. Отъ того нѣтъ ничего глупѣе, какъ видѣть смѣющагося Нѣмца, а онъ смѣется безпрестанно. Но гдѣ не глупъ народъ? Гдѣ толпа не толпа?..... Наконецъ письмо отъ васъ! Я не умѣю выразить, что мнѣ получить письмо отъ васъ! Не смотря на то, что оно грустно, что почти каждое слово въ немъ тема на цѣлый концертъ тяжелыхъ догадокъ, я читалъ его съ такимъ наслажденіемъ, котораго давно не имѣлъ. Вы знаете, какъ не люблю я говорить о томъ, что чувствую, но это считаю необходимымъ сказать вамъ, чтобы вы знали и соображались съ этимъ, писали ко мнѣ больше, чаще и подробнѣе. Вся моя жизнь съ тѣхъ поръ, какъ оставилъ Москву, была въ мысляхъ объ Москвѣ, въ разгадываньи того, что у васъ дѣлается; все остальное я видѣлъ сквозь сонъ. Ни одного впечатлѣнія не принялъ я здѣсь свѣжимъ сердцемъ, и каждый порывъ вниманія стоилъ мнѣ усилія. Судите жъ, послѣ этого, какъ живительны, какъ необходимы мнѣ ваши письма..... Я былъ, наконецъ, у Гуфланда, который былъ со мной отмѣнно милъ, показалъ мнѣ много добродушной привѣтливости и звалъ къ себѣ въ середу на вечеръ. Alle Tage und jeden Augenblick wird es mir höchst erfreulich seyn Sie zu sehen, aber Mittwochs müssen Sie mir versprechen auf jeden Fall bei mir den Abend zuzubringen, denn da versammeln sich gewöhnlich alle meine Freunde; es wird mir eine grosse Freude machen Sie mit meiner Familie bekannt zu machen.

„У Гуфланда я, можетъ быть, познакомлюсь съ нѣкоторыми учеными, которыхъ здѣсь, какъ въ Москвѣ извощиковъ. Для чего Рожалину жить съ Петрушей? Для перваго это будетъ жертва, для втораго стѣсненіе,—кому жъ польза? Петръ долженъ дѣйствовать и учиться самъ; наставника, который бы безпрестанно надсматривалъ за нимъ, дать ему мудрено и странно. Учиться вмѣстѣ съ Рожалинымъ можетъ быть пріятно (и то, судя по характеру брата, сомнительно), но пріятное и полезное не одно. Я теперь испыталъ, что учиться и вообще дѣйствовать одному и легче и успѣшнѣе. При товарищѣ онъ мѣрило нашихъ успѣховъ; одинъ никогда не доволенъ собою, боишься отдыхать и дѣлаешь въ тысячу разъ больше и лучше. Впрочемъ поговорю объ этомъ съ Рожалинымъ и съ братомъ. Отчего васъ такъ занимаютъ критики на меня? Или онѣ справедливы? Это было бы весьма удивительно отъ Булгарина и я былъ такъ увѣренъ въ невозможности этого, что Сѣверная Пчела, гдѣ разборъ моей статьи, уже двѣ недѣли здѣсь у одного изъ моихъ знакомыхъ Русскихъ, я до сихъ поръ еще не собрался со временемъ прочесть ее, хотя мы живемъ на одной улицѣ. Пойду завтра, потому что ваше участіе въ ней мнѣ не понятно, послѣ того, какъ вы напередъ знали, что Булгаринъ будетъ отвѣчать и отвѣчать съ желчью. Писать противъ него было бы неприлично и, простите мнѣ эту гордость, мнѣ кажется, это было бы унизительно защищаться отъ его нападеній. Если будете имѣть случай что нибудь послать ко мнѣ, то не забудьте прислать Максимовича альманахъ, потому что даже тѣ листочки, гдѣ была моя статья, я оставилъ въ Петербургѣ у Жуковскаго, а мнѣ хотѣлось бы прочесть мою статью брату. Живу я здѣсь въ одной изъ лучшихъ частей города между театромъ, нашимъ посланникомъ и университетомъ, подлѣ той улицы которая называется Unter den Linden, потому что на ней посажены въ 4 ряда липки. Моя улица называется die Mittelstrasse. Комната моя не велика, но свѣтла и покойна, въ ней $4^1/_2$ шага поперегъ и около 9 шаговъ въ длину, 2 окна, бюро, постель, фортепіяно, диванъ, два столика и 3 стула. Плачу въ мѣсяцъ mit Aufwartung 6 талеровъ. За кофе поутру и чай въ вечеру, за хлѣбъ, сахаръ, молоко и топку выходитъ въ недѣлю около $2^1/_2$ талеровъ. Обѣдаю я въ трактирѣ, гдѣ плачу 8 грошей, т. е. около нашего рубля. Вообще въ Берлинѣ 2-мя тысячами можно жить безъ нужды, а если разомъ устроиться на годъ, то, тративши еще меньше, можно жить еще лучше.....“

$^3/_{13}$ *Марта.*

„Сегодня только могъ я отправить къ вамъ письмо, потому что вчера слишкомъ поздно понесъ его на почту. Надѣюсь однако, что оно было не такъ далеко отъ предпослѣдняго, чтобы заставить васъ безпокоиться. Это письмо отправится къ вамъ черезъ двѣ недѣли, т. е. при отъѣздѣ моемъ изъ Берлина. Я началъ его сегодня только потому,

что доволенъ своимъ днемъ, т. е. своею сегодняшнею дѣятельностію, и чувствую, что стою награды—разговора съ вами. Начну его хвастовствомъ, т. е. отчетомъ въ сегодняшнихъ занятіяхъ. Я всталъ сегодня въ 6 часовъ. Вообще въ Берлинѣ я встаю рано. Два часа провелъ дома за умываньемъ, кофеемъ, одѣваньемъ и Шлейермахеровой догматикой. Въ 8 часовъ я былъ уже въ университетѣ у Шлейермахера же, который отъ 8 до 9 читаетъ жизнь Іисуса Христа. Сегодня была особенно интересная лекція объ воскресеніи. Но что сказать о профессорѣ?—Сказать что нибудь надобно, потому что сегодня онъ выказалъ зерно своихъ религіозныхъ мнѣній. Говоря объ главномъ моментѣ христіанства, онъ не могъ достигнуть до него иначе, какъ поднявшись на вершину своей вѣры, туда, гдѣ вѣра уже начинаетъ граничить съ философіей. Но тамъ, гдѣ философія сходится съ вѣрою, тамъ весь человѣкъ, по крайней мѣрѣ духовный человѣкъ. Коснувшись этого разбора двухъ міровъ, міра разумнаго убѣжденія и душевной увѣренности, онъ долженъ былъ разорвать всѣ понятія о ихъ взаимномъ отношеніи, представить вѣру и философію въ ихъ противоположности и общности, слѣдовательно въ ихъ цѣлостномъ, полномъ бытіи. Необходимость такой исповѣди заключалась въ самомъ предметѣ. Иначе онъ дѣйствовать не могъ, если бы и хотѣлъ; доказательство то, что онъ хотѣлъ и не могъ. Я заключаю изъ того, что онъ точно хотѣлъ избѣгнуть центральнаго представленія своего ученія, что вмѣсто того, чтобы обнять разомъ предметъ свой въ одномъ вопросѣ, онъ вертѣлся около него съ кучею неполныхъ, случайныхъ вопросовъ, которые не проникали въ глубь задачи, но только шевелили ее на поверхности, какъ напр. началось ли гніеніе въ тѣлѣ Іисуса или нѣтъ, оставалась ли въ немъ непримѣтная искра жизни, или была совершенная смерть, и проч. Но самая случайность его вопросовъ, самая боязнь — обнять вполнѣ предметъ свой, по моему мнѣнію, уже вполнѣ показываютъ его образъ мыслей. Такъ ли смотритъ истинный Христіанинъ на воскресеніе Іисуса? такъ ли смотритъ философъ нынѣшній на моментъ искупленія человѣческаго рода, на моментъ его высшаго развитія, на минутное, но полное сліяніе неба и земли? Здѣсь совокупность Божественнаго откровенія для перваго; здѣсь средоточіе человѣческаго бытія для втораго; для обоихъ задача, которая обнимаетъ все зданіе ихъ убѣжденія. Для разрѣшенія этой задачи совершенно безполезно знать, разложилась ли кровь на свои составныя части или нѣтъ, глубока ли была рана копьемъ, и точно ли въ ребра или ниже. Къ какому классу мыслящихъ людей принадлежитъ тотъ, кто съ такими вопросами приступаетъ къ такому предмету? Можно смѣло сказать, что онъ не принадлежитъ къ числу истинно вѣрующихъ, потому что для послѣднихъ вопросъ о дѣйствительной или мнимой смерти Іисуса разомъ рѣшенъ тѣмъ, что душа Его, на это время, отдѣлилась отъ тѣла; по крайней мѣрѣ, вопросъ ляжетъ передъ нимъ въ этомъ видѣ, если только для

него можетъ существовать вопросъ такого рода. Съ такимъ же правомъ, мнѣ кажется, можно сказать, что человѣкъ, который съ этой матеріальной точки смотритъ на смерть Іисуса, не принадлежитъ къ числу мыслителей нашего времени, для которыхъ вопросъ о достовѣрности воскресенія принимаетъ опять другой видъ, т. е. разлагается на два другихъ вопроса: 1) на вопросъ историческій о достовѣрности Евангелія вообще, и 2) на вопросъ умозрительный объ отношеніи чудеснаго къ естественному, или другими словами, объ отношеніи обыкновеннаго къ необыкновенному, вседневнаго къ вѣковому; ибо чудо, въ физическомъ мірѣ, также отличается отъ тѣхъ событій, которыя нашими несовершенными науками разложены на извѣстные намъ вседневные *) законы природы, какъ въ нравственномъ мірѣ геній отличается отъ толпы. Къ числу невѣрующихъ нельзя отнести Шлейермахера, потому что какъ бы ни былъ матеріаленъ образъ его объясненій, но это объясненіе совершенно очищаетъ предметъ отъ противорѣчій, а вѣру отъ сомнѣній. Кромѣ того лучшимъ доказательствомъ глубоко христіанскаго, сердечнаго расположенія Шлейермахера можетъ служить его проповѣдь, недавно имъ самимъ говоренная надъ тѣломъ страстно любимаго единственнаго сына его. То же подтвердитъ цѣлая жизнь его и энтузіазмъ значительной части его прихожанъ. Къ числу людей неглубокомыслящихъ нельзя отнести его, во первыхъ, за его превосходный, можетъ быть лучшій переводъ Платона, не выключая самаго Cousin; во вторыхъ, за его философическія сочиненія, гдѣ нѣкоторые вопросы проникнуты до дна, и рѣшены съ окончательностію мышленія самобытнаго, свободнаго, глубокаго и строго отчетливаго. Какъ же согласить эти противорѣчія? Что онъ такое? Чтобы имѣть право рѣшить этотъ вопросъ, надобно познакомиться съ его мнѣніями короче, нежели сколько я успѣлъ сдѣлать до сихъ поръ. Но до сихъ поръ вотъ какъ я понимаю его: ему также мало можно отказать въ сердечной преданности къ религіи, какъ и въ философическомъ самодержавіи ума. Но сердечныя убѣжденія образовались въ немъ отдѣльно отъ умственныхъ, и между тѣмъ какъ первые развились подъ вліяніемъ жизни, классическаго чтенія, изученія св. Отцевъ и Евангелія, вторые росли и костенѣли въ борьбѣ съ господствующимъ матеріализмомъ XVIII вѣка. Вотъ отчего онъ вѣритъ сердцемъ и старается вѣрить умомъ. Его система похожа на языческій храмъ, обращенный въ христіанскую церковь, гдѣ все внѣшнее, каждый камень, каждое украшеніе, напоминаетъ объ идолопоклонствѣ, между тѣмъ какъ внутри раздаются пѣсни Іисусу и Богородицѣ. Но если онъ остатокъ прошедшаго, не переплавленный въ составъ новѣйшаго, то все онъ примѣчателенъ, какъ одна изъ прекраснѣйшихъ и значительныхъ развалинъ XVIII вѣка. Къ XIX-му онъ принадлежитъ, во

*) Шлейермахерово выраженіе.

первыхъ, какъ интересный фактъ, во вторыхъ, какъ мыслитель, имѣющій сильное вліяніе на отсталыхъ. Я думаю, что онъ особенно былъ бы полезенъ у насъ, какъ одна изъ ловкихъ ступеней къ высшему, и переводъ его книгъ могъ бы быть важнымъ литературнымъ предпріятіемъ. Но довольно объ Шлейермахерѣ. Я заговорился объ немъ потому, что вмѣстѣ и писалъ и думалъ. Прежде обдумать этого было некогда, потому что тотчасъ послѣ его лекціи отправился къ славному Савиньи. Объ внутреннемъ достоинствѣ его преподаванія я не скажу ничего, во первыхъ потому что въ этой части мало смыслю (онъ читаетъ пандекты), а во вторыхъ потому, что прекрасный обзоръ его системы былъ изъ Revue Encyclop. переведенъ въ Телеграфѣ. Наружная форма преподаванія не можетъ быть приличнѣе, изящнѣе и проще. Въ 10 часовъ я отправился на почту, которая около 2-хъ верстъ отъ университета. Тамъ нашелъ я письмо отъ брата, милое, теплое и почти все объ васъ, объ Московской половинѣ насъ. Онъ еще не знаетъ, что у всѣхъ дѣтей была корь. Объ себѣ обѣщаетъ онъ писать на дняхъ. Оттуда отправился я въ противоположную часть города, гдѣ чинились мои часы. Оттуда въ театръ, чтобы перемѣнить билетъ. Не смотря на зарокъ, услышавши, что играютъ Гамлета, я рѣшился отправиться туда, чтобы имѣть какое нибудь понятіе о Шекспировскихъ трагедіяхъ на сценѣ; но, по несчастію, билетъ взялъ не самъ, а поручилъ одному Нѣмцу, знакомому съ дирекціей. Этотъ Нѣмецъ досталъ билетъ близкій къ сценѣ, но не театральнаго, а абонированнаго кресла. Сегодня я узналъ, что Гамлета отмѣнили, хотѣлъ перемѣнить билетъ, потому что совсѣмъ не любопытенъ былъ видѣть Клейстову Kätchen, но мнѣ не удалось, потому что билетъ былъ не отъ дирекціи, а купленъ у частнаго человѣка. Оттуда, немного уставши, пошелъ я въ университетъ отдохнуть на лекціи Ганса. Объ немъ я, кажется, уже писалъ къ вамъ. Сегодня онъ читалъ Церковное право, совершенно въ Римско-Католическомъ духѣ, что было для меня отмѣнно интересно своею новостью, а особенно тѣмъ, что этотъ Римско-Католическій духъ былъ подчиненъ духу Гегелевой философіи, и слѣдовательно этотъ католицизмъ былъ не Іезуитскій, а если можно такъ сказать, католицизмъ новѣйшаго протестантства. Оттуда въ 12 часовъ я пошелъ въ Thiergarten. единственный Берлинскій садъ и который лежитъ подлѣ самаго города. Оттуда въ трактиръ обѣдать, оттуда въ университетъ къ Вилькену, сочинителю Крестовыхъ походовъ, который читаетъ отъ 2-хъ до 4-хъ. Вообразите, какъ я долженъ былъ удивиться войдя въ аудиторію Вилькена, когда нашелъ ее совершенно пустою! Черезъ нѣсколько минутъ вошли 3 человѣка и скоро за ними Вилькенъ. Мы четверо сѣли на лавку, передъ нами профессоръ, и что же? вмѣсто исторіи среднихъ вѣковъ, которую онъ читаетъ отъ 3-хъ до 4-хъ, я попалъ на лекцію Арабскаго языка, который онъ преподаетъ отъ 2-хъ до 3-хъ. Само собою разумѣется, какую жалкую роль

и фигуру я игралъ въ продолженіе этого часа. Вилькенъ смотрѣлъ на меня съ большимъ любопытствомъ и почтеніемъ, принимая, можетъ быть, за какого нибудь славнаго оріенталиста. Какой-то услужливый студентъ, который сидѣлъ подлѣ меня, во всю лекцію держалъ мнѣ передъ носомъ свою Арабскую тетрадь и показывалъ пальцемъ на тѣ мѣста, которыя читалъ профессоръ. Давно я не былъ въ такомъ фальшивомъ положеніи. Но что было дѣлать? Сказать услужливому студенту, что я не знаю по Арабски, нельзя было, не объяснивъ причины моего присутствія; а говорить много нельзя, не прервавши лекціи. Уйти также нельзя: здѣсь ни одинъ студентъ не уходитъ съ лекціи прежде конца, хотя многіе входятъ передъ самымъ концомъ. Оставалось одно—сидѣть и слушать. Но и второй часъ Вилькенова чтенія не вознаградилъ меня за Арабскій языкъ. Я былъ у него въ первый разъ сегодня и больше не буду. Сказать объ его манерѣ ничего нельзя особеннаго, кромѣ: не хорошо. Отъ Вилькена до Гегеля оставался цѣлый часъ, который я провелъ у Stehely, лучшемъ кофейномъ домѣ въ Берлинѣ, гдѣ всѣ Нѣмецкія и мало Французскихъ газетъ. Въ 5 часовъ я слушалъ Гегеля, который читаетъ исторію философіи и сегодня кончалъ Декарта и началъ Спинозу. Я началъ мириться съ его гнуснымъ образомъ преподаванія: съ нѣкотораго времени я промѣнялъ на него моего Риттера, который читаетъ съ нимъ въ одни часы. Я предпочелъ слушать Гегеля, потому что онъ старъ, скоро умретъ, и тогда уже не будетъ возможности узнать, что онъ думалъ о каждомъ изъ новѣйшихъ философовъ. Но трудолюбивый Риттеръ вѣроятно издастъ новую Erdkunde, гдѣ изложитъ вполнѣ свою систему. Въ 6 часовъ попробовалъ я пойти въ театръ, но небрежная игра актеровъ и пустота піэсы выгнали меня оттуда послѣ перваго акта, и вотъ я теперь у себя и пишу къ вамъ. Не думайте однако, чтобы всѣ дни мои были такъ дѣятельно наполнены, какъ сегодняшній. Но уже поздно, прощайте!“.

$^{14}/_{26}$ *Марта.*

„За полночь. Сейчасъ отъ Гегеля и спѣшу писать къ вамъ, чтобы подѣлиться съ вами моими сегодняшними впечатлѣніями, хотя не знаю, какъ выразить то, до сихъ поръ неиспытанное расположеніе духа, которое насильно и какъ чародѣйство овладѣло мною при мысли: я окруженъ первоклассными умами Европы! Но начну сначала, чтобы вы лучше поняли причину этого страннаго расположенія духа. Вотъ исторія моего знакомства съ Гегелемъ: я долго не рѣшался, идти къ нему или нѣтъ! Зачѣмъ? думалъ я. Къ чему послужитъ мнѣ холодный пятиминутный визитъ? Уваженіе, участіе и пр. и пр. со стороны неизвѣстнаго, интересны для него быть не могутъ, когда онъ имѣетъ столько поклонниковъ между извѣстными. Между тѣмъ мнѣ хотѣлось его видѣть. Но чтобы визитъ мой не былъ просто

церемонною незначительностію, я написалъ къ нему письмо отмѣнно учтивое и много мнѣ стоявшее, потому что я давно уже ничего не писалъ по Нѣмецки. Въ этомъ письмѣ просилъ я позволенія придти къ нему. Онъ въ тотъ же день отвѣчалъ мнѣ очень милымъ и Французски свѣтскимъ манеромъ, назначая часы, когда я могу застать его дома. На другой день я провелъ у него часть утра. Разговоръ былъ интересный, глубокій и, не смотря на то, очень свободный,—такъ глубокое для него сдѣлалось естественнымъ и легкимъ. Каждому предмету разговора давалъ онъ невольно оборотъ ко всеобщности, все намекало на цѣлую систему новѣйшаго мышленія, мышленія Гегелевскаго. Можете представить, какъ широко и вмѣстѣ тѣсно я себя чувствовалъ въ это время. Результатъ этого разговора, или лучше сказать, результатомъ этого добродушія было то, что на другой день посланный отъ него разбудилъ меня съ приглашеніемъ отъ Гегеля на вечеръ завтра или послѣ завтра, или въ воскресенье, или если вы въ эти дни не свободны, то назначьте, когда вамъ угодно: Herr Professor möchte aber es voraus wissen, denn es werden dazu noch mehrere Andere eingeladen. Что можетъ быть милѣе этого? Я выбралъ пятницу, потому что это былъ ближайшій свободный день, хотя, впрочемъ, я всѣ возможныя дѣла оставилъ бы охотно для Гегелевскаго вечера.—Сейчасъ оттуда, гдѣ, кромѣ хозяина, хозяйки и его родственницы Frau Generalin von ... забылъ, были: 1) Гансъ, извѣстный всѣмъ изъ моихъ писемъ и который столько же любезенъ въ обществѣ, сколько краснорѣчивъ на каѳедрѣ, а это много сказано. 2) Мишелетъ, профессоръ философіи и умный и милый ученый. Этотъ обѣщалъ мнѣ рекомендательное письмо въ Парижъ къ одному изъ своихъ друзей учениковъ, съ которымъ, говоритъ, мнѣ интересно будетъ познакомиться, 3) Hotte, профессоръ Нѣмецкой литературы: съ этимъ я говорилъ меньше; хотя успѣлъ въ немъ замѣтить многое, что мнѣ понравилось. 4) Раупахъ, котораго нѣкогда я такъ любилъ и съ которымъ теперь у насъ былъ довольно горячій споръ объ Россіи. Гансъ, свидѣтель спора, остался на моей сторонѣ. Дѣло шло о томъ, есть ли у Русскихъ энергія. Вы можете представить себѣ, что послѣ этого Раупахъ мнѣ не понравился. И патріотизмъ въ сторону, учтиво ли, прилично ли утверждать такія мнѣнія въ присутствіи Русскаго? Однако мнѣ удалось сохранить совершенно хладнокровіе и потому я могъ говорить убѣдительно. 5) Путешествующій Американецъ, который ѣдетъ въ Россію и въ Москву, и котораго имя я позабылъ.—Во весь вечеръ разговоръ былъ живой и всеобщій, хотя я по большей части говорилъ съ самимъ Гегелемъ особенно. Гостепріимнѣе, привѣтливѣе и добродушнѣе его быть невозможно. Послѣ ужина мы всѣ отправились пѣшкомъ. Въ жару разговора съ Гансомъ и съ Раупахомъ, зашелъ въ ихъ сторону, которая далеко отъ меня, и Гансъ былъ такъ добръ, что проводилъ меня до поворота въ мою улицу. Объ чемъ говорили мы? спросите вы. О политикѣ, о философіи, объ религіи, о поэзіи и

проч., и проч., но подробно описать разговоръ не могу, потому что все были частности теперешняго минутнаго интереса, къ которымъ общее только примыкало издали. Завтра иду къ Гансу, послѣ завтра къ Мишелету, а между тѣмъ всякій день хожу на почту и все понапрасну. Сегодня былъ тамъ два раза, но почта изъ Россіи не пришла за половодьемъ. Это отчасти утѣшительно.—28-го. Почта пришла, писемъ нѣтъ. И братъ, который въ послѣднемъ письмѣ обѣщалъ писать на дняхъ много, до сихъ поръ ни слова. Былъ ли вчера кто нибудь подъ Симоновымъ? Что мои розы и акаціи? Еслибъ онъ, т. е. Веневитиновъ, былъ на моемъ мѣстѣ, какъ прекрасно бы отозвалось въ нашемъ отечествѣ испытанное здѣсь!—Я нѣсколько разъ видѣлся съ Гансомъ, съ Мишелетомъ и съ Гегелемъ. Послѣдній особенно былъ для меня поучителенъ своею индивидуальностью. Первый, т. е. Гансъ, можетъ быть представителемъ Нѣмца нашего времени; разговоръ его отмѣнно занимателенъ, дѣленъ, горячъ и даже остръ. Мишелетъ немного не доварилъ своихъ мнѣній. Онъ ученикъ и приверженецъ Гегеля, но, кажется, понимаетъ хорошо только то, что Гегель сказалъ, а что непосредственно слѣдуетъ изъ его системы, то для Мишелета еще не ясно, и онъ какъ будто боится высказать свое мнѣніе прежде своего учителя, не зная навѣрное, сойдется ли съ нимъ или нѣтъ. Большая часть нашихъ разговоровъ или, лучше сказать, нашихъ споровъ кончалась такъ: Ja wohl! Sie können vielleicht Recht haben, aber diese Meinung gehört vielmehr zu dem Schellingischen, als zu dem Hegelischen System.

Это одно слово, нѣсколько разъ повторенное и еще несправедливо приведенное (потому что мнѣніе, которое я утверждалъ, совершенно согласно съ основными положеніями Гегелевской системы)—это одно слово показываетъ человѣка. Не смотря на наши споры, мы познакомились довольно хорошо, и передъ прощаньемъ онъ подарилъ мнѣ свою диссертацію о преступленіи и наказаніяхъ, съ надписью: Nobilissimo viro Jean v. Kireiwsky,—неправда ли, что и здѣсь пахнетъ Германіей? Спасибо, милый другъ Петерсонъ, за von. Гегель далъ мнѣ письмо въ Парижъ къ одному изъ своихъ пріятелей, и поручилъ кланяться Cousin.—Вы видите уже изъ того, что я успѣлъ разсказать вамъ о своей Берлинской жизни, что каждая минута моя здѣсь занята, отчего я не успѣлъ писать ни къ кому въ Россію. Напомните всѣмъ, кого увидите, обо мнѣ, особенно моему милому Баратынскому. Я нехотя виноватъ передъ нимъ: я причиной глупой Булгаринской выходки. Надѣюсь однако, что онъ умѣетъ платить презрѣньемъ за покупную брань и корыстную хвалу. Сейчасъ принесли мнѣ Телеграфъ. Я еще не читалъ и не знаю, успѣю ли прочесть критику на меня, потому что ѣду послѣ завтра въ 6 часовъ утра, а сегодня $^{18}/_{30}$ Марта. Мнѣ смѣшно видѣть, какъ они горячатся. Изъ Дрездена буду писать къ кому успѣю, а къ папенькѣ непремѣнно. Папенька перенесъ свою мнительность изъ міра физическаго въ нравственный; и какъ прежде со-

мнѣвался въ своемъ здоровьѣ, такъ теперь сомнѣвается въ моей любви къ нему. Если бы онъ хотя на минуту могъ переселиться въ мою душу, то вѣрно раскаялся бы въ своемъ несправедливомъ мнѣніи, которое для меня тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ я дальше отъ васъ, чѣмъ меньше способовъ имѣю высказаться вамъ вполнѣ, чѣмъ съ другой стороны яснѣе и полнѣе представляются мнѣ и его любовь и все, что онъ сдѣлалъ для меня, и все, что онъ мнѣ и намъ. Если бы онъ подслушалъ хоть разъ, какъ я, всякій день, въ сердечныхъ мысляхъ объ васъ съ любовію, благодарностію и дружбою благословляю его внутри души, онъ вѣрно бы мысленно прижалъ меня къ груди своей, какъ достойнаго сына. Пришлете ли вы мнѣ портретъ сестры? Я къ ней не пишу особенно потому, что мнѣ бы хотѣлось, чтобы письма мои были ко всѣмъ вамъ вмѣстѣ. Но кромѣ васъ пожалуйста не показывайте ихъ никому, иначе я стану ихъ сочинять. Это письмо вы получите къ Свѣтлому Воскресенью. Ради Бога сдѣлайте его для себя праздникомъ; я встрѣчу его съ братомъ въ Мюнхенѣ. Намъ будетъ вмѣстѣ не такъ грустно или лучше сказать намъ будетъ лучше грустно. Отвѣтъ на это письмо пишите въ Парижъ poste restante, пишите больше и подробнѣе. — Держишь ли слово, милая сестра? Но Богъ знаетъ еще, что у васъ дѣлается. Здоровы ли вы? Это письмо толсто. Но за то я заплатилъ за прошедшее. За ваши письма я не плачу ни копѣйки. Не скупитесь только вы, а больше всего не давайте воли такимъ чувствамъ, которыя мѣшаютъ счастію. Я съ этой стороны предъ собою и передъ вами правъ. Слово счастіе я перевелъ на свой языкъ: дѣятельность и бодрость духа, и въ этомъ смыслѣ оно мнѣ кажется доступнымъ, т. е. въ томъ случаѣ, если съ вашей стороны будетъ искреннее содѣйствіе. Для васъ же я бы хотѣлъ оставить счастіе безъ перевода. И отчего бы въ самомъ дѣлѣ не знать вамъ его въ оригиналѣ?—Къ Жуковскому еще не писалъ изъ Берлина; если успѣю, то напишу сегодня, а то изъ Дрездена. Къ вамъ же буду писать черезъ 2 недѣли вмѣстѣ съ братомъ. Прощайте, любите меня, т. е. будьте веселы и крѣпки.

Милый папенька! Выпишите, если нѣтъ въ Москвѣ: Encyclopedie der Philosoph. Wissenschaften von Hegel. Здѣсь вы найдете столько любопытнаго, сколько не представляетъ вся новѣйшая Нѣмецкая литература, вмѣстѣ взятая. Ее трудно понять, но игра стоитъ свѣчь. — Сейчасъ прочелъ статью въ Телеграфѣ. Полеваго критика на меня не такъ желчна, какъ я думалъ. Неужели это можетъ васъ сердить?

Апрѣля $^{5}/_{17}$, *Мюнхенъ.*

„Здравствуйте! Черезъ часъ у васъ ударятъ въ колоколъ, и теперь вы уже проснулись и приготовляетесь къ заутренѣ. Какъ живо я вижу всѣхъ васъ, ваши сборы, одѣванье, кофей; даже, кажется, отгадалъ бы разговоры ваши, еслибъ былъ увѣренъ, что у васъ все такъ, какъ было при послѣднемъ письмѣ вашемъ, что вы здоровы и спокойны.

Думая объ насъ, вы знаете, что наши мысли теперь съ вами, и если вы всѣ не сомнѣваетесь въ этомъ, то бьюсь объ закладъ, что Машенька это сказала. Напишите, пробилъ ли я? У насъ здѣсь, не смотря на Греческую церковь, заутрени нѣтъ, но это не мѣшаетъ намъ слышать Русское: Христосъ воскресе и присутствовать при вашемъ христосованьи. Завтра, однако, мы будемъ у обѣдни реально. Послѣ послѣдняго письма моего изъ Берлина, я не успѣлъ отдать вамъ отчета о томъ, что я дѣлалъ и что со мною дѣлалось. Постараюсь вознаградить это теперь, сколько возможно. 31-го Марта по н. с., простившись съ моими Берлинскими знакомыми, я возвратился домой въ 8 часовъ вечера и началъ укладываться, чтобы на другой день отправиться въ 6 часовъ утра. Юлій Петерсонъ, сынъ Рижскаго, съ которымъ мы видались въ Берлинѣ почти каждый день, милый, дѣльный и, что рѣдко, вмѣстѣ gemüthlicher малый,—докторъ Нордманъ, объ которомъ я писалъ къ Максимовичу, отмѣнно интересный человѣкъ,—и еще нѣсколько другихъ нѣмцевъ и русскихъ, пришли меня провожать, помогли уложиться и просидѣли до 2-хъ часовъ, потому что я не хотѣлъ ложиться спать, боясь прогулять время отъѣзда почты, которая буквально не ждетъ 2-хъ минутъ послѣ назначеннаго срока. Когда они ушли, то мы съ Юліемъ велѣли сдѣлать себѣ кофею, и такъ заговорились, что не замѣтили дня и чуть-чуть не пропустили роковой минуты. По счастію, хозяинъ мой напомнилъ намъ часъ, и мы успѣли придти на почту за 5 минутъ до отъѣзда кареты. Если Юлій прежде меня воротится въ Россію и будетъ въ Москвѣ, то постарайтесь, сколько можно, отплатить ему за его обязательность и, можно сказать, дружбу ко мнѣ. Сутки ѣхалъ я до Дрездена, гдѣ, чрезъ часъ по пріѣздѣ, свидѣлся съ Рожалинымъ. Рожалинъ совершенно тотъ же, выключая длинныхъ волосъ (которые, однако, онъ сегодня остригъ) послѣ двухъ лѣтъ уединенной жизни. Онъ занимается много, и дѣльно; привыкъ къ сухому, не потерявъ нисколько внутренней теплоты. Выучился по Англійски и по Польски; послѣдній языкъ особенно знаетъ онъ прекрасно; читалъ съ выборомъ, и никогда не терялъ изъ виду главнаго предмета своихъ занятій: филологіи и древностей. Кругъ его знакомства не широкій, но выборъ дѣлаетъ честь его характеру. Вообще, однако, можно сказать, что во все это время онъ былъ почти одинъ; это, однако, не имѣло невыгоднаго вліянія на его обыкновенное расположеніе духа и дало его образу мыслей и выраженіямъ бо́льшую оригинальность, безъ односторонности. Завидное качество, такъ какъ и вообще его поведеніе въ отношеніи ко внѣшнимъ обстоятельствамъ его цѣлой жизни. Въ первый часъ нашего свиданія мы съ радости усидѣли бутылочку за ваше здоровье и за лучшее на родинѣ. Это развязало немножко наши языки, такъ что мы тутъ же приступили къ переговорамъ о его переѣздѣ въ Мюнхенъ, сообразаясь съ вашими письмами. Отъѣздъ его изъ Дрездена, сейчасъ же былъ рѣшенъ, но онъ колебался еще, ѣхать ли ему

со мною или ждать Кайсарову, и остановился на мысли—ѣхать только въ день моего отъѣзда. Собраться было не долго, и вотъ мы въ Мюнхенѣ. Въ Дрезденѣ пробылъ я три дня, видѣлъ галлерею, слышалъ славный концертъ и лучшихъ пѣвцовъ и музыкантовъ, но театра не видѣлъ по причинѣ поста, и не познакомился ни съ кѣмъ изъ интересныхъ литераторовъ и ученыхъ, живущихъ въ Дрезденѣ. Городъ самый и описывать вамъ не стану, потому что скучно, да къ тому же вы можете разспросить объ немъ у Пушкиныхъ... Музыку описывать нельзя, галлерею описывать много. Скажу только, что Рафаэлевой Мадонны я не понялъ, въ Корреджіевой Магдалинѣ хотя искалъ, но не могъ найти ничего новаго и отличнаго отъ копіи К. и крѣпко подозрѣваю послѣдняго, что онъ не самъ скопировалъ, а укралъ свою копію у какого нибудь отличнаго мастера. За то другія картины произвели на меня тѣмъ большее впечатлѣніе; но еслибъ я хотѣлъ вамъ разсказать впечатлѣніе этихъ картинъ, то говорилъ бы не объ нихъ, а потому оставляю это до свиданія. Къ брату пріѣхали мы въ Субботу передъ здѣшнимъ Свѣтлымъ Воскресеніемъ, т. е. въ нашу Лазареву Субботу, и застали его за обѣдомъ, который сейчасъ увеличился двумя порціями и бутылкою вина за свиданье и за васъ. Я писалъ уже вамъ о перемѣнѣ, которая такъ счастливо произошла въ его внѣшней сторонѣ. Впрочемъ, въ отношеніи къ прежнему, но она только начало для будущаго. Мнѣ не нужно прибавлять, что это счастливая перемѣна только внѣшняя, и что внутри онъ еще счастливѣе: остался тотъ же глубокій, горячій, несокрушимо одинокій, какимъ былъ и будетъ во всю жизнь. При этой силѣ и теплотѣ души, при этой твердости и простотѣ характера, которыя дѣлаютъ его такъ высокимъ въ глазахъ немногихъ, имѣвшихъ возможность и умѣнье его понять — ему не доставало одного: опытности жизни, и это именно то, что онъ теперь такъ быстро начинаетъ пріобрѣтать. Необходимость сообщаться съ людьми сдѣлала его и сообщительнѣе и смѣлѣе, уменьшивъ нѣсколько ту недовѣрчивость къ себѣ, которая могла бы сдѣлаться ему неизлѣчимо вредною если бы онъ продолжалъ еще свой прежній образъ жизни. Конечно внѣшняя сторона его никогда не достигнетъ внутренней, даже и потому, что ей слишкомъ далеко было бы гнаться, но все таки это внѣшнее образованіе будетъ одна изъ главнѣйшихъ пользъ его путешествія. Занимается онъ здѣсь много и хорошо, т. е. сообразно съ своею цѣлью. Особенно въ его сужденіяхъ замѣтно то развитіе ума, которое даетъ основательное занятіе философіей, соединенной съ врожденною вѣрностью взгляда и съ нѣкоторыми сердечными предразсудками, на которые можетъ быть сводится все достоинство человѣка, какъ человѣка. Вотъ самое интересное изъ видѣннаго мною въ Мюнхенѣ, — я хотѣлъ сказать изъ всего, что видѣлъ, разставшись съ вами. Мы покуда поселились у брата; я останусь здѣсь еще около недѣли, а потомъ они наймутъ другую квартиру, гдѣ имъ

будетъ просторнѣе и за ту же цѣну, вѣроятно, потому что квартиры здѣсь отмѣнно дешевы и хороши, а братъ платитъ за свою дорого, по здѣшнему, хотя она и хороша, т. е. была, покуда лучшая изъ двухъ комнатъ не загромоздилась лишними двумя кроватями. — 2 часа. Теперь уже вы въ сборѣ и можетъ быть уже у всенощной. Думайте объ насъ весело. Обнимаю васъ крѣпко до завтра. Петръ и Рожалинъ уже спятъ давно. Петръ что-то говоритъ сквозь сонъ, можетъ быть христосуется съ вами. Попробую, не удастся ли мнѣ повидаться съ вами во снѣ. Покуда прощайте.

„18 Апрѣля. Не знаю, что у васъ сегодня дѣлается, и потому не знаю, праздникъ ли для васъ сегодня. Эта мысль мѣшаетъ еще больше, чѣмъ разлука съ вами. Какая скверная вещь — разстояніе! Въ каждую мысль объ васъ она втирается незваннымъ гостемъ, похожимъ на Варвиковаго сосѣда. Сегодняшній день старались мы сколько возможно сдѣлать нашимъ Свѣтлымъ Воскресеньемъ, по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны. Въ 9 часовъ отправились въ Греческую Церковь. Но здѣсь ни что не напоминало намъ даже Русской обѣдни, потому что, кромѣ Греческаго языка, въ здѣшней церкви еще и та особенность, что попъ вмѣстѣ дьячокъ и дьяконъ и попъ. Зрителей, любопытныхъ Нѣмцевъ, собралась непроходимая толпа, а изъ Русскихъ, кромѣ насъ, были только Тютчевы, у которыхъ мы сегодня и обѣдали. Оба брата и жена Ѳедора Ивановича очень милые люди, и покуда здѣсь, я надѣюсь видѣться съ ними часто. Жаль, для моего брата, что они ѣдутъ въ Россію. Они нравятся и ему, что впрочемъ вы могли замѣтить изъ его писемъ.—26. Мы получили ваши милыя письма, которыя опять освѣжили душу. Что бы ни писали вы, даже то, что вы пишете объ моемъ разстраиваньи братниной и Рожалиновой дружбы, все читается съ наслажденіемъ. Каждое слово, каждый оборотъ фразы переноситъ меня передъ васъ. Смотря на васъ, говоря съ вами, я не всегда чувствовалъ ваше присутствіе такъ живо, какъ читая ваши письма. Ради Бога, не велите Машѣ трудиться надъ письмами къ намъ и учиться писать ихъ. . . . Пусть пишетъ, что придетъ въ голову и такъ какъ придетъ. Мнѣ кажется, что для того, чтобы ей умѣть оцѣнить свои письма, она должна принять за правило то, что чѣмъ хуже написаннымъ письмо ей кажется самой, тѣмъ оно лучше въ самомъ дѣлѣ. Не ужели все душевное, простое, милое, должно дѣлаться безъ сочиненія! Послѣ этого въ чемъ же состоитъ мудрость? Теперь только чувствую, какъ глубоко чувствовалъ Рафаэль, когда вмѣсто всякаго выраженія своей Мадоннѣ, далъ только одно выраженіе— робкой невинности. Но чтобы мнѣ не заговориться, я начну отвѣчать на ваше письмо по порядку. Сначала объ Рожалинѣ. Если я не совсѣмъ понялъ васъ изъ прежняго письма вашего объ немъ, то въ этомъ виноваты немножко вы сами. Вы не писали ко мнѣ, что ему хочется ѣхать въ Мюнхенъ, но что онъ соглашается ѣхать туда за то, чтобы

послѣ вы доставили его въ Россію. По крайней мѣрѣ я такъ понялъ васъ. Если же житье Рожалина въ Мюнхенѣ жертва, думалъ я, то это жертва безполезная, потому что брату онъ другой пользы не принесетъ, кромѣ удовольствія быть вмѣстѣ. Для этого не стоитъ ему жертвовать другими планами, если у него есть выгоднѣйшіе. (Я тогда не зналъ еще, что отъѣздъ Кирѣева оставлялъ его на 1-й тысячѣ рублей, и кромѣ того думалъ объ В.). Но если Рожалинъ считаетъ поѣздку въ Мюнхенъ жертвою, то онъ долженъ видѣть въ ея результатахъ что нибудь больше простаго удовольствія. Что же! Быть учителемъ брата, и пр. и пр.—вотъ мысли, которыя заставили меня написать къ вамъ то, что я написалъ. Конечно я виноватъ, что не понялъ васъ, но и вы не правы, что положились слишкомъ на мою понятливость, а еще больше, что предположили, что я буду дѣйствовать противъ вашей воли. Я ни минуту не поколебался, когда узналъ ее, а еще больше, когда, увидѣвшись съ Рожалинымъ, я узналъ его обстоятельства. Напротивъ, только моя твердая рѣшительность могла преодолѣть его колебаніе. Но говорить объ дѣлѣ сдѣланномъ не значитъ ли терять время? На вопросы ваши о Петрушѣ я отвѣчалъ въ послѣднемъ письмѣ. Объ унынiи его не могу ничего сказать, потому что теперь вмѣстѣ намъ унывать некогда. Вообще я надѣюсь, что онъ слишкомъ занятъ для этого. А если бываетъ иногда грустно, думая на Востокъ — тѣмъ лучше! Это даетъ значительность жизни и дѣятельность. Я очень хорошо испыталъ это въ послѣднее время: вообразите, что свиданіе съ братомъ и Рожалинымъ отняло у меня безпокойство одиночества, отняло вмѣстѣ почти всю ту дѣятельность, которой я самъ радовался въ Берлинѣ. Я опять сплю послѣ обѣда, опять не чувствую каждой минуты, опять ничего не сдѣлалъ. До сихъ поръ не былъ ни у Шеллинга, ни у кого изъ примѣчательныхъ людей и кромѣ театра, сада, концерта и ежедневной картинной галлереи — не видалъ ничего и ни кого. За то, картинная галлерея совсѣмъ овладѣла мною. Иногда мнѣ кажется, что я рожденъ быть живописцемъ, если только наслажденіе искусствомъ значитъ имѣть къ нему способность; чаще однако мнѣ кажется, что я никогда не буду имѣть никакого толка въ живописи и даже неспособенъ понимать ее, потому что именно тѣ картины, которыя всего больше дѣлаютъ на меня впечатлѣніе, всего меньше занимаютъ меня сами собою. Я до сихъ поръ еще не могу пріучить себя, смотря на картину, видѣть въ ней только то, что въ ней есть. Обыкновенно начинаю я съ самаго изображенія, и чѣмъ больше вглядываюсь въ него, тѣмъ больше удаляюся отъ картины къ тому идеалу, который хотѣлъ изобразить художникъ. Здѣсь поле широкое, и прежде чѣмъ я успѣю опомниться, воображеніе закуситъ удила и, какъ чортъ св. Антонія, унесетъ такъ быстро, что прежде чѣмъ успѣешь поднять шапку, она лежитъ уже за тысячу верстъ. Только тогда, когда матеріальное при-

сутствіе картины напомнитъ о себѣ, узнаешь, что былъ далеко, почти всегда тамъ, гдѣ всходитъ солнце. Мнѣ самому смѣшно сознаваться въ этой способности наслаждаться въ картинѣ тѣмъ, чего въ ней нѣтъ, и я очень хорошо чувствую всю странность этого качества, которое, чтобы быть совершенно conséquent, должно больше всего радоваться золотою рамкою около пустаго мѣста. Еще страннѣе мнѣ видѣть это качество именно въ себѣ, у котораго оно не замѣняется даже творчествомъ воображенія, потому что воображенія собственно у меня нѣтъ, а его мѣсто заступаетъ просто память. Вообразите, что мнѣ иногда случается долго смотрѣть на одну картину, думая объ другой, которая виситъ черезъ стѣну, подойдя къ этой, опять вспомянуть про ту. Это не врожденное, и я очень хорошо знаю — откуда“.

28 Апрѣля.
10 Мая.

„Вотъ я уже цѣлый мѣсяцъ тутъ, и останусь, можетъ быть, весь семестръ; слѣдовательно пишите ко мнѣ не въ Парижъ, а въ Мюнхенъ. Въ самомъ дѣлѣ странно бы было уѣхать отсюда, не слыхавши Шеллинга. Онъ начинаетъ завтра. Я между тѣмъ слушаю уже Окена натуральную исторію и его же физіологію, и Шорна исторію новѣйшаго искусства. У Шеллинга и Окена я былъ, познакомился съ ними и надѣюсь быть не одинъ разъ. Но подробности всего въ слѣдующемъ письмѣ. Кромѣ ихъ и Тютчевыхъ я здѣсь еще не видалъ никого. День мой довольно занятъ, потому что, кромѣ субботы и воскресенья, я четыре часа въ сутки провожу на университетскихъ лавкахъ; въ остальное время записываю лекціи. Если мнѣ удастся ихъ записать, пришлю къ Погодину, если вы беретесь взять съ него честное слово, чтобы онъ не напечаталъ изъ нихъ ни одной буквы, потому что если Шеллингъ узнаетъ, что его слова тискаются, то готовъ сдѣлаться заклятымъ врагомъ. Этому были уже примѣры. Прощайте! Письмо къ Баратынскому пошлите въ деревню, если онъ еще не въ Москвѣ. Пишите къ намъ чаще и больше и подробнѣе, а пуще всего будьте здоровы Вѣрно еще письмо пришлемъ черезъ двѣ недѣли. Мы разочли, что такъ какъ мы вмѣстѣ, можемъ писать вдвое чаще. Напишите мнѣ все что знаете обо всѣхъ, кто помнитъ меня и кто забылъ. Перестали ли грызть мою статью?“

21-го Мая.
2-го Іюня.

„Дѣятельность моя Берлинская нашла здѣсь на мель. Вмѣсто того, чтобы заниматься близкимъ, я пускаю мысли въ далекое, и отъ того $^1/_3$ дня провожу на постели. Однако это не помѣшало мнѣ прочесть много интереснаго. Пишу я мало, за то слушаю лекціи аккуратно и

нѣкоторыя записываю. Шеллинговы лекціи легли довольно стройно, и потому я ихъ пришлю не къ Погодину, а къ папенькѣ, а то первый, боюсь, напечатаетъ. Вы за то прочтете ему то изъ нихъ, что вамъ понравится, потому что эти лекціи писаны такъ, что, кажется, и вы прочтете ихъ не безъ удовольствія. Система Шеллинга такъ созрѣла въ его головѣ съ тѣхъ поръ, какъ онъ пересталъ печатать, что она, какъ готовый плодъ, совсѣмъ отдѣлилась отъ той вѣтви, на которой начинала образоваться, и свалилась кругленькимъ яблочкомъ между Исторіей и Религіей. Вѣроятно, однако, что яблочко будетъ началомъ новой Троянской войны между философами и нефилософами Германіи. Курносый Шеллингъ будетъ играть роль Париса, а въ пламенные Ахиллы, я не знаю, кто бы годился изъ Нѣмцевъ, если нашъ Л. не возьметъ на себя этой роли. Въ боги также можно навербовать изъ сотрудниковъ Телеграфа, Максимовича въ Марсы и пр. Только кто будетъ Венерою?.... Увѣрьте въ этомъ перваго слѣпаго и велите ему быть Гомеромъ, съ условіемъ однако, чтобы онъ смотрѣлъ на Венеру сквозь пальцы. Рожалинъ, которому я это прочелъ, говоритъ, что она Елена, изреченіе достойное ученика Тирша. Соболевскаго здѣсь еще нѣтъ, не смотря на то, что онъ обѣщалъ быть къ намъ въ половинѣ Мая. Тютчевы уѣхали 28 въ Россію. Если вы увидите ихъ отца, то поблагодарите его хорошенько за сына: нельзя быть милѣе того, какъ онъ былъ съ Петрухою, который не смотря на предупрежденіе, съ которымъ, помните? поѣхалъ изъ Москвы, здѣсь былъ разомъ совершенно обезоруженъ Тютчевскимъ обхожденіемъ. Онъ могъ бы быть полезенъ даже только присутствіемъ своимъ, потому что у насъ такихъ людей Европейскихъ можно счесть по пальцамъ. Кромѣ Тютчева, я здѣсь незнакомъ ни съ кѣмъ. У Шеллинга и у Окена былъ раза по 2 и только. Братъ съ ними знакомъ и больше умѣетъ мастерски обходиться. На дняхъ пришла намъ охота учиться по Итальянски; мы уже условились съ учителемъ и достали нѣсколько Итальянскихъ книгъ. Что вы скажете объ этомъ?“

30 Мая.
11 Іюня.

„Папенька также разъ началъ учиться по Итальянски, маменька по Итальянски знаетъ, Машу мы выучимъ въ 2 мѣсяца, и вотъ у насъ языкъ a parte, языкъ Петрарки и Данте! Не знать такого легкаго языка такъ же стыдно, какъ стыдно бы было не перейти черезъ улицу, еслибы на Мясницкой показывали Альфьери и Петрарку. Авось и папенькѣ придетъ охота продолжать Итальянскій языкъ! Въ Тиролѣ мы не были, потому что погода была скверная. За то были въ Шлейсгеймѣ, который часъ ѣзды отъ Мюнхена. Мы провели тамъ 7 часовъ, которыхъ едва достало, чтобы вскользь осмотрѣть 42 залы, гдѣ больше 2000 картинъ, и почти все изъ древнихъ Нѣмецкихъ школъ. Осо-

беннаго впечатлѣнія не произвела на меня ни одна, потому что ихъ было слишкомъ много; къ тому же я пріѣхалъ туда уже избалованный здѣшнею центральною галлереею, куда перенесены лучшія картины изъ Шлейсгейма. Не стыдно ли вамъ безпокоиться объ моей поѣздкѣ будущей въ Парижъ? Я не только отважусь ѣхать туда черезъ 2 мѣсяца, но еще имѣю дерзость везти съ собою брата. Какъ бы желалъ, чтобы вы хотя для того увидѣлись съ Тютчевымъ, чтобы получить отъ него вѣрныя свѣдѣнія обо всемъ, что васъ такъ напрасно безпокоитъ. Какой-такой ученый журналистъ увѣрилъ васъ, что всѣ путешественники выѣзжаютъ изъ Франціи? Это что-то пахнетъ Булгаринымъ".

$^{3}/_{15}$ *Іюня.*

„Наконецъ третьяго дня удостоились мы приложиться къ явленному образу Соболевскаго, худаго, стройнаго, тонкаго, живаго, прямосидящаго, тихоговорящаго и пр. Онъ пробудетъ здѣсь около недѣли и отправится въ Италію. Вотъ вамъ просьба очень важная, которую исполнить попросите Петерсона съ помощью Яниша К. И. и всѣхъ тѣхъ, кого найдете къ этому способнымъ. Дѣло въ томъ, чтобы узнать навѣрное и аккуратно, есть ли въ нашихъ старинныхъ церквахъ своды или украшенія, или двери, или окна, выгнутые подковою, т. е. полукругъ съ продолжительными дугами называется подковою; если есть, то гдѣ? какъ? когда? и проч. Объ этомъ проситъ меня справиться профессоръ Шорнъ, потому что этимъ однимъ фактомъ онъ можетъ опровергнуть цѣлую новую систему архитектурнаго вліянія Арабовъ. Если бы можно было прислать хотя только геометрическими линіями снятое изображеніе Успенскаго собора, то это было бы всего лучше. Въ такого рода занятіяхъ проходятъ всѣ наши часы здѣсь. Поэтому разсказывать остается почти ничего. Тѣмъ больше нетерпѣніе получать ваши письма. Соболевскій писалъ уже въ Парижъ, чтобы ваши (письма) оттуда прислали ко мнѣ сюда; Александръ Тургеневъ уже уѣхалъ изъ Парижа. Досадно, что я не увижусь съ нимъ, тѣмъ больше, что кромѣ его у меня не было ни къ кому писемъ въ Парижъ. Соболевскій даетъ нѣсколько писемъ къ какимъ-то мадамамъ, своимъ друзьямъ-пріятельницамъ, къ которымъ я могу ѣздить въ халатѣ, хотя онѣ самыя почтенныя особы Французскаго языка. Чувствуете ли вы, какъ ловко мнѣ будетъ?"

29 Іюня.

„Каковъ я умница! Какъ я славно обманулъ васъ! Обѣщалъ писать черезъ 2 недѣли, а вотъ уже прошло съ тѣхъ поръ четыре. Впрочемъ безпокоиться вы не могли, зная насъ всѣхъ вмѣстѣ, т. е. насъ трехъ плюсъ Соболевскаго, который пріѣхалъ на два дня и зажился здѣсь цѣлый мѣсяцъ. Долго ли онъ здѣсь останется — еще не извѣстно, хотя онъ

собирается каждый день. Думаю однако, что онъ уѣдетъ не сегодня, потому что сегодня Петрушины именины. Мы начали день Итальянскимъ урокомъ, а кончить думаемъ въ театрѣ, гдѣ дается la Muette de Portici. Середину дня еще не знаемъ, хотя за обѣдомъ Рожалинъ уже предчувствуетъ пробочный выстрѣлъ. Итальянскій языкъ нашъ не идетъ впередъ, а бѣжитъ. Скоро мы надѣемся приняться за Данта и теперь уже это сдѣлали бы, еслибы нашъ Кавальеръ Мафей былъ не такъ глупъ. Братъ въ концѣ семестра можетъ быть поѣдетъ мѣсяца на три въ Италію, между тѣмъ какъ я отправлюсь прямо въ Парижъ..... Рожалинъ остается еще здѣсь послѣ насъ, чтобы слушать Тирша, на которомъ онъ сходитъ съ ума и который ему альфа и омега для Греческихъ и Римскихъ. Въ самомъ дѣлѣ, если гдѣ нибудь онъ можетъ образоваться для своей цѣли, такъ это здѣсь, гдѣ онъ къ этому имѣетъ всѣ способы. Впрочемъ я боюсь за него въ уединеніи. Уже Дрезденская жизнь много перемѣнила его характеръ, такъ какъ вообще характеръ всякаго перемѣняется въ безлюдіи, среди людей, которые близки только по мѣсту. Впрочемъ я надѣюсь, что когда воротится въ Россію, то скоро оботретъ съ себя эту корку, посреди тѣхъ, съ которыми можно жить спустя рукава и разстегнувши грудь, не боясь, что пріятели въ нее воткнутъ, не кинжалъ (это бы слава Богу), а иголку, которую замѣтишь только по боли. Не знаю кто, а вѣрно были у Рожалина добрые пріятели, которые такъ его ласкали иголочками, потому что мы еще до сихъ поръ не можемъ навести на прежнюю колеину, хотя и стараемся каждый своимъ манеромъ, я — философствованіями, а Петруха—своимъ простымъ, дружескимъ, откровенно деликатнымъ обхожденіемъ. Вотъ un grand homme pour son valet de chambre. Такая одинаковость съ такою теплотою сердца и съ такою правдою въ каждомъ поступкѣ, врядъ ли вообразимы въ другомъ человѣкѣ..... Когда поймешь это все хорошенько, да вспомнишь, что между тысячами милліоновъ, именно его мнѣ досталось звать братомъ, какая-то судорга сожметъ и расширитъ сердце. — $^{3}/_{15}$ Іюля. Сегодня Соболевскій отъиде. Онъ прожилъ съ нами больше мѣсяца и отправился теперь въ Миланъ и оттуда въ Туринъ, гдѣ останется мѣсяца два. Съ его отъѣздомъ точно будто уѣхало сорокъ человѣкъ. У насъ опять тихо, порядочно и трезво; что же касается до нашихъ главныхъ занятій, т. е. лекцій и проч., то имъ не мѣшалъ и Соболевскій, который бурлилъ только въ антрактахъ, но за то такъ, что бѣдный Рожалинъ всякій день принуженъ былъ откупаться отъ его крика слезами и виномъ, хотя и это не всегда помогало. Вообще, если бы надо было однимъ словомъ назвать нашу Мюнхенскую жизнь, нужно было бы сочинить новое слово между скукою и пустотою. Мы здѣсь плывемъ на кораблѣ вокругъ свѣта, не входя въ гавани, по морю безъ бурь, и отъ нечего дѣлать читаемъ Шеллинга, Окена и проч. Поблагодарите Языкова за его милую приписку въ прошедшемъ вашемъ

письмѣ и за Раупаха особенно *). Я не пишу ни къ кому теперь, боясь задержкою письма дать вамъ лишній день безпокойства, хотя вамъ, зная насъ всѣхъ вмѣстѣ, безпокоиться нельзя по настоящему, но всегда ли у васъ бываетъ по настоящему? Извините меня передъ Погодинымъ, если онъ сердится на мое молчаніе; скажите что отъ лекцій и отдыховъ у меня нѣтъ свободной минуты, и что въ слѣдующій разъ я непремѣнно буду писать къ нему. Шеллинговы лекціи врядъ ли и придутъ къ вамъ, потому что гора родила мышь. Въ суммѣ оказалось, что противъ прошлогодней его системы новаго не много. Не знаю, что еще будетъ; къ тому же пересылка была бы слишкомъ дорога, а переписка слишкомъ скучна. Баратынскаго обнимаю отъ всей души. Если я къ кому нибудь буду писать кромѣ васъ, то вѣрно прежде всѣхъ къ нему. Но до сихъ поръ, судите сами, когда въ Москвѣ я не находилъ времени писать нужныя письма, бывши не занятъ цѣлый день, то здѣсь, гдѣ мнѣ на письма и на отдыхъ остается одинъ усталый вечеръ—найдти свободную минуту право родъ геройства. Особенно Баратынскому столько хочется сказать, что рука не поднимается начать. Не смотря на то, я уже изорвалъ одно письмо къ нему, потому что когда перечелъ его, то увидѣлъ, что все написанное въ немъ разумѣлось само собою и слѣдовательно не стоило вѣсовыхъ. Я получилъ отмѣнно милое письмо отъ Шевырева, почти все объ моей статьѣ, которую онъ читалъ, и похвалы, которыхъ она далеко не стоитъ. Это одно заплатило мнѣ, съ жидовскими процентами, за всѣ брани Булгариныхъ. Надѣюсь, что теперь уже замолчали и почувствовали

Que je n'ai point merité
Ni cet excès d'honneur, ni cette indignité.

Пожалуйста, напишите больше и чаще обо всѣхъ и даже не интересное“.

Въ Іюлѣ.

„Послѣ долгаго ожиданія получить письмо, въ которомъ отъ маменьки нѣсколько строчекъ приписки. Маменькѣ некогда писать къ намъ! Впрочемъ мы потеряли право жаловаться послѣ того безпокойства, которое доставило вамъ долгое наше молчаніе. Хотя мы не такъ виноваты, какъ вы думаете. Условіе было писать черезъ мѣсяцъ, а Рожалинъ отправилъ свое письмо не сказавши намъ. Еслибы кто нибудь изъ насъ сдѣлалъ съ нимъ то же, то это было бы непростительно; но съ бѣднаго Рожалина взыскивать нельзя, что онъ не понимаетъ

---

*) Намекъ на эпиграмму Языкова на Раупаха.

Чѣмъ весь сія славна, вы знаете ль, друзья?
Здѣсь сердце Русское невольно полно страхомъ,
Здѣсь Софьей казнены Хованскіе князья,
Убитые потомъ Нѣмцемъ Раупахомъ.

того, что нельзя расчесть умомъ, когда чувство не наведетъ на этотъ расчетъ. Впрочемъ это чувство безпокойства по напрасну мы въ семьѣ нашей утончили до нельзя. Но хотя по напрасну, оно справедливо; это необходимый налогъ, который судьба кладетъ на великое счастіе, и еслибы счастіе дружбы освободилось отъ него, то нравственный міръ пришелъ бы въ неравновѣсіе. Вы однако, кромѣ налога необходимаго, дѣлаете еще добровольныя пожертвованія, и я не понимаю, зачѣмъ такое великодушіе. Уже потому что мы оба молчимъ, должны мы быть оба здоровы и живы, и еще къ тому заняты. Но вы, написать два слова между строкъ, при вашей легкости писать, зная какъ намъ дорого каждое лишнее слово вашего письма. — Даже длина папенькинаго письма, который будто сжалился надъ нами и хотѣлъ вознаградить насъ необыкновеннымъ усиліемъ за вашу короткую приписку. Вотъ письмо ваше отъ 24-го, которое залежалось на почтѣ Богъ знаетъ отчего и которое своимъ милымъ содержаніемъ и полновѣсностію говоритъ мнѣ: дуракъ, безпокоится по напрасну! Еслибы я только могъ найдти какого нибудь неподкупнаго протоколиста, который бы подъ каждою строкою вашею подписывалъ: съ подлиннымъ вѣрно!—Если правда, что вы здоровы и веселы, зачѣмъ же безпокоятъ васъ сны? По настоящему они должны безпокоить не васъ, а насъ, какъ доказательство вашего несовсѣмъ здоровья. Но такъ и быть, я готовъ уступить вамъ это, только съ тѣмъ, чтобы, кромѣ сновъ, цѣлую жизнь вашу не безпокоило васъ ничто на свѣтѣ. Со мной 23 марта не было, сколько помню, ничего не обыкновеннаго, и до сихъ поръ мы всѣ безпрестанно здоровы совершенно. За именины мои благодарю отъ всего сердца. Если вамъ было весело, то это въ самомъ дѣлѣ былъ мой праздникъ. Что ваши глазки! Отчего вы ничего не скажете объ нихъ? И за чѣмъ и къ чему хвалиться здоровьемъ? Даже и потому вы не можете быть довольно здоровы, что здоровье ваше нужно для всѣхъ насъ, слѣдовательно вамъ надобно его вдесятеро больше, чѣмъ каждому изъ насъ. Планы наши на Парижъ пошатнулись, хотя, кажется, тамъ опять все спокойно. Можетъ быть, мы поѣдемъ въ Италію. Шевыревъ зоветъ въ Римъ. Я бы хотѣлъ, чтобы вы видѣли его милыя письма! Сколько въ нихъ дружбы и сколько жара завидной молодости. Да! для меня молодость уже качество чужое и завидное, и на всякое кипѣнье восторга я смотрю съ такимъ же чувствомъ, съ какимъ безногій инвалидъ глядитъ на удалыя движенья своихъ товарищей. Движенія Шевырева въ самомъ дѣлѣ удалыя. Чѣмъ больше онъ работаетъ, тѣмъ больше становится сильнѣе, и вмѣсто усталости все больше и больше набирается энтузіазма и духа. Онъ въ жизни какъ рыба въ водѣ, и еще такая рыба, которая можетъ не выплывать на воздухъ и не дышать чужимъ элементомъ. Это качество столько же драгоцѣнно, сколько оно рѣдко въ людяхъ съ талантомъ. Мицкевичъ, говорятъ, былъ въ Смирнѣ и уже опять возвратился въ

Римъ. Если это правда, то вотъ новая туда приманка. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, безъ писемъ въ Парижъ все равно что не ѣхать. Съ Потемкинымъ я незнакомъ. Думая пробыть въ Мюнхенѣ только 2 дня, я не сдѣлалъ ему визита; а черезъ двѣ недѣли уже было поздно. Теперь впрочемъ я радъ, что не въ Парижѣ, иначе вы безпокоились бы обо мнѣ еще больше. Италія же во всякомъ случаѣ не будетъ безполезна и для языка, и для памяти, на которой она отпечатаетъ столько изящнаго. Рожалинъ остается здѣсь для того, чтобы учиться по Гречески. Въ деньгахъ онъ не нуждается. Что же касается до насъ, то мы не только себѣ ни въ чемъ не отказываемъ, но еще тратимъ много лишняго. Третьяго дня мы отъ 6 часовъ утра до часу за полночь провели за городомъ въ Штарренбергѣ, катаясь по озеру, которое 5 часовъ длины и на горизонтѣ сливается съ Тирольскими горами. Прогулка эта стоила намъ больше 25 рубл., и это была еще одна изъ всего меньше глупыхъ издержекъ нашихъ..... Извѣстіе о Баратынскомъ меня очень огорчило. Послѣдствія этого рода воспаленій всегда двусмысленны. Надѣюсь однако въ первомъ письмѣ вашемъ видѣть его совсѣмъ здоровымъ. Между тѣмъ, какъ не выпросили вы у него новаго романа, какъ не прочли его до сихъ поръ, и не прислали къ намъ? Я бы теперь охотно написалъ ему разборъ; только побывши въ чужихъ краяхъ, можно выучиться чувствовать все достоинство нашихъ первоклассныхъ, потому что.... но я нехочу теперь дорываться до причины этого, которая лежитъ на днѣ всего вѣка. Общія мысли, какъ важныя дѣла, оставимъ до утра, то есть до свиданія. Вообще все Русское имѣетъ то общее со всѣмъ огромнымъ, что его осмотрѣть можно только издали. Еслибы вы видѣли, чѣмъ восхищаются Нѣмцы, и еще какимъ нелѣпымъ восторгомъ! Нѣтъ, на всемъ земномъ шарѣ нѣтъ народа плоше, бездушнѣе, тупѣе и досаднѣе Нѣмцевъ! Булгаринъ передъ ними геній! Кстати: дайте мнѣ какое нибудь понятіе объ эпиграммахъ на душегрѣйку. Какъ благодаренъ я вамъ, милый папенька, за то, что вы не забыли подѣлиться съ нами университетскимъ засѣданіемъ *). Знаете ли, что оно и насъ тронуло до слезъ. И народъ, который теперь можетъ быть одинъ въ Европѣ способенъ къ восторгу, называютъ непросвѣщеннымъ. Поцѣлуйте Погодина, поздравьте его и поблагодарите отъ насъ за подвигъ горячаго слова. Какъ бы я отъ сердца похлопалъ вмѣстѣ съ вами! Но не ужели намъ до возвращенія не читать этой рѣчи?—Лекціи Шеллинга я пересталъ записывать; ихъ духъ интереснѣе буквальности. Вмѣсто присылки ихъ самихъ, что стало бы дорого, я лучше напишу вамъ что нибудь объ нихъ, когда будетъ время, т. е. когда кончится семестръ. Это будетъ около 25-го

---

*) Здѣсь говорится о рѣчи М. П. Погодина, произнесенной 26-го Іюня 1830 г. При этомъ случаѣ были первыя рукоплесканія въ Университетѣ; ихъ начали А. А. Елагинъ и Н. М. Языковъ, а публика подхватила.

этого мѣсяца по новому стилю. Что же касается до регулярности нашихъ писемъ, то ея лучше не требовать. Ожидая письма навѣрное въ извѣстный день, не получить его хуже, чѣмъ просто долго не получать. Къ тому же послѣднее, надѣюсь, не повторится. Это была съ нашей стороны точно непростительная вѣтреность. Біографію Баварскаго короля писать для альманаха мудрено, особенно когда для этого надобно знать столько подробностей, которыхъ мы не знаемъ. Біографію Баженова писать изъ Германіи странно, когда вы можете написать ее въ Россіи, гдѣ встрѣчный и поперечный скажетъ вамъ объ немъ что нибудь новое. Но если Языковъ хочетъ имѣть статью отъ меня, то я готовъ служить ему сколько въ силахъ. И лучше напишу объ чемъ нибудь, что̀ меня занимаетъ. Если же статья не понравится, то я напишу другую, третью и такъ далѣе. Зачѣмъ только онъ хочетъ назвать альманахъ свой душегрѣйкой? *) Конечно, это былъ бы величайшій знакъ дружбы, который писатель можетъ оказать другому писателю, такъ открыто одобрить то, на что всего больше нападаютъ. Но благоразумно ли это? Не смотря на то, что онъ Языковъ, онъ Языковъ только для понимающихъ. Для Булгариныхъ онъ просто цѣль по выше другихъ. Пусть ихъ грязь не долетитъ до этой цѣли, но покуда летитъ, она заслоняетъ цѣль отъ взоровъ тѣхъ, кто внизу, а эти-то низкіе и дороги для альманаха. Отсовѣтуйте ему рыцарствовать, а лучше пусть его воротится къ своей Ласточкѣ **). Увѣрьте его, что мнѣ довольно знать его одобреніе, чтобы быть вознагражденну за критики всѣхъ возможныхъ Полевыхъ..... Германіей ужъ мы сыты по горло. Къ Языкову, Баратынскому, Погодину, кажется, я написать не успѣю. Языкову крѣпкое рукожатіе за стихи. Съ тѣхъ поръ какъ я изъ Россіи, я ничего не читалъ огненнѣе, сильнѣе, воспламенительнѣе. Пловецъ его мнѣ уже былъ знакомъ,—это тотъ же, который хотѣлъ спорить съ бурей, только теперь онъ дальше въ океанѣ. Если ваши глазки здоровы, только не иначе, то окончите мнѣ остальныя звѣздочки. Вмѣсто Катона, представьте какого нибудь мученика въ то время, когда ему говорятъ: пожри богамъ нашимъ! Можно вотъ какъ: онъ обнимаетъ посреди стоящій крестъ, по бокамъ палачи, вдали народъ и разведенные огни; надъ крестомъ звѣзда“.

---

*) Молодой Кирѣевскій, въ краснорѣчивомъ и полномъ мыслей обозрѣніи нашей словесности, говоря о Дельвигѣ, употребилъ сіе изысканное выраженіе: древняя муза его покрывается иногда душегрѣйкой новѣйшаго унынія. Выраженіе, конечно, смѣшное. Зачѣмъ не сказать было просто: въ стихахъ Дельвига отзывается иногда унынie новѣйшей поэзіи? Журналисты наши, о которыхъ г. Кирѣевскій отозвался довольно не почтительно, обрадовались, подхватили эту душегрѣйку, разорвали на мелкіе лоскутки, и вотъ уже годъ какъ ими щеголяютъ, стараясь насмѣшить свою публику.

Изъ Зап. Пушкина.

**) Названіе альманаха, который предполагалъ издать поэтъ Языковъ. Примѣчаніе издателя.

$^{5}/_{17}$ *Августа.*

„Поклонитесь Янишамъ и скажите имъ, что мы такъ часто думаемъ объ нихъ и особенно такъ любимъ вспоминать ихъ пятницы, что имъ въ честь и въ воспоминаніе завели пятницы у себя, съ тою только разницею, что вмѣсто одной у насъ ихъ семь на недѣлѣ. Этотъ Нѣмецкій Witz въ Русскомъ переводѣ значитъ слѣдующее: сегодня мы думаемъ ѣхать въ Италію, завтра въ Парижъ, послѣ завтра остаемся еще на нѣкоторое время здѣсь, потомъ опять ѣдемъ и т. д., и вотъ почему я не могу вамъ сказать ничего опредѣленнаго объ нашихъ планахъ. Вѣроятнѣе другаго однако то, что мы проведемъ осень въ Сѣверной Италіи, а къ ноябрю будемъ въ Римѣ, гдѣ пробудемъ много ли, мало ли, Богъ знаетъ. Между тѣмъ я убѣдился, что для завтра нѣтъ наряда больше къ лицу, какъ длинное густое покрывало, особливо когда отъ насъ зависитъ его приподнять. Не знаю сказать, почему, а очень весело безпрестанно дѣлать другіе планы и возвращаться къ старымъ, какъ къ такимъ знакомымъ, съ которыми встрѣтиться весело, а разстаться не грустно. Это похоже на ѣзду въ дилижансѣ, гдѣ вмѣсто товарищей Нѣмцевъ съ одной стороны сидитъ Швейцарія, съ другой madame Италія и спереди monsieur Парижъ. Въ этихъ дилижансахъ ѣздимъ мы обыкновенно за обѣдомъ и за вечернимъ кофеемъ, потому что остальное время почти все проводится либо въ Университетѣ, либо за книгами и за итальянскими уроками. Въ университетѣ теперь лекціи скоро кончатся (25-го Авг. н. с.), и потому многіе профессоры, чтобы успѣть кончить свои лекціи, вмѣсто одного раза читаютъ 2 раза въ день, что отнимаетъ у насъ нѣсколько часовъ отъ болтанья, ничего недѣланья и отъ другихъ непринужденныхъ занятій. Прибавьте къ этому необходимость гулять подъ глубокимъ яхонтовымъ небомъ, послѣобѣденные южные жары, а больше всего мою врожденную и благопріобрѣтенную лѣность; составьте изъ всего этого благовидное фрикасе и попотчуйте имъ всѣхъ тѣхъ, къ кому я до сихъ поръ не писалъ. Особенно постарайтесь оправдать меня передъ милымъ Баратынскимъ, Языковымъ и Погодинымъ. Отъ перваго я получилъ милое письмо, на которое, если успѣю, буду отвѣчать сегодня; если же не успѣю, то на дняхъ, и пришлю письмо къ вамъ.... Въ Италію, больше картинъ и статуй, привлекаетъ меня небо. Южное небо надобно видѣть, чтобы понять и южную поэзію, и миѳологію древнихъ, и власть природы надъ человѣкомъ. Это небо говоритъ не воображенію какъ сѣверное, какъ звѣзды, какъ буря; оно чувственно прекрасно, и нужно усиліе, нужно напряженіе, чтобы любоваться имъ. Здѣсь небо такъ близко (не смотря на то, что глубоко), такъ близко къ человѣку, что ему не нужно подыматься на пальцы, чтобы достать до него, между тѣмъ какъ на сѣверѣ надобно взгромоздиться на цѣлую лѣстницу Оссіановскихъ тѣней, чтобы небо сдѣ-

лалось ощутительнымъ. Вы знаете, что я никогда не былъ энтузіастомъ природы; но на этотъ яхонтъ смотрю иногда право почти съ такимъ же чувствомъ, съ какимъ смотритъ на яхонтъ Жидъ. Такъ и рвется изъ груди вздохъ Гете и Веневитинова: отдайте мнѣ волшебный плащъ. Впрочемъ здѣсь мы рѣдко видимъ этотъ яхонтъ. Близость горъ и возвышенность мѣста даютъ намъ очень часто погоду Англійскую. За то, тѣмъ больше наслаждаемся мы хорошею. Иногда однако, когда вспомнится, что на сѣверѣ Россія, захочется и блѣднаго неба. Но чуть ли я не разсуждаю съ вами о погодѣ? Вотъ что значитъ побыть 7 мѣсяцевъ въ Германіи! Впрочемъ жизнь наша здѣсь такъ однообразна, такъ уединенна, что если выключить то, что̀ мы думаемъ объ васъ, что̀ читаемъ и слышимъ на лекціяхъ, то чуть ли не останется говорить объ одной погодѣ. Но повторять вамъ слышанное на лекціяхъ было бы скучно, и мудрено, и смѣшно, и дорого, повторять читанное въ книгахъ не лучше, а мысль объ васъ—какъ Итальянское небо, которое можно понять только чувствомъ, и которое въ описаніи будетъ только слово. Эти мысли, впрочемъ, какъ-то не доходятъ до мысли; онѣ то память, то чувство, то воздушный замокъ, то сонъ, и никогда не силлогизмъ. Покуда думаешь ихъ, не думая объ нихъ, кажется наполненъ мыслями; захочешь разсказать, ни одной не поймаешь въ слово. Тѣмъ больше, что все это, кажется, разсказывать не для чего. Въ самомъ дѣлѣ къ чему вамъ знать, что тогда-то я думалъ то-то, то какъ вы сидите вмѣстѣ, то какъ гуляете въ саду, то здоровы ли вы, то какъ я прощался съ вами, то Языковъ читаетъ на столѣ стихи, то у васъ болятъ глазки, то вы здоровы и веселы и думаете объ насъ, то какъ мы споримъ съ папенькой о политической экономіи, то толкуемъ о Шеллингѣ, то Андрюшка дернулъ бровкой, то Васька сочинилъ стихи и пр. Кстати, отъ чего вы не пришлете намъ ничего изъ дѣтскаго журнала? Еще больше кстати: какъ можно печатать мое письмо о Шлейермахерѣ? Не потому только, что слогъ, какъ вы говорите, не отдѣланъ и что показываться въ халатѣ передъ тѣми друзьями, которыхъ мнѣ сдѣлало мое обозрѣніе съ душегрѣйкой, было бы безразсудно, а передъ незнакомой публикой неприлично; но потому, что я говорю объ людяхъ живыхъ и къ тому же не такъ, какъ я говорилъ бы публично. . . . Пожалуйста, повѣрьте моимъ опытамъ и несомнѣнному убѣжденію, что видѣть меня такимъ, каковъ я въ самомъ дѣлѣ, и вмѣстѣ любить, можетъ только моя семья. Не многіе друзья мои, не всѣ исключеніе; изъ нихъ многіе любятъ такія качества, которыхъ я не имѣю. Но и вы, развѣ я вашъ не въ тысячу разъ лучше меня настоящаго..... Къ Баратынскому я написать не успѣлъ. До сихъ поръ еще не отвѣчалъ Шевыреву. Но скоро кончатся лекціи, и тогда я примусь за письма, и можетъ быть еще напишу что-нибудь для Языковскаго альманаха, разумѣется не въ такомъ родѣ, чтобы одолжить его столькими пріятелями, сколькими мнѣ обязанъ Макси-

мовичъ..... Благодарствуйте за то, что часто бываете подъ Симоновымъ; только что же вы такъ долго не пишете? Пришлите непремѣнно романъ Баратынскаго и то, что есть новаго Пушкина, Языкова, Вяземскаго и, если можно, хотя предисловіе къ Борису. Откуда такая досада на славу? Не уже ли жъ Булгарины могутъ заставить Пушкина молчать? Прощайте. Пишите больше и чаще и даже объ томъ, что вамъ кажется неинтереснымъ“.

21-го Августа.
2-го Сентября.

„Нашъ отъѣздъ въ Италію совсѣмъ еще не рѣшенъ, ни когда, ни куда именно; думаемъ однако, что около половины Сентября н. с. подымемся отсюда и подвинемся къ Сѣверной Италіи. Между тѣмъ письма ваши пусть идутъ сюда. Парижское письмо ваше пропало на почтѣ. Мнѣ его жаль. Я люблю перечитывать ваши письма, даже старыя, и часто это дѣлаю; такимъ манеромъ я иногда слушаю васъ больше двухъ часовъ, потому что пакетъ уже набрался порядочный. Зачѣмъ только въ этомъ разговорѣ столько печальнаго? Объ насъ разсказывать почти нечего; послѣ послѣдняго письма перемѣнилось только то, что мы не ходимъ въ университетъ, и больше лѣнимся, и больше вмѣстѣ, и строимъ больше плановъ, которые не исполняются. Я хотѣлъ написать кое что для Языкова альманаха, но до сихъ поръ еще не принимался. Столько разныхъ мыслей крестятся въ головѣ, что вся голова вышла церковь безъ попа, кладбище, которое ждетъ еще Ангела съ трубою. Трубу, впрочемъ, я нашелъ, только не ангельскую, а фрауенгоферскую. Я надѣюсь, что папенька будетъ ею доволенъ..... Можетъ быть, мы пробудемъ здѣсь недѣли три, можетъ быть меньше, можетъ быть больше, словомъ мы не знаемъ. Я между тѣмъ читаю Аріоста и совсѣмъ утонулъ въ его граціозномъ воображеніи, которое такъ же глубоко, тепло и чувственно, какъ Итальянское небо. Тассу я также только теперь узналъ цѣну; и вмѣстѣ понялъ все варварство тѣхъ, кто, оторвавши крылья у бабочки, думаютъ, что она полетитъ..... До сихъ поръ я не отвѣчалъ ни Шевыреву, ни Соболевскому, все откладываю до завтра. Но завтра примусь безъ отсрочки“.

Сентябрь.

„Изъ этого письма вы видите: 1) что братъ и Рожалинъ (особливо первый) непростительные лѣнтяи, которые откладывали писать къ вамъ до самаго часа отъѣзда; 2) вы видите, что они уѣхали въ Вѣну, чтобы провести тамъ около недѣли, что̀ вмѣстѣ съ путешествіемъ составитъ 3, или около. Богъ знаетъ, удастся ли имъ видѣть что нибудь интересное, кромѣ театра и улицъ: и можетъ быть кромѣ галлереи, куда можно войти безъ рекомендательныхъ писемъ, хотя съ ре-

комендательнымъ гульденомъ. Но еслибъ они ничего не видали, кромѣ Дунайскихъ береговъ, то все путешествіе было бы заплачено. Отчего же я не поѣхалъ? спросите вы. Отвѣтъ на этотъ вопросъ раздѣлили между собою братъ и Рожалинъ. Одинъ сказалъ одну половину причины, другой другую, слѣд. мнѣ остается только повторить обѣ половины, т. е. я не поѣхалъ для того, что пора раздѣлаться съ письмами и передъ поѣздкою въ Италію не худо быть посильнѣе въ Итальянскомъ языкѣ. Когда я вспомню, сколько мнѣ въ эти три недѣли написать писемъ, то волосы становятся дыбомъ отъ лѣни. Вотъ тѣ, къ кому мнѣ необходимо писать (изъ записной книжки моей я выпишу ихъ по азбучному порядку): Баратынскій, которому я до сихъ поръ не отвѣчалъ, Веневитиновъ, Кн. Волконская, которая черезъ Шевырева спрашиваетъ, получилъ ли я камешекъ; Жуковскій, тетенька Зонтагъ, Кошелевъ, Мальцевъ, Одоевскій, Петерсоны: Александръ, Юлій и Остафій; передъ послѣдними двумя я такъ виноватъ молчаніемъ, что не знаю, какія извиненія поставить въ началѣ письма, — Погодинъ, Скорятинъ, Шевыревъ, Языковъ; тутъ забылъ еще Соболевскаго, которому около двухъ недѣль я собираюсь отвѣчать на письмо, требующее отвѣта немедленнаго. Видите ли, какъ я тотъ же“.

2 Октября
20 Сентября.

„Я до сихъ поръ не кончилъ письма своего, потому что мнѣ было стыдно, или, лучше сказать, досадно посылать вамъ длинное письмо отъ себя, между тѣмъ какъ отъ нихъ только 2 строчки. Но, по счастію, теперь могу приложить сюда ихъ письма съ дороги, и, надѣюсь, вы объ нихъ безпокоиться не будете. Съ самаго ихъ отъѣзда я не выхожу изъ своей комнаты и бываю только въ трактирѣ, гдѣ обѣдаю, и въ музеѣ, гдѣ читаю газеты. Остальное время все посвящено Итальянскому языку. Признаюсь однако, что это изученіе Итальянскаго почти то же, что far niente, только ancora piu dolce, благодаря Аріосту. Я купилъ за 7 гульденовъ Данта, Петрарку, Аріоста и Тасса, словомъ Il Parnasso Italiano. Досталъ тоже Восассіо, остальныя книги беру у моего Cavallieri Maffei, и, безпрестанно перемѣняя одного другимъ, читаю ихъ всѣхъ вмѣстѣ, но больше Аріоста, выше котораго до сихъ поръ я не вижу ни одного поэта. Можетъ быть, это только жаръ перваго знакомства и пройдетъ какъ всякій жаръ, когда не достанетъ новыхъ дровъ. Однако не думаю, чтобы скоро. 35 пѣсенъ и каждая въ Расиновскую трагедію! Судьба точно насильно тащитъ меня въ Италію. Вы знаете, собирался ли я туда? Еще за 6 мѣсяцевъ я не думалъ учиться по Итальянски. Кстати, вы мнѣ дѣлаете слишкомъ много чести, предполагая, что я не поѣхалъ въ Парижъ отъ того. что боялся быть тамъ во время революціи. Право, не отъ того. Объ

революціи я узналъ тогда, когда уже все было почти кончено. Если это обстоятельство избавило васъ отъ лишняго безпокойства обо мнѣ, то благодарите за то одинъ случай, который вотъ уже болѣе года взялъ всю мою волю въ свои руки.

„Недавно видѣлъ я здѣсь Wallenstein'a. Эслеръ игралъ Валленштейна и игралъ превосходно. Но трагедія, не смотря на то, не произвела на меня никакого впечатлѣнія, и тѣмъ меньше, чѣмъ больше восхищались ею Нѣмцы. Не смотря на всѣ усилія, которыя я дѣлалъ, чтобы видѣть въ героѣ что нибудь, кромѣ Нѣмецкаго студента, ни на минуту не могъ обмануться. Гдѣ нужно дѣло, онъ говоритъ общія мысли; гдѣ нужно рѣшиться, онъ сомнѣвается; гдѣ надо думать, онъ разсказываетъ сонъ и пр. Вчера я былъ свидѣтелемъ славнаго Мюнхенскаго праздника Octoberfest, учрежденнаго здѣсь въ 1810 году, въ воспоминаніе и въ честь свадьбы нынѣшняго короля съ королевою. Народу было на огромномъ лугу (Teresienwiese) больше 60,000. Со всего государства собраны были лучшія лошади, коровы, быки, свиньи, бараны и пр. Самъ король осматривалъ ихъ и раздавалъ владѣльцамъ призы, состоящіе изъ знаменъ, книгъ (über Viehzucht und Ackerbau in Deutschland und besonders in Bayern) и изъ денегъ; потомъ была скачка, и хотя король уѣхалъ прежде 6 часовъ, народъ оставался за полночь. На всемъ лугу не было ни одного солдата, ни одного полицейскаго, выключая національной милиціи (Landmiliz), и не только не вышло ни одной драки, но и ни одного громкаго слова. Впрочемъ Нѣмцы, благодаря пиву, чѣмъ пьянѣе, тѣмъ тише. Замѣчательнѣе всего были свиньи. Я такихъ не видывалъ отъ роду. Извѣстно впрочемъ, что свиньи Баварскія, съ незапамятныхъ временъ, считаются первыми во всей Европѣ, не выключая и Чухонскихъ. Не смотря однако на всю торжественность этого праздника, мнѣ было на немъ больше чѣмъ скучно. Кромѣ двухъ глупыхъ Нѣмцевъ, съ которыми я только кланяюсь, потому что раза два съ ними обѣдалъ въ трактирѣ, у меня не было тамъ ни одного знакомаго. Это еще не бѣда; напротивъ, но не скучать мнѣ мѣшала какая-то böse Laune. Къ тому же на языкъ привязался противъ воли стихъ (какъ то часто бываетъ съ нашимъ семействомъ). Этотъ стихъ, который такъ неумѣстно вертѣлся на моемъ языкѣ, былъ изъ перваго монолога Гетевской Ифигеніи: Weh dem и пр. Чѣмъ больше я старался это прогнать, тѣмъ онъ возвращался сильнѣе, какъ бревно висящее, которое толкаетъ медвѣдь. Но въ вечеру дурной нравъ мой околдовалъ мой другъ Аріостъ. Этимъ я обязанъ ему уже не въ первый разъ, и это единственная книга, которой эпитетъ друга не натянутъ. Онъ грѣетъ, утѣшаетъ и разсѣеваетъ. Міръ его фантазіи—это теплая, свѣтлая комната, гдѣ можетъ отдохнуть и отогрѣться, кого морозъ и ночь застали на пути. Я не знаю, впрочемъ, засидится ли въ этой комнатѣ тотъ, кто ѣздитъ въ шубѣ и съ фонарями. Потому совсѣмъ не удивляюсь, что Аріостъ не для

всѣхъ величайшій изъ поэтовъ. Для большей части людей его вымыслы должны казаться вздоромъ, въ которомъ нѣтъ ни тѣни правды. Но мнѣ они именно потому и нравятся, что они вздоръ, и что въ нихъ нѣтъ ни тѣни правды. Окончивъ Аріоста, примусь за Баярда, котораго знаю только изъ папенькиныхъ разсказовъ, которые еще въ Долбинѣ дѣлали на меня сильное впечатлѣніе, такъ что боюсь найти его ниже ожиданія. 5 Октября. Сейчасъ получилъ письмо отъ Рожалина и брата изъ Вѣны. Они въ восторгѣ отъ одного изъ..... Вѣнскихъ театровъ; уже изъ трактира переѣхали на квартиру; однако денегъ, посланныхъ мною, еще не получали, и не чудаки ли, т. е. боятся, что я не скоро ихъ вышлю, можетъ быть залѣнюсь и пр. Они оттуда хотятъ писать къ вамъ и потому я письма ихъ ко мнѣ не посылаю. Въ Вѣнѣ останутся они около мѣсяца; однако письма къ нимъ присылайте ко мнѣ. Къ тому же отвѣтъ на это письмо уже не найдетъ ихъ (тамъ). Я между тѣмъ буду писать къ вамъ чаще обыкновеннаго, чтобы хоть этимъ вызвать ваши письма. Знаете ли однако, что писать къ вамъ, не получая такъ долго отъ васъ, совсѣмъ не удовольствіе. Правда, что, писавши къ вамъ, я больше съ вами, чѣмъ когда просто объ васъ думаю. Однако я говорю съ вами какъ глухой и слѣпой, который знаетъ, что слышатъ его, но не знаетъ, кстати ли то, что онъ говоритъ; не знаетъ, что дѣлается вокругъ него, боится шутить не въ пору, боится не въ пору вздохнуть и можетъ быть даже замолчалъ бы, если бы не боялся, что и молчаніе его будетъ не въ пору“.

Октябрь.

„Я получилъ ваше письмо отъ 8 Сентября и тотчасъ же послалъ его къ брату, который еще въ Вѣнѣ, и, какъ говоритъ, писалъ къ вамъ 2 раза. Изъ его писемъ вы видите, что онъ не теряетъ времени даромъ. Но ваше письмо—знаете ли вы, что я послѣ него чуть-чуть не поѣхалъ къ вамъ. Сначала потому, что было испугался чумы, а потомъ, обдумавши, что вы не станете рисковать нашими,—уже не для чумы, а просто для того, что возможность скоро увидаться съ вами, родила во мнѣ такое желаніе отправиться къ вамъ, что долженъ былъ испытать надъ собою все краснорѣчіе благоразумія, чтобы остаться въ Мюнхенѣ. Краснорѣчіе это имѣло успѣхъ, но до сихъ поръ я еще не знаю, прочный ли. Жду съ нетерпѣніемъ еще письма отъ васъ, и увѣренъ, что послѣ послѣдняго вы не заставите меня долго дожидаться. Иначе, т. е., если 12 Ноября н. с., ровно черезъ мѣсяцъ послѣ послѣдняго, я не получу отъ васъ втораго письма, то къ 12 декабря ждите меня въ Москву. Что за бурлаки, которые пришли въ Ниж. Новгородъ съ чумою, какъ пишетъ Journal de St.-Pétersbourg? И вы послѣ всего этого еще мѣсяцъ, можетъ быть, не будете писать! Разумѣется, я буду здѣсь дожидаться новыхъ отъ васъ вѣстей и не уѣду въ Италію, какъ вы думаете, прежде чѣмъ увѣрюсь на вашъ счетъ. Не знаю еще,

что скажетъ братъ въ отвѣтъ на ваше письмо..... Изъ стиховъ, присланныхъ вами, разумѣется Языковскіе прочелъ я съ больше крѣпкимъ чувствомъ. О псалмѣ и говорить нечего. Стихи къ сестрѣ (можетъ быть братство вмѣшивается одно въ судейство) показались мнѣ chef d'oeuvre этого рода. Какая грація, приличность и мѣрность и вмѣстѣ какая Языковская ковка! Присылайте скорѣе Баратынскаго поэму. Объ себѣ сказать мнѣ почти нечего новаго, кромѣ того, что я уже не такъ уединенно живу; я, случайно познакомившись съ нѣкоторыми молодыми людьми не Нѣмецкаго покроя, почти каждый вечеръ ужинаю вмѣстѣ съ ними, иногда даже у одного изъ нихъ; проводимъ мы цѣлыя ночи въ толкахъ объ суетѣ мірской и премудрости Божіей, т. е. изъ пустаго въ порожнее..... Соболевскій съ Шевыревымъ удивляются, что мы съ Рожалинымъ такъ долго къ нимъ не пишемъ. А мы всего просрочили только 5 мѣсяцевъ отвѣчать послѣднему, и 2— первому; вообразите странность съ ихъ стороны! Шевыревъ пишетъ мнѣ, что онъ послалъ на Булгарина громовое письмо; что такое? Жаль мнѣ бѣдной Марѳы, если она всуе печешеся. Но этотъ опытъ какъ бы ни былъ неудаченъ въ стихахъ, будетъ небезполезенъ для его прозы. Что онъ заводитъ типографію, я очень радъ: будутъ двѣ хорошихъ; но что Языковъ издаетъ альманахъ, я хотя и радъ, однако не знаю, что прислать ему. Постараюсь къ тому времени что нибудь сдѣлать. А между тѣмъ прощайте“.

30-го Октября.

„Вотъ и братъ воротился съ Рожалинымъ изъ Вѣны, а отъ васъ еще нѣтъ писемъ. Я сказалъ уже, что покуда не получу, въ Италію не поѣду, но эта угроза что-то не дѣйствуетъ. Если еще нѣсколько времени пройдетъ безъ писемъ отъ васъ, тогда, вмѣсто Италіи, я поѣду въ Россію. Потому, смотрите, не удивитесь, если я вдругъ явлюсь передъ вами. Что сказать вамъ теперь объ насъ? Изъ письма брата вы, вѣроятно, видите, что онъ ѣздилъ не понапрасну, что онъ видѣлъ много новаго, интереснаго, а пуще всего радъ тому, что и въ Вѣнѣ Нѣмцы—Нѣмцы. Объ себѣ сказать вамъ нечего. Теперь разумѣется съ братомъ и Рожалинымъ безпрестанно, покуда опять выскажемся до истощенія. Впрочемъ, мнѣ разсказывать имъ было нечего, кромѣ Октябр. праздника, да фейерверка, который состоялъ изъ 3-хъ ракетъ и одного бурака. Итальянскій языкъ мой дошелъ до того, что я могу уже сказать: date mi mangiare, слѣд. въ Италіи съ голоду не умру. За то я все почти понимаю и даже стихи. Скажите Баратынскому, что я начинаю читать Alfieri, и только для того ничего не читалъ до сихъ поръ изъ его трагедій, чтобы вполнѣ оцѣнить того, кого Баратынскій называетъ величайшимъ поэтомъ. Что вы не пишете? Что болѣзнь Веневитинова? Что холера? Гдѣ она? Продолжаютъ ли у васъ говорить объ ней? Надѣюсь, однако, что на всѣ эти вопросы вы будете отвѣчать еще прежде, чѣмъ

получите это письмо. Объ нашей будущей поѣздкѣ въ Италію нельзя сказать навѣрное когда, за то можно утвердительно сказать куда, т. е. въ Римъ, въ Римъ къ Ватикану, къ Шевыреву, къ Папѣ, и къ св. Петру, и все, если мы получимъ скоро письма отъ васъ. Иначе мы бросимъ жеребій: одинъ на сѣверъ, другой на югъ.—Рожалинъ останется здѣсь, потому адресуйте къ нему всѣ письма. Онъ будетъ знать, гдѣ мы и какъ переслать намъ что нужно. Боюсь, однако, что онъ будетъ тутъ слишкомъ одинъ. Уединеніе можетъ сдѣлать его не то что мизантропнѣе, а людобоязненнѣе, хотя онъ способенъ къ тому и къ другому. Я недавно опять получилъ письмо отъ Шевырева въ отвѣтъ на мое. Онъ уже заготовляетъ намъ комнату и пишетъ, что рѣжетъ Булгарина. Читали ли вы его критики? и хороши ли?

„Я къ вамъ пишу сегодня не много, потому что братъ пишетъ больше, и Рожалинъ также, кажется, не лѣнится. Я не много опоздалъ и не хочу откладывать письма до завтра, потому что и такъ мы уже долго откладывали, и я боюсь, что если письмо опоздаетъ, то вы будете безпокоиться о братѣ, и о томъ, какъ онъ пріѣхалъ изъ Вѣны. Потому прощайте! Скоро либо напишу къ вамъ еще, либо самъ пріѣду. Обнимаю васъ отъ всей души; поклонитесь всѣмъ, кто обо мнѣ помнитъ“.

11-го Ноября.

„Здравствуйте! Вотъ я въ Варшавѣ, ѣду къ вамъ, однако не въ Москву, потому что увѣренъ, что вы оттуда уѣхали, а въ Петербургъ, гдѣ по всѣмъ вѣроятностямъ вы должны быть теперь. Въ Москву же пишу къ вамъ только такъ, на удачу, и крѣпко надѣюсь, что мое письмо сдѣлаетъ крюкъ изъ Москвы въ Петербургъ. Однако, не смотря на крюкъ, оно придетъ прежде меня, потому что я здѣсь долженъ ждать цѣлую недѣлю, ибо дилижансъ отходитъ только въ середу, а теперь четвергъ; къ тому же этотъ проклятый дилижансъ идетъ два дня съ половиной до Польской границы. Тамъ я возьму извощика можетъ быть до самаго Петербурга, потому что на почтѣ, или на перекладныхъ ѣхать и слишкомъ дорого и безъ человѣка невѣрно, ибо когда некому смотрѣть за вещами, то само собою разумѣется, что онѣ могутъ пропасть. Хотя я не везу съ собой никакихъ драгоцѣнностей, однако все непріятно остаться въ одной шубѣ. Извощикъ же, который меня повезетъ, принадлежитъ Графу Гуровскому, съ которымъ я здѣсь познакомился, или, лучше сказать, возобновилъ знакомство, ибо зналъ его въ Мюнхенѣ. Онъ ручается мнѣ за вѣрность, услужливость и расторопность своего кучера и за доброту его лошадей. Не смотря на то однако, что я везу и кучеру и лошадямъ грозный ордеръ отъ барина, въ которомъ сказано между прочимъ: ѣхать какъ можно скорѣе, вся моя дорога съ фурманомъ продолжится около двухъ съ половиною недѣль, а можетъ быть и больше; слѣдовательно

въ Петербургъ пріѣду я не прежде половины Декабря, ибо сегодня 11-е Ноября. Если не найду васъ тамъ, то узнаю отъ Жуковскаго, гдѣ вы, и отправлюсь туда. Вотъ и разлука наша, которая при началѣ казалась безъ конца, сама собою кончилась. Еще не прошло года, какъ я васъ оставилъ. Кажется, судьба только пошутила съ нами, заставивши насъ прощаться такъ на долго. Хотя эта шутка была совсѣмъ Нѣмецкая, и ни она сама, ни ея развязка, совсѣмъ не забавны. Неужели и судьба Нѣмка? Вы видите, милая маменька, что я ѣду къ вамъ съ совершенно спокойнымъ духомъ, ибо твердо увѣренъ, что вы не подвергаете ни себя для насъ, ни нашихъ ни малѣйшей опасности. Я не сомнѣваюсь, что это письмо пришлется къ вамъ либо въ Петербургъ, либо въ Ригу, и что вы уѣхали изъ Москвы, какъ скоро пріѣхалъ папенька изъ деревни, а папенька, конечно, не рисковалъ вами изъ лишняго рубля, который онъ могъ бы выхозяйничать тамъ, и расчелъ, что лучше уѣхать безъ ничего, чѣмъ оставаться съ тысячами. Однако признаюсь вамъ, что страхъ иногда находитъ на меня. Но я умѣю его разгонять больше простою волею, чѣмъ благоразумнымъ разсужденіемъ. Пишите какъ можно скорѣе къ брату, который остался въ Мюнхенѣ и боится за васъ еще больше меня. Уже двѣ недѣли, какъ я его оставилъ, и если онъ еще не получилъ объ васъ извѣстія, то это было бы съ вашей стороны слишкомъ жестоко. Но нѣтъ нѣтъ! прочь всѣ безпокойныя мысли, вы къ нему писали изъ Петербурга. И онъ покоенъ на вашъ счетъ. Я хочу вѣрить всему хорошему, хочу не сомнѣваться въ лучшемъ; иначе, поддавшись страху дурнаго, теперь какая бы душа могла устоять? За чѣмъ я оставилъ васъ? Но что сдѣлано, то сдѣлано. Прошедшаго воротить нельзя, и мы властны только надъ настоящимъ. Надъ нимъ я буду господиномъ, буду управляться собою и докажу это даже въ этихъ обстоятельствахъ надъ своими чувствами и воображеніемъ. Я буду покоенъ до тѣхъ поръ, покуда увижусь съ вами. Еще цѣлый мѣсяцъ! Но запасъ моей воли станетъ еще на долѣе. Прощайте, обнимаю васъ всѣхъ. Гостинцевъ не везу никому, выключая меньшихъ, и то только для того, чтобы они были мнѣ рады. При выѣздѣ изъ Варшавы, т. е. черезъ недѣлю, буду писать еще, а теперь еще разъ обнимаю васъ. Вашъ Иванъ.

„Сейчасъ явился извощикъ, который берется доставить меня до Польской границы за три червонца, вмѣстѣ съ другимъ пассажиромъ, который платитъ столько же. И такъ я ѣду сего дня. Прощайте до Петербурга“.

Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій воротился въ Москву 16 Ноября черезъ недѣлю пріѣхалъ и Петръ Васильевичъ, промедливши по не волѣ нѣсколько дней въ Кіевѣ *). На этотъ разъ холера, слава Богу,

*) П. В. проѣхалъ черезъ Варшаву наканунѣ возмущенія. Курьеръ, привезшій извѣстіе о вспыхнувшемъ возмущеніи, пріѣхалъ въ Кіевъ нѣсколькими часами

не коснулась ихъ семьи и оба брата нашли здоровыми всѣхъ своихъ близкихъ и друзей.

Въ продолженіе 1831 года, И. В. Кирѣевскій написалъ нѣсколько водевилей и комедій, которые были разыграны на домашнемъ театрѣ. Вмѣстѣ съ Языковымъ написалъ онъ „Вавилонскую Принцессу“, драматическую фарсу въ прозѣ, перемѣшанную стихами, и осенью приступилъ къ исполненію давно задуманнаго плана: изданію журнала. Названіе „Европеецъ“ достаточно указываетъ на тогдашній образъ мыслей Кирѣевскаго. Ревностными сотрудниками Европейца въ Москвѣ были Языковъ, Баратынскій и Хомяковъ; въ Петербургѣ Жуковскій, Кн. Вяземскій, А. И. Тургеневъ и Кн. Одоевскій. Въ концѣ этого года Жуковскій пріѣхалъ въ Москву и отдалъ для перваго нумера свою сказку „О спящей царевнѣ“, и тотчасъ послѣ выхода первой книжки, прислалъ „Войну мышей и лягушекъ“, „Судъ Божій“, „Царя Берендея“ и нѣсколько мелкихъ піэсъ, почти что цѣлый томъ стихотвореній. Пушкинъ, довольный разборомъ Бориса Годунова, написалъ Языкову, что пришлетъ для Европейца все, что будетъ имъ окончено, радовался новому журналу, и обѣщалъ свое полное и дѣятельное сотрудничество. Европейцу предстояла блестящая будущность; все что было знаменитаго тогда въ литературѣ, блестящіе таланты того времени, которыми, по справедливости, всегда будетъ гордиться Русская словесность, люди эти безкорыстно соединились для дружной дѣятельности. Но Европейца вышло только двѣ книжки; все что было въ этихъ книжкахъ самого Кирѣевскаго, нынѣ перепечатано вполнѣ. Читатель можетъ ясно видѣть, что въ статьяхъ сихъ нѣтъ ничего возмутительнаго, ничего такого, что могъ бы вычеркнуть самый подозрительный цензоръ нашего времени. Но у Кирѣевскаго было много враговъ литературныхъ, которымъ не нравился успѣхъ новаго журнала, и которые не могли забыть его прежнихъ критическихъ разборовъ.

прежде Кирѣевскаго. Въ Кіевѣ, въ полиціи отказались дать свидѣтельство для полученія подорожной; полиціи показалось страннымъ, что человѣкъ спѣшитъ въ чумный городъ, изъ котораго всѣ старались выѣхать; Польское окончаніе фамиліи на скій; паспортъ, въ которомъ было прописано, что при г-нѣ Кирѣевскомъ человѣкъ, между тѣмъ какъ онъ возвращался одинъ, ибо человѣкъ былъ отпущенъ нѣсколько мѣсяцевъ прежде; всѣ эти обстоятельства показались подозрительными и полиція не дозволила выѣхать изъ города, безъ высшаго разрѣшенія. Мюнхенскаго студента потребовали явиться къ Генералъ-Губернатору: тогда Ген. Губ былъ Княжнинъ. Онъ принялъ Кирѣевскаго строго и сухо, предложилъ ему нѣсколько вопросовъ, и, выслушавъ отвѣты, въ раздумьѣ началъ ходить по комнатѣ. Молодой Кирѣевскій, не привыкшій къ такимъ начальническимъ пріемамъ, пошелъ вслѣдъ за нимъ. „Стойте, молодой человѣкъ“! воскликнулъ Генералъ-Губернаторъ, закипѣвшій отъ негодованія. „Знаете ли вы, что я сейчасъ же могу засадить васъ въ казематъ, и вы сгніете тамъ у меня, и никто никогда объ этомъ не узнаетъ?“ „Если у васъ есть возможность это сдѣлать, спокойно отвѣчалъ Кирѣевскій, то вы не имѣете права это сдѣлать!“ „Ступайте,“ сказалъ Г. Губернаторъ, нѣсколько устыдившись своей неумѣстной вспыльчивости, и въ тотъ же вечеръ приказалъ выдать подорожную.

Статья его „XIX вѣкъ“ была перетолкована, и 22 Февр. 1832 года журналъ былъ запрещенъ. Въ запретительной бумагѣ было сказано: что „хотя сочинитель и говоритъ, что онъ говоритъ не о политикѣ, а о литературѣ, но разумѣетъ совсѣмъ иное: подъ словомъ просвѣщеніе онъ разумѣетъ свободу, дѣятельность разума означаетъ у него революцію, а искусно отысканная середина ничто иное, какъ конституція; статья сія не долженствовала быть дозволена въ журналѣ литературномъ, въ каковомъ запрещается помѣщать что либо о политикѣ, и вся статья, не взирая на ея нелѣпость, писана въ духѣ самомъ неблагонамѣренномъ“. Далѣе разборъ представленія „Горе отъ ума“ признанъ за самую непристойную выходку противъ находящихся въ Россіи иностранцевъ. Почему Цензоръ былъ подвергнутъ законному взысканію, продолженіе журнала воспрещено, и Кирѣевскій официально признанъ человѣкомъ неблагомыслящимъ и неблагонадежнымъ. Цензоръ Серг. Тим. Аксаковъ, пропустившій въ то же время шуточную поэму „12-ть спящихъ буточниковъ“, вскорѣ былъ отставленъ. Кирѣевскому, кромѣ запрещенія журнала, угрожало удаленіе изъ столицы, и онъ спасенъ былъ только горячимъ и энергическимъ заступничествомъ В. А. Жуковскаго.

Счастливы мы, что живемъ въ такія времена, когда не только возможно перепечатать статьи, вполнѣ безвредныя, не только возможно разсказать о тогдашней цензурной придирчивости, но когда подобныя цензурныя дѣла перешли уже въ область преданія, которому вѣрится съ трудомъ, стали дѣлами давно минувшихъ дней, глубокою стариною, которой, слава Богу, конечно не суждено уже возродиться *).

Глубоко поразила Кирѣевскаго эта неудача на поприщѣ журнальной дѣятельности, онъ смотрѣлъ на нее какъ на лучшее средство быть полезнымъ отечеству, готовился къ ней, какъ къ святому подвигу жизни, и дѣятельность эта, поддержанная дружескимъ сотрудни-

---

*) Книжки Европейца сдѣлались библіографической рѣдкостью, поэтому перепечатываемъ вполнѣ оглавленіе первыхъ двухъ нумеровъ: № 1. Девятнадцатый вѣкъ, И. В. Кирѣевскаго.—Сказка о спящей Царевнѣ, В. А. Жуковскаго.—Императоръ Іуліанъ, переводъ изъ Вильменя, Д. С. — О слогѣ Вильменя, И. В. Кирѣевскаго.—Элегія. Е. А. Баратынскаго.—Е. А. Свербѣевой,—Ау, стихотворенія, Н. М. Языкова.—Чернецъ, повѣсть съ Нѣмецкаго. — Письма Гейне о картинной выставкѣ.—Критика: Обозрѣніе Русской Литературы И. В. Кирѣевскаго.—Письма изъ Парижа Людвига Берне. Смѣсь. Литературныя Новости, А.—Сѣверо-американскій Сенатъ. С.—Мысли изъ Жанъ Поля. Д. — Горе отъ Ума на Московской сценѣ И. В. Кирѣевскаго.—Е. Письмо изъ Лондона.

№ 2. Война мышей и лягушекъ. В. А. Жуковскаго.—Перстень, повѣсть въ прозѣ Ев. А. Баратынскаго.—Воспоминаніе. Стихотвореніе Н. М. Языкова.—Карлъ Марія Веберъ, съ Нѣмецкаго.—Конь Н. М. Языкова.—Элегія его же.—Языкову Е. А. Баратынскаго. — Письма Гейне. Окончаніе. — Современное состояніе Испаніи, статья, составленная П. В. Кирѣевскимъ.—Иностранкѣ, А. С. Хомякова. — Ей же, А. С. Хомякова. Обозрѣніе Русской Литературы. И. В. Кирѣевскаго. О Бальзакѣ. — Смѣсь. Письмо изъ Парижа. А. И. Тургенева. Письмо изъ Берлина.—Русскіе Альманахи: И. В. Кирѣевскаго.—Антикритика Е. А. Баратынскаго. О небесныхъ явленіяхъ.

чествомъ людей, мнѣніемъ и одобреніемъ которыхъ онъ дорожилъ еще болѣе, чѣмъ блескомъ успѣха, дѣятельность эта была внезапно порвана при самомъ началѣ. Кирѣевскій пересталъ вовсе писать. Въ продолженіе 11-ти лѣтъ, имъ не было написано ни одной статьи, подъ которой онъ подписалъ свое имя. Маленькій разборъ стихотворенііі Языкова, помѣщенный въ Телескопѣ, былъ напечатанъ безъ имени. Близкіе друзья его, и даже самъ Языковъ не знали, что статья принадлежитъ ему. Небольшая статейка объ Русскихъ писательницахъ была написана по просьбѣ Анны Петровны Зонтагъ, для Одесскаго Альманаха, изданнаго съ благотворительною цѣлью. Повѣсть Опалъ и другой отрывокъ изъ повѣсти были написаны для Европейца, хотя и были напечатаны въ послѣдствіи. Въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ Кирѣевскій почти ничего не писалъ, и когда онъ снова началъ печатно высказывать свои мысли (1845), онѣ, по направленію, были во многомъ несогласны съ тѣми мнѣніями, выраженіемъ которыхъ служилъ Европеецъ.

Повторимъ здѣсь слова Хомякова: „слишкомъ рано писать біографію Кирѣевскаго; о движеніи и развитіи его умственной жизни говорить еще нельзя, они такъ много были въ соприкосновеніи съ современнымъ и еще недавно минувшимъ, что не возможно говорить о нихъ вполнѣ искренно и свободно“. Въ этомъ очеркѣ мы и не думаемъ писать полной его біографіи; передавая въ хронологическомъ порядкѣ письма его къ семьѣ и друзьямъ, мы старались сдѣлать нѣсколько объяснительныхъ примѣчаній, разсказать о тѣхъ внѣшнихъ событіяхъ его жизни, во время которыхъ были писаны его сочиненія и письма, нынѣ печатаемыя. Мы вовсе не думали анализировать движеніе его умственной жизни; замѣтимъ одно: могъ измѣниться его взглядъ на многія историческія явленія, на значеніе Петровскаго преобразованія, даже на все наше просвѣщеніе въ отношеніи къ просвѣщенію Западному, но въ самомъ Кирѣевскомъ не было рѣзкихъ противорѣчій. Читатель можетъ видѣть, еще до изданія Европейца, изъ его письма объ Шлейермахерѣ, что и тогда Кирѣевскаго не удовлетворила разсудочная раздвоенность Нѣмецкаго философа-богослова; что онъ и тогда требовалъ цѣльности воззрѣнія, хотя и не высказывалъ прямо этого слова. Въ немъ самомъ не было этой раздвоенности; его сердечная увѣренность никогда не была въ разладѣ съ его логическими выводами. „Кто не понялъ мысли чувствомъ, тотъ еще не понялъ ее вполнѣ, точно также какъ и тотъ, кто понялъ ее однимъ чувствомъ“, писалъ Кирѣевскій въ 1827 году. Логическій выводъ былъ у Кирѣевскаго всегда завершеніемъ и оправданіемъ его внутренняго вѣрованія, и никогда не ложился въ основаніе его убѣжденія.

Подлѣ Кирѣевскаго, неразлучно съ самыхъ первыхъ лѣтъ дѣтства, былъ его братъ Петръ Васильевичъ. Они были связаны такою нѣжною, горячею дружбою, которая бываетъ рѣдка даже между братьями. Мы

видѣли выше, изъ писемъ Ивана Васильевича, какъ высоко онъ цѣнилъ своего меньшаго брата, но въ эпоху запрещенія Европейца, взгляды ихъ во многомъ были несходны. Шедро одаренный отъ природы *), Петръ Васильевичъ, съ молоду, съ особенной любовью сосредоточилъ всѣ свои силы надъ изученьемъ Русской старины и выработалъ свой самостоятельный взглядъ—глубокое убѣжденіе въ безусловномъ вредѣ насилія Петровскаго переворота, въ этомъ отступничествѣ дворянства отъ коренныхъ началъ Русской народной жизни. Онъ долго оставался одинокъ съ своими убѣжденіями, они казались чудачествомъ, непослѣдовательностью въ человѣкѣ, который искренно былъ преданъ свободѣ и просвѣщенію, и Ивану Кирѣевскому трудно было согласить свои Европейскія мнѣнія съ упорнымъ Славянствомъ брата. Ихъ разномысліе въ такомъ жизненномъ вопросѣ выражалось почти что въ ежедневныхъ, горячихъ спорахъ, состояніе это не могло не быть крайне тяжелымъ для того и другаго; чтобы уцѣлѣла вполнѣ ихъ единодушная дружба, необходимо было, чтобы одинъ изъ нихъ пересоздалъ свой образъ мыслей о Русскомъ народѣ. Кажется, можно съ увѣренностью сказать, что при непрерывномъ, страстномъ обмѣнѣ мыслей и свѣденій, взглядъ старшаго брата постепенно измѣнялся, по мѣрѣ того, какъ несокрушимо-цѣльное убѣжденіе младшаго укрѣплялось и опредѣлялось изученіемъ современной народности и древней, вѣчевой Руси.

Иванъ Кирѣевскій былъ дружень съ Дмитріемъ Влад. Веневитиновымъ, и еще съ 1824-года былъ знакомъ съ другомъ Веневитинова, Алек. Степ. Хомяковымъ; послѣ запрещенія Европейца, короткое знакомство ихъ перешло въ дружбу. Ал. Ст. Хомяковъ былъ ревностный исполнитель обрядовъ православной церкви, еще въ то время, когда въ высшемъ обществѣ, воспитанномъ на Французскій ладъ, невѣріе считалось признакомъ либеральности, а православіе едва ли не служило синонимомъ невѣжества. Для многихъ, не коротко знавшихъ Хомякова, его строгое постничество казалось однимъ желаніемъ идти

---

*) Петръ Вас. говорилъ и писалъ на семи языкахъ; свѣтлый умъ его былъ обогащенъ многообразными свѣденіями, но способности его были гораздо меньше блестящи, нежели у старшаго брата, ибо онъ не былъ такъ краснорѣчивъ и писалъ съ большимъ трудомъ. Единственная статья его была написана для Москвитянина 1845-го года; изъ переводовъ его молодости остались въ рукописи нѣсколько оконченныхъ трагедій Кальдерона (съ Испанскаго) и Шекспира. Его переводъ исторіи Магомета, Вашингтонъ Ирвинга, былъ напечатанъ послѣ его смерти. Свой подвигъ собиранья русскихъ пѣсенъ онъ началъ лѣтомъ 1831-го года. Въ молодости Петръ В. былъ крайне застѣнчивъ, потому изъ друзей брата съ нимъ сдружались только тѣ, кого судьба приводила пожить нѣсколько лѣтъ подъ одной кровлей. Одинаковость основныхъ убѣжденій заставила Хомякова искать сближенія съ нимъ. Онъ говорилъ, что не видывалъ человѣка съ большими миссіонерскими способностями. Вспомнимъ здѣсь другое справедливое замѣчаніе Хомякова; невозможна отдѣльная біографія Ивана В., также какъ невозможна отдѣльная біографія Петра В., возможна только біографія братьевъ Кирѣевскихъ.

на перекоръ принятыхъ обычаевъ свѣта, для того, чтобы вызвать на споръ и въ спорѣ потѣшить свои блестящія діалектическія способности. Кирѣевскій былъ друженъ съ нимъ и зналъ, что въ Хомяковѣ все было искренно, все основывалось на твердой и сознательной вѣрѣ, и что эта животворящая струя проникла въ немъ всѣ изгибы его бытія. Духовную высоту, нравственную чистоту его характера, Кирѣевскій цѣнилъ выше и его прекраснаго поэтическаго таланта и геніальныхъ способностей его ума. Хомяковъ съ ранней молодости былъ славянофиломъ; въ этомъ отношеніи онъ дружно сошелся съ Петромъ Кирѣевскимъ и одинъ изъ первыхъ и вполнѣ оцѣнилъ, узналъ его.

Въ 1834 году исполнились давнишнія сердечныя желанія Кирѣевскаго. Въ Мартѣ мѣсяцѣ онъ помолвилъ и 29 Апрѣля женился на Натальѣ Петровнѣ Арбеневой. Вскорѣ послѣ свадьбы онъ познакомился съ схимникомъ Новоспасскаго монастыря, отцомъ Филаретомъ, и когда впослѣдствіи короче узналъ его, сталъ глубоко уважать и цѣнить его бесѣды. Во время предсмертной болѣзни старца, И. В. ходилъ за нимъ со всею заботливостію преданнаго сына, цѣлыя ночи просиживалъ въ его кельѣ надъ постелью умирающаго. Конечно, это короткое знакомство и бесѣды схимника не остались безъ вліянія на его образъ мыслей и содѣйствовали утвержденію его въ томъ новомъ направленіи, которымъ были проникнуты его позднѣйшія статьи.

Съ 1834 года, Кирѣевскій проводилъ почти всегда зимы въ Москвѣ, уѣзжая на лѣто въ свое Долбино. Зимою 1839 года у него бывали еженедѣльные вечера, для небольшаго круга его друзей. По условію, каждый изъ посѣтителей долженъ былъ поочереди прочесть что нибудь вновь написанное. Тутъ нѣсколько разъ читалъ Гоголь свои комедіи и первыя главы тогда еще неизданныхъ Мертвыхъ Душъ; для этихъ вечеровъ была написана покойнымъ профессоромъ Крюковымъ прекрасная статья о древней Греческой Исторіи, и А. С. Хомяковъ написалъ статью О старомъ и новомъ. Статья эта въ нѣкоторыхъ частностяхъ какъ будто противорѣчитъ выраженному впослѣдствіи взгляду Алексѣя Степановича на Русскую исторію; но она никогда не предназначалась для печати. Очень можетъ быть, что Хомяковъ написалъ ее съ намѣреніемъ вызвать возраженіе со стороны Кирѣевскаго. Отвѣтная статья Кирѣевскаго принадлежитъ уже къ его позднѣйшему направленію, тому направленію, которое впослѣдствіи онъ самъ называлъ Православно-Славянское, „которое преслѣдуется странными нападеніями, клеветами, насмѣшками, но во всякомъ случаѣ достойно вниманія, какъ такое событіе, которому, по всей вѣроятности, предназначено занять не послѣднее мѣсто въ судьбѣ нашего просвѣщенія“. Во главѣ этого новаго умственнаго движенія были братья Кирѣевскіе и Хомяковъ, и вокругъ нихъ собралось нѣсколько молодыхъ и сочувствующихъ людей, между коими нельзя не вспомнить Дмит. Александ. Валуева, племянника Языкова, выросшаго вблизи Кирѣевскихъ и раз-

витіемъ своимъ во многомъ обязаннаго ихъ вліянію. Валуевъ скончался въ первой молодости, но безъ отдыха до самой смерти, во вредъ своему здоровью, сгорая жаждою дѣятельности, неутомимо трудился надъ задуманными имъ изданіями. Первые томы Славянскаго и Симбирскаго сборниковъ долженствовали быть началомъ обширнаго предпріятія. Кто зналъ твердую волю и неутомимое трудолюбіе покойнаго Валуева, тотъ смѣло могъ бы поручиться, что наша ученая литература обогатилась бы многими и многими книгами, еслибы смерть прежде времени не подкосила эту молодую, дѣятельную жизнь. Два сборника, изданные Валуевымъ, первыя по времени книги, которыя вполнѣ принадлежатъ Московскому Славянскому направленію. Москвитянинъ, начавшійся въ сороковыхъ годахъ, не смотря на сочувствіе къ Славянамъ, на уваженіе къ древней Русской исторіи, никогда не былъ вполнѣ выраженіемъ того образа мыслей, во главѣ котораго стояли Хомяковъ и Кирѣевскіе. До 1845 года Кирѣевскіе вовсе не участвовали въ Москвитянинѣ; участіе Хомякова было отрывочно; это было переходное время, когда еще два мнѣнія не раздѣлились на два отдѣльные лагеря, когда въ Библіотекѣ для Воспитанія (изданіе, выходившее подъ редакціей Валуева) участвовали и Грановскій, и Хомяковъ, и Кирѣевскій (Кирѣевскимъ написана была для Библіотеки краткая біографія Баратынскаго). Къ сожалѣнію, сохранилось весьма мало писемъ Кирѣевскаго, этой переходной эпохи, отчасти отъ того, что онъ въ это время рѣдко уѣзжалъ на долго изъ Москвы, и поэтому не писалъ писемъ къ друзьямъ, съ которыми часто видался. Помѣщаемъ здѣсь письма къ Н. М. Языкову и къ А. С. Хомякову.

Къ Н. М. ЯЗЫКОВУ.

4 Іюня 1836.

„Теперь главное мое занятіе—хозяйство, т. е. когда вообще я имѣю время заниматься чѣмъ нибудь. Обыкновенно же у меня ничего не дѣлать перемѣшано съ минутными, разрывчатыми заботами, и такъ уходитъ день за другимъ. Но тебѣ, какъ человѣку неженатому, беззаботному, непростительно ничего не дѣлать, а еще непростительнѣе быть больнымъ. Это говорю я не въ шутку, а потому, что глубоко убѣжденъ въ томъ, что въ болѣзни твоей виноватъ самъ ты, или, лучше сказать, твое пристрастіе къ гомеопатіи. Подумай самъ: если она истинна, то отчего же въ 2 года не могъ ею вылечиться? И охота тебѣ пробовать на своемъ тѣлѣ какую бы то ни было систему, тогда какъ нѣтъ сомнѣнія, что мѣсяцъ леченья у хорошаго медика могъ бы тебя привести въ прежнее здоровое положеніе. Ты скажешь, что ты испробывалъ такое леченье, и ошибешься. Ты лечился у Р...., который могъ быть, но еще не былъ хорошимъ, свѣдущимъ, мыслящимъ и опытнымъ врачомъ. Но гемеопатія твоя, я боюсь, можетъ совсѣмъ

тебя разстроить. Впрочемъ, если ты такой ревностный ея почитатель, то позволь мнѣ сказать тебѣ вкратцѣ то, что я думаю объ ней, для того, что твои возраженія можетъ быть и меня наведутъ на путь истины.

„Была ли хоть одна система отъ сотворенія міра, въ которой бы не обозначался характеръ ея изобрѣтателя? мнѣ кажется, и быть не можетъ. Въ чемъ же состоитъ характеръ самого Ганнемана? Умъ геніальный, соединенный съ характеромъ шарлатана. Слѣдовательно, уже напередъ можно сказать, что во всѣхъ его изобрѣтеніяхъ должна быть истина въ частяхъ и ложь въ цѣломъ. Онъ началъ свое поприще извѣстности съ того, какъ ты знаешь, что объявилъ открытіе новаго пневматическаго эликсира, который лечитъ отъ всѣхъ болѣзней. Покупателей было много до тѣхъ поръ, пока оказалось, что въ немъ нѣтъ ничего кромѣ особенно приготовленнаго бозакса. Послѣ первой неудачи Ганнеманъ объявилъ изобрѣтеніе порошка, единственнаго и несомнѣннаго и во всякомъ случаѣ полезнаго противъ скарлатины. Средство это оказалось въ самомъ дѣлѣ новымъ и полезнымъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, но отнюдь не всегда. Оно принесло пользу наукѣ, когда вошло въ нее какъ часть, но много вреда, покуда его употребляли безъ разбора. Вслѣдъ за порошкомъ явилась гомеопатія. Она основывается на трехъ положеніяхъ: 1-е на употребленіи средствъ, однородныхъ съ болѣзнію, 2-е на безконечно малыхъ пріемахъ, 3-е на леченіи признаковъ безъ розысканія причинъ. Все это вмѣстѣ дѣлаетъ ее наукою, доступною людямъ несвѣдущимъ въ медицинѣ, и такимъ образомъ замѣняетъ пневматическій эликсиръ, Но разберемъ ея три основанія. Дѣйствительно, въ большей части болѣзней признаки болѣзни принадлежатъ не ей, а стремленію самаго организма къ здоровью. Потому усилить признаки значитъ пособить выздоровленію.—Это открытіе есть дѣло важное для науки, дѣло генія; но распространять это положеніе на всѣ болѣзни было дѣло шарлатана, и есть вещь вредная, для больныхъ еще больше, чѣмъ для медицины.—2-я мысль, что очищеніе вещества отъ постороннихъ примѣсей увеличиваетъ его силу, давно извѣстна. Мысль другая, что вещество можетъ очищаться посредствомъ безконечнаго раздробленія, есть опять мысль геніальная и въ нѣкоторыхъ случаяхъ справедливая. Но сказать, что раздробленіе есть средство къ очищенію всѣхъ веществъ,—есть дѣло шарлатана. Потому чѣмъ болѣе пользы онъ принесетъ наукѣ въ будущемъ, тѣмъ болѣе вреда сдѣлаетъ своимъ больнымъ въ настоящемъ.—3-е. Леченіе признаковъ безъ розысканія причинъ ихъ уже чистое шарлатанство, безъ всякой примѣси геніальности. Это очевидно изъ самой таблицы признаковъ, гдѣ прибавленіе новаго измѣняетъ иногда лекарство въ противоположное. Не значитъ ли это то, что онъ думаетъ одно, а увѣряетъ въ другомъ? Извѣстное количество признаковъ служитъ вѣроятнымъ выраженіемъ извѣстной причины, противъ которой онъ

совѣтуетъ средство на авось, между тѣмъ какъ совѣстливые медики дѣлаютъ тоже, только признаются, и къ тому же потому должны ошибаться менѣе, что принаравливаются къ каждому больному въ особенности, и кромѣ того имѣютъ помощь въ опытности и своихъ медицинскихъ свѣденіяхъ,—чего не имѣетъ человѣкъ, который, какъ ты, лечится по книгѣ.

„Что же изъ этого слѣдуетъ? что гомеопатія должна быть полезна медицинѣ, но не въ отдѣльности, а въ раціональной совокупности со всѣми естественными и медицинскими науками. Но что для настоящаго времени гораздо важнѣе система испробованная, нежели новая, особливо въ рукахъ неопытныхъ. Потому, если твой гомеопатъ не вылечитъ тебя скоро, то пріѣзжай въ Москву, и я готовъ поручиться, что черезъ мѣсяцъ ты будешь здоровъ совершенно, если станешь лечиться у Рихтера, котораго по счастію или по несчастію мнѣ удалось узнать въ этотъ годъ и въ которомъ я нашелъ одного изъ необыкновенныхъ врачей въ Россіи, человѣка столько же умнаго, сколько ученаго, опытнаго, прозорливаго и добросовѣстнаго. Я совѣтую тебѣ пріѣхать въ Москву безкорыстно, потому что меня уже въ ней не будетъ. Прощай покуда. Твой И. К“.

Къ А. С. ХОМЯКОВУ.

1840 г. 15-го Іюля.

„Эти послѣдніе дни я былъ не совсѣмъ здоровъ. Однако воспользовался этимъ случаемъ, чтобы вставать поздно и ночью писать. Днемъ я рѣшительно не могу ни писать, ни жить, развѣ только читать, что, по славамъ Фихте, то же, что курить табакъ, т. е. безъ всякой пользы приводить себя въ состояніе сна на яву. Впрочемъ въ деревнѣ мнѣ трудно и читать, потому что трудно не перерываться. За то ночь моя собственная. Теперь не зайдетъ ко мнѣ ни управитель, ни сосѣдъ. Окно открыто, воздухъ теплый, самоваръ мой кипитъ, трубка закурена, давай бесѣдовать!

„Меня въ это время, внѣ ходячей дѣйствительности, занимали нѣкоторые вопросы о *волѣ*, которые я хотѣлъ положить на бумагу, да что-то неудачно ложатся. Видно еще имъ рано ложиться, а надобно прежде уходиться въ головѣ. Въ отношеніяхъ воли къ разуму, есть нѣкоторыя тайны, которыя до сихъ поръ не были, и можетъ быть не могли быть постигнуты. Но мнѣ кажется, что при теперешнемъ развитіи законовъ разума, онѣ могутъ быть хотя нѣсколько пояснены, небезполезно для науки, и можетъ быть даже для практическаго приложенія. Сравнивъ наше время съ древними, кажется, мы потеряли секретъ

укрѣплять волю. Исключеніе, какъ Наполеонъ, не доказательство. Вообще, кажется, развитіе разума въ обратномъ содержаніи къ развитію воли, и въ человѣкѣ и въ народѣ. Я говорю о разумѣ логическомъ.

„Мысль моя та, что логическое сознаніе, переводя дѣло въ слово, жизнь въ формулу, схватываетъ предметъ не вполнѣ, уничтожаетъ его дѣйствіе на душу. Живя въ этомъ разумѣ, мы живемъ на планѣ, вмѣсто того, чтобы жить въ домѣ, и начертавъ планъ, думаемъ, что состроили зданіе. Когда же дойдетъ дѣло до настоящей постройки, намъ уже тяжело нести камень, вмѣсто карандаша. Отъ того, говоря вообще, въ наше время воля осталась почти только у необразованныхъ, или у духовно образованныхъ. — Но такъ какъ въ наше время, волею или неволею, человѣкъ мыслящій долженъ провести свои познанія сквозь логическое иго, то по крайней мѣрѣ онъ долженъ знать, что здѣсь не верхъ знанія, и есть еще ступень, знаніе гиперъ-логическое, гдѣ свѣтъ не свѣчка, а жизнь. Здѣсь воля растетъ вмѣстѣ съ мыслію.—Ты поймешь меня безъ распространеній. Этимъ, между прочимъ, объясняется фактъ, который каждый изъ насъ испыталъ тысячу разъ, что мысль до тѣхъ поръ занимаетъ насъ горячо и плодоносно, покуда мы не выскажемъ ее другому. Тогда вниманіе наше отъ предмета живаго обратится къ его изображенію, и мы удивляемся, отчего вдругъ онъ перестаетъ на насъ дѣйствовать, забывая, что цвѣтокъ на бумагѣ не растетъ и не пахнетъ. Покуда мысль ясна для разума, или доступна слову, она еще безсильна на душу и волю. Когда же она разовьется до невыразимости, тогда только пришла въ зрѣлость. Это невыразимое, проглядывая сквозь выраженіе, даетъ силу поэзіи и музыкѣ и пр. Отъ того есть только одна минута, когда произведеніе искусства дѣйствуетъ вполнѣ. Во второй разъ послѣ этой минуты оно дѣйствуетъ слабѣе, покуда наконецъ совсѣмъ перестанетъ дѣйствовать, такъ что пѣсня въ десятый разъ сряду уже несносна, картина надъ письменнымъ столомъ почти какъ песочница, отъ того что сила не въ выраженіи. Чрезъ нѣсколько времени, та же картина и пѣсня могутъ дѣйствовать на насъ по прежнему, или еще сильнѣе, только надобно не ограничиваться ихъ впечатлѣніемъ, а внимать ихъ отношенію къ своей неразгаданной душѣ. И чѣмъ болѣе человѣкъ найдетъ въ душѣ неразгаданнаго, тѣмъ онъ глубже постигъ себя. Чувство вполнѣ высказанное перестаетъ быть чувствомъ. И въ этомъ смыслѣ также справедливо слово: гдѣ сокровище ваше, тамъ будетъ и сердце ваше! Практическую истину можно извлечь изъ этого ту, что воля родится втайнѣ и воспитывается молчаніемъ.—Ты можешь быть мнѣ живымъ подтвержденіемъ. Никогда не слыхалъ я, чтобы ты говорилъ о своихъ нравственныхъ побужденіяхъ, отъ того, въ этомъ отношеніи, и воля твоя желѣзная. А въ другихъ отношеніяхъ, много ли сдѣлалъ, въ сравненіи съ тѣмъ, что могъ? Лѣнь не причина. Она отъ того, что въ душѣ не кипитъ; а душу простуживаетъ языкъ. Утѣшительно для тебя можетъ

быть развѣ многочисленность компаніи, въ которой ты находишься. Ночь прошла, солнце хочетъ выходить, и мухи проснулись. Прощай".

Съ 1839-то года Кирѣевскій былъ почетнымъ смотрителемъ Бѣлевскаго уѣзднаго училища. Онъ принялъ это мѣсто не для того, чтобы считаться на службѣ и, ежегодно жертвуя небольшую сумму денегъ, получать чины, но добросовѣстно исполнялъ свою должность, слѣдилъ за направленіемъ и ходомъ преподаванія и принималъ живое участіе въ успѣхѣ учениковъ. Въ 1840-мъ имъ была написана особая записка „о направленіи и методахъ первоначальнаго образованія народа," поданная тогдашнему попечителю учебнаго округа Графу Сергѣю Григорьевичу Строганову. Въ 1854-мъ, представилъ онъ другую записку: о преподаваніи Славянскаго языка совмѣстно съ Русскимъ,—въ слѣдствіе которой преподаваніе Славянскаго языка было введено въ Бѣлевское училище. Ревностно желая быть полезнымъ дѣлу просвѣщенія въ Россіи, Кирѣевскій, сознавая свои силы, не могъ удовлетвориться дѣятельностью смотрителя уѣзднаго училища. Въ сороковыхъ годахъ, въ Московскомъ университетѣ, каѳедра философіи, ограниченная тогда одною логикою, оставалась безъ преподавателя. Иванъ Васильевичъ искалъ этой каѳедры; по этому случаю была имъ написана: записка о преподаваніи логики, представленная имъ попечителю Московскаго университета Графу Строганову. — Университетская каѳедра была бы конечно для него самымъ лучшимъ поприщемъ; здѣсь вполнѣ могли бы раскрыться способности его, которыми такъ богато одарила его природа. Все, что писалъ Кирѣевскій, носитъ въ себѣ несомнѣнный признакъ даровитости; но даровитость эта еще ярче отражалась въ его разговорахъ. Кирѣевскій былъ увлекательно краснорѣчивъ, и говорилъ гораздо лучше, нежели писалъ; и конечно силою своего таланта плодоносно и благотворно дѣйствовалъ бы на умы молодаго поколѣнія. Къ сожалѣнію, намѣреніе его не могло исполниться. Кажется, что память о Европейцѣ и оффиціальная неблагонадежность тяготѣли надъ нимъ и заграждали ему путь къ каѳедрѣ, хотя мысли, высказанныя въ Европейцѣ, сдѣлались почти что ходячими въ Русской литературѣ, и давно перестали считаться опасными.

Въ 1844-мъ году, друзья Кирѣевскаго, зная, что, по характеру его, срочная работа всего болѣе могла побуждать къ дѣятельности, желали снова подвигнуть его на поприще журналистики.—Но въ тѣ поры не было и надежды получить позволеніе издавать новый журналъ. Михаилъ Петровичъ Погодинъ, подвергнувшійся въ то время разнымъ несчастіямъ, предложилъ передать Кирѣевскому Москвитянинъ. Кирѣевскій въ это время былъ въ деревнѣ, переговоры шли безъ него. — Помѣщаемъ здѣсь письма Ивана Васильевича къ брату его Петру Васильевичу.

„Спасибо, братъ Петръ, что ты не полѣнился побывать у Погодина и написать ко мнѣ, но все я не понимаю хорошо, отчего вы не рѣшите дѣло безъ меня и чего именно вы отъ меня требуете?—Я назначалъ четверыхъ, потому что предполагалъ ихъ въ Москвѣ; но за отсутствіемъ ихъ ты могъ бы съ Погодинымъ рѣшить все вдвоемъ. По крайней мѣрѣ отбери у него его условія и напиши ихъ мнѣ или уговори его написать самого, или продиктовать, если онъ писать не можетъ.— Если, какъ вѣроятно, эти условія будутъ для меня возможны, то такъ дѣло и уладится. Если же я найду ихъ почему либо для меня неудобоисполнимыми, то напишу ему, и тогда по крайней мѣрѣ будетъ дѣло ясно.—Хомяковъ писалъ ко мнѣ, но не знаю съ согласія ли Погодина, что надобно будетъ отдѣлить извѣстное число подписчиковъ на расходы по журналу, а сколько именно, это лучше всего можетъ знать самъ Погодинъ по опыту; потомъ слѣдующіе за тѣмъ 100 подписчиковъ въ пользу Погодина,—на это условіе я согласенъ.

„Но такъ какъ я думаю, что первый годъ будетъ мнѣ средствомъ къ знакомству съ публикою, то надѣюсь имѣть въ слѣдующіе годы больше подписчиковъ; отъ того надобно чтобы Погодинъ лишилъ себя права отнять у меня журналъ иначе, какъ съ моего согласія.

„Но прежде всего, и самое существенное—это получить позволеніе; безъ того всѣ разсчеты пишутся на воздухѣ.

„Если министръ будетъ въ Москвѣ, то тебѣ непремѣнно надобно просить его о пѣсняхъ, хотя бы къ тому времени тебѣ и не возвратили экземпляровъ изъ цензуры. Можетъ быть даже и не возвратятъ, но просить о пропускѣ это не мѣшаетъ. Главное на чемъ основываться, это то, что пѣсни народныя, а что весь народъ поетъ, то не можетъ сдѣлаться тайною, и цензура въ этомъ случаѣ столько же сильна, сколько Перевощиковъ надъ погодою. — Уваровъ вѣрно это пойметъ, также и то, какую репутацію сдѣлаетъ себѣ въ Европѣ наша цензура, запретивъ народныя пѣсни, и еще старинныя. Это будетъ смѣхъ во всей Германіи.

„А тебѣ въ самомъ дѣлѣ безъ стиховнаго отдѣла мудрено издавать. Въ этомъ-то и главная особенность твоего собранія. Лучше бы всего тебѣ самому повидаться съ Уваровымъ, а если не рѣшишься, то поговори съ Погодинымъ.“

15-го Мая 1844.

„Я не могъ пріѣхать, другъ Петръ, между прочимъ и потому, что былъ боленъ, простудилъ горло, и нѣсколько времени не выходилъ изъ комнаты, а когда выздоровѣлъ, то не зналъ, застану ли уже кого въ Москвѣ, потому что о времени отъѣзда Х. мнѣ не писалъ, а увѣдомилъ только, что скоро — нарѣчіе неопредѣленное, требовавшее частицы не. Вообще вы пишете очень необстоятельно, и читаете письма также. Напр., кто тебѣ сказалъ, что трудъ этотъ былъ бы для меня чрез-

мѣрно тяжелъ?—Напротивъ, я жажду такого труда, какъ рыба еще не зажаренная жаждетъ воды. — И съ вашею помощію, надѣюсь одолѣть его. Если же правда, что мое участіе могло бы расколыхать дѣятельность моихъ друзей, то это счастіе было бы для меня величайшею причиною желать согласиться на ваше предложеніе. Но хочу только не ввести никого въ отвѣтственность и не прятаться какъ злоумышленникъ. На рядъ именъ я могъ бы согласиться, въ такомъ случаѣ, если бы мое было позволено съ сознаніемъ, что оно мое. Если Погодинъ возьмется исходатайствовать это, то на рядъ именъ я готовъ согласиться, разумѣется, съ тѣмъ, чтобы это нисколько не стѣсняло моихъ убѣжденій. Тогда пусть этотъ рядъ издаетъ Москвитянина нынѣшній годъ, а я пріѣду участвовать къ осени. Условія пусть дѣлаетъ Хомяковъ, такъ чтобы и Погодину было выгодно и журналъ могъ идти.

„На будущій годъ я бы думалъ: хорошо завести слѣдующую систему изданія: 1. Самую аккуратную бухгалтерію. 2. Начать журналъ, когда бы онъ имѣлъ 1000 подписчиковъ, и уменьшить объемъ, если будетъ меньше. 3. Все остающееся количество сбора за расходами употребить на плату за статьи, считая оригинальныя втрое противъ переводныхъ, также уменьшать и увеличивать плату по мѣрѣ подписчиковъ.

„Этотъ разсчетъ сдѣлать легко, и при аккуратной бухгалтеріи ни одинъ участникъ не будетъ считать себя обманутымъ и журналъ будетъ имѣть сотрудниковъ. При каждомъ № на оберткѣ печатать число подписчиковъ, и разсчетъ суммы, слѣдующей участникамъ.

„Сообщи это письмо Хомякову, и пришли мнѣ отвѣтъ скорый, т. е. немедленный. Если и ты и Хомяковъ залѣнитесь писать, то поручите кому нибудь. Но поймите меня хорошенько; я согласенъ на ваши предложенія только въ случаѣ официальнаго позволенія, и притомъ при такомъ устройствѣ, чтобы при скоропостижной смерти Жуковскаго никто не пострадалъ отъ меня, и при жизни и здоровьѣ Ж., чтобы я не былъ стѣсненъ чужою волею.

„Кажется, требованія мои справедливы и нельзя быть сговорчивѣе. Впрочемъ удастся ли это дѣло или нѣтъ, но скажу тебѣ, что я уже извлекъ изъ него такія выгоды, которыя превышаютъ всякую неудачу. Безъ преувеличенія могу сказать, что я имѣлъ минуты настоящаго счастія, соображая все дружеское участіе въ этомъ дѣлѣ именно тѣхъ, кто такъ высоко у меня въ сердцѣ.

„О пѣсняхъ твоихъ нельзя ли написать еще разъ къ К. А то ты, пожалуй, способенъ отложить еще на годъ. Хотя я и очень радъ бы былъ твоему пріѣзду, но еще лучше желалъ бы тебя видѣть съ книгою, чѣмъ съ рукописью. Кто притѣснилъ Языкова и принудилъ его бросать свой бурмицкій бисеръ въ такую выпачканную свинью? Обнимаю тебя. Твой братъ И. К.

„Нельзя ли въ отвѣтѣ твоемъ, или кому ты поручишь, сообщить мнѣ твое мнѣніе особенно, Хомякова особенно, и предложеніе Погодина особенно.

„Если бы вы согласились на переговоры съ С., то это дѣло можно бы было поручить Грановскому, который конечно бы не отказалъ, и исполнилъ бы въ мѣру, ясно, благородно и удовлетворительно. Подумай объ этомъ. Кажется при самомъ дурномъ результатѣ будетъ выгода, т. е. мы будемъ знать, чего надѣяться нельзя."

Жажда дѣятельности была такъ сильна, что Кирѣевскій принялъ участіе въ изданіи Москвитянина, не получивъ оффиціальнаго разрѣшенія, о которомъ онъ такъ много заботился. Имъ изданы были три первыя книги Москвитянина на 1845-й годъ. Онѣ во многомъ напоминаютъ книжки Европейца. Снова Жуковскій поспѣшилъ прислать все, что имъ было написано въ стихахъ, и нѣсколько отрывковъ въ прозѣ, съ посланіемъ, которое начиналось:

Слухъ до меня достигъ на берегъ Майна,
Что ты, Кирѣевскій, мой другъ,
Задумалъ быть Москвитяниномъ.

Многія имена прежнихъ сотрудниковъ Европейца являются участниками обновленнаго Москвитянина: Александръ Ив. Тургеневъ, Хомяковъ, Языковъ, князь Вяземскій. Но въ статьяхъ самого Кирѣевскаго и въ прозаическихъ статьяхъ Хомякова свѣтитъ уже другое направленіе, и достаточно поименовать другихъ сотрудниковъ Кирѣевскаго: его брата, Петра Вас. Кирѣевскаго, Константина Сер. Аксакова, Дм. Ал. Валуева, Вас. Алекс. Панова, Мих. Алекс. Стаховича, Як. А. Линовскаго (страшно сосчитать, въ какое короткое время и сколькихъ уже нѣтъ!),—достаточно назвать сіи имена, и имена другихъ, слава Богу, еще живыхъ дѣятелей, чтобы увидѣть, что здѣсь начинается высказываться то убѣжденіе, органомъ котораго впослѣдствіи служили Московскій Сборникъ и Русская Бесѣда. Подъ редакціей Кирѣевскаго были изданы только три первыя книжки Москвитянина на 1845-й годъ, и переданы многіе матеріалы для 4-го №. Невозможность издавать журналъ не будучи его полнымъ хозяиномъ и отвѣтственнымъ издателемъ, и отчасти разстроенное здоровье, заставили Кирѣевскаго отказаться отъ редакторства. Лѣтомъ 1845 года Кирѣевскій переѣхалъ въ свое Долбино и оставался здѣсь до осени 1846 года. 1846-й годъ, по словамъ Кирѣевскаго, былъ одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ въ его жизни. Въ этотъ годъ онъ похоронилъ свою маленькую дочь и лишился многихъ близкихъ друзей. Почти что въ одинъ годъ скончались Дм. Ал. Валуевъ, Алек. Ив. Тургеневъ, Алек. Анд. Елагинъ, Ник. Мих. Языковъ. Помѣщаемъ здѣсь письма Кирѣевскаго къ матери о кончинѣ Языкова; оба письма писаны уже послѣ кончины Николая Михайловича, но Ки-

рѣевскій, зная, какъ глубоко огорчитъ это извѣстіе, желалъ приготовить къ нему, и потому написалъ прежде объ опасной болѣзни.

1846 г. Декабрь.

„Милая маменька!

„До насъ дошли слухи о вашемъ нездоровьѣ; очень страшно и грустно за васъ. Ради Бога, будьте здоровы! — Я хотѣлъ было ѣхать къ вамъ, но остановился дожидаться письма отъ васъ, потому что у меня тоже не совсѣмъ здоровы жена и маленькая Маша. . . .

„Въ Москвѣ новаго мало. Бѣдный Языкушко очень боленъ. Кажется, послѣ такихъ безпрестанныхъ 15-ти-лѣтнихъ страданій, разстроившихъ его весь организмъ, мудрено повѣрить Иноземцеву, который видитъ надежду выздоровленія. Иногда думаю, что не эгоизмъ-ли это съ нашей стороны—желать ему продолженія страданій, ему, котораго чистая, добрая, готовая къ небу душа, утомленная здѣсь, вѣрующая, жаждущая другой жизни, не можетъ не найдти тамъ тѣхъ радостей, которыхъ ожидаетъ. Здѣсь ему буря непогоды, за которой онъ давно предчувствовалъ, что есть блаженная страна. Впрочемъ все во власти Того, Кто лучше насъ знаетъ что лучше. Потому я не прошу у Него ни того, ни другаго, а только чтобы умѣть просить Его Святой воли.

„Въ Москвѣ теперь дѣлаетъ большой шумъ диссертація Аксакова. Она наконецъ напечатана въ огромной книгѣ, слишкомъ 30 листовъ убористаго шрифта, и черезъ двѣ недѣли по выходѣ вдругъ запрещена, остановлена въ продажѣ и должна опять перепечатываться. Въ самомъ дѣлѣ, кажется, что это насмѣшка не простительная, если это только не просто глупость источника нашего ума—Московскаго Университета. Пропустить книгу цѣлымъ совѣтомъ Профессоровъ, печатать ее полтора года и потомъ велѣть перепечатывать!

„Простите, обнимаю васъ, до завтрашней почты“.

„Милая маменька, сейчасъ получилъ письмо отъ васъ и отъ Маши. Вы пишете, что всѣ нездоровы, и не описываете чѣмъ,—это не хорошо и даетъ безпокойство. У насъ горе: бѣдный Языкушко боленъ. Я хотѣлъ писать къ брату, но такъ какъ онъ теперь у васъ, то сообщите вы ему. За Хомяковымъ я послалъ эстафету. У него (Языкова) горячка, онъ простудился, выпивши стаканъ холодной воды. Бредитъ стихами, въ которыхъ словъ нельзя разобрать, и что-то поетъ. Въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ, онъ исповѣдался и пріобщился, былъ въ чистой памяти, распорядился всѣми своими дѣлами. Онъ потребовалъ священника въ 4-мъ часу ночи, не смотря на то, что Иноземцевъ увѣрялъ его, что болѣзнь не опасна и что увѣренъ въ его выздоровленіи. Языковъ съ твердостію настоялъ на своемъ желаніи, говоря, что это

лекарство лучше всѣхъ, и что оно одно ему осталось. Послѣ того ему было лучше. Иноземцевъ не предвидѣлъ близкой опасности. Въ середу ему было гораздо лучше, Иноземцевъ успокоилъ всѣхъ; въ четвергъ стало хуже. Иноземцевъ въ 2 часа пополудни нашелъ его въ бреду и велѣлъ поставить шпанскую муху, хотѣлъ заѣхать въ 9 часовъ, узнать, какъ подѣйствовала шпанская муха, но въ 5 часовъ Языковъ успокоился. До этой минуты жизнь его была страдальческая. Онъ перешелъ въ другую свѣтлую, достойную его свѣтлой, доброй души. Нѣтъ сомнѣнія, что если кому-либо изъ смертныхъ суждено тамъ славить величіе и красоту и благость Господа, то вѣрно изъ первыхъ ему. П. М. здѣсь. А. М. былъ здѣсь и уѣхалъ въ Симбирскъ, по необходимымъ дѣламъ, въ прошедшую пятницу. Лицо Языкушки свѣтло и спокойно, хотя носитъ печать прежнихъ долгихъ страданій, залогъ будущихъ теперь наступившихъ утѣшеній. Наканунѣ кончины онъ собралъ вокругъ себя всѣхъ живущихъ у него, и у каждаго по одиночкѣ спрашивалъ, вѣрятъ ли они воскресенію душъ? Когда видѣлъ, что они молчатъ, то просилъ ихъ достать какую-то книгу, которая совсѣмъ перемѣнитъ ихъ образъ мыслей,— но они забыли названіе этой книги! Обстоятельство крайне замѣчательное, теперь они стараются всѣми силами, и не могутъ вспомнить. Очевидное и поразительное доказательство таинственнаго Божіяго смотрѣнія о спасеніи и руководствѣ душъ человѣческихъ. Прощайте, обнимаю васъ за жену и за дѣтей. Вашъ сынъ И. К.

„Пожалуйста, напишите о себѣ и заставьте Петруху брата написать также. Скажите ему не вдругъ объ Яз. Я боюсь, что это слишкомъ поразитъ его. Приготовьте также и Петерсона. Это будетъ въ завтрашнихъ газетахъ, потому боюсь теперь не сообщить вамъ“.

10-го Января 1847.

„Обнимаю тебя, другъ братъ Петруха, и вмѣстѣ съ тобою и со всѣми вами соединяюсь мысленно и сердечно, чтобы поздравить васъ съ завтрашнимъ днемъ. Я не писалъ къ тебѣ передъ новымъ годомъ, потому что не нашелъ въ себѣ духу говорить тебѣ о бѣдномъ нашемъ Языкушкѣ. Изъ письма моего къ маменькѣ, писаннаго 27-го Декабря, ты узнаешь подробности о его послѣднихъ минутахъ; онѣ были святы, прекрасны и тихи. Хомяковъ пріѣзжалъ на нѣсколько часовъ, и, похоронивъ Языкова, тотчасъ отправился къ женѣ въ деревню, потому что она больна. Тутъ я видѣлъ въ первый разъ, что Хомяковъ плачетъ; онъ перемѣнился и похудѣлъ, какъ будто бы всталъ изъ длинной болѣзни. Тѣло положили въ Даниловѣ подлѣ Валуева. Шевыревъ написалъ объ немъ прекрасную статью въ городскомъ листкѣ. Онъ вспоминаетъ всю его жизнь, его же стихами.

„Сегодня жду писемъ изъ Петрищева; очень боюсь за маменьку. У меня тоже не совсѣмъ здоровы жена и маленькая Машенька. Въ этотъ годъ я перешелъ черезъ ножи самыхъ мучительныхъ минутъ,

сцѣпленныхъ почти безпрерывными бѣдами, такъ что когда я несъ мою бѣдную Катюшу въ церковь, то это было уже почти легко, въ сравненіи съ другими чувствами.

„Обнимаю тебя крѣпко. Твой братъ И. К.“

Въ началѣ 1852-года Кирѣевскій написалъ свое извѣстное письмо къ графу Комаровскому: о характерѣ просвѣщенія Европы и его отношеніи къ просвѣщенію Россіи.—Статья эта была написана для Московскаго Сборника, издаваемаго однимъ изъ молодыхъ друзей Кирѣевскаго, Иван. Сер. Аксаковымъ, и напечатана въ первой книгѣ. Второй томъ Сборника постигла участь Европейца. Кирѣевскій пересталъ вовсе писать для печати.

„Литературныя занятія мои“, писалъ онъ въ то время, „ограничиваются кой-какимъ чтеніемъ, и то новаго читаю мало, а старое охотнѣе, можетъ быть отъ того, что самъ состарѣлся. Однакоже не теряю намѣренія написать, когда будетъ можно писать, курсъ философіи, въ которомъ, кажется, будетъ много новыхъ истинъ, то есть новыхъ отъ человѣческой забывчивости. Жаль, очень жаль, что западное безуміе стѣснило теперь и нашу мысль, именно теперь, когда, кажется, настоящая пора для Россіи сказать свое слово въ философіи, показать имъ, еретикамъ, что истина науки только въ истинѣ православія. Впрочемъ и то правда, что эти заботы о судьбѣ человѣческаго разума можно предоставить Хозяину, который знаетъ когда и кого послать на свое дѣло“. (Изъ письма къ Кошелеву, 1852 г. 2-е Окт.).

Въ тишинѣ своего деревенскаго уединенія, Кирѣевскій продолжалъ работать для своего будущаго философскаго сочиненія, изучая писанія Святыхъ Отцовъ: „Ученіе о Святой Троицѣ не потому только привлекаетъ мой умъ, что является ему какъ высшее средоточіе всѣхъ святыхъ истинъ, намъ откровеніемъ сообщенныхъ,—но и потому еще, что, занимаясь сочиненіемъ о философіи, я дошелъ до того убѣжденія, что направленіе философіи зависитъ, въ первомъ началѣ своемъ, отъ того понятія, которое мы имѣемъ о Пресвятой Троицѣ“.

Долбино въ сорока верстахъ отъ Козельской Оптинской пустыни. Сюда не рѣдко уѣзжалъ Кирѣевскій и проводилъ здѣсь цѣлыя недѣли, душевно уважая многихъ старцевъ святой обители и особенно отца Макарія, своего духовнаго отца, бесѣды котораго онъ высоко цѣнилъ.

Оптинскій монастырь, знаменитый въ округѣ благочестіемъ монашествующихъ братій, извѣстенъ почти въ цѣлой Россіи изданіемъ многихъ переводовъ Святыхъ Отцевъ и другихъ назидательныхъ книгъ. Въ изданіяхъ сихъ и Кирѣевскій принималъ живѣйшее участіе; почти всѣ корректуры исправлялись въ его домѣ; но не только завѣдываніе печатаньемъ, не однѣ хлопоты съ типографіей, цензурою и книгопродавцами, не объ одной внѣшней сторонѣ дѣла заботился Кирѣевскій;

помѣщаемъ здѣсь его письмо къ покойному отцу Макарію, которое доказываетъ, что и самыя рукописи и переводы просматривались Кирѣевскимъ.

„Милостивый батюшка!

„Прилагаю письмо инспектора Сергія, полученное мною въ отвѣтъ на то, которое я ему писалъ по вашему приказанію о послѣднихъ главахъ Аввы Θалассія, и прошу вразумить меня, что ему отвѣчать? составить ли примѣчаніе здѣсь и послать ему на одобреніе или просить его самого составить его? — Въ указаніи на Іоанна Дамаскина онъ ошибся: я писалъ ему объ 11-й главѣ и 3-мъ параграфѣ, разумѣя первую часть, въ которой говорится о Пресвятой Троицѣ. А онъ вмѣсто 3-го параграфа прочелъ 3-ю часть, и въ ней искалъ одиннадцатой главы, гдѣ идетъ рѣчь о другомъ. — Въ указанномъ же мною мѣстѣ говорится именно о безначальности и небезначальности Сына.

„Для усмотрѣнія вашего, выписываю это мѣсто, и при семъ прилагаю. Выписываемый о. Инспекторомъ ирмосъ кажется мнѣ тоже недовольно ясенъ. Не имѣется ли въ церковныхъ пѣсняхъ что-либо еще ближе къ предмету?—Въ книгѣ Іоанна Дамаскина еще указана ссылка на Григорія Назіанзена, слово 29 и 39-е, но я ихъ не смотрѣлъ. Въ примѣчаніи же, я думаю, къ выпискѣ изъ І. Дамаскина, достаточно прибавить нѣсколько словъ о томъ, что слово начало имѣетъ нѣсколько смысловъ. Иногда означаетъ оно черту, отъ которой возникаетъ что-либо во времени или пространствѣ; иногда означаетъ основаніе чего-либо, иногда причину, или вину. Здѣсь небезначальный употреблено въ семъ послѣднемъ смыслѣ, и собственно значитъ имѣющій вину своего сыновняго бытія въ Отцѣ, совѣчно Ему и безначально пребывая, какъ Божество, Ему единосущное, но отъ него прежде всѣхъ вѣковъ рожденное, какъ свѣтъ отъ свѣта, Богъ истинный отъ Бога истиннаго.

„Когда будете разсматривать переводъ Филиппова Максима исповѣдника, то на первой страницѣ его, гдѣ говорится о томъ, что любовь составляется изъ вожделѣнія и страха, не найдете ли приличнѣе замѣнить слово вожделѣніе словомъ влеченіе?“

Около этого времени были написаны Кирѣевскимъ два большихъ письма къ А. И. Кошелеву,—по поводу книги Vinet, объ отношеніи церкви къ государству, къ сожалѣнію еще неотысканныя. Вообще надо замѣтить, что наше собраніе матеріаловъ далеко не полное. Еще не собраны и не отысканы его письма къ Жуковскому, Баратынскому, Хомякову и другимъ лицамъ.

Помѣщаемъ здѣсь два письма 1855 г. къ К. С. Аксакову и М. П. Погодину.

К. С. АКСАКОВУ.

Москва. 1-го Іюня. 1855.

„Многоуважаемый и любезнѣйшій Константинъ Сергѣевичъ! Благодарю васъ за присылку вашей статьи о глаголахъ. Я прочелъ ее съ большимъ удовольствіемъ, хотя и совершенный невѣжда въ этомъ дѣлѣ. По этой причинѣ, т. е., потому, что я въ этомъ дѣлѣ совершенный невѣжда,—вамъ вѣроятно не любопытно будетъ знать мое мнѣніе о вашей статьѣ. Однакоже, такъ какъ я не просто невѣжда, а невѣжда-пріятель, то прошу васъ выслушать краткій отчетъ въ тѣхъ мысляхъ, которыя возбудило во мнѣ чтеніе вашей статьи.

„Въ ней, также какъ и во всемъ почти, что вы пишете, есть что-то очень возбудительное. Читая вашу грамматику, чувствуешь себя не въ школѣ, и не въ душномъ кабинетѣ.

„Съ этой точки зрѣнія, кажется мнѣ особенно замѣчательна ваша мысль о личныхъ правахъ Русскихъ глаголовъ. Совершенно справедливо, что въ этомъ совмѣщеніи личной самостоятельности съ цѣльностью общаго порядка, заключается главная особенность того языка, по которому слово живетъ и движется въ Русскомъ умѣ. Въ прежнія времена такъ жили и двигались не одни слова. Это отличительный типъ Русскаго взгляда на всякій порядокъ, и потому должно было составлять главное затрудненіе иностранныхъ систематиковъ, сочинявшихъ намъ грамматики. Ихъ голова не вмѣщаетъ порядка безъ однообразія. Самообразность частной особенности коробитъ имъ глазъ. Между тѣмъ личная самостоятельность глаголовъ такъ мало противорѣчитъ общей законности языка, и такъ ясно сливается съ нею для Русскаго ума, что каждый ребенокъ еще прежде, чѣмъ доростетъ ученья грамотѣ, уже не дѣлаетъ никакой ошибки въ спряженіи. Но ученый Нѣмецъ, проведя лѣтъ двадцать въ Россіи, еще способенъ сказать: стригнулся. Самый родъ этой законности не ясенъ для Нѣмца, и если они будутъ продолжать намъ составлять грамматики, то, пожалуй, мало по мало отучатъ наши глаголы такъ своевольничать и подвергнутъ ихъ подъ свой ваганьковскій порядокъ. Однакоже то, что Русскій ребенокъ понимаетъ безсознательнымъ чутьемъ и что вы сознали умомъ,—то еще не существуетъ для науки до тѣхъ поръ, покуда общая мысль не развернется во всей полнотѣ своихъ внутреннихъ и наружныхъ признаковъ такъ, чтобы изъ общаго можно было предугадывать частное, а на частномъ всегда видѣть отраженіе общаго закона. Потому, какъ ни вѣрна ваша мысль, какъ ни много она обѣщаетъ въ возможности своего развитія, — но покуда еще въ возможности. Это богатое зерно для будущей вашей книги,—зерно, которое еще не умерло и не воскресло въ вашей статьѣ, но ждетъ еще вашей полной грамматики, которой и я съ нетерпѣніемъ ожидаю.

„Меньше, признаюсь вамъ, нравится мнѣ мысль ваша о томъ, что въ Русскомъ языкѣ вовсе нѣтъ временъ, и что языкъ нашъ обратилъ вниманіе на качество дѣйствія, и уже отъ качества вывелъ, по соотвѣтствію, заключеніе о времени (стр. 15).— Простите мнѣ, если я, какъ не филологъ, не умѣю понять законности такого процесса ума Русскаго, который, сознавая общее качество дѣйствія, отдѣляетъ отъ него качество времени, и потомъ уже, по соотвѣтствію качества времени съ другими качествами, выводитъ его какъ заключеніе. Я понимаю, что формы стремленія Русскаго глагола выражаютъ не одно время, но еще и другія качества дѣйствія, и потому вы правы противъ Ломоносова и его послѣдователей, смѣшавшихъ эти другія качества съ категоріею времени, — и противъ Фатера и Боппа, раздробившихъ одинъ глаголъ на многіе разные, смотря по различному его выраженію различныхъ качествъ того же дѣйствія. Но мнѣ кажется, что въ Русскомъ умѣ (языкѣ) эта гибкость формы для выраженія различныхъ качествъ дѣйствія не могла возникнуть предварительно, но только совокупно, съ выраженіемъ времени. Вотъ въ какомъ отношеніи мысль ваша кажется мнѣ преувеличенною и потому одностороннею. Правда, что безъ этого преувеличенія ваша статья лишилась бы нѣсколько своего блеска. Но за то она лишилась бы нѣсколько и своей Нѣмецкой отвлеченности въ изъясненіи вашемъ о переходѣ ума отъ качества дѣйствія къ категоріи времени,—отвлеченности, которая, если бы и была справедлива въ отношеніи къ процессу ума вообще, то все же несправедлива въ отношеніи къ образу мышленія ума Русскаго.—Мысль человѣка Русскаго идетъ не Нѣмецкими путями, какъ очень хорошо знаетъ авторъ Луповицкаго. Потому я думаю, что хотя бы и была постигнута вами настоящая система Русскаго языка, но она до тѣхъ поръ останется не дозрѣвшею въ вашемъ, а слѣдовательно и въ нашемъ сознаніи, неоконченною, покуда не приметъ самородной Русской формы мышленія. Я думаю, что отыскивая эту форму истины, умъ мыслителя еще болѣе прояснитъ себѣ и самую сущность ея.

„Если же принять вашу мысль безъ того, что мнѣ кажется въ неіі преувеличеннымъ (т. е. что въ Русскомъ глаголѣ нѣтъ формы, непосредственно выражающей время, но понятіе о времени только выводится изъ предварительнаго понятія о другихъ качествахъ), тогда языкъ нашъ представится намъ богаче другихъ, но менѣе отличенъ отъ нихъ въ своемъ физіологическомъ устройствѣ. Не другой породы звѣрь, но существо той же породы, только въ организмѣ, полнѣе развитомъ.

„То смѣшеніе временныхъ формъ, которое вы замѣчаете въ Русскомъ языкѣ и почитаете исключительною его особенностію, кажется принадлежитъ больше, или меньше всѣмъ языкамъ. Нѣмецъ, напримѣръ, почти только въ грамматикѣ своей обозначаетъ свое будущее

вспомогательнымъ **werden**, а въ употребленіи онъ почти всегда вмѣсто будущаго ставитъ настоящее: **Morgen geh' ich zu ihm, sage ihm das und das** и проч. Прошедшее совершенное на всѣхъ языкахъ одинаково съ причастіемъ прошедшимъ; но такъ какъ въ понятіи прошедшаго причастія, или отглагольнаго прилагательнаго уже заключается понятіе о времени, то не очевидно ли, что форма, обозначающая время, перешла не отъ прилагательнаго къ глаголу, а отъ глагола къ прилагательному, слѣдовательно въ глаголѣ она самородная, а не выводная *). Къ тому же, какъ вамъ извѣстно, въ коренномъ Славянскомъ языкѣ была еще и другая форма прошедшаго. Въ Церковно-Славянскомъ есть: видѣхъ, есть и видяхъ, ядохъ и ядяхъ и пр. Слѣдовательно Русскій современный языкъ только утратилъ одну изъ формъ обще-Славянскаго языка (ибо и на другихъ нарѣчіяхъ Славянскихъ, говорятъ, есть тѣ же формы),—а не по особенному процессу мышленія составилъ свои формы.

„Да и что такое глаголъ, если не дѣйствіе, понятое во времени? Такъ называемое неокончательное наклоненіе не есть собственно глаголъ, но отглагольное существительное. Безъ понятія о времени, нѣтъ глагола,—нѣтъ даже въ возможности.

„Фраза, которую вы привели на страницѣ 9-й, чтобы показать, что Русскаго будущаго нельзя назвать будущимъ, можетъ быть буквально переведена на Нѣмецкій языкъ съ тою только разницею, что вмѣсто будущаго Нѣмецъ употребитъ настоящее, также относя его къ прошедшему времени: **Die Tage vergingen für uns sehr einförmig; ich gehe zu seiner Thür, klopfe ein Paar Mahl dran, er öffnet mir** и проч.

„Изъ этого, однакоже, вы не можете заключить, что Нѣмцы не имѣли настоящаго времени. Настоящее время они имѣютъ, а мы имѣемъ будущее, мы несомнѣнно имѣемъ его, и что бы мы еще имѣли, если бы и будущее было ихъ же!

„Къ тому же нѣтъ ли здѣсь недоразумѣнія? Вы сами говорите, что конецъ фразы, рядъ будущихъ, останется одинаковъ, если вы перемѣните начало, и вмѣсто прошедшаго: всякій день проходилъ, поставите настоящее: проходитъ, или будущее: будетъ проходить. Не показываетъ ли это, что конецъ фразы, рядъ будущихъ, относится не къ этому началу, а къ чему-то другому, что можетъ быть подразумѣвается? Здѣсь можетъ подразумѣваться: всякій день, или всегда, или обыкновенно... Если бы конецъ фразы явно относился къ прошедшему, то вы не могли бы употребить въ ней будущихъ формъ. Вы не можете сказать: вчерашній день я подойду къ его двери

---

*) Прилагательное больной можетъ быть происходитъ и не отъ глагола, но болѣлый очевидно перешло черезъ глагольную форму. Также служебный и служилый.

и пр.—Но вы скажете: я подошелъ къ его двери, или я подходилъ къ его двери. Но если вы нѣсколько разъ подходили къ двери, то можете сказать: вчерашній день, я нѣсколько разъ подойду къ его двери, постучусь и онъ не отворяетъ мнѣ. Слѣдовательно здѣсь будущія времена относятся не къ вчерашнему дню, а къ нѣсколько разъ, т. е. къ понятію о повторявшемся дѣйствіи. Замѣтьте еще, что еслибы это было не рядъ дѣйствій, или, по крайней мѣрѣ, не два дѣйствія, взаимно относящіяся одно къ другому, а только одно дѣйствіе, то хотя бы оно и повторялось нѣсколько разъ, но вы не могли бы выразить его формою будущаго, когда оно совершалось въ прошедшемъ. Вы не можете сказать: бывало я подойду къ его двери, и этимъ кончить. Вамъ непремѣнно надобно прибавить другой глаголъ, съ которымъ глаголъ подойду будетъ взаимно относиться: я подойду, онъ отворитъ и тому подобное. Слѣдовательно такого рода будущія зависятъ не отъ словечка бывало, также какъ они не относятся ко времени, о которомъ идетъ рѣчь, но выражаютъ только порядокъ, въ которомъ одно дѣйствіе относится къ другому. Птица полетитъ, я выстрѣлю, это можетъ относиться ко всѣмъ временамъ. Такое будущее можно назвать будущимъ самостоятельнымъ.

„Если я не ошибаюсь, если точно въ языкѣ нашемъ есть будущее самостоятельное, то не предвѣщаніе ли это нашей судьбы?

„Если будущее самостоятельное можетъ замѣняться другими временами или даже смѣшиваться съ ними вездѣ, гдѣ рѣчь идетъ не о времени, но о порядкѣ отношенія между двумя или нѣсколькими дѣйствіями, то это не мѣшаетъ будущему быть будущимъ, настоящему настоящимъ, а прошедшему прошедшимъ, тамъ, гдѣ нужно опредѣлить время дѣйствія.—Правда, что форма нашего будущаго не всегда отличается отъ формы настоящаго въ изъявительномъ наклоненіи; но за то повелительное, которое тоже будущее, у насъ яснѣе обозначается, чѣмъ во многихъ другихъ языкахъ. Это тоже что нибудь должно значить относительно особенности нашего характера; но только здѣсь я уже не знаю, до какой степени другіе народы будутъ завидывать намъ въ этой особенности.

„Разсматривая Русскій глаголъ, какъ вы дѣлаете, въ самой жизни языка, независимо отъ системъ, составленныхъ по иностраннымъ образцамъ, и постоянно имѣя въ виду замѣченное вами свойство Русскаго глагола: при всѣхъ измѣненіяхъ сохранять право неискаженнаго развитія своей духовной личности, — можно бы, кажется, придти къ совершенно противоположному заключенію, не нарушая законовъ логики, т. е. что именно потому, что Русскій глаголъ выражаетъ, кромѣ времени, еще и качество дѣйствія, онъ долженъ быть богаче другихъ формами, выражающими время. Ибо сверхъ обыкновенныхъ общихъ подраздѣленій времени качество дѣйствія даетъ возможность еще къ

нѣкоторымъ обыкновеннымъ подраздѣленіямъ. Такъ, кромѣ замѣченныхъ вами и прекрасно выраженныхъ смысловъ различныхъ формъ временъ, Русскій глаголъ имѣетъ еще особенную форму для выраженія той быстроты, съ которою дѣйствіе переходитъ въ прошедшее. Разумѣется, эта форма возможна только для тѣхъ глаголовъ, которыхъ личный смыслъ вмѣщаетъ возможность этой мгновенной быстроты. Этого времени, уже не однократнаго только, но мгновенно прошедшаго, нѣтъ въ другихъ языкахъ и слѣдовательно нѣтъ въ иностранныхъ грамматикахъ. — Не знаю, есть ли оно въ вашей, но, кажется, должно быть, потому что есть въ языкѣ. Этой формы не было прежде въ нашихъ грамматикахъ (и не могло быть, потому что искали только формъ общихъ для всѣхъ глаголовъ) и потому языкъ литературный ее избѣгаетъ. Отъ того она не развилась, какъ бы должна была развиться, и носитъ на себѣ какой-то оттѣнокъ неблагороднаго, какъ свойственная больше народу, чѣмъ людямъ образованнымъ. Къ этой формѣ мгновенно-прошедшаго относятся слова: глядь, хвать, прыгъ, щелкъ, стукъ, брякъ, звякъ, бухъ, шлепъ, скокъ, мигъ, шмыгъ, бацъ, кехъ, плюхъ, пихъ и проч. Эта форма хотя выражаетъ прошедшее дѣйствіе, однако еще такъ тепла пролетомъ настоящаго, что животрепещетъ сердцу прошедшимъ и настоящимъ дѣепричастія, занимая отъ перваго смыслъ, синтаксическія права изъявительнаго наклоненія, отъ втораго—необходимость соединяться съ другимъ глаголомъ, въ отношеніи къ которому опредѣляется мгновенность выражаемаго ею дѣйствія.

„Но дописывая съ горяча четвертый листъ моего письма къ вамъ, я не знаю, посылать ли его, зная, что все сказанное мною можетъ быть длинная чепуха, доказывающая только мое незнаніе предмета, о которомъ пишу. Впрочемъ, если и такъ, то вы увидите въ этой чепухѣ еще доказательство того, какое сильное дѣйствіе произвело на меня чтеніе вашей статьи. Между тѣмъ прошу васъ все сказанное мною принять не какъ мое мнѣніе, но какъ вопросы о томъ, что мнѣ въ вашей статьѣ показалось не яснымъ для моего неразвитаго понятія.

„Прошу васъ передать мое искреннее почтеніе вашему много и глубоко уважаемому батюшкѣ и всему вашему почтенному семейству.

Преданный вамъ
Иванъ Кирѣевскій.“

„ПОСЛѢДНІЙ ДЕНЬ 1855 ГОДА“.

„Любезный другъ Погодинъ, къ намъ, въ деревню, доходятъ новости поздно, однакожъ отъ этого онѣ мало теряютъ своей живости. Въ послѣднемъ № Московскихъ Вѣдомостей я прочелъ рѣчь, которую ты говорилъ Хрулеву, и прочелъ съ такимъ удовольствіемъ, какого давно

не испытывалъ отъ печатнаго. Тебѣ Богъ вложилъ огонь въ слово. Видно ты въ самомъ дѣлѣ скипѣлся душою съ жизнію нашего отечества, что при каждомъ явленіи этой жизни, при страданіи ея, при радости, у тебя вырывается изъ сердца настоящій звукъ. Твои голоса, т. е. не печатанные,—возбуждаютъ почти общее сочувствіе. Разумѣется не всѣ, но большая часть. Въ рѣчи Хрулеву меня особенно поразила и обрадовала мысль о томъ, что Европа не догадывается, сколько добра извлечетъ Россія изъ того зла, которое она думаетъ ей нанесть. Я думалъ, что я одинъ утѣшаю себя этою мыслію, и хотѣлъ бы обнять тебя, видя, что ты говоришь, что̀ я думаю. Твоя увѣренность укрѣпляетъ мою. Да, любезный другъ, эти страданья очистительныя; эта болѣзнь къ здоровью. Мы бы загнили и задохлись безъ этого потрясенія до самыхъ костей. Россія мучается, но это муки рожденія. Тотъ не знаетъ Россіи и не думаетъ о ней въ глубинѣ сердца, кто не видитъ и не чувствуетъ, что изъ нея рождается что-то великое, не бывалое въ мірѣ. — Общественный духъ начинаетъ пробуждаться. Ложь и неправда, главныя наши язвы, начинаютъ обнаруживаться. Ужасно, невыразимо тяжело это время; но какою цѣною нельзя купить того блаженства, чтобы Русскій православный духъ,—духъ истинной Христіанской вѣры,—воплотился въ Русскую общественную и семейную жизнь! А возможность этого потому только невѣроятна, что слишкомъ прекрасна.

„Впрочемъ, въ стремленіи къ Русскому народному духу, есть возможность недоразумѣнія, которое, къ сожалѣнію, часто встрѣчается, и многое путаетъ.

„Подъ Русскимъ духомъ разумѣютъ не одушевленіе общечеловѣческаго ума духомъ православнаго, истиннаго христіанства, — но только отрицаніе ума западнаго. Подъ народнымъ разумѣютъ не цѣлостный составъ государства, но одно простонародное,—смѣшанный отпечатокъ полуизглаженныхъ прежнихъ общественныхъ формъ, давно изломанныхъ, и слѣдовательно уже не возстановимыхъ. Духъ живитъ,—но улетаетъ, когда имъ хотятъ наполнить разбитыя формы.

Очень бы ты обязалъ меня, если бы нашелъ минуту подѣлиться тѣми мыслями, которыя теперь тебя занимаютъ. Не написалъ ли ты чего новаго послѣ моего отъѣзда изъ Москвы? Если бы прислалъ мнѣ прочесть, то тетрадь твоя возвратилась бы скоро; а благодарность моя осталась бы невозвратною. —

Твой И. Кирѣевскій.

Въ 1856-мъ году, послѣ великой грозы на Руси, повѣяло новой жизнью; Русской умъ почувствовалъ просторъ и уста заговорили гласно. Въ Москвѣ основался новый журналъ: „Русская Бесѣда“ подъ редакціей Кошелева, съ участіемъ всѣхъ друзей и единомышленниковъ Кирѣевскаго.—И дружеское отношеніе къ издателю, и желаніе участво-

вать въ предпріятіи, начатомъ съ безкорыстною цѣлью добра, и наконецъ возможность вполнѣ высказаться безъ боязни, что слова его будутъ перетолкованы,—все это заставило Кирѣевскаго немедленно приняться за работу. Въ Февралѣ онъ прислалъ въ Москву свою первую статью: „О возможности и необходимости новыхъ началъ для философіи“.—По неисповѣдимой судьбѣ, статья эта, долженствовавшая быть началомъ большаго труда, была его послѣднею статьею.

Въ концѣ великаго поста, Кирѣевскій поѣхалъ въ Петербургъ, чтобъ видѣть экзаменъ сына, кончившаго курсъ въ Лицеѣ. Онъ пробылъ въ Москвѣ нѣсколько дней; остановился въ домѣ у матери и повидался здѣсь въ послѣдній разъ съ братьями и друзьями. 10-го Іюня онъ занемогъ холерою, быстро и съ страшною силою развившейся, и скончался 11-го Іюня на рукахъ сына и двухъ друзей его молодости, графа Комаровскаго и Алексѣя Влад. Веневитинова. Тѣло его было перевезено въ Оптину пустынь и положено близъ соборной церкви [1]).

Въ „Русской Бесѣдѣ“ было напечатано нѣсколько страницъ, написанныхъ въ это время Алек. Ст. Хомяковымъ. Приведемъ въ заключеніе нѣсколько словъ оттуда:

„Конечно, немногіе еще оцѣнятъ вполнѣ И. В. Кирѣевскаго, но придетъ время, когда наука, очищенная строгимъ анализомъ и просвѣтленная вѣрою, оцѣнитъ его достоинство и опредѣлитъ не только его мѣсто въ поворотномъ движеніи Русскаго просвѣщенія, но еще и заслугу его передъ жизнію и мыслію человѣческою вообще. Выводы, имъ добытые, сдѣлавшись общимъ достояніемъ, будутъ всѣмъ извѣстны; но его немногія статьи останутся всегда предметомъ изученія, по послѣдовательности мысли, постоянно требовавшей отъ себя строгаго отчета, по характеру теплой любви къ истинѣ и людямъ, которая вездѣ въ нихъ просвѣчиваетъ, по вѣрному чувству изящнаго, по благоговѣйной признательности его къ своимъ наставникамъ,—предшественникамъ въ путяхъ науки,—даже тогда, когда онъ принужденъ ихъ осуждать, и особенно по какому-то глубокому сочувствію невысказаннымъ требованіямъ всего человѣчества, алчущаго живой и животворящей правды“.

(Н. А. Елагинъ.)

22-го Марта
1861 г.

---

[1]) На могильномъ памятникѣ И. В. Кирѣевскаго начертано (изъ Кн. Премудр. Солом., гл. 8, ст. 2 и 22-й): *Премудрость возлюбихъ и поискахъ отъ юности моея... Познавъ же, яко не инако одержу, аще не Господь дастъ, пріидохъ ко Господу.*

Прим. ред.

ПЕРВЫЙ ОТДѢЛЪ.

Девятнадцатый вѣкъ.

(1832).

Столько уже говорено о направленіи девятнадцатаго вѣка, что мудрено было бы сказать объ немъ что либо новое, если бы девятнадцатый вѣкъ былъ для насъ прошедшимъ. Но онъ живетъ, и слѣдовательно измѣняется; и каждое измѣненіе его господствующаго духа ставитъ насъ на новую точку зрѣнія. Другая перспектива, въ которой минувшее располагается передъ текущею минутою, даетъ ему другое значеніе. Такъ путешественникъ, съ каждою перемѣною мѣста, видитъ въ новомъ свѣтѣ пройденную дорогу. Такъ новый опытъ въ жизни даетъ цѣлому міру воспоминаній новую стройность и новый смыслъ.

Этимъ новымъ опытомъ въ жизни девятнадцатаго вѣка были событія послѣднихъ лѣтъ. Я говорю не о политикѣ. Но въ литературѣ, въ обществѣ, въ борьбѣ религіозныхъ партій, въ волненіяхъ философскихъ мнѣній, однимъ словомъ, въ цѣломъ нравственномъ бытѣ просвѣщенной Европы замѣтно присутствіе какого-то новаго, какого-то недавняго убѣжденія, которое если не измѣняетъ господствующаго направленія, то по крайней мѣрѣ даетъ ему оттѣнки и другія отношенія.

Въ чемъ же состоитъ эта особенность текущей минуты?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ служить основаніемъ нашихъ сужденій обо всемъ современномъ; ибо одно понятіе текущей минуты, связывая общія мысли съ частными явленіями, опредѣляетъ въ умѣ нашемъ мѣсто, порядокъ и степень важности для всѣхъ событій нравственнаго и физическаго міра. Было время, когда понятіе настоящей минуты вѣка составляло исключительную принадлежность Генія, предполагая въ немъ порывъ какого-то безотчетнаго, пророческаго и немногимъ доступнаго вдохновенія. Но теперь, когда опредѣлить господствующее направленіе вѣка сдѣлалось главною общею цѣлію всѣхъ

мыслящихъ; когда всѣ *данныя* для того извѣстны и собраны; когда всѣ отрасли ума и жизни породнились между собою столь тѣсно, что изученіе одной открываетъ намъ современное состояніе всѣхъ другихъ, — понятіе настоящаго направленія времени уже не требуетъ ни геніальности, ни вдохновенія; оно сдѣлалось доступно для каждаго мыслящаго, и предполагаетъ въ немъ только внимательный взглядъ на окружающій міръ, холодный разсчетъ и безпристрастное соображеніе.

Однако, не смотря на это всеобщее стремленіе постигнуть духъ своего времени, не было вѣка, изученіе котораго представляло бы столько трудностей, сколько представляетъ изученіе нашего; ибо никогда измѣненія господствующаго направленія не совершались столь быстро и столь рѣшительно. Прежде характеръ времени едва чувствительно перемѣнялся съ перемѣною поколѣній; наше время для одного поколѣнія мѣняло характеръ свой уже нѣсколько разъ, и можно сказать, что тѣ изъ моихъ читателей, которые видѣли полвѣка, видѣли нѣсколько вѣковъ, пробѣжавшихъ предъ ними во всей полнотѣ своего развитія.

Утвержденіе это не игра пустыхъ словъ: его истина подтверждается ежедневно очевидными доказательствами. Сравните прежнія времена съ настоящимъ; раскройте историческія записки, частныя письма, романы и біографіи прошедшихъ вѣковъ: вездѣ и во всякое время найдете вы людей *одного времени*. При всемъ разнообразіи характеровъ, положеній и обстоятельствъ, каждый вѣкъ представитъ вамъ одинъ общій *цвѣтъ*, одно клеймо, которое больше или меньше врѣзано на всѣхъ одновременныхъ лицахъ. Всѣ воспитаны одномысленными обстоятельствами, образованы одинакимъ духомъ времени. И тѣ умы, которые въ борьбѣ съ направленіемъ своего вѣка, и тѣ, которые покорствуютъ ему, всѣ равно обнаруживаютъ его господство: оно служитъ общимъ центромъ, къ которому примыкаютъ направленія частныя, какъ правая и лѣвая сторона въ палатѣ депутатовъ.

Но взгляните на Европейское общество нашего времени: не разногласныя мнѣнія одного вѣка найдете вы въ немъ, нѣтъ! вы встрѣтите отголоски нѣсколькихъ вѣковъ, не столько *противные* другъ другу, сколько *разнородные* между собою. Подлѣ человѣка *стараго времени*, найдете вы человѣка, образованнаго духомъ *Французской революціи*; тамъ человѣка, воспитаннаго

обстоятельствами и мнѣніями, *послѣдовавшими непосредственно за Французскою революціею*; съ нимъ рядомъ человѣка, проникнутаго тѣмъ порядкомъ вещей, который начался на твердой землѣ Европы съ паденіемъ Наполеона; наконецъ, между ними встрѣтите вы человѣка послѣдняго времени, и—каждый будетъ имѣть свою особенную физіогномію, каждый будетъ отличаться отъ всѣхъ другихъ во всѣхъ возможныхъ обстоятельствахъ жизни, однимъ словомъ, каждый явится предъ вами отпечаткомъ особаго вѣка.

Нѣкоторые полагаютъ, что эта быстрота измѣненій духа времени зависитъ отъ самой сущности сихъ измѣненій; другіе напротивъ того думаютъ, что она происходитъ отъ обстоятельствъ постороннихъ, отъ случайныхъ характеровъ дѣйствующихъ лицъ и т. п., третьи видятъ причину ея въ духѣ настоящаго просвѣщенія вообще. Мы не станемъ разыскивать степени справедливости каждаго изъ сихъ объясненій; замѣтимъ только существованіе самаго *факта*, и постараемся опредѣлить исторически особенность и сущность послѣдняго изъ сихъ измѣненій господствующаго направленія *Европеизма*.

Въ концѣ осьмнадцатаго вѣка, когда борьба между старыми мнѣніями и новыми требованіями просвѣщенія находилась еще въ самомъ пылу своего кипѣнія, господствующее направленіе умовъ было безусловно *разрушительное*. Науки, жизнь, общество, литература, даже самыя искусства изящныя, все обнаруживало одно стремленіе: ниспровергнуть старое. Замѣчательно, что даже мысль о новомъ, долженствовавшемъ заступить мѣсто стараго, почти не являлась иначе какъ *отрицательно*. Эти электрическія слова, которыхъ звукъ такъ потрясалъ умы: *свобода*, *разумъ*, *человѣчество*,—что значили они во время Французской революціи?

Ни одно изъ сихъ словъ не имѣло значенія *самобытнаго*; каждое получало смыслъ только изъ отношеній къ прежнему вѣку. Подъ *свободою* понимали единственно отсутствіе прежнихъ стѣсненій; подъ *человѣчествомъ* разумѣли единственно матеріяльное большинство людей, то есть противоположность тѣмъ немногимъ лицамъ, въ коихъ по прежнимъ понятіямъ оно заключалось; царствомъ *разума* называли отсутствіе предразсудковъ, или того, что почитали предразсудками;—и что не предразсудокъ предъ судомъ толпы непросвѣщенной? Религія пала вмѣстѣ съ злоупотребленіями оной, и ея мѣсто заступило лег-

комысленное невѣріе. Въ наукахъ признавалось истиннымъ одно ощутительно испытанное, и все сверхъ-чувственное отвергалось не только какъ недоказанное, но даже какъ невозможное. Изящныя искусства отъ подражанія классическимъ образцамъ обратились къ подражанію внѣшней неодушевленної природѣ. Тонъ общества отъ изысканной искусственности перешелъ къ необразованной естественности. Въ философіи господствовалъ грубый, чувственный матеріялизмъ. Правила нравственности сведены были къ разсчетамъ непросвѣтленної корысти. Однимъ словомъ, все зданіе прежняго образа мыслеії разрушалось въ своемъ основаніи; вся совокупность нравственнаго быта распадалась на составныя части, на азбучныя, матеріяльныя начала бытія.

Но это направленіе разрушительное, которому яснымъ и кровавымъ зеркаломъ можетъ служить Французская революція, произвело въ умахъ направленіе противное, контръ-революцію, которая, хотя совершилась не вездѣ одновременно, но выразилась вездѣ однозначительно. Систематическія умозрѣнія взяли верхъ надъ ощутительнымъ опытомъ, который пересталъ уже быть единственнымъ руководителемъ въ наукахъ. Мистицизмъ распространился между людьми, не поддавшимися увлеченію легкомысленнаго невѣрія. Общество, униженное до простонародности, старалось возвыситься блескомъ внѣшняго великолѣпія и пышности. Въ искусствахъ подражаніе внѣшней природѣ замѣнилось сентиментальностію и мечтательностію, которыя на всю дѣйствительность набрасывали однообразный цвѣтъ исключительнаго чувства или систематической мысли, уничтожая такимъ образомъ самобытность и разнообразіе внѣшняго міра. Въ области философіи, какъ противоположность прежнему матеріялизму, начали развиваться системы чисто духовныя, выводящія весь видимый міръ изъ одного невещественнаго начала. Такимъ образомъ во всѣхъ отрасляхъ ума и жизни болѣе или менѣе замѣтна была потребность *единства*, противоположная прежнему разрушительному началу. Эта потребность единства произвела ту насильственную стройность, то искусственное однообразіе, которыя такъ же относятся къ прежнему безначалію, какъ великій похититель Французскаго престола относится къ воспитавшей его Французской республикѣ. Но сіи два противоположныя направленія, *разрушительное, и насильственно соединяющее*, согласовались въ одномъ: въ борьбѣ съ прежнимъ

вѣкомъ. Изъ этой борьбы родилась потребность мира; изъ противорѣчащихъ волненій—потребность успокоительнаго равновѣсія, и образовалось третье измѣненіе духа девятнадцатаго вѣка: стремленіе къ мирительному соглашенію враждующихъ началъ.

Терпимость, вмѣстѣ съ уваженіемъ къ религіи, явилась на мѣсто ханжества, невѣрія и таинственной мечтательности. Въ философіи идеализмъ и матеріялизмъ помирились системою тожества. Общество высшимъ закономъ своимъ признало изящество образованной простоты, равно удаленной отъ той простоты грубой, которая происходитъ отъ разногласнаго смѣшенія состояній, и отъ той изысканности неестественной, которая царствовала при дворѣ Людовика XIV-го, и отъ того великолѣпія необразованнаго, которое окружало Наполеона въ его величіи. Въ поэзіи подражаніе видимой дѣйствительности и мечтательность замѣнились направленіемъ историческимъ, гдѣ свободная мечта проникнута неизмѣняемою дѣйствительностью, и красота однозначительна съ правдою. И эта поэзія историческая почти не заимствовала предметовъ своихъ ни изъ древней исторіи, ни изъ новой; содержаніемъ ея почти исключительно была исторія средняя, то-есть то время, изъ котораго развился недавно прошедшій порядокъ вещей, находившійся въ борьбѣ съ новыми стремленіями. Историческіе разыскатели также ограничивались преимущественно эпохою среднихъ вѣковъ, исключая нѣкоторыхъ Нѣмецкихъ филологовъ, далеко не составляющихъ большинства. Даже мода искала *готическаго* въ своихъ минутныхъ нарядахъ, въ убранствахъ комнатъ и т. п. Вообще въ цѣломъ бытѣ просвѣщеннѣйшей части Европы образовался новый, *сложный* порядокъ вещей, въ составъ котораго вошли не только результаты новыхъ стремленій, но и остатки стараго вѣка, частію еще уцѣлѣвшіе, частію возобновленные, но въ обоихъ случаяхъ измѣненные новыми отношеніями. Господствующее направленіе умовъ, соотвѣтствовавшее этому новому порядку вещей, заключалось въ стремленіи къ успокоительному уравновѣшенію новаго духа съ развалинами старыхъ временъ и къ сведенію противоположныхъ крайностей въ одну общую, *искусственно отысканную* середину.

Но долго ли продолжалось это направленіе?

Оно продолжается еще и теперь, но уже значительно измѣненное. Докажемъ это состояніемъ литературы.

Въ литературѣ результатомъ сего направленія было стремленіе: согласовать воображеніе съ дѣйствительностью, правильность формъ съ свободою содержанія, округленность искусственности съ глубиною естественности, однимъ словомъ, то, что напрасно называютъ *классицизмомъ*, съ тѣмъ, что еще неправильнѣе называютъ *романтизмомъ*. Гете, въ своихъ послѣднихъ произведеніяхъ, и Валтеръ Скоттъ, въ своихъ романахъ, могутъ во многихъ отношеніяхъ служить примѣромъ такого стремленія.

Тому десять лѣтъ, Гете и Валтеръ Скоттъ были единственными образцами для всѣхъ подражаній, были идеалами тѣхъ качествъ, которыхъ Европейская публика требовала отъ своихъ писателей.

Но теперь большинство публики ищетъ уже другаго. Это замѣтно не только изъ того, что подражанія прежнимъ образцамъ значительно уменьшились; но еще больше изъ того, что теперь въ литературѣ властвуютъ такого рода писатели и сочиненія такихъ родовъ, которыми наслажденіе несовмѣстно съ предпочтеніемъ Гете и Валтера Скотта. Неестественная изысканность подлѣ безвкусной обыкновенности въ мысляхъ; натянутость и вмѣстѣ низость слога, и вообще уродливость талантовъ, господствующихъ въ самыхъ просвѣщенныхъ словесностяхъ, доказываютъ ясно, что вкусъ нашего времени требуетъ чего-то новаго, чего недостаетъ прежнимъ писателямъ и для чего еще не явилось истиннаго поэта.

Правда, этими уродливыми талантами восхищается полуобразованная толпа, составляющая матеріяльное большинство публики, между тѣмъ какъ люди со вкусомъ просвѣщеннымъ смотрятъ на нихъ съ однимъ участіемъ сожалѣнія. Однако ненадобно забывать, что эта полуобразованная толпа та самая, которая нѣкогда восхищалась Шекспиромъ и Попомъ, Расиномъ и Вольтеромъ, Шиллеромъ и Лессингомъ, и еще недавно Байрономъ, Валтеромъ Скоттомъ и Гете. Дѣло только въ томъ, что для нея красота есть достоинство второстепенное даже и въ поэзіи, и что первое, чего она требуетъ, это—*соотвѣтственность съ текущею минутою.*

Доказывать сего положенія, кажется, не нужно: его подтверждаютъ тысячи поэтовъ безталантныхъ, которые имѣли короткій успѣхъ только потому, что выражали образъ мыслей или чувство, господствовавшіе въ ихъ время.

И такъ, чтобы опредѣлить эту соотвѣтственность между требованіями текущей минуты и настоящимъ состояніемъ поэзіи, надобно найти *общія качества*, которыя бы равно были свойственны всѣмъ писателямъ, пользующимся незаслуженными успѣхами. Ибо, чѣмъ менѣе таланта въ счастливомъ писателѣ, тѣмъ болѣе обнаруживаетъ онъ требованія своей публики.

По моему мнѣнію, въ самыхъ изысканностяхъ и неестественностяхъ, въ отвратительныхъ картинахъ, перемѣшанныхъ съ лирическими выходками, въ несообразности тона съ предметомъ, однимъ словомъ, во всемъ, что называютъ *безвкусіемъ* у большей части счастливыхъ писателей нашего времени,—замѣтны слѣдующія отличительныя качества:

1-е. Больше восторженности, чѣмъ чувствительности.

2-е. Жажда сильныхъ потрясеній, безъ уваженія къ ихъ стройности.

3-е. Воображеніе, наполненное одною дѣйствительностію во всей наготѣ ея.

Постараемся соединить въ умѣ эти три качества, и спросимъ самихъ себя: что предполагаютъ они въ человѣкѣ, который ищетъ ихъ въ поэзіи?

Безъ сомнѣнія, качества сіи предполагаютъ холодность, прозаизмъ, *положительность* и вообще *исключительное стремленіе къ практической дѣятельности*. Тоже можно сказать и о большинствѣ публики въ самыхъ просвѣщенныхъ государствахъ Европы.

Вотъ отъ чего многіе думаютъ, что время поэзіи прошло, и что ея мѣсто заступила жизнь дѣйствительная. Но не ужели въ этомъ стремленіи къ жизни дѣйствительной нѣтъ своей особенной поэзіи?—Именно изъ того, что Жизнь *вытѣсняетъ* Поэзію, должны мы заключить, что стремленіе къ Жизни и къ Поэзіи *сошлись*, и что, слѣдовательно, часъ для поэта Жизни наступилъ.

Такое же сближеніе жизни съ развитіемъ человѣческаго духа, какое мы замѣтили въ поэзіи, обнаруживается и въ современномъ состояніи наукъ. Въ доказательство возмемъ самое умозрительное и самое отвлеченное изъ человѣческихъ познаній: философію.

Натуральная философія, названная такъ по случайной особенности своего происхожденія, была послѣднею ступенью, до которой возвысилось новѣйшее любомудріе. Идеализмъ Фихте

и реализмъ Спинозы, догматизмъ Схоластики и критицизмъ Канта, предустановленная гармонія Лейбница и вещественная послѣдовательность Англійскаго и Французскаго матеріялизма, однимъ словомъ, все развитіе новѣйшаго мышленія отъ Декарта до Шеллинга, совмѣстилось въ системѣ сего послѣдняго и нашло въ ней свое окончательное развитіе, дополненіе и оправданіе. Казалось, судьба философіи рѣшена, цѣль ея отыскана и границы раздвинуты до невозможнаго. Ибо, постигнувъ сущность разума и законы его необходимой дѣятельности, опредѣливъ соотвѣтственность сихъ законовъ съ законами безусловнаго бытія, открывъ въ цѣломъ объемѣ мірозданія повтореніе того же вѣчнаго разума, по тѣмъ же началамъ вѣчной необходимости,—куда еще могла бы стремиться любознательная мысль человѣка?

Таково было мнѣніе почти всѣхъ приверженцевъ системы тожества, то есть, не однихъ Шеллингистовъ, но и послѣдователей Гегеля, Окена, Аста, Вагнера и другихъ предводителей новѣйшаго Нѣмецкаго любомудрія. И по мѣрѣ того, какъ это любомудріе распространялось внѣ Германіи, вмѣстѣ съ нимъ распространялась увѣренность, что оно составляетъ послѣднее звено и верховный вѣнецъ философскаго мышленія.

Но тотъ же Шеллингъ, который первый создалъ систему тожества, теперь самъ открываетъ новую цѣль и прокладываетъ новую дорогу для Философіи. Истинное познаніе, говоритъ онъ, познаніе *положительное*, *живое*, составляющее конечную цѣль всѣхъ требованій нашего ума, не заключается въ логическомъ развитіи необходимыхъ законовъ нашего разума. Оно *внѣ* школьно-логическаго процесса, и потому *живое;* оно *выше* понятія вѣчной необходимости, и потому *положительное;* оно *существеннѣе* математической отвлеченности, и потому *индивидуально-опредѣленное*, *историческое*. Но всѣ системы новѣйшаго любомудрія, подъ какими бы формами онѣ ни обнаруживались, подъ какими бы ни скрывались именами, преслѣдовали единственно развитіе законовъ умственной необходимости, и даже новѣйшій матеріялизмъ основывался на убѣжденіи чисто логическомъ, выведенномъ изъ отвлеченнаго понятія законовъ нашего разума, но не изъ живаго познанія сущности вещей и бытія. Весь результатъ такого мышленія могъ заключаться только въ познаніи *отрицательномъ*; ибо разумъ, самъ себя развивающій, самъ собою и ограничивается.

Познанія отрицательныя необходимы, но не какъ цѣль познаванія, а только какъ средство; они очистили намъ дорогу къ храму живой мудрости, но у входа его должны были остановиться. Проникнуть далѣе предоставлено философіи положительной, *Исторической*, для которой теперь только наступаетъ время; ибо теперь только довершено развитіе философіи отрицательной и логической.

Очевидно, что это требованіе исторической существенности и положительности въ философіи, сближая весь кругъ умозрительныхъ наукъ съ жизнью и дѣйствительностью, соотвѣтствуетъ тому же направленію, какое господствуетъ и въ новѣйшей литературѣ. И то же стремленіе къ существенности, то же сближеніе духовной дѣятельности съ дѣйствительностью жизни обнаруживается въ мнѣніяхъ религіозныхъ.

Мы уже замѣтили, что съ легкомысленнымъ и насмѣшливымъ невѣріемъ, распространеннымъ Вольтеромъ и его послѣдователями, боролся мечтательный мистицизмъ, который однакоже по сущности своей доступенъ только для немногихъ и, слѣдовательно, не могъ преодолѣть почти всеобщаго Вольтеровскаго вольнодумства. Но чего не могъ совершить мистицизмъ, то совершилось успѣхами просвѣщенія вообще, искоренившаго нѣкоторыя злоупотребленія и уничтожившаго предразсудки, которые мѣшали безпристрастію. Теперь, благодаря симъ успѣхамъ просвѣщенія, уваженіе къ религіи сдѣлалось почти повсемѣстнымъ, исключая, можетъ быть, Италію, гдѣ тонъ легкомысленнаго безвѣрія, данный Вольтеромъ, еще во всей силѣ, но гдѣ просвѣщеніе и не въ этомъ одномъ отстало отъ образованной Европы.

Но это уваженіе къ религіи по большей части сопровождалось какимъ-то равнодушіемъ, которое противорѣчило дальнѣйшему развитію просвѣщенія, и которое теперь начинаетъ проходить вмѣстѣ съ распространеніемъ болѣе истинныхъ понятій. Ибо недавно еще: какъ понимала религію большая часть людей просвѣщенныхъ? Либо какъ совокупность обрядовъ, либо какъ внутреннее, индивидуальное убѣжденіе въ извѣстныхъ истинахъ. Но это ли Религія?

Нѣтъ, Религія не одинъ обрядъ и не одно убѣжденіе. Для полнаго развитія, не только истинной, но даже и ложной религіи, необходимо единомысліе народа, освященное яркими воспоминаніями, развитое въ преданіяхъ односмысленныхъ, со-

проникнутое съ устройствомъ государственнымъ, олицетворенное въ обрядахъ однозначительныхъ и общенародныхъ, сведенное къ одному началу положительному, и ощутительное во всѣхъ гражданскихъ и семейственныхъ отношеніяхъ. Безъ этихъ условій есть убѣжденіе, есть обряды, но собственно Религіи—нѣтъ.

Истина эта особенно распространяется въ наше время, когда жизнь народовъ развита глубже и многостороннѣе, и когда потребность религіи стала ощутительна не въ однихъ умозрѣніяхъ. Замѣчательно, что и Паписты, и Іезуиты, и Сен-Симонисты, и Протестанты Супранатуралисты и даже Раціоналисты, однимъ словомъ, всѣ религіозныя партіи, которыя теперь въ такомъ множествѣ волнуются по Европѣ, и которыя несогласны между собою во всемъ остальномъ, всѣ однакоже въ одномъ сходятся: *въ требованіи большаго сближенія Религіи съ жизнью людей и народовъ.*

Такая же потребность сближенія съ жизнью замѣтна и въ цѣломъ мірѣ Европейской образованности. Вездѣ господствуетъ направленіе чисто практическое и дѣятельно положительное. Вездѣ дѣло беретъ верхъ надъ системою, сущность надъ формою, существенность надъ умозрѣніемъ. Жизнь и общество становятся прямѣе и проще въ своихъ отношеніяхъ, яснѣе и естественнѣе въ своихъ требованіяхъ. То *искусственное* равновѣсіе противоборствующихъ началъ, которое недавно еще почиталось въ Европѣ единственнымъ условіемъ твердаго общественнаго устройства, начинаетъ замѣняться равновѣсіемъ *естественнымъ*, основаннымъ на просвѣщеніи общаго мнѣнія.

Можетъ быть, это просвѣщеніе общаго мнѣнія только мечта, которая разрушится опытомъ. Можетъ быть, это счастливая истина, которая подтвердится благоденствіемъ обществъ. Но мечта или истина—рѣшитъ Провидѣніе; мы замѣтимъ только, что *вѣра* въ эту мечту или въ эту истину составляетъ основаніе господствующаго характера настоящаго времени, и служитъ связью между дѣятельностью практическою и стремленіемъ къ просвѣщенію вообще. Ибо направленіе практическое тогда только можетъ быть вѣнцомъ просвѣщенія, когда частная жизнь составляетъ одно съ жизнію общественной; когда жизнь дѣйствительная, образованная общимъ мнѣніемъ, устроена вмѣстѣ по законамъ разума и природы. Въ противномъ случаѣ, то есть, когда просвѣщеніе общаго мнѣнія въ разногласіи съ

основными мнѣніями людей просвѣщенныхъ,—жизнь идетъ по одной дорогѣ, а успѣхи ума по другой, и даже въ людяхъ необыкновенныхъ, составляющихъ исключеніе изъ своего времени, эти двѣ дороги сходятся рѣдко и только въ нѣкоторыхъ точкахъ.

И можетъ ли одинъ человѣкъ образовать себѣ жизнь особую посреди общества, образованнаго иначе? Нѣтъ; въ жизни внутренней, духовной, одинокой, будетъ онъ искать дополненія жизни внѣшней и дѣйствительной. Онъ будетъ поэтомъ, будетъ историкомъ, розыскателемъ, философомъ, и только иногда *человѣкомъ*; ибо въ тѣсномъ кругу немногихъ сосредоточено поприще его практической дѣятельности.

Вотъ почему главный характеръ просвѣщенія въ Европѣ былъ прежде поперемѣнно поэтическій, историческій, художественный, философическій, и только въ наше время могъ образоваться чисто *практическимъ*. Человѣкъ нашего времени уже не смотритъ на жизнь, какъ на простое условіе развитія духовнаго; но видитъ въ ней вмѣстѣ и средство, и цѣль бытія, вершину и корень всѣхъ отраслей умственнаго и сердечнаго просвѣщенія. Ибо жизнь явилась ему существомъ разумнымъ и мыслящимъ, способнымъ понимать его и отвѣчать ему, какъ художнику Пигмаліону его одушевленная статуя.

Обратимся теперь къ просвѣщенію нашего отечества и посмотримъ, какъ отражалась на немъ жизнь просвѣщенія Европейскаго.

Жизнь Европейскаго просвѣщенія девятнадцатаго вѣка не имѣла на Россію того вліянія, какое она имѣла на другія государства Европы. Измѣненія и развитіе сей жизни отзывались у насъ въ образѣ мыслей нѣкоторыхъ людей образованныхъ, отражались въ нѣкоторыхъ оттѣнкахъ нашей литературы, но далѣе не проникали. Какая-то Китайская стѣна стоитъ между Россіею и Европою, и только сквозь нѣкоторыя отверстія пропускаетъ къ намъ воздухъ просвѣщеннаго Запада; стѣна, въ которой Великій Петръ ударомъ сильной руки пробилъ широкія двери; стѣна, которую Екатерина долго старалась разрушить; которая ежедневно разрушается болѣе и болѣе, но не смотря на то, все еще стоитъ высоко и мѣшаетъ.

Скоро ли разрушится она? Скоро ли образованность наша возвысится до той степени, до которой дошли просвѣщенныя

государства Европы?—Что должны мы дѣлать, чтобы достигнуть этой цѣли или содѣйствовать къ ея достиженію?—Изъ-внутри ли собственной жизни должны мы заимствовать просвѣщеніе свое, или получать его изъ Европы?—И какое начало должны мы развивать внутри собственной жизни? И что должны мы заимствовать отъ просвѣтившихся прежде насъ?

Чтобы отвѣчать на эти вопросы, надобно опредѣлить характеръ и степень просвѣщенія Европейскаго, и ихъ взаимныя отношенія.

Какъ же относится Русское просвѣщеніе къ Европейскому?—На этотъ вопросъ слышимъ мы ежедневно столько же отвѣтовъ, сколько встрѣчаемъ людей, почитающихъ себя образованными. Между тѣмъ, отъ понятія, которое мы имѣемъ объ отношеніяхъ Россіи къ Европѣ, зависятъ наши сужденія о томъ, что можетъ ускорить или замедлить наше просвѣщеніе; о томъ, что даетъ ему ложное или истинное направленіе; о томъ, къ чему мы должны стремиться и чего избѣгать; о томъ, что намъ полезно и вредно, что мы должны заимствовать у сосѣдей нашихъ и чего удаляться, и слѣдовательно, вся совокупность нашихъ мыслей объ Россіи, о будущей судьбѣ ея просвѣщенія и настоящемъ положеніи; вся совокупность нашихъ надеждъ и ожиданій; вся совокупность нашихъ желаній и ненавистей, и— — если мы хотимъ быть согласны сами съ собою—самый характеръ нашей практической дѣятельности, посредственно или непосредственно, долженъ зависѣть отъ *того понятія, которое мы имѣемъ объ отношеніи Русскаго просвѣщенія къ просвѣщенію остальной Европы.*

И такъ, нѣтъ истины, которой признаніе было бы важнѣе; нѣтъ мнѣнія, въ которомъ общее согласіе было бы благодѣтельнѣе.

Но общее мнѣніе составляется изъ частныхъ. Тамъ, гдѣ оно еще не составилось или не обнаружилось явно, ни чей голосъ не можетъ быть лишній;—напротивъ, каждый *обязанъ* произносить свой приговоръ; ибо приговоръ каждаго можетъ содѣйствовать къ образованію общаго. Вотъ почему я постараюсь высказать здѣсь свое мнѣніе, хотя въ общихъ чертахъ и сколько позволятъ мнѣ необходимыя условія журнальной статьи. Если читатель найдетъ мои мысли ошибочными, то по крайней мѣрѣ увидитъ въ нихъ искреннее стремленіе къ истинѣ, и потому, я надѣюсь, не оставитъ ихъ безъ вниманія; я надѣюсь

также, что благонамѣренные литераторы не откажутся почтить ихъ своими замѣчаніями, исправятъ ошибочное и подтвердятъ справедливое.

Я знаю, что общія мысли, не развитыя въ ощутительныхъ подробностяхъ, рѣдко понимаются въ томъ смыслѣ, въ какомъ ихъ хотятъ представить; ибо рѣдко, даже человѣку съ талантомъ, удается найти выраженіе простое и незапутанное, когда онъ говоритъ общими выводами о предметахъ сложныхъ и подлежащихъ не одному разуму, но вмѣстѣ и опыту, и памяти, и личнымъ соображеніямъ каждаго. Потому я никогда не рѣшился бы начать этой статьи, если бы не смотрѣлъ на нее единственно какъ на введеніе къ подробнѣйшему изложенію моихъ мыслей; если бы не надѣялся каждую изъ нихъ развить особенно, и въ примѣненіяхъ къ *дѣйствительности* подтвердить и пояснить то, что въ краткомъ очеркѣ не можетъ быть представлено иначе, какъ умозрительно.

Не со вчерашняго дня родилась Россія: тысящелѣтіе прошло съ тѣхъ поръ, какъ она начала себя помнить; и не каждое изъ образованныхъ государствъ Европы можетъ похвалиться столь длинною цѣпью столь раннихъ воспоминаній. Но несмотря на эту долгую жизнь, просвѣщеніе наше едва начинается, и Россія, въ ряду государствъ образованныхъ, почитается еще государствомъ молодымъ. И это недавно начавшееся просвѣщеніе, включающее насъ въ составъ Европейскихъ обществъ, не было плодомъ нашей прежней жизни, необходимымъ слѣдствіемъ нашего внутренняго развитія; оно пришло къ намъ извнѣ, и частію даже насильственно, такъ что внѣшняя форма его до сихъ поръ еще находится въ противорѣчіи съ формою нашей національности.

Очевидно, что причины, столь долгое время удалявшія Россію отъ образованности, не могутъ быть случайными, но должны заключаться въ самой сущности ея внутренней жизни; и хотя въ каждую эпоху нашей исторіи находимъ мы особенныя и различныя обстоятельства, мѣшавшія нашему развитію, но совокупность сихъ обстоятельствъ заставляетъ насъ заключать, что враждебное вліяніе ихъ зависило не столько отъ ихъ случайнаго явленія, сколько отъ кореннаго образованія первоначальныхъ элементовъ нашего быта, и, можетъ быть, то же обстоятельство, которое вредило просвѣщенію въ Россіи, могло бы способствовать его успѣхамъ въ Италіи или въ Англіи.

Но если даже случайныя, внѣшнія причины останавливали успѣхи нашей образованности, то все же вліяніе сихъ причинъ должно было условливаться внутреннимъ состояніемъ Россіи; и внѣшнее обстоятельство, дѣйствуя такимъ образомъ, становилось уже однимъ изъ элементовъ внутренней жизни, одною изъ постоянныхъ пружинъ послѣдующаго развитія. Слѣдовательно, прежде нежели мы приступимъ къ вопросу: какое отношеніе между просвѣщеніемъ Россіи и Европы существуетъ *теперь*? мы должны еще разсмотрѣть: какіе элементы личной и гражданственной образованности представляетъ намъ прошедшая жизнь Россіи, и въ какомъ отношеніи находились эти элементы къ просвѣщенію Европейскому?

Отъ самаго паденія Римской Имперіи до нашихъ временъ, просвѣщеніе Европы представляется намъ въ постепенномъ развитіи и въ безпрерывной послѣдовательности. Каждая эпоха условливается предыдущею, и всегда прежняя заключаетъ въ себѣ сѣмена будущей, такъ что въ каждой изъ нихъ являются тѣ же стихіи, но въ полнѣйшемъ развитіи.

Стихіи сіи можно подвести къ тремъ началамъ: 1-е, вліяніе Христіанской Религіи; 2-е, характеръ, образованность и духъ варварскихъ народовъ, разрушившихъ Римскую Имперію; 3-е, остатки древняго міра. Изъ этихъ трехъ началъ развилась вся Исторія Новѣйшей Европы.—Котораго же изъ нихъ недоставало намъ, или что имѣли мы лишняго? —

Еще прежде десятаго вѣка имѣли мы Христіанскую Религію; были у насъ и варвары и, вѣроятно, тѣ же, которые разрушили Римскую Имперію; но *классическаго древняго міра* недоставало нашему развитію. Посмотримъ, какое отличіе произошло отъ того въ нашей Исторіи.

Извѣстно, и послѣ ученыхъ разысканій Савиньи, послѣ глубокомысленныхъ соображеній Гизо уже несомнѣнно, что во все продолженіе среднихъ, такъ называемыхъ Варварскихъ вѣковъ, Римскіе законы, Римское устройство, разнобразно измѣненные, иногда смѣшенно, иногда чисто, но всегда очевидно, существовали во всѣхъ мѣстахъ Европы, куда прежде простиралось Римское владычество. Эти законы, эти устройства, примѣшиваясь къ обычаямъ варваровъ, естественно должны были способствовать къ ихъ образованію и дѣйствовать на ихъ гражданскій бытъ, а часто и на личное ихъ просвѣщеніе. Но очевиднѣе всего вліяніе ихъ на устройство торговыхъ городовъ, которые,

сдѣлавшись независимыми, стали одною изъ сильнѣйшихъ пружинъ и однимъ изъ необходимыхъ элементовъ Европейскаго образованія.

У насъ также были Новгородъ и Псковъ; но внутреннее устройство ихъ (занятое по большей части изъ сношеній съ иноземцами) тогда только могло бы содѣйствовать къ просвѣщенію нашему, когда бы ему не противорѣчило все состояніе остальной Россіи. Но при томъ порядкѣ вещей, который существовалъ тогда въ нашемъ отечествѣ, не только Новгородъ и Псковъ долженствовали быть задавлены сильнѣйшими сосѣдями, но даже ихъ просвѣщеніе, процвѣтавшее столь долгое время, не оставило почти никакихъ слѣдовъ въ нашей Исторіи,— такъ несогласно оно было съ цѣлою совокупностью нашего быта.

Но еще важнѣе, чѣмъ на образованіе вольныхъ городовъ, дѣйствовало устройство древняго міра на внѣшнее образованіе Римской церкви и на ея политическое вліяніе во времена среднихъ вѣковъ. Извѣстно, что гражданская власть духовенства въ Европѣ была прямымъ наслѣдіемъ устройства Римскаго, и что свѣтское правленіе епископовъ было устроено по образцамъ Римскимъ, еще уцѣлѣвшимъ въ частяхъ, когда цѣлое уже и разрушилось *). Самая противоположность, которая существуетъ между духомъ древняго языческаго міра и Христіанствомъ, долженствовала служить къ усиленію послѣдняго и къ его многостороннѣйшему развитію; ибо, находясь въ постоянной борьбѣ со всѣмъ его окружающимъ, Христіанство получало безпрестанно новыя силы отъ безпрестанно новыхъ успѣховъ, и, побѣждая язычество, подчиняло себѣ его просвѣщеніе. Такимъ образомъ являлось оно въ двухъ различныхъ видахъ двумъ противоположнымъ и борящимся стихіямъ; на остатки древняго міра Христіанство дѣйствовало какъ противоположное ему, обновляющее, преобразовывающее начало, которое разрушаетъ для того, чтобы создать новое; варварамъ оно являлось какъ начало созидающее, образовывающее, какъ источникъ просвѣщенія, порядка и единства, посреди разногласнаго, нестройнаго и невѣжественнаго броженія; и это двойное отно-

*) Еще Римскіе императоры предоставили епископамъ почти неограниченную власть надъ городами, и „эта власть“, говоритъ Тьерри, „безпрестанно возрастая послѣ паденія Римской Имперіи, почти вездѣ переобразовалась въ господство феодальное“.

шеніе Христіанства къ новому и древнему міру содѣлало его центромъ обоихъ и средоточіемъ всѣхъ элементовъ Европейскаго развитія. Отъ того церковь, въ обновленной Европѣ, стала не только источникомъ духовнаго образованія, но и главою устройства политическаго. Она была первымъ звеномъ того феодальнаго порядка, который связалъ въ одну систему всѣ различныя государства Европы; на ней утверждена была Святая Римская Имперія; она была первою стихіею того рыцарства, которое распространило одинъ нравственный кодексъ посреди разнородныхъ политическихъ отношеній; она была единственнымъ узломъ между всѣми нестройными элементами и всѣми различными народами; она дала одинъ духъ всей Европѣ, подняла крестовые походы и, бывъ источникомъ единодушія и порядка, остановила набѣги варваровъ и положила преграду нашествіямъ Мусульманъ.

Въ Россіи Христіанская Религія была еще чище и святѣе. Но недостатокъ классическаго міра былъ причиною тому, что вліяніе нашей церкви, во времена необразованныя, не было ни такъ рѣшительно, ни такъ всемогуще, какъ вліяніе церкви Римской. Послѣдняя, какъ центръ политическаго устройства, возбудила одну душу въ различныхъ тѣлахъ и создала такимъ образомъ ту крѣпкую связь Христіанскаго міра, которая спасла его отъ нашествій иновѣрцевъ;—у насъ сила эта была не столь ощутительна, не столь всемогуща, и Россія, раздробленная на удѣлы, не связанные духовно, на нѣсколько вѣковъ подпала владычеству Татаръ, на долгое время остановившихъ ее на пути къ просвѣщенію.

Не нужнымъ почитаю я доказывать здѣсь, что система раздробленія была свойственна не одной Россіи, что она была во всей Европѣ и особенно развилась во Франціи, не смотря на то остановившей стремительный натискъ Арабовъ *). Но мелкія королевства, связанныя между собою сомнительною и слабою подчиненностью политическою, были соединены болѣе ощутительно узами религіи и церкви. Извѣстно также, что дѣти владѣтелей такихъ королевствъ наслѣдовали поровну владѣнія своего отца, раздробляя его такимъ образомъ болѣе и болѣе;

---

*) Seulement en Belgique et sur les bords du Rhin on a compté jusqu'à cent vingt-trois grandes terres, possédées par les rois de la seconde race. *Augustin Thiery, Lettres sur l'Histoire de France, Lettre XII.*

и что образъ внутренняго управленія ихъ во многомъ походилъ на образъ управленія нашихъ Удѣльныхъ Князей. Изъ этого однако не слѣдуетъ, чтобы феодальная система и система удѣловъ были одно и тоже, какъ утверждали у насъ нѣкоторые писатели; ибо, не говоря уже о другомъ, одна зависимость феодальнаго устройства отъ церкви, служащей первымъ основаніемъ всѣхъ феодальныхъ правъ и отношеній, уже полагаетъ такое различіе между двумя системами, что непонятно, какимъ образомъ многіе изъ литераторовъ нашихъ, хотя на минуту, могли почитать ихъ одинакими. Но съ другой стороны феодальное устройство представляетъ столько сходнаго съ нашими удѣлами, что нельзя не предположить, что система удѣловъ была однимъ изъ элементовъ феодализма *).

Этотъ элементъ, отчужденный отъ всего остальнаго образованія Европы, произвелъ у насъ то устройство, котораго слѣдствіемъ были Татары, коимъ мы не могли противопоставить ни зрѣлой образованности, ни силы единодушія. Не имѣя довольно просвѣщенія для того, чтобы соединиться противъ нихъ *духовно*, мы могли избавиться отъ нихъ единственно *физическимъ*, матеріяльнымъ соединеніемъ, до котораго достигнуть могли мы только въ теченіе столѣтій. Такимъ образомъ очевидно, что и нашествіе Татаръ и вліяніе ихъ на послѣдующее развитіе наше, имѣло основаніемъ одно: *недостатокъ классическаго міра*. Ибо, теперь даже, раздѣлите Россію на такіе удѣлы, на какіе она раздѣлена была въ 12-мъ вѣкѣ,—и завтра же родятся для нея новые Татары, если не въ Азіи, то въ Европѣ. Но еслибы мы наслѣдовали остатки классическаго міра, то религія наша имѣла бы болѣе политической силы, мы обладали бы большею образованностью, большимъ единодушіемъ, и слѣдовательно, самая раздѣленность наша не имѣла бы ни того варварскаго характера, ни такихъ пагубныхъ послѣдствій.

Этотъ же недостатокъ образованности общаго развивающагося духа, происходящій отъ недостатка классическаго міра, отзывается и въ самой эпохѣ нашего освобожденія отъ Татаръ.

---

*) Сходство сіе служитъ однимъ изъ убѣдительнѣйшихъ доказательствъ общаго происхожденія Варяговъ, нашедшихъ на Россію, и Германскихъ народовъ, разрушившихъ Римскую Имперію. Но одинакіе обычаи сихъ варваровъ должны были измѣниться различно, смотря по различію тѣхъ земель, куда они являлись, и вѣроятно, то же начало, которое у насъ произвело систему удѣловъ, въ Европѣ образовалось въ систему феодальнаго устройства.

Намъ не предстояло другаго средства избавиться отъ угнетенія иноплеменнаго, какъ посредствомъ соединенія и сосредоточенія силъ; но такъ какъ силы наши были преимущественно физическія и матеріяльныя, то и соединеніе наше было не столько выраженіемъ единодушія, сколько простымъ матеріяльнымъ совокупленіемъ; и сосредоточеніе силъ было единственно сосредоточеніемъ *физическимъ*, не смягченнымъ, не просвѣщеннымъ образованностію. Потому, избавленіе наше отъ Татаръ происходило медленно и, совершившись, долженствовало на долгое время остановить Россію въ томъ тяжеломъ закоснѣніи, въ томъ оцѣпенѣніи духовной дѣятельности, которыя происходили отъ слишкомъ большаго перевѣса силы матеріяльной надъ силою нравственной образованности.—Это объясняетъ намъ многое, и между прочимъ показываетъ причины географической огромности Россіи.

Пятнадцатый вѣкъ былъ для Европы вѣкомъ изобрѣтеній, открытій, успѣховъ умственныхъ и гражданскихъ. Но пятнадцатый вѣкъ былъ приготовленъ четырнадцатымъ, который самъ былъ слѣдствіемъ предыдущихъ, развившихся подъ вліяніемъ остатковъ древняго міра. Это вліяніе сначала обнаруживалось образованностью и силою Римской церкви; но потомъ, когда просвѣщеніе уже распространилось въ самомъ бытѣ народа и вкоренилось въ свѣтской гражданственности, тогда и Церковь перестала быть единственнымъ проводникомъ образованности;— и Европа обратилась прямо къ своимъ умственнымъ праотцамъ— къ Риму и Греціи. И это новое, самопознавшееся стремленіе къ міру классическому обнаруживается не только въ высшихъ умахъ, въ людяхъ, стоящихъ впереди своего народа; оно обнаруживается не только въ наукахъ и искусствахъ, дышавшихъ единственно освѣженными воспоминаніями о Грекахъ и Римлянахъ; но даже и въ самомъ народномъ быту просвѣщенныхъ земель, въ самомъ устройствѣ ихъ гражданственности и національности. И еще прежде паденія Греческой Имперіи уже Италіянскія республики образовывались по образцу древнихъ; между тѣмъ, какъ архитектура, живопись, ваяніе, науки и самый патріотизмъ въ Италіи носили глубокую печать одного идеала: *классическаго міра*.

Такимъ образомъ для новой Европы довершился кругъ полнаго наслѣдованія прежняго просвѣщенія человѣчества. Такимъ образомъ новѣйшее просвѣщеніе есть не отрывокъ, но продолже-

ніе умственной жизни человѣческаго рода. Такимъ образомъ, государства, причастныя образованности Европейской, внутри самихъ себя совмѣстили всѣ элементы просвѣщенія всемірнаго, сопроникнутаго съ самою національностію ихъ.

И на Западѣ, почти въ то же время какъ у насъ, происходила подобная кристаллизація силъ и элементовъ: мелкія королевства соединялись въ большія массы, частныя силы сосредоточивались въ подчиненности одной силѣ общей. Но это сосредоточеніе и соединеніе имѣли совершенно другой характеръ отъ того, что частныя силы, частные элементы были образованы, развиты и самобытны. И тутъ и тамъ идетъ борьба за національность, независимость и цѣлость; и тутъ и тамъ стремленіе къ сосредоточенію и единству;—но тамъ просвѣщеніе уже развитое, слѣдовательно, знаменемъ борьбы, цѣлью стремленія, является всегда *мысль* религіозная или политическая; тутъ мѣсто мысли заступаетъ *лице*, частное событіе, *самозванецъ*.

Только съ того времени, какъ Исторія наша позволила намъ сближаться съ Европою, то есть со времени Минина и Пожарскаго, начало у насъ распространяться и *просвѣщеніе въ истинномъ смыслѣ сего слова*, то есть, не отдѣльное развитіе нашей особенности, но участіе въ общей жизни просвѣщеннаго міра; ибо отдѣльное, Китайски особенное развитіе замѣтно у насъ и прежде введенія образованности Европейской; но это развитіе не могло имѣть успѣха *общечеловѣческаго*, ибо ему недоставало одного изъ необходимыхъ элементовъ всемірной прогрессіи ума.

Что это Европейское просвѣщеніе начало вводиться у насъ гораздо прежде Петра и особенно при Алексѣѣ Михайловичѣ,- это доказывается тысячью оставшихся слѣдовъ и преданій. Но не смотря на то, начало сіе было столь слабо и ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, что совершилъ Петръ, что, говоря о нашей образованности, мы обыкновенно называемъ его основателемъ нашей новой жизни и родоначальникомъ нашего умственнаго развитія. Ибо прежде него просвѣщеніе вводилось къ намъ мало по малу и *отрывисто*, отъ чего, по мѣрѣ своего появленія въ Россіи, оно искажалось вліяніемъ нашей пересиливающей національности. Но переворотъ, совершенный Петромъ, былъ не столько развитіемъ, сколько переломомъ нашей національности; не столько внутреннимъ успѣхомъ, сколько внѣшнимъ нововведеніемъ.

Но могло ли просвѣщеніе придти къ намъ иначе, какъ посредствомъ перелома въ нашемъ развитіи, иначе, какъ въ видѣ внѣшней силы, противоположной нашему прежнему быту, сражающейся съ нашею національностію на жизнь и смерть, и долженствующей не помириться съ нею, но побѣдить ее, покорить своему владычеству, преобразовать, породить новое?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ выводится ясно изъ предыдущаго; и если въ нашей прежней жизни недоставало одного изъ необходимыхъ элементовъ просвѣщенія: міра классическаго,—то какъ могли бы мы достигнуть образованности, не заимствуя ея извнѣ? И образованность заимствованная не должна ли быть въ борьбѣ съ чуждою ей національностію?

Просвѣщеніе человѣчества, какъ мысль, какъ наука, развивается постепенно, послѣдовательно. Каждая эпоха человѣческаго бытія имѣетъ своихъ представителей въ тѣхъ народахъ, гдѣ образованность процвѣтаетъ полнѣе другихъ. Но эти народы до тѣхъ поръ служатъ представителями своей эпохи, покуда ея господствующій характеръ совпадаетъ съ господствующимъ характеромъ ихъ просвѣщенія. Когда же просвѣщеніе человѣчества, довершивъ извѣстный періодъ своего развитія, идетъ далѣе и, слѣдовательно, измѣняетъ характеръ свой, тогда и народы, выражавшіе сей характеръ своею образованностію, перестаютъ быть представителями Всемірной Исторіи. Ихъ мѣсто заступаютъ другіе, коихъ особенность всего болѣе согласуется съ наступающею эпохою. Эти новые представители человѣчества продолжаютъ начатое ихъ предшественниками, наслѣдуютъ всѣ плоды ихъ образованности и извлекаютъ изъ нихъ сѣмена новаго развитія. Такимъ образомъ, съ тѣхъ самыхъ поръ, съ которыхъ начинаются самыя первыя воспоминанія Исторіи, видимъ мы неразрывную связь и постепенный, послѣдовательный ходъ въ жизни человѣческаго ума; и если по временамъ просвѣщеніе являлось какъ бы останавливающимся, засыпающимъ, то изъ этого сна человѣкъ пробуждался всегда съ большею бодростію, съ большею свѣжестью ума, и продолжалъ *вчерашнюю* жизнь съ новыми силами. Вотъ отъ чего просвѣщеніе каждаго народа измѣряется не суммою его познаній, не утонченностью и сложностью той машины, которую называютъ *гражданственностью*,—но единственно участіемъ его въ просвѣщеніи всего человѣчества, тѣмъ мѣстомъ, которое онъ занимаетъ въ общемъ ходѣ человѣческаго развитія.

Ибо просвѣщеніе одинокое, Китайски отдѣленное, должно быть и Китайски ограниченное: въ немъ нѣтъ жизни, нѣтъ блага, ибо нѣтъ прогрессіи, нѣтъ того успѣха, который добывается только совокупными усиліями человѣчества.

На чемъ же основываются тѣ, которые обвиняютъ Петра, утверждая, будто онъ далъ ложное направленіе образованности нашей, заимствуя ее изъ просвѣщенной Европы, а не развивая изнутри нашего быта?—

Эти обвинители великаго создателя новой Россіи съ нѣкотораго времени распространились у насъ болѣе, чѣмъ когда либо; и мы знаемъ, откуда почерпнули они свой образъ мыслей. Они говорятъ намъ о просвѣщеніи національномъ, самобытномъ; не велятъ заимствовать, бранятъ нововведеніе и хотятъ возвратить насъ къ коренному и старинно-Русскому. Но что же? Если разсмотрѣть внимательно, то это самое стремленіе къ національности есть не что иное, какъ непонятое повтореніе мыслей чужихъ, мыслей Европейскихъ, занятыхъ у Французовъ, у Нѣмцевъ, у Англичанъ, и необдуманно примѣняемыхъ къ Россіи. Дѣйствительно, лѣтъ десять тому назадъ стремленіе къ національности было господствующимъ въ самыхъ просвѣщенныхъ государствахъ Европы: всѣ обратились къ своему народному, къ своему особенному; но тамъ это стремленіе имѣло свой смыслъ: тамъ просвѣщеніе и національность одно; ибо первое развилось изъ послѣдней. Потому, если Нѣмцы искали чисто Нѣмецкаго, то это не противорѣчило ихъ образованности; напротивъ, образованность ихъ такимъ образомъ доходила только до своего сознанія, получала болѣе самобытности, болѣе полноты и твердости. Но у насъ искать національнаго, значитъ искать необразованнаго; развивать его на счетъ Европейскихъ нововведеній, значитъ изгонять просвѣщеніе; ибо, не имѣя достаточныхъ элементовъ для внутренняго развитія образованности, откуда возмемъ мы ее, если не изъ Европы?—Развѣ самая образованность Европейская не была послѣдствіемъ просвѣщенія древняго міра?—Развѣ не представляетъ она теперь просвѣщенія общечеловѣческаго? — Развѣ не въ такомъ же отношеніи находится она къ Россіи, въ какомъ просвѣщеніе классическое находилось къ Европѣ?—

Правда, есть минуты въ жизни Петра, гдѣ, дѣйствуя иначе, онъ былъ бы согласнѣе самъ съ собою, согласнѣе съ тою мыслію, которая одушевляла его въ продолженіе всей жизни. Но

эта мысль, но общій характеръ его дѣятельности, но образованность Россіи, имъ начатая—вотъ основаніе его величія и нашего будущаго благоденствія! Ибо блогоденствіе наше зависитъ отъ нашего просвѣщенія, а имъ обязаны мы Петру. Потому будемъ осмотрительны, когда рѣчь идетъ о преобразованіи, имъ совершенномъ. Не позабудемъ, что судить объ немъ легкомысленно—есть дѣло неблагодарности и невѣжества; не позабудемъ, что тѣ, которые осуждаютъ его, не столь часто увлекаются ложною системою, сколько подъ нею скрываютъ свою корыстную ненависть къ просвѣщенію и его благодѣтельнымъ послѣдствіямъ; ибо невѣжество, какъ преступникъ, не спитъ ночью и боится дня.

Екатерина II дѣйствовала въ томъ же духѣ, въ какомъ работалъ Великій Петръ. Она также поставила просвѣщеніе Россіи цѣлью своего царствованія, и также всѣми средствами старалась передать намъ образованность Европейскую. Можетъ быть, средства сіи были не всегда самыя приличныя тогдашнему состоянію Россіи; но, не смотря на то, образованность Европейская начала распространяться у насъ видимо и ощутительно только въ царствованіе Екатерины. Причина тому заключается, по моему мнѣнію, не столько въ томъ, что Екатерина нашла въ Россіи уже многое приготовленнымъ, сколько въ томъ особенномъ направленіи, которое просвѣщеніе Европы начало принимать въ половинѣ восьмнадцатаго вѣка.

Мы видѣли, что съ половины восьмнадцатаго вѣка просвѣщеніе въ Европѣ приняло направленіе противоположное прежнему. Новыя начала и старыя явились въ борьбѣ, различно измѣненной, но всегда одномысленной. Мы видѣли, что въ наукахъ, въ искусствахъ, въ жизни, въ литературѣ, однимъ словомъ въ цѣлой сферѣ умственнаго развитія Европы, новые успѣхи *), хотя были послѣдствіемъ прежняго развитія, но, не—смотря на то, принимали характеръ противоположный ему и съ нимъ несовмѣстный, какъ плодъ, который родился и созрѣлъ на деревѣ, но, созрѣвъ, отпадаетъ отъ него и служитъ сѣменемъ новаго древа, которое вытѣсняетъ старое.

Для большаго поясненія возмемъ еще нѣсколько примѣровъ. Нѣтъ сомнѣнія, что изобрѣтеніе паровыхъ машинъ есть слѣд-

---

*) Не должно смѣшивать успѣхи истинные съ мнимыми, и нововведенія мечтательныя, вредныя, съ необходимымъ развитіемъ просвѣщенія.

ствіе Европейскаго просвѣщенія, что оно благодѣтельно для рода человѣческаго вообще, и для будущихъ успѣховъ промышленности. Но настоящее состояніе промышленности Европейской, которое также есть слѣдствіе предыдущаго, противорѣчитъ успѣхамъ сего изобрѣтенія. Милліоны людей должны искать новыхъ средствъ къ пропитанію, между тѣмъ какъ средства сіи и безъ того затруднены слѣдствіемъ прежняго устройства промышленности. Но паровыя машины еще въ началѣ своихъ примѣненій; еще тысячи новыхъ работъ будутъ замѣнены ими: какой же сильный переворотъ долженъ произойти въ промышленности Европейской! Какое противорѣчіе между прежнимъ порядкомъ вещей и новыми успѣхами просвѣщенія!

То же, что и о промышленности, можно сказать и о юриспруденціи. Римскіе законы, мы видѣли, были основаніемъ образованности и началомъ законнаго порядка. Но польза ихъ уже кончилась, и теперь они являются въ противорѣчіи съ потребностями гражданскаго устройства. Между тѣмъ во многихъ государствахъ они еще имѣютъ силу живую и не могутъ быть замѣнены иначе, какъ съ совершеннымъ преобразованіемъ уложеній.

Внѣшнее устройство Римской церкви было первымъ источникомъ Европейской образованности; но именно потому формы сего устройства должны были совершенно соотвѣтствовать тому времени, въ которое онѣ произошли. Естественно, что съ измѣненіемъ времени, и формы сіи въ нѣкоторыхъ государствахъ во многихъ отношеніяхъ не совмѣщались съ новыми потребностями. Отъ того явились реформаціи, нарушившія единство Европейской церкви, а въ нѣкоторыхъ земляхъ водворилось совершенное безвѣріе, которое съ трудомъ побѣждается теперь успѣхами свѣтскаго просвѣщенія.

Такъ образованность Европейская является намъ въ двухъ видахъ: какъ просвѣщеніе Европы прежде и послѣ половины восьмнадцатаго вѣка. Старое просвѣщеніе связано неразрывно съ цѣлою системою своего постепеннаго развитія, и чтобы быть ему причастнымъ, надобно пережить снова всю прежнюю жизнь Европы. Новое просвѣщеніе противоположно старому и существуетъ самобытно. Потому народъ, начинающій образовываться, можетъ заимствовать его прямо и водворить у себя безъ предыдущаго, непосредственно примѣняя его къ своему настоящему быту. Вотъ почему и въ Россіи и въ Америкѣ просвѣ-

щеніе начало примѣтно распространяться не прежде восьмнадцатаго и особенно въ девятнадцатомъ вѣкѣ.

Сказанное нами достаточно для того, чтобы вывести всѣ нужные результаты и данныя для опредѣленія настоящаго характера нашей образованности и ея отношеній къ просвѣщенію общечеловѣческому. Но мы предоставляемъ сдѣлать сей выводъ самимъ читателямъ; ибо, если намъ удалось изложить наши мысли ясно и убѣдительно, то результаты ихъ очевидны. Если же, читая статью сію, читатели не раздѣлили нашего мнѣнія, то и послѣдствія сего мнѣнія покажутся имъ произвольными и неосновательными.

Въ отвѣтъ А. С. Хомякову.

(1838).

Статья г-на Хомякова возбудила во многихъ изъ насъ желаніе написать ему возраженіе. Потому я хотѣлъ сначала уступить это удовольствіе другимъ и предложить вамъ статью объ иномъ предметѣ. Но потомъ, когда я обдумалъ, что понятіе наше объ отношеніи прошедшаго состоянія Россіи къ настоящему принадлежитъ не къ такимъ вопросамъ, о которыхъ мы можемъ имѣть безнаказанно то или другое мнѣніе, какъ о предметахъ литературы, о музыкѣ или о иностранной политикѣ, но составляетъ, такъ сказать, существенную часть насъ самихъ, ибо входитъ въ малѣйшее обстоятельство, въ каждую минуту нашей жизни; когда я обдумалъ еще, что каждый изъ насъ имѣетъ объ этомъ предметѣ отличное отъ другихъ мнѣніе, тогда я рѣшился писать, думая, что моя статья не можетъ помѣшать другому говорить о томъ же, потому что это дѣло для каждаго важно, мнѣнія всѣхъ различны, и единомысліе могло бы быть не безполезно для всѣхъ.

Вопросъ обыкновенно предлагается такимъ образомъ: прежняя Россія, въ которой порядокъ вещей слагался изъ собственныхъ ея элементовъ, была ли лучше или хуже теперешней Россіи, гдѣ порядокъ вещей подчиненъ преобладанію элемента Западнаго?—Если прежняя Россія была лучше теперешней, говорятъ обыкновенно, то надобно желать возвратить старое, исключительно Русское, и уничтожить Западное, искажающее Русскую особенность; если же прежняя Россія была хуже, то надобно стараться вводить все Западное и истреблять особенность Русскую.

Силлогизмъ, мнѣ кажется, не совсѣмъ вѣрный. Если старое было лучше теперешняго, изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы оно было лучше теперь. Что годилось въ одно время, при однихъ обстоятельствахъ, можетъ не годиться въ другое, при другихъ обстоятельствахъ. Если же старое было хуже,

то изъ этого также не слѣдуетъ, чтобы его элементы не могли сами собой развиться во что-нибудь лучшее, если бы только развитіе это не было остановлено насильственнымъ введеніемъ элемента чужаго. Молодой дубъ, конечно, ниже однолѣтней съ нимъ ракиты, которая видна издалека, рано даетъ тѣнь, рано кажется деревомъ и годится на дрова. Но вы конечно не услужите дубу тѣмъ, что привьете къ нему ракиту.

Такимъ образомъ и самый вопросъ предложенъ неудовлетворительно. Вмѣсто того, чтобы спрашивать: лучше ли была прежняя Россія?—полезнѣе, кажется, спросить: нужно ли для улучшенія нашей жизни теперь возвращеніе къ старому Русскому, или нужно развитіе элемента Западнаго, ему противоположнаго?—

Разсмотримъ, какую пользу мы можемъ извлечь изъ рѣшенія этого вопроса?

Положимъ, что вслѣдствіе безпристрастныхъ изысканій мы убѣдимся, что для насъ особенно полезно бы было исключительное преобладаніе одного изъ двухъ противоположныхъ бытовъ; положимъ, притомъ, что мы находимся въ возможности имѣть самое сильное вліяніе на судьбу Россіи,—то и тогда мы не могли бы отъ всѣхъ усилій нашихъ ожидать исключительнаго преобладанія одного изъ противоположныхъ элементовъ, потому именно, что хотя и одинъ избранъ *въ нашей теоріи*, но другой вмѣстѣ съ нимъ существуетъ *въ дѣйствительности*. Сколько бы мы ни были врагами Западнаго просвѣщенія, Западныхъ обычаевъ и т. под.; но можно ли безъ сумасшествія думать, что когда-нибудь, какою-нибудь силою истребится въ Россіи память всего того, что она получила отъ Европы впродолженіе двухъ сотъ лѣтъ? Можемъ ли мы не знать того, что знаемъ, забыть все, что умѣемъ? Еще менѣе можно думать, что 1000-лѣтіе Русское можетъ совершенно уничтожиться отъ вліянія новаго Европейскаго. Потому, сколько бы мы ни желали возвращенія Русскаго или введенія Западнаго быта,—но ни того, ни другаго исключительно ожидать не можемъ, а поневолѣ должны предполагать что-то третье, долженствующее возникнуть изъ взаимной борьбы двухъ враждующихъ началъ.

Слѣдовательно, и этотъ видъ вопроса—который изъ двухъ элементовъ исключительно полезенъ теперь?—также предложенъ неправильно. Не въ томъ дѣло: который изъ двухъ? но

въ томъ: какое *оба* они должны получить направленіе, чтобы дѣйствовать благодѣтельно? Чего отъ взаимнаго ихъ дѣйствія должны мы надѣяться, или чего бояться?

Вотъ вопросъ, какъ онъ существенно важенъ для каждаго изъ насъ: направленіе туда или сюда, а не пріобрѣтеніе того или другаго.

Разсматривая основныя начала жизни, образующія силы народности въ Россіи и на Западѣ, мы съ перваго взгляда открываемъ между ними одно очевидно общее: это христіанство. Различіе заключается въ особенныхъ видахъ христіанства, въ особенномъ направленіи просвѣщенія, въ особенномъ смыслѣ частнаго и народнаго быта. Откуда происходитъ общее, мы знаемъ; но откуда происходитъ различіе и въ чемъ заключается его характеристическая черта?

Два способа имѣемъ мы для того, чтобы опредѣлить особенность Запада и Россіи, и одинъ изъ нихъ долженъ служить повѣркою другому. Мы можемъ, или восходя исторически къ началу того или другаго вида образованности, искать причину различія ихъ въ первыхъ элементахъ, изъ которыхъ они составились; или, разсматривая уже послѣдующее развитіе этихъ элементовъ, сравнивать самые результаты. И если найдется, что то же различіе, какое мы замѣтимъ въ элементахъ, окажется и въ результатахъ ихъ развитія, тогда очевидно, что предположеніе наше вѣрно, и основываясь на немъ, намъ уже виднѣе будетъ, какія можно дѣлать изъ него дальнѣйшія заключенія.

Три элемента легли основаніемъ Европейской образованности: Римское христіанство, міръ необразованныхъ варваровъ, разрушившихъ Римскую Имперію, и классическій міръ древняго язычества.

Этотъ классическій міръ древняго язычества, недоставшійся въ наслѣдіе Россіи, въ сущности своей представляетъ торжество формальнаго разума человѣка надъ всѣмъ, что внутри и внѣ его находится,—нистаго, голаго разума, на себѣ самомъ основаннаго, выше себя и внѣ себя ничего непризнающаго и являющагося въ двухъ свойственныхъ ему видахъ—въ видѣ формальной отвлеченности и отвлеченной чувственности. Дѣйствіе классицизма на образованность Европейскую должно было соотвѣтствовать тому же характеру.

Но потому ли, что христіане на Западѣ поддались беззаконно вліянію классическаго міра, или случайно ересь сошлась

съ язычествомъ, но только Римская церковь въ уклоненіи своемъ отъ Восточной отличается именно тѣмъ же торжествомъ раціонализма надъ преданіемъ внѣшней разумности, надъ внутреннимъ духовнымъ разумомъ. Такъ вслѣдствіе этого внѣшняго силлогизма, выведеннаго изъ понятія о Божественномъ равенствѣ Отца и Сына, измѣненъ догматъ о Троицѣ, въ противность духовному смыслу и преданію; такъ вслѣдствіе другаго силлогизма папа сталъ главою церкви вмѣсто Іисуса Христа, потомъ мірскимъ властителемъ, наконецъ непогрѣшаемымъ; бытіе Божіе во всемъ христіанствѣ доказывалось силлогизмомъ; вся совокупность вѣры опиралась на силлогистическую схоластику; инквизиція, іезуитизмъ, однимъ словомъ, всѣ особенности католицизма развились силою того же формальнаго процесса разума, такъ что и самый протестантизмъ, который католики упрекаютъ въ раціональности, произошелъ прямо изъ раціональности католицизма. Въ этомъ послѣднемъ торжествѣ формальнаго разума надъ вѣрою и преданіемъ проницательный умъ могъ уже напередъ видѣть въ зародышѣ всю теперешнюю судьбу Европы, какъ слѣдствіе вотще начатаго начала, т. е., и Штрауса, и новую философію со всѣми ея видами, и индустріализмъ, какъ пружину общественной жизни, и филантропію, основанную на разсчитанномъ своекорыстіи, и систему воспитанія, ускоренную силою возбужденной зависти, и Гете, вѣнецъ новой поэзіи, литературнаго Талейрана, мѣняющаго свою красоту, какъ тотъ свои правительства, и Наполеона, и героя новаго времени, идеалъ бездушнаго разсчета, и матеріальное большинство, плодъ раціональной политики, и Лудвига Филиппа, послѣдній результатъ такихъ надеждъ и такихъ дорогихъ опытовъ!

Я совсѣмъ не имѣю намѣренія писать сатиру на Западъ; никто больше меня не цѣнитъ тѣхъ удобствъ жизни общественной и частной, которыя произошли отъ того же самаго раціонализма. Да, если говорить откровенно, я и теперь еще люблю Западъ, я связанъ съ нимъ многими неразрывными сочувствіями. Я принадлежу ему моимъ воспитаніемъ, моими привычками жизни, моими вкусами, моимъ спорнымъ складомъ ума, даже сердечными моими привычками; но въ сердцѣ человѣка есть такія движенія, есть такія требованія въ умѣ, такой смыслъ въ жизни, которые сильнѣе всѣхъ привычекъ и вкусовъ, сильнѣе всѣхъ пріятностей жизни и выгодъ внѣшней разумности,

безъ которыхъ ни человѣкъ, ни народъ не могутъ жить своею настоящею жизнію. Потому, вполнѣ оцѣнивая всѣ отдѣльныя выгоды раціональности, я думаю, что, въ *конечномъ* развитіи, она своею болѣзненною неудовлетворительностію явно обнаруживается началомъ одностороннимъ, обманчивымъ, обольстительнымъ и предательскимъ. Впрочемъ распространяться объ этомъ было бы здѣсь неумѣстно. Я припомню только, что всѣ высокіе умы Европы жалуются на теперешнее состояніе нравственной апатіи, на недостатокъ убѣжденій, на всеобщій эгоизмъ, требуютъ новой духовной силы внѣ разума, требуютъ новой пружины жизни внѣ разсчета, однимъ словомъ, ищутъ вѣры и не могутъ найти ее у себя, ибо христіанство на Западѣ исказилось своемысліемъ.

Такимъ образомъ раціонализмъ и въ началѣ былъ лишнимъ элементомъ въ образованіи Европы, и теперь является исключительнымъ характеромъ просвѣщенія и быта Европейскаго. Это будетъ еще очевиднѣе, если мы сравнимъ основныя начала общественнаго и частнаго быта Запада съ основными началами того общественнаго и частнаго быта, который если не развился вполнѣ, то по крайней мѣрѣ ясно обозначился въ прежней Россіи, находившейся подъ прямымъ вліяніемъ чистаго христіанства, безъ примѣси міра языческаго.

Весь частный и общественный бытъ Запада основывается на понятіи о индивидуальной, отдѣльной независимости, предполагающей индивидуальную изолированность. Оттуда святость внѣшнихъ формальныхъ отношеній, святость собственности и условныхъ постановленій важнѣе личности. Каждый индивидуумъ—частный человѣкъ, рыцарь, князь или городъ, *внутри своихъ правъ* есть лицо самовластное, неограниченное, само себѣ дающее законы. Первый шагъ каждаго лица въ общество есть окруженіе себя крѣпостію, изъ нутра которой оно вступаетъ въ переговоры съ другими и независимыми властями.

Въ прошедшій разъ я не докончилъ статьи моей, а потому обязанъ продолжать ее теперь. Я говорилъ о различіи просвѣщенія въ Россіи и на Западѣ. У насъ образовательное начало заключалось въ нашей Церкви. Тамъ вмѣстѣ съ христіанствомъ дѣйствовали на развитіе просвѣщенія еще плодоносные остатки древняго языческаго міра. Самое христіанство Западное,

отдѣлившись отъ Вселенской Церкви, приняло въ себя зародышъ того начала, которое составляло общій оттѣнокъ всего Греко-языческаго развитія: начала раціонализма. Потому и характеръ образованности Европейской отличается перевѣсомъ раціональности.

Впрочемъ этотъ перевѣсъ обнаружился только впослѣдствіи, когда логическое развитіе, можно сказать, уже задавило христіанское. Но въ началѣ раціонализмъ, какъ я сказалъ, является только въ зародышѣ. Римская Церковь отдѣлилась отъ Восточной тѣмъ, что нѣкоторые догматы, существовавшіе въ *преданіи* всего Христіанства, она измѣнила на другіе, вслѣдствіе *умозаключенія*. Нѣкоторые распространила, вслѣдствіе того же логическаго процесса, и также въ противность преданію и духу Церкви Вселенской. Такимъ образомъ, логическое убѣжденіе легло въ самое первое основаніе католицизма. Но этимъ и ограничилось дѣйствіе раціонализма на первое время. Внутреннее и внѣшнее устройство Церкви, уже совершившееся прежде въ другомъ духѣ, до тѣхъ поръ существовало безъ очевиднаго измѣненія, покуда вся совокупность церковнаго ученія не перешла въ сознаніе мыслящей части духовенства. Это совершилось въ схоластической философіи, которая, по причинѣ логическаго начала въ самомъ основаніи Церкви, не могла иначе согласить противорѣчіе вѣры и разума, какъ силою силлогизма, сдѣлавшагося такимъ образомъ первымъ условіемъ всякаго убѣжденія. Сначала, естественно, этотъ же самый силлогизмъ доказывалъ вѣру противъ разума и подчинялъ ей разумъ силою разумныхъ доводовъ. Но эта вѣра, логически доказанная и логически противопоставленная разуму, была уже не живая, но формальная вѣра, не вѣра собственно, а только логическое отрицаніе разума. Потому въ этотъ періодъ схоластическаго развитія католицизма, именно по причинѣ раціональности своей, Западная Церковь является врагомъ разума, угнетающимъ, убійственнымъ, отчаяннымъ врагомъ его. Но развившись до крайности, продолженіемъ того же логическаго процесса, это безусловное уничтоженіе разума произвело то извѣстное противодѣйствіе, котораго послѣдствія составляютъ характеръ теперешняго просвѣщенія. Вотъ что я разумѣлъ, говоря о раціональномъ элементѣ католицизма.

Христіанство Восточное не знало ни этой борьбы вѣры противъ разума, ни этого торжества разума надъ вѣрою. Потому и дѣйствія его на просвѣщеніе были не похожи на католическія.

Разсматривая общественное устройство прежней Россіи, мы находимъ многія отличія отъ Запада, и во-первыхъ: образованіе общества въ маленькіе такъ называемые міры. Частная, личная самобытность, основа Западнаго развитія, была у насъ такъ же мало извѣстна, какъ и самовластіе общественное. Человѣкъ принадлежалъ міру, міръ ему. Поземельная собственность, источникъ личныхъ правъ на Западѣ, была у насъ принадлежностью общества. Лицо участвовало во столько въ правѣ владѣнія, во сколько входило въ составъ общества.

Но это общество не было самовластное, и не могло само себя устраивать, само изобрѣтать для себя законы, потому что не было отдѣлено отъ другихъ ему подобныхъ обществъ, управлявшихся однообразнымъ обычаемъ. Безчисленное множество этихъ маленькихъ міровъ, составлявшихъ Россію, было все покрыто сѣтью церквей, монастырей, жилищъ уединенныхъ отшельниковъ, откуда постоянно распространялись повсюду одинакія понятія объ отношеніяхъ общественныхъ и частныхъ. Понятія эти мало по малу должны были переходить въ общее убѣжденіе, убѣжденіе въ обычай, который замѣнялъ законъ, устроивая, по всему пространству земель подвластныхъ нашей Церкви, одну мысль, одинъ взглядъ, одно стремленіе, одинъ порядокъ жизни. Это повсемѣстное однообразіе обычая было, вѣроятно, одною изъ причинъ его невѣроятной крѣпости, сохранившей его живые остатки даже до нашего времени, сквозь все противодѣйствіе разрушительныхъ вліяній, въ продолженіе 200 лѣтъ стремившихся ввести на мѣсто его новыя начала.

Вслѣдствіе этихъ крѣпкихъ, однообразныхъ и повсемѣстныхъ обычаевъ, всякое измѣненіе въ общественномъ устройствѣ, не согласное съ строемъ цѣлаго, было невозможно. Семейныя отношенія каждаго были опредѣлены прежде его рожденія; въ такомъ же предопредѣленномъ порядкѣ подчинялась семья міру, міръ болѣе обширный—сходкѣ, сходка—вѣче и т. д., покуда всѣ частные круги смыкались въ одномъ центрѣ, въ одной Православной Церкви. Ни какое частное разумѣніе, ни какое искусственное соглашеніе не могло основать новаго порядка, выдумать новыя права и преимущества. Даже самое слово: *право*, было у насъ неизвѣстно въ Западномъ его смыслѣ, но означало только справедливость, правду. Потому ни какая власть, ни какому лицу, ни сословію, не могла ни даровать, ни уступить никакого права, ибо правда и справедливость не могутъ

ни продаваться, ни браться, но существуютъ сами по себѣ, независимо отъ условныхъ отношеній. На Западѣ, напротивъ того, всѣ отношенія общественныя основаны на *условіи*, или стремятся достигнуть этого искусственнаго основанія. *Внѣ* условія нѣтъ отношеній правильныхъ, но является произволъ, который въ правительственномъ классѣ называютъ *самовластіемъ*, въ управляемомъ—*свободою*. Но и въ томъ и въ другомъ случаѣ этотъ произволъ доказываетъ не развитіе внутренней жизни, а развитіе внѣшней, формальной. Всѣ силы, всѣ интересы, всѣ права общественныя существуютъ тамъ отдѣльно, каждый самъ по себѣ, и соединяются не по нормальному закону, а—или въ случайномъ порядкѣ, или въ искусственномъ соглашеніи. Въ первомъ случаѣ торжествуетъ матеріальная сила, во второмъ—сумма индивидуальныхъ разумѣній. Но матеріальная сила, матеріальный перевѣсъ, матеріальное большинство, сумма индивидуальныхъ разумѣній, въ сущности составляютъ одно начало, только въ разныхъ моментахъ своего развитія. Потому *общественный договоръ* не есть изобрѣтеніе энциклопедистовъ, но дѣйствительный идеалъ, къ которому стремились безъ сознанія, а теперь стремятся съ сознаніемъ всѣ Западныя общества, подъ вліяніемъ раціональнаго элемента, перевѣсившаго элементъ христіанскій.

Въ Россіи мы не знаемъ хорошо границъ княжеской власти прежде подчиненія удѣльныхъ княжествъ Московскому; но если сообразимъ, что сила неизмѣняемаго обычая дѣлала всякое самовластное законодательство невозможнымъ; что разборъ и судъ, который въ нѣкоторыхъ случаяхъ принадлежалъ князю, не могъ совершаться несогласно со всеобъемлющими обычаями, ни толкованіе этихъ обычаевъ, по той же причинѣ, не могло быть произвольное; что общій ходъ дѣлъ принадлежалъ мірамъ и приказамъ, судившимъ также по обычаю вѣковому и потому всѣмъ извѣстному; наконецъ, что въ крайнихъ случаяхъ князь, нарушавшій правильность своихъ отношеній къ народу и Церкви, былъ изгоняемъ самимъ народомъ,—сообразивши все это, кажется очевидно, что собственно княжеская власть заключалась болѣе въ предводительствѣ дружинъ, чѣмъ во внутреннемъ управленіи, болѣе въ вооруженномъ покровительствѣ, чѣмъ во владѣніи областями.

Вообще, кажется, Россіи такъ же мало извѣстны были мелкіе властители Запада, употреблявшіе общество, какъ бездушную

собственность, въ свою личную пользу, какъ ей неизвѣстны были и благородные рыцари Запада, опиравшіеся на личной силѣ, крѣпостяхъ и желѣзныхъ латахъ, не признававшіе другаго закона, кромѣ собственнаго меча и условныхъ правилъ чести, основанныхъ на законѣ самоуправства.

Впрочемъ, рыцарства у насъ не было по другимъ причинамъ.

Съ перваго взгляда кажется непонятнымъ, почему у насъ не возникло чего нибудь подобнаго рыцарству, по крайней мѣрѣ во время Татаръ? Общества были разрознены, власть не имѣла матеріальной силы, каждый могъ переходить съ мѣста на мѣсто, лѣса были глубокіе, полиція была еще не выдумана; отчего бы, кажется, не составиться обществамъ людей, которые бы пользовались превосходствомъ своей силы надъ мирными земледѣльцами и горожанами, грабили, управлялись, какъ хотѣли, захватили бы себѣ отдѣльныя земли, деревни, и строили бы тамъ крѣпости; составили бы между собой извѣстныя правила, и такимъ образомъ образовали бы особенный классъ сильнѣйшаго сословія, которое, по причинѣ силы, могло бы назваться и благороднѣйшимъ сословіемъ?—Церковь могла бы воспользоваться ими, образуя изъ нихъ отдѣльные ордена, съ отдѣльными уставами, и употребляя ихъ противъ невѣрныхъ, подобно Западнымъ крестоносцамъ. Отчего же не сдѣлалось этого?

Именно потому, я думаю, что Церковь наша въ то время не продавала чистоты своей за временныя выгоды. У насъ были богатыри только до введенія христіанства. Послѣ введенія христіанства у насъ были разбойники, шайки устроенныя, еще до сихъ поръ сохранившіяся въ нашихъ пѣсняхъ, но шайки, отверженныя Церковью и потому безсильныя. Нѣчего не было бы легче, какъ возбудить у насъ крестовые походы, причисливъ разбойниковъ къ служителямъ Церкви и обѣщавъ имъ прощеніе грѣховъ за убіеніе невѣрныхъ: всякій пошелъ бы въ честные разбойники. Католицизмъ такъ и дѣйствовалъ онъ не поднялъ народы за вѣру, но только бродившихъ направилъ къ одной цѣли, назвавъ ихъ святыми. Наша Церковь этого не сдѣлала, и потому мы не имѣли рыцарства, а вмѣстѣ съ нимъ и того аристократическаго класса, который былъ главнымъ элементомъ всего Западнаго образованія.

Гдѣ больше было неустройства на Западѣ, тамъ больше и сильнѣе было рыцарство; въ Италіи его было всего менѣе. Гдѣ

менѣе было рыцарства, тамъ болѣе общество склонялось къ устройству народному; гдѣ болѣе, тамъ болѣе къ единовластному. Единовластіе само собой рождается изъ аристократіи, когда сильнѣйшій покоряетъ слабѣйшихъ, и потомъ правитель на условіяхъ переходитъ въ правителя безусловнаго, соединяясь противъ класса благородныхъ съ классомъ *подлыхъ*, какъ Европа называла народъ. Этотъ классъ подлыхъ, по общей формулѣ общественнаго развитія Европы, вступилъ въ права благороднаго, и та же сила, которая дѣлала самовластнымъ одного, естественнымъ своимъ развитіемъ переносила власть въ матеріальное большинство, которое уже само изобрѣтаетъ для себя какое-нибудь формальное устройство, и до сихъ поръ еще находится въ процессѣ изобрѣтенія.

Такимъ образомъ, какъ Западная Церковь образовала изъ разбойниковъ рыцарей, изъ духовной власти власть свѣтскую, изъ свѣтской полиціи святую инквизицію, что̀ все, можетъ быть, имѣло свои временныя выгоды,—такимъ же образомъ дѣйствовала она и въ отношеніи къ наукамъ, искусствамъ языческимъ. Не извнутри себя произвела она новое искусство христіанское, но прежнее, рожденное и воспитанное другимъ духомъ, другою жизнію, направила къ украшенію своего храма. Оттого искусство романтическое заиграло новою блестящею жизнію, но окончилось поклоненіемъ язычеству, и теперь кланяется отвлеченнымъ формуламъ философіи, покуда не возвратится міръ къ истинному христіанству, и не явится міру новый служитель христіанской красоты.

Науки существенною частію своею, т. е., какъ познанія, принадлежатъ равно языческому и христіанскому міру, и различаются только своею философскою стороною. Этой философской стороны христіанства католицизмъ не могъ сообщить имъ потому, что самъ не имѣлъ ее въ чистомъ видѣ. Оттого видимъ мы, что науки, какъ наслѣдіе языческое, процвѣтали такъ сильно въ Европѣ, но окончились безбожіемъ, какъ необходимымъ слѣдствіемъ своего односторонняго развитія.

Россія не блестѣла ни художествами, ни учеными изобрѣтеніями, не имѣя времени развиться въ этомъ отношеніи самобытно, и не принимая чужаго развитія, основаннаго на ложномъ взглядѣ и потому враждебнаго ея христіанскому духу. Но за то въ ней хранилось первое условіе развитія правильнаго, требующаго только времени и благопріятныхъ обсто-

ятельствъ; въ ней собиралось и жило то устроительное начало знанія, та философія христіанства, которая одна можетъ дать правильное основаніе наукамъ. Всѣ Святые Отцы Греческіе, не исключая самыхъ глубокихъ писателей, были переведены и читаны, и переписываемы, и изучаемы въ тишинѣ нашихъ монастырей, этихъ святыхъ зародышей несбывшихся университетовъ. Исаакъ Сиринъ, глубокомысленнѣйшее изъ всѣхъ философскихъ писаній, до сихъ поръ еще находится въ спискахъ 12 и 13 вѣка. И эти монастыри были въ живомъ, безпрестанномъ сопрокосновеніи съ народомъ. Какое просвѣщеніе въ нашемъ подломъ классѣ не въ правѣ мы заключить изъ этого одного факта! Но это просвѣщеніе не блестящее, но глубокое; не роскошное, не матеріальное, имѣющее цѣлью удобства наружной жизни, но внутреннее, духовное; это устройство общественное, безъ самовластія и рабства, безъ благородныхъ и подлыхъ; эти обычаи вѣковые, безъ писанныхъ кодексовъ, исходящіе изъ Церкви и крѣпкіе согласіемъ нравовъ съ ученіемъ вѣры; эти святые монастыри, разсадники христіанскаго устройства, духовное сердце Россіи, въ которыхъ хранились всѣ условія будущаго самобытнаго просвѣщенія; эти отшельники, изъ роскошной жизни уходившіе въ лѣса, въ недоступныхъ ущельяхъ изучавшіе писанія глубочайшихъ мудрецовъ христіанской Греціи, и выходившіе оттуда учить народъ, ихъ понимавшій; эти образованные сельскіе приговоры; эти городскія вѣча; это раздолье Русской жизни, которое сохранилось въ пѣсняхъ куда все это дѣлось? Какъ могло это уничтожиться, не принесши плода? Какъ могло оно уступить насилію чужаго элемента? Какъ возможенъ былъ Петръ, разрушитель Русскаго и вводитель Нѣмецкаго? Если же разрушеніе началось прежде Петра, то какъ могло Московское Княжество, соединивши Россію, задавить ее? Отъ чего соединеніе различныхъ частей въ одно цѣлое произошло не другимъ образомъ? Отъ чего при этомъ случаѣ должно было торжествовать иностранное, а не Русское начало?

Одинъ фактъ въ нашей исторіи объясняетъ намъ причину такого несчастнаго переворота; этотъ фактъ есть *Стоглавый Соборъ*. Какъ скоро ересь явилась въ Церкви, такъ раздоръ духа долженъ былъ отразиться и въ жизни. Явились партіи, болѣе или менѣе уклоняющіяся отъ истины. Партія нововводительная одолѣла партію старины, именно потому, что старина

разорвана была разномыслiемъ. Оттуда, при разрушенiи связи духовной, внутренней, явилась необходимость связи вещественной, формальной, оттуда мѣстничество, опричина, рабство и т. п. Оттуда искаженiе книгъ по заблужденiю и невѣжеству, и исправленiе ихъ по частному разумѣнiю и произвольной критикѣ. Оттуда передъ Петромъ правительство въ разномыслiи съ большинствомъ народа, отвергаемаго подъ названiемъ раскольниковъ. Отъ того Петръ, какъ начальникъ партiи въ государствѣ, образуетъ общество въ обществѣ, и все что за тѣмъ слѣдуетъ.

Какой же результатъ всего сказаннаго? Желать ли намъ возвратить прошедшее Россiи, и можно ли возвратить его? Если правда, что самая особенность Русскаго быта заключалась въ его живомъ исхожденiи изъ чистаго христiанства, и что форма этого быта упала вмѣстѣ съ ослабленiемъ духа; то теперь эта мертвая форма не имѣла бы рѣшительно никакой важности. Возвращать ее насильственно было бы смѣшно, когда бы не было вредно. Но истреблять оставшiяся формы можетъ только тотъ, кто не вѣритъ, что когда-нибудь Россiя возвратится къ тому живительному духу, которымъ дышетъ ея Церковь.

Желать теперь остается намъ только одного: чтобы какой-нибудь Французъ понялъ оригинальность ученiя христiанскаго, какъ оно заключается въ нашей Церкви, и написалъ объ этомъ статью въ журналѣ; чтобы Нѣмецъ, повѣривши ему, изучилъ нашу Церковь поглубже и сталъ бы доказывать на лекцiяхъ, что въ ней совсѣмъ неожиданно открывается именно то, чего теперь требуетъ просвѣщенiе Европы. Тогда, безъ сомнѣнiя, мы повѣрили бы Французу и Нѣмцу, и сами узнали бы то, что имѣемъ.

Обозрѣніе современнаго состоянія литературы.

(1845).

I.

Было время, когда, говоря: *словесность*, разумѣли обыкновенно изящную литературу; въ наше время изящная литература составляетъ только незначительную часть словесности. Потому мы должны предупредить читателей, что, желая представить современное состояніе литературы въ Европѣ, мы по неволѣ должны будемъ обращать болѣе вниманія на произведенія философскія, историческія, филологическія, политико-экономическія, богословскія, и т. п., чѣмъ собственно на произведенія изящныя.

Можетъ быть, отъ самой эпохи такъ называемаго возрожденія наукъ въ Европѣ, никогда изящная литература не играла такой жалкой роли, какъ теперь, особенно въ послѣдніе годы нашего времени,—хотя, можетъ быть, никогда не писалось такъ много во всѣхъ родахъ и никогда не читалось такъ жадно все, что пишется. Еще 18-й вѣкъ былъ по преимуществу литературный; еще въ первой четверти 19-го вѣка чисто литературные интересы были одною изъ пружинъ умственнаго движенія народовъ; великіе поэты возбуждали великія сочувствія; различія литературныхъ мнѣній производили страстныя партіи; появленіе новой книги отзывалось въ умахъ, какъ общественное дѣло. Но теперь отношеніе изящной литературы къ обществу измѣнилось; изъ великихъ, всеувлекающихъ поэтовъ не осталось ни одного; при множествѣ стиховъ и, скажемъ еще, при множествѣ замѣчательныхъ талантовъ,—нѣтъ поэзіи: незамѣтно даже ея потребности; литературныя мнѣнія повторяются безъ участія; прежнее, магическое сочувствіе между авторомъ и читателями прервано; изъ первой блистательной роли

изящная словесность сошла на роль наперсницы другихъ героинь нашего времени; мы читаемъ много, читаемъ больше прежняго, читаемъ все, что попало; но все мимоходомъ, безъ участія, какъ чиновникъ прочитываетъ входящія и исходящія бумаги, когда онъ ихъ прочитываетъ. Читая, мы не наслаждаемся, еще меньше можемъ забыться; но только принимаемъ къ соображенію, ищемъ извлечь примѣненіе, пользу;—и тотъ живой, безкорыстный интересъ къ явленіямъ чисто-литературнымъ, та отвлеченная любовь къ прекраснымъ формамъ, то наслажденіе стройностію рѣчи, то упоительное самозабвеніе въ гармоніи стиха, какое мы испытали въ нашей молодости,—наступающее поколѣніе будетъ знать объ немъ развѣ только по преданію.

Говорятъ, что этому надобно радоваться; что литература потому замѣнилась другими интересами, что мы стали дѣльнѣе; что если прежде мы гонялись за стихомъ, за фразою, за мечтою, то теперь ищемъ существенности, науки, жизни. Не знаю, справедливо ли это; но признаюсь, мнѣ жаль прежней, непримѣняемой къ дѣлу, безполезной литературы. Въ ней было много теплаго для души; а что грѣетъ душу, то можетъ быть не совсѣмъ лишнее и для жизни.

Въ наше время изящную словесность замѣнила словесность журнальная. И не надобно думать, что бы характеръ журнализма принадлежалъ однимъ періодическимъ изданіямъ: онъ распространяется на всѣ формы словесности, съ весьма немногими исключеніями.

Въ самомъ дѣлѣ, куда ни оглянемся, вездѣ мысль подчинена текущимъ обстоятельствамъ, чувство приложено къ интересамъ партіи, форма принаровлена къ требованіямъ минуты. Романъ обратился въ статистику нравовъ;—поэзія въ стихи на случай *);—исторія, бывъ отголоскомъ прошедшаго, старается быть вмѣстѣ и зеркаломъ настоящаго, или доказатель-

---

*) Уже Гёте предугадалъ это направленіе и подъ конецъ своей жизни утверждалъ, что истинная поэзія есть *поэзія на случай* (Gelegenheits-Gedicht).—Впрочемъ Гёте понималъ это по-своему. Въ послѣднюю эпоху его жизни большая часть поэтическихъ случаевъ, возбуждавшихъ его вдохновеніе, были придворный балъ, почетный маскарадъ, или чей-нибудь день рожденія. Судьба Наполеона и перевернутой имъ Европы едва оставила слѣды во всемъ собраніи его твореній. Гёте былъ всеобъемлющій, величайшій и, вѣроятно, послѣдній поэтъ *жизни индивидуальной*, еще не сопроникнувшейся въ одно сознаніе съ жизнію общечеловѣческою.

ствомъ какого нибудь общественнаго убѣжденія, цитатомъ въ пользу какого-нибудь современнаго воззрѣнія; философія, при самыхъ отвлеченныхъ созерцаніяхъ вѣчныхъ истинъ, постоянно занята ихъ отношеніемъ къ текущей минутѣ; даже произведенія богословскія на Западѣ, по большей части, порождаются какимъ-нибудь постороннимъ обстоятельствомъ внѣшней жизни. По случаю одного Кельнскаго епископа написано больше книгъ, чѣмъ по причинѣ господствующаго невѣрія, на которое такъ жалуется Западное духовенство.

Впрочемъ, это общее стремленіе умовъ къ событіямъ дѣйствительности, къ интересамъ дня, имѣетъ источникомъ своимъ не однѣ личныя выгоды или корыстныя цѣли, какъ думаютъ нѣкоторые. Хотя выгоды частныя и связаны съ дѣлами общественными, но общій интересъ къ послѣднимъ происходитъ не изъ одного этого разсчета. По большей части, это просто интересъ сочувствія. Умъ разбуженъ и направленъ въ эту сторону. Мысль человѣка срослась съ мыслію о человѣчествѣ. Это стремленіе любви, а не выгоды. Онъ хочетъ знать, что дѣлается въ мірѣ, въ судьбѣ ему подобныхъ, часто безъ малѣйшаго отношенія къ себѣ. Онъ хочетъ знать, чтобы только участвовать мыслію въ общей жизни, сочувствовать ей изнутри своего ограниченнаго круга.

Не смотря на то, однако, кажется, не безъ основанія жалуются многіе на это излишнее уваженіе къ минутѣ, на этотъ всепоглощающій интересъ къ событіямъ дня, къ внѣшней, дѣловой сторонѣ жизни. Такое направленіе, думаютъ они, не обнимаетъ жизни, но касается только ея наружной стороны, ея несущественной поверхности. Скорлупа, конечно, необходима, но только для сохраненія зерна, безъ котораго она свищь; можетъ быть, это состояніе умовъ понятно, какъ состояніе переходное; но безсмыслица, какъ состояніе высшаго развитія. Крыльцо къ дому хорошо какъ крыльцо; но если мы расположимся на немъ жить, какъ-будто оно весь домъ, тогда намъ отъ того можетъ быть и тѣсно и холодно.

Впрочемъ замѣтимъ, что вопросы собственно политическіе, правительственные, которые такъ долго волновали умы на Западѣ, теперь уже начинаютъ удаляться на второй планъ умственныхъ движеній, и хотя при поверхностномъ наблюденіи можетъ показаться, будто они еще въ прежней силѣ, потому, что по-прежнему еще занимаютъ большинство головъ, но это боль-

шинство уже отсталое; оно уже не составляетъ выраженія вѣка; передовые мыслители рѣшительно переступили въ другую сферу, въ область вопросовъ общественныхъ, гдѣ первое мѣсто занимаетъ уже не внѣшняя форма, но сама внутренняя жизнь общества, въ ея дѣйствительныхъ, существенныхъ отношеніяхъ.

Излишнимъ считаю оговариваться, что подъ направленіемъ къ вопросамъ общественнымъ я разумѣю не тѣ уродливыя системы, которыя извѣстны въ мірѣ болѣе по шуму, ими произведенному, чѣмъ по смыслу своихъ недодуманныхъ ученій: эти явленія любопытны только какъ признакъ, а сами по себѣ несущественны; нѣтъ, интересъ къ вопросамъ общественнымъ, замѣняющій прежнюю, исключительно политическую заботливость, вижу я не въ томъ или другомъ явленіи, но въ цѣломъ направленіи литературы Европейской.

Умственныя движенія на Западѣ совершаются теперь съ меньшимъ шумомъ и блескомъ, но, очевидно, имѣютъ болѣе глубины и общности. Вмѣсто ограниченной сферы событій дня и внѣшнихъ интересовъ, мысль устремляется къ самому источнику всего внѣшняго, къ человѣку, какъ онъ есть, и къ его жизни, какъ она должна быть. Дѣльное открытіе въ наукѣ уже болѣе занимаетъ умы, чѣмъ пышная рѣчь въ Камерѣ. Внѣшняя форма судопроизводства кажется менѣе важною, чѣмъ внутреннее развитіе справедливости; живой духъ народа существеннѣе его наружныхъ устроеній. Западные писатели начинаютъ понимать, что подъ громкимъ вращеніемъ общественныхъ колесъ таится неслышное движеніе нравственной пружины, отъ которой зависитъ все, и потому въ мысленной заботѣ своей стараются перейти отъ явленія къ причинѣ, отъ формальныхъ внѣшнихъ вопросовъ хотятъ возвыситься къ тому объему идеи общества, гдѣ и минутныя событія дня, и вѣчныя условія жизни, и политика, и философія, и наука, и ремесло, и промышленность, и сама религія, и вмѣстѣ съ ними словесность народа, сливаются въ одну необозримую задачу: усовершенствованіе человѣка и его жизненныхъ отношеній.

Но надобно признаться, что если частныя литературныя явленія имѣютъ отъ того болѣе значительности и, такъ сказать, болѣе *соку*, за то литература въ общемъ объемѣ своемъ представляетъ странный хаосъ противорѣчащихъ мнѣній, несвязанныхъ системъ, воздушныхъ разлетающихся теорій, минутныхъ, выдуманныхъ вѣрованій, и въ основаніи всего: со-

вершенное отсутствіе всякаго убѣжденія, которое могло бы назваться не только общимъ, но хотя господствующимъ. Каждое новое усиліе мысли выражается новою системою; каждая новая система, едва рождаясь, уничтожаетъ всѣ предыдущія, и уничтожая ихъ, сама умираетъ въ минуту рожденія, такъ, что безпрестанно работая, умъ человѣческій не можетъ успокоиться ни на одномъ добытомъ результатѣ; постоянно стремясь къ построенію какого-то великаго, заоблачнаго зданія, нигдѣ не находитъ опоры, чтобы утвердить хотя одинъ первый камень для нешатающагося фундамента.

Отъ того во всѣхъ сколько-нибудь замѣчательныхъ произведеніяхъ словесности, во всѣхъ важныхъ и не важныхъ явленіяхъ мысли на Западѣ, начиная съ новѣйшей философіи Шеллинга и оканчивая давно забытою системою Сенъ-Симонистовъ, обыкновенно находимъ мы двѣ различныя стороны: одна почти всегда возбуждаетъ сочувствіе въ публикѣ, и часто заключаетъ въ себѣ много истиннаго, дѣльнаго и двигающаго впередъ мысль: это сторона *отрицательная*, полемическая, опроверженіе системъ и мнѣній, предшествовавшихъ излагаемому убѣжденію; другая сторона, если иногда и возбуждаетъ сочувствіе, то почти всегда ограниченное и скоро проходящее: это сторона *положительная*, то есть, именно то, что составляетъ особенность новой мысли, ея сущность, ея право на жизнь за предѣлами перваго любопытства.

Причина такой двойственности Западной мысли очевидна. Доведя до конца свое прежнее десятивѣковое развитіе, новая Европа пришла въ противорѣчіе съ Европою старою и чувствуетъ, что для начала новой жизни ей нужно новое основаніе. Основаніе жизни народной есть убѣжденіе. Не находя готоваго, соотвѣтствующаго ея требованіямъ, Западная мысль пытается создать себѣ убѣжденіе усиліемъ, изобрѣсть его, если можно, напряженіемъ мышленія; но въ этой отчаянной работѣ, во всякомъ случаѣ любопытной и поучительной, до сихъ поръ еще каждый опытъ былъ только противорѣчіемъ другаго.

Многомысліе, разнорѣчіе кипящихъ системъ и мнѣній, при недостаткѣ одного общаго убѣжденія, не только раздробляетъ самосознаніе общества, но необходимо должно дѣйствовать и на частнаго человѣка, раздвояя каждое живое движеніе его души. Отъ того, между прочимъ, въ наше время такъ много талантовъ и нѣтъ ни одного истиннаго поэта. Ибо поэтъ создается

силою внутренней мысли. Изъ глубины души своей долженъ онъ вынести, кромѣ прекрасныхъ формъ, еще самую душу прекраснаго: свое живое, цѣльное воззрѣніе на міръ и человѣка. Здѣсь не помогутъ никакія искусственныя устроенія понятій, никакія разумныя теоріи. Звонкая и трепещущая мысль его должна исходить изъ самой тайны его внутренняго, такъ сказать, надсознательнаго убѣжденія, и гдѣ это святилище бытія раздроблено разнорѣчіемъ вѣрованій, или пусто ихъ отсутствіемъ, тамъ не можетъ быть рѣчи ни о поэзіи, ни о какомъ могучемъ воздѣйствіи человѣка на человѣка.

Это состояніе умовъ въ Европѣ довольно новое. Оно принадлежитъ послѣдней четверти девятнадцатаго вѣка. Восьмнадцатый вѣкъ, хотя былъ по преимуществу невѣрующій, но тѣмъ не менѣе имѣлъ свои горячія убѣжденія, свои господствующія теоріи, на которыхъ успокоивалась мысль, которыми обманывалось чувство высшей потребности человѣческаго духа. Когда же за порывомъ упоенія послѣдовало разочарованіе въ любимыхъ теоріяхъ, тогда новый человѣкъ не выдержалъ жизни безъ сердечныхъ цѣлей: господствующимъ чувствомъ его стало отчаяніе. Байронъ свидѣтельствуетъ объ этомъ переходномъ состояніи, — но чувство отчаянія, по сущности своей, только минутное. Выходя изъ него, Западное самосознаніе распалось на два противоположныя стремленія. Съ одной стороны, мысль, не поддержанная высшими цѣлями духа, упала на службу чувственнымъ интересамъ и корыстнымъ видамъ; отсюда промышленное направленіе умовъ, которое проникло не только во внѣшнюю общественную жизнь, но и въ отвлеченную область науки, въ содержаніе и форму словесности, и даже въ самую глубину домашняго быта, въ святость семейныхъ связей, въ волшебную тайницу первыхъ юношескихъ мечтаній. Съ другой стороны, отсутствіе основныхъ началъ пробудило во многихъ сознаніе ихъ необходимости. Самый недостатокъ убѣжденій произвелъ потребность вѣры; но умы, искавшіе вѣры, не всегда умѣли согласить ея Западныхъ формъ съ настоящимъ состояніемъ Европейской науки. Отъ того нѣкоторые рѣшительно отказались отъ послѣдней и объявили непримиримую вражду между вѣрою и разумомъ; другіе же, стараясь найти ихъ соглашеніе, или насилуютъ науку, чтобы втѣснить ее въ Западныя формы религіи, или хотятъ самыя формы религіи переобразовать по своей наукѣ, или, наконецъ, не находя на

Западѣ формы, соотвѣтствующей ихъ умственнымъ потребностямъ, выдумываютъ себѣ новую религію безъ церкви, безъ преданія, безъ откровенія и безъ вѣры.

Границы этой статьи не позволяютъ намъ изложить въ ясной картинѣ того, что есть замѣчательнаго и особеннаго въ современныхъ явленіяхъ словесности Германіи, Англіи, Франціи и Италіи, гдѣ тоже загорается теперь новая, достойная вниманія мысль религіозно-философская. Въ послѣдующихъ нумерахъ Москвитянина надѣемся мы представить это изображеніе со всевозможнымъ безпристрастіемъ. Теперь же въ бѣглыхъ очеркахъ постараемся обозначить въ иностранныхъ словесностяхъ только то, что онѣ представляютъ самаго рѣзко замѣчательнаго въ настоящую минуту.

Въ *Германіи* господствующее направленіе умовъ до сихъ поръ остается преимущественно философское; къ нему примыкаетъ, съ одной стороны, направленіе исторически-теологическое, которое есть слѣдствіе собственнаго, болѣе глубокаго развитія мысли философской, а съ другой, направленіе политическое, которое, кажется, по большей части надобно приписать чужому вліянію, судя по пристрастію замѣчательнѣйшихъ писателей этого рода къ Франціи и ея словесности. Нѣкоторые изъ этихъ Нѣмецкихъ патріотовъ доходятъ до того, что ставятъ Вольтера, какъ философа, выше мыслителей Германскихъ.

Новая система Шеллинга, такъ долго ожиданная, такъ торжественно принятая, не согласовалась, кажется, съ ожиданіями Нѣмцевъ. Его Берлинская аудиторія, гдѣ въ первый годъ его появленія съ трудомъ можно было найти мѣсто, теперь, какъ говорятъ, сдѣлалась просторною. Его способъ примиренія вѣры съ философіей не убѣдилъ до сихъ поръ ни вѣрующихъ, ни философствующихъ. Первые упрекаютъ его за излишнія права разума и за тотъ особенный смыслъ, который онъ влагаетъ въ свои понятія о самыхъ основныхъ догматахъ Христіанства. Самые близкіе друзья его видятъ въ немъ только мыслителя *на пути къ вѣрѣ*. „Я надѣюсь,—говоритъ Неандеръ, (посвящая ему новое изданіе своей церковной исторіи)—я надѣюсь, что милосердый Богъ скоро содѣлаетъ васъ вполнѣ нашимъ“. Философы, напротивъ того, оскорбляются тѣмъ, что онъ принимаетъ, какъ достояніе разума, догматы вѣры, не развитые изъ разума по законамъ логической необходимости. „Если бы

система его была сама святая истина,—говорятъ они,—то и въ такомъ случаѣ она не могла бы быть пріобрѣтеніемъ философіи, покуда не явится собственнымъ ея произведеніемъ".

Этотъ, по крайней мѣрѣ, наружный неуспѣхъ дѣла всемірно значительнаго, съ которымъ соединялось столько великихъ ожиданій, основанныхъ на глубочайшей потребности духа человѣческаго, смутилъ многихъ мыслителей; но вмѣстѣ былъ причиною торжества для другихъ. И тѣ и другіе забыли, кажется, что новотворческая мысль вѣковыхъ геніевъ *должна* быть въ разногласіи съ ближайшими современниками. Страстные Гегельянцы, вполнѣ довольствуясь системою своего учителя и не видя возможности повести мысль человѣческую далѣе показанныхъ имъ границъ, почитаютъ святотатственнымъ нападеніемъ на самую истину каждое покушеніе ума развить философію выше теперешняго ея состоянія. Но, между тѣмъ, торжество ихъ при мнимой неудачѣ великаго Шеллинга, сколько можно судить изъ философскихъ брошюръ, было не совсѣмъ основательное. Если и правда, что новая система Шеллинга въ той особенности, въ какой она была имъ изложена, нашла мало сочувствія въ теперешней Германіи, то тѣмъ не менѣе его опроверженія прежнихъ философій, и преимущественно Гегелевой, имѣли глубокое и съ каждымъ днемъ болѣе увеличивающееся дѣйствіе. Конечно, справедливо и то, что мнѣнія Гегельянцевъ безпрестанно шире распространяются въ Германіи, развиваясь въ примѣненіяхъ къ искусствамъ, литературѣ и всѣмъ наукамъ (выключая еще наукъ естественныхъ); справедливо, что они сдѣлались даже почти популярными; но за то многіе изъ первоклассныхъ мыслителей уже начали сознавать недостаточность этой формы любомудрія и ясно чувствуютъ потребности новаго ученія, основаннаго на высшихъ началахъ, хотя и не ясно еще видятъ, съ какой стороны можно имъ ожидать отвѣта на эту незаглушимую стремящагося духа потребность. Такъ по законамъ вѣчнаго движенія человѣческой мысли, когда новая система начинаетъ спускаться въ низшіе слои образованнаго міра, въ то самое время передовые мыслители уже сознаютъ ея неудовлетворительность и смотрятъ впередъ, въ ту глубокую даль, въ голубую безпредѣльность, гдѣ открывается новый горизонтъ ихъ зоркому предчувствію.

Впрочемъ, надобно замѣтить, что слово Гегельянизмъ не связано ни съ какимъ опредѣленнымъ образомъ мыслей, ни съ какимъ постояннымъ направленіемъ. Гегельянцы сходятся между собой только въ методѣ мышленія и еще болѣе въ способѣ выраженія; но результаты ихъ методы и смыслъ выражаемаго часто совершенно противоположны. Еще при жизни Гегеля, между нимъ и Гансомъ, геніальнѣйшимъ изъ его учениковъ, было совершенное противорѣчіе въ примѣняемыхъ выводахъ философіи. Между другими Гегельянцами повторяется то же разногласіе. Такъ напр., образъ мыслей Гегеля и нѣкоторыхъ изъ его послѣдователей доходилъ до крайняго аристократизма; между тѣмъ какъ другіе Гегельянцы проповѣдуютъ самый отчаянный демократизмъ; были даже нѣкоторые, выводившіе изъ тѣхъ же началъ ученіе самаго фанатическаго абсолютизма. Въ религіозномъ отношеніи иные держатся протестантизма въ самомъ строгомъ, древнемъ смыслѣ этого слова, не отступая не только отъ понятія, но даже отъ буквы ученія; другіе, напротивъ того, доходятъ до самаго нелѣпаго безбожія. Въ отношеніи искусства, самъ Гегель началъ съ противорѣчія новѣйшему направленію, оправдывая романтическое и требуя чистоты художественныхъ родовъ; многіе Гегельянцы остались и теперь при этой теоріи, между тѣмъ какъ другіе проповѣдуютъ искусство новѣйшее въ самой крайней противоположности романтическому и при самой отчаянной неопредѣленности формъ и смѣшанности характеровъ. Такъ, колеблясь между противоположными направленіями, то аристократическая, то народная, то вѣрующая, то безбожная,—то романтическая, то ново-жизненная,—то чисто Прусская, то вдругъ Турецкая, то наконецъ Французская,—система Гегеля въ Германіи имѣла различные характеры, и не только на этихъ противоположныхъ крайностяхъ, но и на каждой ступени ихъ взаимнаго разстоянія образовала и оставила особую школу послѣдователей, которые болѣе или менѣе склоняются то на правую, то на лѣвую сторону. Потому ничто не можетъ быть несправедливѣе, какъ приписывать одному Гегельянцу мнѣніе другаго, какъ это бываетъ иногда и въ Германіи, но чаще въ другихъ литературахъ, гдѣ система Гегеля еще не довольно извѣстна. Отъ этого недоразумѣнія большая часть послѣдователей Гегеля терпитъ совершенно незаслуженныя обвиненія. Ибо естественно, что самыя рѣзкія, самыя уродливыя мысли нѣкоторыхъ изъ

нихъ всего скорѣе распространяются въ удивленной публикѣ, какъ образецъ излишней смѣлости или забавной странности, и, не зная всей гибкости Гегелевой методы, многіе невольно приписываютъ всѣмъ Гегельянцамъ то, что принадлежитъ, можетъ быть, одному.

Впрочемъ, говоря о послѣдователяхъ Гегеля, необходимо отличать тѣхъ изъ нихъ, которые занимаются приложеніемъ его методы къ другимъ наукамъ, отъ тѣхъ, которые продолжаютъ развивать его ученіе въ области философіи. Изъ первыхъ есть нѣкоторые писатели замѣчательные силою логическаго мышленія; изъ вторыхъ же до сихъ поръ неизвѣстно ни одного особенно геніальнаго, ни одного, который бы возвысился даже до живаго понятія философіи, проникъ бы далѣе ея внѣшнихъ формъ и сказалъ бы хотя одну свѣжую мысль, не почерпнутую буквально изъ сочиненій учителя. Правда, *Эрдманъ* сначала обѣщалъ развитіе самобытное, но потомъ однако 14 лѣтъ сряду не устаетъ постоянно переворачивать однѣ и тѣ же общеизвѣстныя формулы. Та же внѣшняя формальность наполняетъ сочиненія *Розенкранца*, *Мишлета*, *Маргейнеке*, *Гото Рётчера* и *Габлера*, хотя послѣдній кромѣ того еще переиначиваетъ нѣсколько направленіе своего учителя и даже самую его фразеологію,—или отъ того, что въ самомъ дѣлѣ такъ понимаетъ его, или, можетъ быть, такъ *хочетъ* понять, жертвуя точностію своихъ выраженій для внѣшняго блага всей школы. *Вердеръ* пользовался нѣкоторое время репутаціей особенно даровитаго мыслителя, покуда ничего не печаталъ и былъ извѣстенъ только по своему преподаванію Берлинскимъ студентамъ; но издавъ логику, наполненную общихъ мѣстъ и старыхъ формулъ, одѣтыхъ въ изношенное, но вычурное платье, съ пухлыми фразами, онъ доказалъ, что талантъ преподаванія еще не порука за достоинство мышленія. Истиннымъ, единственно вѣрнымъ и чистымъ представителемъ Гегельянизма остается до сихъ поръ все еще самъ *Гегель* и одинъ онъ,—хотя, можетъ быть, никто болѣе его самого не противорѣчилъ въ примѣненіяхъ основному началу его философіи.

Изъ противниковъ Гегеля легко было бы высчитать многихъ замѣчательныхъ мыслителей; но глубже и сокрушительнѣе другихъ, кажется намъ, послѣ Шеллинга, *Адольфъ Тренделенбургъ*, человѣкъ, глубоко изучившій древнихъ философовъ и нападающій на методу Гегеля въ самомъ источникѣ ея жиз-

ненности, въ отношеніи чистаго мышленія къ его основному началу. Но и здѣсь, какъ во всемъ современномъ мышленіи, разрушительная сила Тренделенбурга находится въ явномъ неравновѣсіи съ созидательною.

Нападенія Гербартіянцевъ имѣютъ, можетъ быть, менѣе логической неодолимости, за то болѣе существеннаго смысла, потому, что на мѣсто уничтожаемой системы ставятъ не пустоту безмыслія, отъ которой умъ человѣческій имѣетъ еще болѣе отвращенія, чѣмъ физическая природа; но предлагаютъ другую, уже готовую, весьма достойную вниманія, хотя еще мало оцѣненную систему Гербарта.

Впрочемъ, чѣмъ менѣе удовлетворительности представляетъ философское состояніе Германіи, тѣмъ сильнѣе раскрывается въ ней потребность религіозная. Въ этомъ отношеніи Германія теперь весьма любопытное явленіе. Потребность вѣры, такъ глубоко чувствуемая высшими умами, среди общаго колебанія мнѣній, и, можетъ быть, вслѣдствіе этого колебанія, обнаружилась тамъ новымъ религіознымъ настройствомъ многихъ поэтовъ, образованіемъ новыхъ религіозно-художническихъ школъ и болѣе всего новымъ направленіемъ богословія. Эти явленія тѣмъ важнѣе, что они, кажется,—только первое начало будущаго, сильнѣйшаго развитія. Я знаю, что обыкновенно утверждаютъ противное; знаю, что видятъ въ религіозномъ направленіи нѣкоторыхъ писателей только исключеніе изъ общаго, господствующаго состоянія умовъ. И въ самомъ дѣлѣ оно исключеніе, если судить по матеріяльному, числительному большинству такъ называемаго образованнаго класса; ибо надобно признаться, что этотъ классъ, болѣе чѣмъ когда-нибудь, принадлежитъ теперь къ самой лѣвой крайности раціонализма. Но не должно забывать, что развитіе мысли народной исходитъ не изъ численнаго большинства. Большинство выражаетъ только настоящую минуту и свидѣтельствуетъ болѣе о прошедшей, дѣйствовавшей силѣ, чѣмъ о наступающемъ движеніи. Чтобы понять направленіе, надобно смотрѣть не туда, гдѣ больше людей, но туда, гдѣ больше внутренней жизненности и гдѣ полнѣе соотвѣтствіе мысли вопіющимъ потребностямъ вѣка. Если же мы возмемъ во вниманіе, какъ примѣтно остановилось жизненное развитіе Нѣмецкаго раціонализма; какъ механически онъ двигается въ несущественныхъ формулахъ, перебирая одни и тѣ же истертыя положенія; какъ всякое

самобытное трепетаніе мысли видимо вырывается изъ этихъ однозвучныхъ оковъ и стремится въ другую, теплѣйшую сферу дѣятельности;—тогда мы убѣдимся, что Германія пережила свою настоящую философію, и что скоро предстоитъ ей новый, глубокій переворотъ въ убѣжденіяхъ.

Чтобы понять послѣднее направленіе ея Лютеранскаго богословія, надобно припомнить обстоятельства, служившія поводомъ къ его развитію.

Въ концѣ прошедшаго и въ началѣ настоящаго вѣка, большинство Нѣмецкихъ теологовъ было, какъ извѣстно, проникнуто тѣмъ популярнымъ раціонализмомъ, который произошелъ изъ смѣшенія Французскихъ мнѣній съ Нѣмецкими школьными формулами. Направленіе это распространилось весьма быстро. *Землеръ*, въ началѣ своего поприща, былъ провозглашенъ вольнодумнымъ новоучителемъ; но при концѣ своей дѣятельности и не перемѣняя своего направленія, онъ же самый вдругъ очутился съ репутаціей закоснѣлаго старовѣра и гасильника разума. Такъ быстро и такъ совершенно измѣнилось вокругъ него состояніе богословскаго ученія.

Въ противоположность этому ослабленію вѣры, въ едва замѣтномъ уголкѣ Нѣмецкой жизни сомкнулся маленькій кружокъ людей *напряженно вѣрующихъ*, такъ называемыхъ Піетистовъ, сближавшихся нѣсколько съ Гернгутерами и Методистами.

Но 1812 годъ разбудилъ потребность высшихъ убѣжденій во всей Европѣ; тогда, особенно въ Германіи, религіозное чувство проснулось опять въ новой силѣ. Судьба Наполеона, переворотъ, совершившійся во всемъ образованномъ мірѣ, опасность и спасеніе отечества, переначатіе всѣхъ основъ жизни, блестящія, молодыя надежды на будущее, — все это кипѣніе великихъ вопросовъ и громадныхъ событій не могло не коснуться глубочайшей стороны человѣческаго самосознанія и разбудило высшія силы его духа. Подъ такимъ вліяніемъ образовалось новое поколѣніе Лютеранскихъ теологовъ, которое естественно вступило въ прямое противорѣчіе съ прежнимъ. Изъ ихъ взаимнаго противодѣйствія въ литературѣ, въ жизни и въ государственной дѣятельности произошли двѣ школы: одна, въ то время новая, опасаясь самовластія разума, держалась строго символическихъ книгъ своего исповѣданія; другая позволяла себѣ ихъ разумное толкованіе. Пер-

вая, противоборствуя излишнимъ, по ея мнѣнію, правамъ философствованія, примыкала крайними членами своими къ піетистамъ; послѣдняя, защищая разумъ, граничила иногда съ чистымъ раціонализмомъ. Изъ борьбы этихъ двухъ крайностей развилось безконечное множество среднихъ направленій.

Между тѣмъ несогласіе этихъ двухъ партій въ самыхъ важныхъ вопросахъ, внутреннее несогласіе разныхъ оттѣнковъ одной и той же партіи, несогласіе разныхъ представителей одного и того же оттѣнка, и наконецъ, нападенія чистыхъ раціоналистовъ, уже не принадлежащихъ къ числу вѣрующихъ, на всѣ эти партіи и оттѣнки вмѣстѣ взятые,—все это возбудило въ общемъ мнѣніи сознаніе необходимости болѣе основательнаго изученія Священнаго Писанія, нежели какъ оно совершалось до того времени, и болѣе всего: необходимости твердаго опредѣленія границъ между разумомъ и вѣрою. Съ этимъ требованіемъ сошлось и частію имъ усилилось новое развитіе историческаго и особенно филологическаго и философскаго образованія Германіи. Вмѣсто того, что прежде студенты университетскіе едва разумѣли по-Гречески, теперь ученики гимназіи начали вступать въ университеты уже съ готовымъ запасомъ основательнаго знанія въ языкахъ: Латинскомъ, Греческомъ и Еврейскомъ. Филологическія и историческія каѳедры занялись людьми замѣчательныхъ дарованій. Богословская философія считала многихъ извѣстныхъ представителей, но особенно оживило и развило ее блестящее и глубокомысленное преподаваніе *Шлейермахера*, и другое, противоположное ему, хотя не блестящее, но не менѣе глубокомысленное, хотя едва понятное, но, по какому-то невыразимому, сочувственному сцѣпленію мыслей, удивительно увлекательное преподаваніе профессора *Дауба*. Къ этимъ двумъ системамъ примкнула третья, основанная на философіи Гегеля. Четвертая партія состояла изъ остатковъ прежняго Брейтшнейдеровскаго популярнаго раціонализма. За ними начинались уже чистые раціоналисты, съ голымъ философствованіемъ безъ вѣры.

Чѣмъ ярче опредѣлялись различныя направленія, чѣмъ многостороннѣе обработывались частные вопросы, тѣмъ труднѣе было ихъ общее соглашеніе.

Между тѣмъ сторона преимущественно вѣрующихъ, строго держась своихъ символическихъ книгъ, имѣла великую внѣш-

нюю выгоду надъ другими: только послѣдователи Аугсбургскаго исповѣданія, пользовавшагося государственнымъ признаніемъ, вслѣдствіе Вестфальскаго мира, могли имѣть право на покровительство государственной власти. Вслѣдствіе этого многіе изъ нихъ требовали удаленія противомыслящихъ отъ занимаемыхъ ими мѣстъ.

Съ другой стороны, эта самая выгода была, можетъ быть, причиною ихъ малаго успѣха. Противъ нападенія мысли прибѣгать подъ защиту внѣшней силы—для многихъ казалось признакомъ внутренней несостоятельности. Къ тому же въ ихъ положеніи была еще другая слабая сторона: самое Аугсбургское исповѣданіе основалось на правѣ личнаго толкованія. Допускать это право до 16-го вѣка и не допускать его послѣ—для многихъ казалось другимъ противорѣчіемъ. Впрочемъ, отъ той или отъ другой причины, но раціонализмъ, пріостановленный на время и не побѣжденный усиліями законно-вѣрующихъ, сталъ снова распространяться, дѣйствуя теперь уже съ удвоенной силой, укрѣпившись всѣми пріобрѣтеніями науки, покуда, наконецъ, слѣдуя неумолимому теченію силлогизмовъ, оторванныхъ отъ вѣры, онъ достигъ самыхъ крайнихъ, самыхъ отвратительныхъ результатовъ.

Такъ результаты, обнаружившіе силу раціонализма, служили вмѣстѣ и его обличеніемъ. Если они могли принести нѣкоторый минутный вредъ толпѣ, подражательно повторяющей чужія мнѣнія; за то люди, откровенно искавшіе твердаго основанія, тѣмъ яснѣе отдѣлились отъ нихъ и тѣмъ рѣшительнѣе избрали противоположное направленіе. Вслѣдствіе этого, прежнее воззрѣніе многихъ протестантскихъ теологовъ значительно измѣнилось.

Есть партія, принадлежащая самому послѣднему времени, которая смотритъ на протестантизмъ уже не какъ на противорѣчіе католицизму, но, напротивъ, Папизмъ и Тридентскій Соборъ отдѣляетъ отъ католицизма и видитъ въ Аугсбургскомъ исповѣданіи самое законное, хотя еще не послѣднее выраженіе безпрерывно развивающейся Церкви. Эти протестантскіе теологи, даже въ среднихъ вѣкахъ, признаютъ уже не уклоненіе отъ Христіанства, какъ говорили Лютеранскіе богословы до сихъ поръ, но его постепенное и необходимое продолженіе, почитая не только внутреннюю, но даже и внѣшнюю непрерывающуюся церковность однимъ изъ необходимыхъ элементовъ Христіан-

ства.—Вмѣсто прежняго стремленія оправдывать всѣ возстанія противъ Церкви Римской, теперь они склонны болѣе къ ихъ осужденію. Охотно обвиняютъ Вальденсовъ и Виклифитовъ, съ которыми прежде находили такъ много сочувствія; оправдываютъ Григорія VII и Иннокентія III, и даже осуждаютъ Гуся, за „*сопротивленіе законной власти Церкви*",—Гуся, котораго самъ Лютеръ, какъ говоритъ преданіе, называлъ предшественникомъ своей лебединой пѣсни.

Согласно съ такимъ направленіемъ, они желаютъ нѣкоторыхъ измѣненій въ своемъ богослуженіи и особенно, по примѣру Епископальной Церкви, хотятъ дать большій перевѣсъ части собственно литургической надъ проповѣдью. Съ этою цѣлью переведены всѣ литургіи первыхъ вѣковъ, и составлено самое полное собраніе всѣхъ старыхъ и новыхъ церковныхъ пѣсенъ. Въ дѣлѣ пасторства требуютъ они не только поученій въ храмѣ, но и увѣщаній на домахъ, вмѣстѣ съ постояннымъ наблюденіемъ за жизнію прихожанъ. Къ довершенію всего, они желаютъ возвратить въ обычай прежнія церковныя наказанія, начиная отъ простаго увѣщанія до торжественнаго изверженія, и даже возстаютъ противъ смѣшанныхъ браковъ. И то и другое въ Старо-Лютеранской церкви *) уже не желаніе, но догма, введенная въ дѣйствительную жизнь.

Впрочемъ само собою разумѣется, что такое направленіе принадлежитъ не всѣмъ, но только нѣкоторымъ протестантскимъ богословамъ. Мы замѣтили его болѣе потому, что оно новое, чѣмъ потому, что оно сильное. И не надобно думать, чтобы вообще законно-вѣрующіе Лютеранскіе теологи, одинаково признающіе свои символическія книги и согласные между собой въ отверженіи раціонализма, были отъ того согласны въ са-

---

*) *Старо-Лютеранская* церковь есть явленіе новое. Она произошла отъ сопротивленія нѣкоторой части Лютеранъ противъ соединенія ихъ съ Реформатами. Нынѣшній Король Прусскій позволилъ имъ исповѣдывать свое ученіе открыто и отдѣльно; вслѣдствіе того, образовалась новая церковь, подъ названіемъ Старо-Лютеранской. Она имѣла свой полный Соборъ въ 1841 году, издала свои особыя постановленія, учредила для своего управленія независящій ни отъ какихъ властей свой *Высшій Церковный Совѣтъ*, засѣдающій въ Бреславлѣ, отъ котораго одного зависятъ низшіе совѣты и всѣ церкви ихъ исповѣданія. По ихъ постановленіямъ, рѣшительно запрещаются смѣшанные браки для всѣхъ принимающихъ участіе въ церковномъ управленіи или въ воспитаніи. Другимъ же, если не прямо запрещаются, то по крайней мѣрѣ отсовѣтываются, какъ предосудительные. Смѣшанными же браками называютъ они не только соединеніе Лютеранъ съ Католиками, но и Старо-Лютеранъ съ Лютеранами соединенной, такъ называемой Евангелической церкви.

мой догматикѣ. Напротивъ, разногласія ихъ еще существеннѣе, чѣмъ можетъ представиться съ перваго взгляда. Такъ, напримѣръ, *Юліусъ Мюллеръ*, который почитается ими за одного изъ самыхъ законномыслящихъ, тѣмъ не менѣе отступаетъ отъ другихъ въ своемъ ученіи *о грѣхѣ*; не смотря на то, что этотъ вопросъ едва ли не принадлежитъ къ самымъ центральнымъ вопросамъ богословія. *Генгстенбергъ*, самый жестокій противникъ раціонализма, не у всѣхъ находитъ сочувствіе къ этой крайности своего ожесточенія, а изъ числа ему сочувствующихъ весьма многіе разногласятъ съ нимъ въ нѣкоторыхъ частностяхъ его ученія, какъ, напримѣръ, въ понятіи *о Пророчествѣ*,—хотя особенное понятіе о пророчествѣ непремѣнно должно вести за собою особенное понятіе о самомъ отношеніи человѣческой натуры къ Божеству, то есть, о самой основѣ догматики. *Толукъ*, самый тепломыслящій въ своемъ вѣрованіи и самый тепловѣрующій въ своемъ мышленіи, обыкновенно почитается своею партіею за излишне либеральнаго мыслителя,—между тѣмъ какъ то или другое отношеніе мышленія къ вѣрѣ, при послѣдовательномъ развитіи, должно измѣнить весь характеръ вѣроученія. *Неандеру* ставятъ въ вину его всепрощающую терпимость и мягкосердечное сочувствіе съ иноученіями,—особенность, которая не только опредѣляетъ его отличительное воззрѣніе на исторію церкви, но вмѣстѣ и на внутреннее движеніе человѣческаго духа вообще, и, слѣдовательно, отдѣляетъ самую сущность его ученія отъ другихъ. *Ничъ* и *Люкке* тоже во многомъ несогласны съ своею партіей. Каждый влагаетъ въ свое исповѣданіе отличительность своей личности. Не смотря на то, однакоже, *Бекъ*, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ представителей новаго вѣрующаго направленія, требуетъ отъ протестантскихъ теологовъ составленія общей, полной, наукообразной догматики, чистой отъ личныхъ мнѣній и независимой отъ временныхъ системъ. Но, сообразивъ все сказанное, мы можемъ, кажется, имѣть нѣкоторое право сомнѣваться въ удобоисполнимости этого требованія.—

О новѣйшемъ состояніи *Французской* литературы мы скажемъ только весьма немногое, и то, можетъ быть, лишнее, потому, что словесность Французская извѣстна Русскимъ читателямъ врядъ ли не болѣе отечественной. Замѣтимъ только противоположность направленія Французскаго ума направленію мысли Нѣмецкой. Здѣсь каждый вопросъ жизни обращается

въ вопросъ науки; тамъ каждая мысль науки и литературы обращается въ вопросъ жизни. Знаменитый романъ Сю отозвался не столько въ литературѣ, сколько въ обществѣ; результаты его были: переобразованіе въ устройствѣ тюрьмъ, составленіе человѣколюбивыхъ обществъ и т. п. Другой выходящій теперь романъ его, очевидно, обязанъ своимъ успѣхомъ качествамъ не литературнымъ. Бальзакъ, имѣвшій такой успѣхъ до 1830 года потому, что описывалъ господствовавшее тогда общество, — теперь почти забытъ именно по этой же причинѣ. Споръ духовенства съ университетомъ, который въ Германіи породилъ бы отвлеченныя разсужденія объ отношеніи философіи и вѣры, государства и религіи, подобно спору о Кёльнскомъ епископѣ, во Франціи возбудилъ только большее вниманіе къ настоящему состоянію народнаго воспитанія, къ характеру дѣятельности Іезуитовъ и къ современному направленію общественной образованности. Всеобщее религіозное движеніе Европы выразилось въ Германіи новыми догматическими системами, историческими и филологическими розысканіями и учеными философскими толкованіями; во Франціи, напротивъ того, оно едва ли произвело одну или двѣ замѣчательныя книги, но тѣмъ сильнѣе обнаружилось въ религіозныхъ обществахъ, въ политическихъ партіяхъ и въ миссіонерскомъ дѣйствіи духовенства на народъ. Науки естественныя, которыя достигли такого огромнаго развитія во Франціи, не смотря на то, однакоже, не только исключительно основываются на одной эмпиріи, но и въ самой полнотѣ развитія своего чуждаются спекулятивнаго интереса, заботясь преимущественно о примѣненіи къ дѣлу, о пользахъ и выгодахъ существованія; — между тѣмъ какъ въ Германіи каждый шагъ въ изученіи природы опредѣленъ съ точки философскаго воззрѣнія, включенъ въ систему и оцѣненъ не столько по своей пользѣ для жизни, сколько по отношенію своему къ умозрительнымъ началамъ. Такимъ образомъ въ Германіи *теологія* и *философія* составляютъ въ наше время два важнѣйшіе предмета общаго вниманія, и соглашеніе ихъ есть теперь господствующая потребность Германской мысли. Во Франціи, напротивъ того, философское развитіе составляетъ не потребность, но роскошь мышленія. Существенный вопросъ настоящей минуты состоитъ тамъ въ соглашеніи *религіи* и *общества*. Писатели религіозные, вмѣсто догматическаго развитія, ищутъ дѣйствительнаго примѣненія,

между тѣмъ какъ мыслители политическіе, даже не проникнутые убѣжденіемъ религіознымъ, изобрѣтаютъ убѣжденія искусственныя, стремясь достигнуть въ нихъ безусловности вѣры и ея надразумной непосредственности.

Современное и почти равносильное возбужденіе этихъ двухъ интересовъ: религіознаго и общественнаго, двухъ противоположныхъ концовъ, можетъ быть, одной разорванной мысли,—заставляетъ насъ предполагать, что участіе нынѣшней Франціи въ общемъ развитіи человѣческаго просвѣщенія, ея мѣсто въ области науки вообще, должно опредѣлиться тою особенною сферою, откуда исходятъ оба и гдѣ смыкаются въ одно эти два различныя направленія. Но какой результатъ произойдетъ отъ этого устремленія мысли? Родится ли отъ того новая наука: наука *общественнаго быта*,—какъ въ концѣ прошедшаго вѣка, отъ совмѣстнаго дѣйствія философскаго и общественнаго настроенія Англіи, родилась тамъ новая *наука народнаго богатства*? Или дѣйствіе современнаго Французскаго мышленія ограничится только измѣненіемъ нѣкоторыхъ началъ въ другихъ наукахъ? Суждено ли Франціи совершить или только предначать это измѣненіе? Отгадывать это теперь было бы пустою мечтательностью. Новое направленіе только начинаетъ, и то едва замѣтно, выказываться въ словесности,—еще несознанное въ своей особенности, еще несобранное даже въ одинъ вопросъ. Но во всякомъ случаѣ это движеніе науки во Франціи не можетъ не казаться намъ значительнѣе всѣхъ другихъ стремленій ея мышленія, и особенно любопытно видѣть, какъ оно начинаетъ выражаться въ противорѣчіи прежнимъ началамъ политической экономіи,—науки, съ предметомъ которой оно болѣе всего соприкасается. Вопросы о конкуренціи и монополіи, объ отношеніи избытка произведеній роскоши къ довольству народному, дешевизны издѣлій къ бѣдности работниковъ, государственнаго богатства къ богатству капиталистовъ, цѣнности работы къ цѣнности товара, развитія роскоши къ страданіямъ нищеты, насильственной дѣятельности къ умственному одичанію, здоровой нравственности народа къ его индустріальной образованности,—всѣ эти вопросы представляются многими въ совершенно новомъ видѣ, прямо противномъ прежнимъ воззрѣніямъ политической экономіи, и возбуждаютъ теперь заботу мыслителей. Мы не говоримъ, чтобы новыя воззрѣнія вошли уже въ науку. Для этого они еще слишкомъ

незрѣлы, слишкомъ односторонни, слишкомъ проникнуты ослѣпляющимъ духомъ партіи, затемнены самодовольствомъ новорожденія. Мы видимъ, что до сихъ поръ самые новѣйшіе курсы политической экономіи составляются еще по прежнимъ началамъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы замѣчаемъ, что къ новымъ вопросамъ возбуждено вниманіе, и хотя не думаемъ, чтобы во Франціи могли они найти свое окончательное рѣшеніе, но не можемъ однакоже не сознаться, что ея словесности предназначено первой внести этотъ новый элементъ въ общую лабораторію человѣческаго просвѣщенія.

Это направленіе Французскаго мышленія происходитъ, кажется, изъ естественнаго развитія всей совокупности Французской образованности. Крайняя бѣдность низшихъ классовъ служила къ тому только внѣшнимъ, случайнымъ поводомъ, а не была причиною, какъ думаютъ нѣкоторые. Доказательства этому можно найти во внутренней несвязности тѣхъ воззрѣній, для которыхъ народная бѣдность была единственнымъ исходомъ, и еще болѣе въ томъ обстоятельствѣ, что бѣдность низшихъ классовъ несравненно значительнѣе въ Англіи, чѣмъ во Франціи, хотя тамъ господствующее движеніе мысли приняло совершенно другое направленіе.

Въ *Англіи* вопросы религіозные хотя возбуждаются положеніемъ общественнымъ, но тѣмъ не менѣе переходятъ въ споры догматическіе, какъ, напримѣръ, въ Пусеизмѣ и у его противниковъ; вопросы общественные ограничиваются мѣстными требованіями, или подымаютъ крикъ (a cry, какъ говорятъ Англичане), выставляютъ знамя какого нибудь убѣжденія, котораго значеніе заключается не въ силѣ мысли, но въ силѣ интересовъ, ему соотвѣтствующихъ и вокругъ него собирающихся.

По наружной формѣ, образъ мыслей Французовъ часто весьма сходенъ съ образомъ мыслей Англичанъ. Это сходство проистекаетъ, кажется, изъ одинаковости принятыхъ ими философскихъ системъ. Но внутренній характеръ мышленія этихъ двухъ народовъ также различенъ, какъ оба они различны отъ характера мышленія Нѣмецкаго. Нѣмецъ трудолюбиво и совѣстливо вырабатываетъ свое убѣжденіе изъ отвлеченныхъ выводовъ своего разума; Французъ беретъ его, незадумавшись, изъ сердечнаго сочувствія къ тому или другому мнѣнію; Англичанинъ ариѳметически разсчитываетъ свое положеніе въ

обществѣ и, по итогу своихъ разсчетовъ, составляетъ свой образъ мыслей. Названія: Вигъ, Торн, Радикалъ, и всѣ безчисленные оттѣнки Англійскихъ партій выражаютъ не личную особенность человѣка, какъ во Франціи, и не систему его философскаго убѣжденія, какъ въ Германіи, но мѣсто, которое онъ занимаетъ въ государствѣ. Англичанинъ упрямъ въ своемъ мнѣніи, потому, что оно въ связи съ его общественнымъ положеніемъ; Французъ часто жертвуетъ своимъ положеніемъ для своего сердечнаго убѣжденія; а Нѣмецъ, хотя и не жертвуетъ однимъ другому, но за то мало и заботится о ихъ соглашеніи. Французская образованность движется посредствомъ развитія господствующаго мнѣнія, или моды; Англійская — посредствомъ развитія государственнаго устройства; Нѣмецкая — посредствомъ кабинетнаго мышленія. Отъ того Французъ силенъ энтузіазмомъ, Англичанинъ — характеромъ, Нѣмецъ—абстрактно-систематическою фундаментальностію.

Но чѣмъ болѣе, какъ въ наше время, сближаются словесности и личности народныя, тѣмъ болѣе изглаживаются ихъ особенности. Между писателями Англіи, пользующимися болѣе другихъ знаменитостью литературнаго успѣха, два литератора, два представителя современной словесности, совершенно противоположные въ своихъ направленіяхъ, мысляхъ, партіяхъ, цѣляхъ и воззрѣніяхъ, не смотря на то однакоже, оба, въ различныхъ видахъ, обнаруживаютъ одну истину: что пришелъ часъ, когда островитянская отдѣленность Англіи начинаетъ уже уступать всеобщности континентальнаго просвѣщенія и сливаться съ нимъ въ одно сочувствующее цѣлое. Кромѣ этого сходства, *Карлиль* и *Дизраели* не имѣютъ между собою ничего общаго. Первый носитъ глубокіе слѣды Германскихъ пристрастій. Слогъ его, наполненный, какъ говорятъ Англійскіе критики, неслыханнымъ доселѣ Германизмомъ, встрѣчаетъ во многихъ глубокое сочувствіе. Мысли его облечены въ Нѣмецкую мечтательную неопредѣленность; направленіе его выражаетъ интересъ мысли, вмѣсто Англійскаго интереса партіи. Онъ не преслѣдуетъ стараго порядка вещей, не противится движенію новаго; онъ оцѣняетъ оба, онъ любитъ оба, уважаетъ въ обоихъ органическую полноту жизни, и, самъ принадлежа къ партіи прогресса, самымъ развитіемъ ея основнаго начала уничтожаетъ исключительное стремленіе къ нововведеніямъ.

Такимъ образомъ здѣсь, какъ и во всѣхъ современныхъ явленіяхъ мысли въ Европѣ, *новѣйшее* направленіе противорѣчитъ *новому*, разрушившему *старое*.

Дизраели не заражентъ никакимъ иноземнымъ пристрастіемъ. Онъ представитель *юной Англіи*,—круга молодыхъ людей, выражающихъ особый, крайній отдѣлъ партіи Тори. Однако несмотря на то, что молодая Англія дѣйствуетъ во имя самой крайности сохранительныхъ началъ, но, если вѣрить роману Дизраели, самая основа ихъ убѣжденій совершенно разрушаетъ интересы ихъ партіи. Они хотятъ удержать старое, но не въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ въ теперешнихъ формахъ, а въ его прежнемъ духѣ, требующемъ формы, во многомъ противоположной настоящему. Для пользы аристократіи, хотятъ они живаго сближенія и сочувствія *всѣхъ* классовъ; для пользы церкви Англиканской, желаютъ ея уравненія въ правахъ съ церковью Ирландскою и другими разномыслящими; для поддержанія перевѣса земледѣльческаго, требуютъ уничтоженія хлѣбнаго закона, ему покровительствующаго. Однимъ словомъ, воззрѣніе этой партіи Тори очевидно разрушаетъ всю особенность Англійскаго Торизма, а вмѣстѣ съ тѣмъ и все отличіе Англіи отъ другихъ государствъ Европы.

Но Дизраели жидъ, и потому имѣетъ свои особенные виды, которые не позволяютъ намъ вполнѣ полагаться на вѣрность изображенныхъ имъ убѣжденій молодаго поколѣнія. Только необыкновенный успѣхъ его романа, лишеннаго впрочемъ достоинствъ собственно литературныхъ, и болѣе всего успѣхъ автора, если вѣрить журналамъ, въ высшемъ Англійскомъ обществѣ, даетъ нѣкоторое правдоподобіе его изложенію.

Исчисливъ такимъ образомъ замѣчательнѣйшія движенія литературъ Европы, мы спѣшимъ повторить сказанное нами въ началѣ статьи, что, обозначая современное, мы не имѣли въ виду представить полной картины настоящаго состоянія словесностей. Мы хотѣли только указать на ихъ послѣднія направленія, едва начинающія высказываться въ новыхъ явленіяхъ.

Между тѣмъ, если мы соберемъ все замѣченное нами въ одинъ итогъ и сообразимъ его съ тѣмъ характеромъ Европейскаго просвѣщенія, который, хотя развился прежде, но продолжаетъ еще до сихъ поръ быть господствующимъ, то съ этой точки зрѣнія откроются намъ нѣкоторые результаты, весьма важные для уразумѣнія нашего времени.

— *Отдѣльные роды словесности смѣшались въ одну неопредѣленную форму.*

— *Отдѣльныя науки не удерживаются болѣе въ своихъ прежнихъ границахъ, но стремятся сблизиться съ науками, имъ смежными, и въ этомъ расширеніи предѣловъ своихъ примыкаютъ къ своему общему центру—философіи.*

— *Философія въ послѣднемъ окончательномъ развитіи своемъ ищетъ такого начала, въ признаніи котораго она могла бы слиться съ вѣрою въ одно умозрительное единство.*

— *Отдѣльныя Западныя народности, достигнувъ полноты своего развитія, стремятся уничтожить раздѣляющія ихъ особенности и сомкнуться въ одну обще-Европейскую образованность.*

Этотъ результатъ тѣмъ замѣчательнѣе, что онъ развился изъ направленія, ему прямо противуположнаго. Преимущественно произошелъ онъ изъ стремленій каждаго народа изучить, возстановить и сохранить свою національную особенность. Но эти стремленія чѣмъ глубже развивались въ историческихъ, философскихъ и общественныхъ выводахъ, чѣмъ болѣе доходили до коренныхъ основъ отдѣленныхъ народностей, тѣмъ яснѣе встрѣтили въ нихъ начала не особенныя, но общія Европейскія, равно принадлежащія всѣмъ частнымъ національностямъ. Ибо въ общей основѣ Европейской жизни лежитъ одно господствующее начало.

— Между тѣмъ это господствующее начало Европейской жизни, отдѣляясь отъ народностей, тѣмъ самымъ является уже какъ отжившее, какъ прошедшее по смыслу своему, хотя еще продолжающееся по факту. Отъ того современная особенность Западной жизни заключается въ томъ общемъ, болѣе или менѣе ясномъ сознаніи, что это *начало Европейской образованности, развивавшееся во всей исторіи Запада, въ наше время оказывается уже неудовлетворительнымъ для высшихъ требованій просвѣщенія.* Замѣтимъ также, что и это сознаніе неудовлетворительности Европейской жизни вышло изъ сознанія, прямо ему противуположнаго, изъ убѣжденія недавно прошедшаго времени, что Европейское просвѣщеніе есть послѣднее и высшее звено человѣческаго развитія. Одна крайность обратилась въ другую.

— Но сознавая неудовлетворительность Европейской образованности, общее чувство тѣмъ самымъ отличаетъ ее отъ другихъ началъ всечеловѣческаго развитія и, обозначая его какъ особенное, обнаруживаетъ намъ *отличительный характеръ За-*

паднаго просвѣщенія въ его частяхъ и совокупности, какъ преимущественное стремленіе къ личной и самобытной разумности въ мысляхъ, въ жизни, въ обществѣ и во всѣхъ пружинахъ и формахъ человѣческаго бытія. Этотъ характеръ безусловной разумности родился также изъ предшествовавшаго ему, давно прошедшаго стремленія, изъ прежняго усилія — не воспитать, но насильственно запереть мысль въ одной схоластической системѣ.

— Но если общее ощущеніе неудовлетворительности самыхъ началъ Европейской жизни есть не что иное, какъ темное или ясное сознаніе *неудовлетворительности безусловнаго разума*, то, хотя оно и производитъ стремленіе къ *религіозности вообще*, однако, по самому происхожденію своему изъ развитія разума, не можетъ подчиниться такой формѣ вѣры, которая бы совершенно отвергала разумъ, — ни удовлетвориться такою, которая бы поставляла вѣру въ его зависимость.

— Искусства, поэзія и даже едва ли не всякая творческая мечта только до тѣхъ поръ были возможны въ Европѣ, какъ живой, необходимый элементъ ея образованности, покуда господствующій раціонализмъ въ ея мысли и жизни не достигъ послѣдняго, крайняго звена своего развитія; ибо теперь онѣ возможны только какъ театральная декорація, не обманывающая внутренняго чувства зрителя, который прямо принимаетъ ее за искусственную неправду, забавляющую его праздность, но безъ которой его жизнь не потеряетъ ничего существеннаго. *Правда для поэзіи Западной можетъ воскреснуть только тогда, когда новое начало будетъ принято въ жизнь Европейскаго просвѣщенія.*

Этому отчужденію искусства отъ жизни предшествовалъ періодъ всеобщаго стремленія къ художественности, окончившійся вмѣстѣ съ послѣднимъ художникомъ Европы—съ великимъ Гете, который выразилъ смерть поэзіи второю частію своего Фауста. Безпокойство мечтательности перешло въ заботы промышленности. Но въ наше время разногласіе поэзіи съ жизнію еще яснѣе обнаружилось.

— Изо всего сказаннаго слѣдуетъ еще, что современный характеръ Европейскаго просвѣщенія, по своему историческому, философскому и жизненному смыслу, совершенно однозначителенъ съ характеромъ той эпохи Римско-Греческой образованности, когда, развившись до противорѣчія самой себѣ,

она по естественной необходимости должна была *принять въ себя другое, новое начало, хранившееся у другихъ племенъ, не имѣвшихъ до того времени всемірно-исторической значительности.*

Каждое время имѣетъ свой господствующій, свой жизненный вопросъ, надъ всѣми преобладающій, всѣ другіе въ себѣ вмѣщающій, отъ котораго одного зависитъ ихъ относительная значительность и ограниченный смыслъ. Если же справедливо все замѣченное нами о настоящемъ состояніи Западной образованности, то нельзя не убѣдиться, что на днѣ Европейскаго просвѣщенія, въ наше время, всѣ частные вопросы о движеніяхъ умовъ, о направленіяхъ науки, о цѣляхъ жизни, о различныхъ устройствахъ обществъ, о характерахъ народныхъ, семейныхъ и личныхъ отношеній, о господствующихъ началахъ внѣшняго и самаго внутренняго быта человѣка,—всѣ сливаются въ одинъ существенный, живой, великій вопросъ объ отношеніи Запада къ тому незамѣченному до сихъ поръ началу жизни, мышленія и образованности, которое лежитъ въ основаніи міра Православно-Словенскаго.

Когда же мы отъ Европы обратимся къ нашему отечеству, отъ этихъ общихъ результатовъ, выведенныхъ нами изъ словесностей Западныхъ, перейдемъ къ обозрѣнію словесности въ нашемъ отечествѣ, то увидимъ въ ней странный хаосъ недоразвитыхъ мнѣній, противорѣчащихъ стремленій, разногласныхъ отголосковъ всѣхъ возможныхъ движеній словесностей: Германской, Французской, Англійской, Итальянской, Польской, Шведской, разнообразное подражаніе всѣмъ возможнымъ и невозможнымъ Европейскимъ направленіямъ. Но объ этомъ надѣемся мы имѣть удовольствіе говорить въ слѣдующей книгѣ.

II.

Въ первой статьѣ нашего обозрѣнія сказали мы, что словесность Русская представляетъ совокупность всѣхъ возможныхъ вліяній различныхъ литературъ Европейскихъ. Доказывать истину этого замѣчанія кажется намъ излишнимъ: каждая книга можетъ служить для того очевиднымъ свидѣтельствомъ.

Объяснять это явленіе мы также почитаемъ неумѣстнымъ: причины его въ исторіи нашей образованности. Но замѣтивъ его, сознавъ это всепріемлющее сочувствіе, эту безусловную зависимость нашей словесности отъ различныхъ словесностей Запада, мы въ этомъ самомъ характерѣ нашей литературы видимъ, вмѣстѣ съ наружнымъ сходствомъ, и коренное отличіе ея отъ всѣхъ литературъ Европейскихъ.

Развернемъ нашу мысль.

Исторія всѣхъ словесностей Запада представляетъ намъ неразрывную связь между движеніями литературы и всею совокупностію народной образованности. Такая же неразрывная связь существуетъ между развитіемъ образованности и первыми элементами, изъ которыхъ слагается народная жизнь. Извѣстные интересы выражаются въ соотвѣтсвенномъ устройствѣ понятій; опредѣленный образъ мыслей опирается на извѣстныя отношенія жизни. Что одинъ испытываетъ безъ сознанія, то другой ищетъ постигнуть мыслію и выражаетъ отвлеченною формулой, или, сознавая въ сердечномъ движеніи, изливаетъ въ поэтическихъ звукахъ. Сколь ни отличны кажутся, съ перваго взгляда, несвязныя, безотчетныя понятія простаго ремесленника или безграмотнаго пахаря, отъ плѣнительно-стройныхъ міровъ художественной фантазіи поэта, или отъ глубокой систематической думы кабинетнаго мыслителя, но при внимательномъ разсмотрѣніи очевидно, что между ними лежитъ та же внутренняя постепенность, та же органическая послѣдовательность, какая существуетъ между сѣменемъ, цвѣткомъ и плодомъ одного дерева.

Какъ языкъ народа представляетъ отпечатокъ его природной логики и, если не выражаетъ его образа мыслей вполнѣ, то, по крайней мѣрѣ, представляетъ въ себѣ то основаніе, изъ котораго безпрестанно и естественно исходитъ его умственная жизнь; такъ и разорванныя, не развитыя понятія народа, еще не мыслящаго, образуютъ тотъ корень, изъ котораго вырастаетъ высшая образованность націи. Отъ того всѣ отрасли просвѣщенія, находясь въ живомъ сопроницаніи, составляютъ одно неразрывно сочлененное цѣлое.

По этой причинѣ, всякое движеніе въ литературѣ Западныхъ народовъ истекаетъ изъ внутренняго движенія ихъ образованности, на которую въ свою очередь дѣйствуетъ литература. Даже тѣ словесности, которыя подчиняются вліянію другихъ

народовъ, принимаютъ это вліяніе только тогда, когда оно соотвѣтствуетъ требованіямъ ихъ внутренняго развитія, и усвояютъ его только въ той мѣрѣ, въ какой оно гармонируетъ съ характеромъ ихъ просвѣщенія. Иноземное для нихъ не противорѣчіе ихъ особенности, но только ступень въ лѣстницѣ ихъ собственнаго восхожденія. Если мы видимъ, что въ теперешнюю минуту всѣ словесности сочувствуютъ другъ другу, сливаются, такъ сказать, въ одну обще-Европейскую литературу, — то это могло произойти единственно отъ того, что образованности различныхъ народовъ развились изъ одинакаго начала и, проходя каждая своимъ путемъ, достигли наконецъ одинакаго результата, одинакаго смысла умственнаго бытія. Но не смотря на это сходство, и теперь еще Французъ не только не вполнѣ принимаетъ Нѣмецкую мысль, но, можетъ быть, даже не вполнѣ и понимаетъ ее. Въ Германіи большею частію офранцуживаются Жиды, воспитавшіеся въ разрывѣ съ народными убѣжденіями и только впослѣдствіи принявшіе философское христіанство. Англичане еще менѣе могутъ освободиться отъ своихъ національныхъ особенностей. Въ Италіи и Испаніи, хотя и замѣтно вліяніе литературы Французской, но это вліяніе болѣе мнимое, чѣмъ существенное, и Французскія готовыя формы служатъ только выраженіемъ внутренняго состоянія ихъ собственной образованности; ибо не Французская литература вообще, но одна словесность XVIII вѣка господствуетъ до сихъ поръ въ этихъ запоздалыхъ земляхъ *).

Эта національная крѣпость, эта живая цѣлость образованности Европейскихъ народовъ, не смотря на ложность или истину направленія, сообщаетъ литературѣ ихъ особенное значеніе. Она служитъ тамъ не забавою нѣкоторыхъ круговъ, не украшеніемъ салоновъ, не роскошью ума, безъ которой можно обойтись, и не школьною задачей учащихся; но является необходимою, какъ естественный процессъ умственнаго дыханія, какъ прямое выраженіе и вмѣстѣ какъ неизбѣжное условіе всякаго развитія образованности. Несознанная мысль, вырабо-

---

*) Глубокомысленныя сочиненія Розмини, обѣщающія развитіе новаго самобытнаго мышленія въ Италіи, знакомы намъ только по журнальнымъ рецензіямъ. Но сколько можно судить изъ этихъ разорванныхъ выписокъ, кажется, что 18-й вѣкъ скоро кончится для Италіи, и что ее ожидаетъ теперь новая эпоха умственнаго возрожденія, исходящаго изъ новаго начала мышленія, опирающагося на три стихіи Итальянской жизни: религію, исторію и искусство.

танная исторіей, выстраданная жизнію, потемненная ея многосложными отношеніями и разнородными интересами, восходитъ силою литературной дѣятельности по лѣстницѣ умственнаго развитія, отъ низшихъ слоевъ общества до высшихъ круговъ его, отъ безотчетныхъ влеченій до послѣднихъ ступеней сознанія, и въ этомъ видѣ является она уже не остроумною истиною, не упражненіемъ въ искусствѣ риторики или діалектики, но внутреннимъ дѣломъ самопознанія болѣе или менѣе яснаго, болѣе или менѣе правильнаго, но во всякомъ случаѣ существенно значительнаго. Такимъ образомъ, вступаетъ она въ сферу общаго всечеловѣческаго просвѣщенія, какъ живой неизъемлемый элементъ, какъ личность съ голосомъ въ дѣлѣ общаго совѣта; но къ внутреннему своему основанію, къ началу своего исхода возвращается она, какъ выводъ разума къ неразгаданнымъ обстоятельствамъ, какъ слово совѣсти къ безотчетнымъ влеченіямъ. Конечно, этотъ разумъ, эта совѣсть могутъ быть затемнены, испорчены; но эта порча зависитъ не отъ мѣста, которое литература занимаетъ въ образованности народа, а отъ искаженія его внутренней жизни; какъ въ человѣкѣ ложность разума и растлѣнность совѣсти происходитъ не отъ сущности разума и совѣсти, но отъ его личной испорченности.

Одно государство, между всѣхъ Западныхъ сосѣдей нашихъ, представило примѣръ противнаго развитія. Въ Польшѣ, дѣйствіемъ католицизма, высшія сословія весьма рано отдѣлились отъ остальнаго народа, не только нравами, какъ это было и въ остальной Европѣ, но и самымъ духомъ своей образованности, основными началами своей умственной жизни. Отдѣленіе это остановило развитіе народнаго просвѣщенія и тѣмъ болѣе ускорило образованность оторванныхъ отъ него высшихъ классовъ. Такъ тяжелый экипажъ, заложенный *гусемъ*, станетъ на мѣстѣ, когда лопнутъ переднія постромки, между тѣмъ какъ оторванный форрейторъ тѣмъ легче уносится впередъ. Не стѣсненная особенностію народнаго быта, ни обычаями, ни преданіями старины, ни мѣстными отношеніями, ни господствующимъ образомъ мыслей, ни даже особенностію языка, воспитанная въ сферѣ отвлеченныхъ вопросовъ, Польская аристократія въ 15 и 16-мъ вѣкѣ была не только самою образованною, но и самою ученою, самою блестящею во всей Европѣ. Основательное знаніе иностранныхъ языковъ, глубокое изуче-

ніе древнихъ классиковъ, необыкновенное развитіе умственныхъ и общежительныхъ дарованій, удивляли путешественниковъ и составляли всегдашній предметъ реляцій наблюдательныхъ папскихъ нунціевъ того времени *). Вслѣдствіе этой образованности, литература была изумительно богата. Ее составляли ученые комментаріи древнихъ классиковъ, удачныя и неудачныя подражанія, писанныя частію на щегольскомъ Польскомъ, частію на образцовомъ Латинскомъ. языкѣ, многочисленные и важные переводы, изъ коихъ нѣкоторые до сихъ поръ почитаются образцовыми, какъ напримѣръ, переводъ Тасса; другіе доказываютъ глубину просвѣщенія, какъ напримѣръ, переводъ всѣхъ сочиненій Аристотеля, сдѣланный еще въ 16-мъ вѣкѣ. Въ одно царствованіе Сигизмунда III-го блистало 711 извѣстныхъ литературныхъ именъ, и болѣе чѣмъ въ 80-ти городахъ безпрестанно работали типографіи **). Но между этимъ искусственнымъ просвѣщеніемъ и естественными элементами умственной жизни народа не было ничего общаго. Отъ того въ цѣлой образованности Польши произошло раздвоеніе. Между тѣмъ какъ ученые паны писали толкованія на Горація, переводили Тасса и неоспоримо сочувствовали всѣмъ явленіямъ современнаго имъ Европейскаго просвѣщенія,—это просвѣщеніе отражалось только на поверхности жизни, не выростая изъ корня, и такимъ образомъ, лишенная самобытнаго развитія, вся эта отвлеченная умственная дѣятельность, эта ученость, этотъ блескъ, эти таланты, эти славы, эти цвѣты, сорванные съ чужихъ полей, вся эта богатая литература исчезла почти безъ слѣда для образованности Польской, и совершенно безъ слѣда для просвѣщенія общечеловѣческаго, для той Европейской образованности, которой она была слишкомъ вѣрнымъ отраженіемъ ***). Правда, однимъ явленіемъ въ области наукъ

---

*) Смотри: *Niemcewicz*: Zbior pamiętnikow o dawney Polszcze.

**) Смотри: Chodzko, Tableau de la Pologne ancienne et moderne.

***) Вотъ что говоритъ К. Мехеринскій въ своей Historya języka lacinskiego v Polsce, Krakow, 1835:

.... Тогда было общее мнѣніе, что все, достойное уваженія и разумное, не иначе могло быть писано, какъ по-Латынѣ.—Между тѣмъ Краковская академія (основанная въ 1347 году), предупреждая всѣ Нѣмецкіе университеты, открыла для Польши новый Лаціумъ, гдѣ древнія Музы Гесперіи уже избрали себѣ постоянное мѣстопребываніе, и Полякамъ уже не нужно было искать наукъ за Альпами.

....Вскорѣ Ягеллонскія учебныя заведенія затмили своею славою многія Европейскія.

гордится Польша, одну дань принесла она въ сокровищницу всечеловѣческаго просвѣщенія: великій Коперникъ былъ Полякъ; но не забудемъ и то, что Коперникъ въ молодости своей оставилъ Польшу и воспитывался въ Германіи.

Слава Богу: между теперешнею Россіею и старою Польшею нѣтъ ни малѣйшаго сходства, и потому, я надѣюсь, никто не упрекнетъ меня въ неумѣстномъ сравненіи и не перетолкуетъ словъ моихъ въ иной смыслъ, если мы скажемъ,—что въ отношеніи къ литературѣ у насъ замѣтна такая же отвлеченная искусственность, такіе же цвѣты безъ корня, сорванные съ чужихъ полей. Мы переводимъ, подражаемъ, изучаемъ чужія словесности, слѣдимъ за ихъ малѣйшими движеніями,

---

.... Богословы-ораторы, посланные (изъ Польши) на Базельскій Соборъ, заняли тамъ первое мѣсто послѣ Боннонскихъ Тулліевъ.

.... Казиміръ Ягайловичъ завелъ множество Латинскихъ школъ и очень заботился о распространеніи языка Латинскаго въ Польшѣ; онъ даже издалъ строгое постановленіе, чтобы каждый, кто ищетъ какую нибудь значительную должность, умѣлъ хорошо говорить на языкѣ Латинскомъ. Съ тѣхъ поръ и вошло въ обычай, что каждый Польскій шляхтичъ говорилъ по-Латынѣ... Даже и женщины ревностно занимались Латинскимъ языкомъ. Яноцкій говоритъ, между прочимъ, что Елисавета, жена Казиміра II-го, сама написала сочиненіе: De institutione regii pueri.

.... Какъ прежде математика, юриспруденція, такъ въ это время расцвѣли въ Польшѣ науки изящныя, и быстро поднялось изученіе Латыни.

Іор. Луд. Децігусъ (современникъ Сигизмунда I-го) свидѣтельствуетъ, *что у Сарматовъ* рѣдко встрѣтишь человѣка изъ хорошей фамиліи, который бы не зналъ трехъ или четырехъ языковъ, а по-Латынѣ знаютъ всѣ.

.... Королева Варвара, жена Сигизмунда, не только совершенно понимала Латинскихъ классиковъ, но и писала къ королю, своему мужу, по-Латынѣ....

.... И среди Лаціума, говоритъ Кромеръ, не нашлось бы столько людей, могущихъ доказать свое знаніе Латинскаго языка. Даже дѣвушки, какъ изъ шляхетныхъ, такъ и изъ простыхъ семей, и по домамъ и по монастырямъ, равно хорошо читаютъ и пишутъ по-Польски и по-Латынѣ.—А въ собраніи писемъ отъ 1390 г. по 1580 г.г. Камусара, современный писатель, говоритъ, что изъ ста шляхтичей едва ли можно отыскать двухъ, которые бы не знали языковъ: Латинскаго, Нѣмецкаго и Итальянскаго. Они научаются имъ въ школахъ, и это дѣлается само собою, потому что нѣтъ въ Польшѣ такой бѣдной деревеньки, или даже корчмы, гдѣ бы не нашлись люди, владѣющіе этими тремя языками, и въ каждой, даже и самой маленькой деревенькѣ есть школа (см. Mémoires de F. Choisnin). Этотъ важный фактъ имѣетъ въ глазахъ нашихъ весьма глубокое значеніе. А между тѣмъ, продолжаетъ авторъ, языкъ народный по большей части оставался только въ устахъ простолюдиновъ.....

.... Жажда Европейской славы принуждала писать на всеобщемъ, Латинскомъ языкѣ; за то Польскіе поэты получали вѣнцы отъ Германскихъ императоровъ и отъ папъ, а политики пріобрѣтали дипломатическія связи.....

До какой степени Польша въ XV и въ XVI вѣкѣ превосходила другіе народы въ знаніи древнихъ литературъ, видно изъ множества свидѣтельствъ, особенно иностранныхъ. Де-Ту, въ своей исторіи, подъ годомъ 1573, описывая прибытіе Польскаго посольства во Францію, говоритъ, что изъ многочисленной толпы Поляковъ, въѣхавшихъ въ Парижъ на пятидесяти рыдванахъ, запряженныхъ четвернями, не было ни одного, который бы не говорилъ по-Латынѣ въ совершенствѣ; что Французскіе дворяне краснѣли отъ стыда, когда на вопросы гостей они должны были только подмигивать; что при цѣломъ дворѣ нашлись только двое, которые

усвояемъ себѣ чужія мысли и системы, и эти упражненія составляютъ украшенія нашихъ образованныхъ гостиныхъ, иногда имѣютъ вліяніе на самыя дѣйствія нашей жизни, но, не бывъ связаны съ кореннымъ развитіемъ нашей, исторически намъ данной образованности, они отдѣляютъ насъ отъ внутренняго источника отечественнаго просвѣщенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаютъ насъ безплодными и для общаго дѣла просвѣщенія всечеловѣческаго. Произведенія нашей словесности, какъ отраженія Европейскихъ, не могутъ имѣть интереса для другихъ народовъ, кромѣ интереса статистическаго, какъ показанія мѣры нашихъ ученическихъ успѣховъ въ изученіи ихъ образцовъ. Для насъ самихъ они любопытны какъ дополненіе, какъ объясненіе, какъ усвоеніе чужихъ явленій; но и для насъ самихъ, при всеобщемъ распространеніи знанія иностранныхъ языковъ, наши подражанія остаются всегда нѣсколько ниже и слабѣе своихъ подлинниковъ.

Само собою разумѣется, что я говорю здѣсь не о тѣхъ необыкновенныхъ явленіяхъ, въ которыхъ дѣйствуетъ личная сила генія. Державинъ, Карамзинъ, Жуковскій, Пушкинъ, Гоголь, хотя бы слѣдовали чужому вліянію, хотя бы пролагали свой особенный путь, всегда будутъ дѣйствовать сильно, могуществомъ своего личнаго дарованія, независимо отъ избраннаго ими направленія. Я говорю не объ исключеніяхъ, но о словесности вообще, въ ея обыкновенномъ состояніи.

Нѣтъ сомнѣнія, что между литературною образованностію нашею и кореннными стихіями нашей умственной жизни, которыя развивались въ нашей древней исторіи и сохраняются теперь въ нашемъ такъ называемомъ необразованномъ народѣ, существуетъ явное разногласіе. Разногласіе это происходитъ

могли отвѣчать этимъ посланникамъ по-Латынѣ,—за что ихъ и выставляли всегда впередъ.—Знаменитый Муретъ, сравнивая ученую Польшу съ Италіею, выражается такъ: который же изъ двухъ народовъ грубѣе? Не рожденный ли на лонѣ Италіи? у нихъ едва ли найдешь сотую часть такихъ, которые бы знали по-Латынѣ и по-Гречески, и любили бы науки. Или Поляки, у которыхъ очень много людей, владѣющихъ обоими этими языками, а къ наукамъ и къ искусствамъ они такъ привязаны, что весь вѣкъ проводятъ, занимаясь ими" (см. M. Ant. Mureti Ep. 66 ad Paulum Sacratum, ed. Kappii, p. 536).—То же говоритъ знаменитый членъ ученаго Тріумвирата, Юстъ Липсій (одинъ изъ первыхъ филологовъ того времени), въ письмѣ къ одному изъ своихъ пріятелей, жившему тогда въ Польшѣ: „Какъ же мнѣ удивляться твоимъ знаніямъ? Ты живешь между тѣми людьми, которые были нѣкогда народомъ варварскимъ; а теперь мы передъ ними варвары. Они приняли Музъ, презрѣнныхъ и изгнанныхъ изъ Греціи и Лаціума, въ свои радушныя и гостепріимныя объятія" (см. Epist. Cont. ad Germ. et Gall. ep. 63).

не отъ различія степеней образованности, но отъ совершенной ихъ разнородности. Тѣ начала умственной, общественной, нравственной и духовной жизни, которыя создали прежнюю Россію и составляютъ теперь единственную сферу ея народнаго быта, не развились въ литературное просвѣщеніе наше, но остались нетронутыми, оторванныя отъ успѣховъ нашей умственной дѣятельности,—между тѣмъ какъ мимо ихъ, безъ отношенія къ нимъ, литературное просвѣщеніе наше истекаетъ изъ чужихъ источниковъ, совершенно несходныхъ не только съ формами, но часто даже съ самыми началами нашихъ убѣжденій. Вотъ отъ чего всякое движеніе въ словесности нашей условливается не внутреннимъ движеніемъ нашей образованности, какъ на Западѣ, но случайными для нея явленіями иностранныхъ литературъ.

Можетъ быть, справедливо думаютъ тѣ, которые утверждаютъ, что мы, Русскіе, способнѣе понять Гегеля и Гете, чѣмъ Французы и Англичане; что мы полнѣе можемъ сочувствовать съ Байрономъ и Диккенсомъ, чѣмъ Французы и даже Нѣмцы; что мы лучше можемъ оцѣнить Беранже и Жоржъ-Зандъ, чѣмъ Нѣмцы и Англичане. И въ самомъ дѣлѣ, отъ чего не понять намъ, отъ чего не оцѣнить съ участіемъ самыхъ противоположныхъ явленій? Если мы оторвемся отъ народныхъ убѣжденій, то намъ не помѣшаютъ тогда никакія особенныя понятія, никакой опредѣленный образъ мыслей, никакія завѣтныя пристрастія, никакіе интересы, никакія обычныя правила. Мы свободно можемъ раздѣлять всѣ мнѣнія, усвоивать себѣ всѣ системы, сочувствовать всѣмъ интересамъ, принимать всѣ убѣжденія. Но подчиняясь вліянію литературъ иностранныхъ, мы не можемъ въ свою очередь дѣйствовать на нихъ нашими блѣдными отраженіями ихъ же явленій; мы не можемъ дѣйствовать на собственную даже литературную образованность, подчиненную прямо сильнѣйшему вліянію словесностей иностранныхъ; не можемъ дѣйствовать и на образованность народную, потому, что между ею и нами нѣтъ умственной связи, нѣтъ сочувствія, нѣтъ общаго языка.

Охотно соглашаюсь, что взглянувъ съ этой точки на литературу нашу, я выразилъ здѣсь только одну ея сторону, и это одностороннее представленіе, являясь въ такомъ рѣзкомъ видѣ, не смягченное ея другими качествами, не даетъ полнаго, настоящаго понятія о цѣломъ характерѣ нашей словесности.

Но рѣзкая, или смягченная сторона эта тѣмъ не менѣе существуетъ, и существуетъ какъ разногласіе, которое требуетъ разрѣшенія.

Какимъ же образомъ можетъ выдти литература наша изъ своего искусственнаго состоянія, получить значительность, которой она до сихъ поръ не имѣетъ, придти въ согласіе со всею совокупностью нашей образованности и явиться вмѣстѣ и выраженіемъ ея жизни и пружиною ея развитія?

Здѣсь слышатся иногда два мнѣнія, оба равно односторонніе, равно неосновательныя, оба равно невозможныя.

Нѣкоторые думаютъ, что полнѣйшее усвоеніе иноземной образованности можетъ со временемъ пересоздать всего Русскаго человѣка, какъ оно пересоздало нѣкоторыхъ пишущихъ и непишущихъ литераторовъ, и тогда вся совокупность образованности нашей придетъ въ согласіе съ характеромъ нашей литературы. По ихъ понятію, развитіе нѣкоторыхъ основныхъ началъ должно измѣнить нашъ коренной образъ мыслей, перекачить наши нравы, наши обычаи, наши убѣжденія, изгладить нашу особенность и такимъ образомъ сдѣлать насъ Европейски просвѣщенными.

Стоитъ ли опровергать такое мнѣніе?

Ложность его, кажется, очевидна безъ доказательства. Уничтожить особенность умственной жизни народной такъ же невозможно, какъ невозможно уничтожить его исторію. Замѣнить литературными понятіями коренныя убѣжденія народа такъ же легко, какъ отвлеченною мыслію перемѣнить кости развившагося организма. Впрочемъ, еслибы мы и могли допустить на минуту, что предположеніе это можетъ въ самомъ дѣлѣ исполниться, то въ такомъ случаѣ единственный результатъ его заключался бы не въ просвѣщеніи, а въ уничтоженіи самого народа. Ибо что такое народъ, если не совокупность убѣжденій, болѣе или менѣе развитыхъ въ его нравахъ, въ его обычаяхъ, въ его языкѣ, въ его понятіяхъ сердечныхъ и умственныхъ, въ его религіозныхъ, общественныхъ и личныхъ отношеніяхъ, однимъ словомъ, во всей полнотѣ его жизни? Къ тому же мысль, вмѣсто началъ нашей образованности ввести у насъ начала образованности Европейской, уже и потому уничтожаетъ сама себя, что въ конечномъ развитіи просвѣщенія Европейскаго нѣтъ начала господствующаго. Одно противорѣчитъ другому, взаимно уничтожаясь. Если остается еще въ Западной жизни

нѣсколько живыхъ истинъ, болѣе или менѣе еще уцѣлѣвшихъ среди всеобщаго разрушенія всѣхъ особенныхъ убѣжденій, то эти истины не Европейскія, ибо въ противорѣчіи со всѣми результатами Европейской образованности;—это сохранившіеся остатки Христіанскихъ началъ, которые, слѣдовательно, принадлежатъ не Западу, но болѣе намъ, принявшимъ Христіанство въ его чистѣйшемъ видѣ, хотя, можетъ быть, существованія этихъ началъ и не предполагаютъ въ нашей образованности безусловные поклонники Запада, не знающіе смысла нашего просвѣщенія и смѣшивающіе въ немъ существенное съ случайнымъ, собственное, необходимое съ посторонними искаженіями чужихъ вліяній: Татарскихъ, Польскихъ, Нѣмецкихъ и т. п.

Что же касается собственно до Европейскихъ началъ, какъ они выразились въ послѣднихъ результатахъ, то взятыя отдѣльно отъ прежней жизни Европы и положенныя въ основаніе образованности новаго народа,—что̀ произведутъ они, если не жалкую каррикатуру просвѣщенія, какъ поэма, возникшая изъ правилъ піитики, была бы каррикатурою поэзіи? Опытъ уже сдѣланъ. Казалось, какая блестящая судьба предстояла Соединеннымъ Штатамъ Америки, построеннымъ на такомъ разумномъ основаніи, послѣ такого великаго начала! И что же вышло? Развились однѣ внѣшнія формы общества и, лишенныя внутренняго источника жизни, подъ наружною механикой задавили человѣка. Литература Соединенныхъ Штатовъ, по отчетамъ самыхъ безпристрастныхъ судей, служитъ яснымъ выраженіемъ этого состоянія *). Огромная фабрика бездарныхъ стиховъ, безъ малѣйшей тѣни поэзіи; казенные эпитеты, ничего не выражающіе и не смотря на то, постоянно повторяемые; совершенное безчувствіе ко всему художественному; явное презрѣніе всякаго мышленія, не ведущаго къ матеріальнымъ выгодамъ; мелочныя личности безъ общихъ основъ; пухлыя фразы съ самымъ узкимъ смысломъ, осквернені̀е святыхъ словъ: человѣколюбія, отечества, общественнаго блага, народности, до того, что употребленіе ихъ сдѣлалось даже не ханжество, но простоій общепонятный штемпель корыстныхъ разсчетовъ; наружное уваженіе къ внѣшней сторонѣ законовъ, при самомъ нагломъ

*) Куперъ, Вашингтонъ Ирвингъ и другія отраженія словесности Англійской не могутъ служить для характеристики собственно Амсриканской.

ихъ нарушеніи; духъ сообщничества изъ личныхъ выгодъ, при некраснѣющей невѣрности соединившихся лицъ, при явномъ неуваженіи всѣхъ нравственныхъ началъ *), такъ, что въ основаніи всѣхъ этихъ умственныхъ движеній, очевидно, лежитъ самая мелкая жизнь, отрѣзанная отъ всего, что поднимаетъ сердце надъ личною корыстію, утонувшая въ дѣятельности эгоизма и признающая своею высшею цѣлью матеріальный комфортъ, со всѣми его служебными силами. Нѣтъ! Если уже суждено будетъ Русскому, за какіе-нибудь нераскаянные грѣхи, промѣнять свое великое будущее на одностороннюю жизнь Запада, то лучше хотѣлъ бы я замечтаться съ отвлеченнымъ Нѣмцемъ въ его хитросложныхъ теоріяхъ; лучше залѣниться до смерти подъ теплымъ небомъ, въ художественной атмосферѣ Италіи; лучше закружиться съ Французомъ въ его порывистыхъ, минутныхъ стремленіяхъ; лучше закаменѣть съ Англичаниномъ въ его упрямыхъ, безотчетныхъ привычкахъ, чѣмъ задохнуться въ этой прозѣ фабричныхъ отношеній, въ этомъ механизмѣ корыстнаго безпокойства.

Мы не удалились отъ своего предмета. Крайность результата, хотя и не сознанная, но логически возможная, обнаруживаетъ ложность направленія.

Другое мнѣніе, противоположное этому безотчетному поклоненію Запада и столько же одностороннее, хотя гораздо менѣе распространенное, заключается въ безотчетномъ поклоненіи прошедшимъ формамъ нашей старины, и въ той мысли, что со временемъ новоприобрѣтенное Европейское просвѣщеніе опять должно будетъ изгладиться изъ нашей умственной жизни развитіемъ нашей особенной образованности.

Оба мнѣнія равно ложны; но послѣднее имѣетъ болѣе логической связи. Оно основывается на сознаніи достоинства прежней образованности нашей, на разногласіи этой образованности съ особеннымъ характеромъ просвѣщенія Европейскаго, и наконецъ, на несостоятельности послѣднихъ результатовъ Европейскаго просвѣщенія. Можно не соглашаться съ каждымъ изъ этихъ положеній; но, разъ допустивши ихъ, нельзя упрекнуть въ логическомъ противорѣчіи мнѣнія, на нихъ основаннаго, какъ, напримѣръ, можно упрекнуть мнѣніе противоположное,

---

*) „Es finden allerdings rechtliche Zustände, ein formelles Rechtsgesetz statt, aber diese Rechtlichkeit ist ohne Rechtschaffenheit“,—говоритъ Гегель въ своей

проповѣдующее просвѣщеніе Западное и не могущее указать въ этомъ просвѣщеніи ни на какое центральное, положительное начало, но довольствующееся какими-нибудь частными истинами или отрицательными формулами.

Между тѣмъ логическая непогрѣшимость не спасаетъ мнѣнія отъ существенной односторонности; напротивъ, придаетъ ей еще болѣе очевидности. Какова бы ни была образованность наша, но прошедшія ея формы, являвшіяся въ нѣкоторыхъ обычаяхъ, пристрастіяхъ, отношеніяхъ и даже въ языкѣ нашемъ, потому именно не могли быть чистымъ и полнымъ выраженіемъ внутренняго начала народной жизни, что были ея наружными формами, слѣдовательно, результатомъ двухъ различныхъ дѣятелей: одного, выражаемаго начала, и другаго, мѣстнаго и временнаго обстоятельства. Потому всякая форма жизни, однажды прошедшая, уже болѣе невозвратима, какъ та особенность времени, которая участвовала въ ея созданіи. Возстановить эти формы то же, что воскресить мертвеца, оживить земную оболочку души, которая уже разъ отъ нея отлетѣла. Здѣсь нужно чудо; логики недостаточно; по несчастію, даже недостаточно и любви!

Къ тому же, каково бы ни было просвѣщеніе Европейское, но если однажды мы сдѣлались его участниками, то истребить его вліяніе уже внѣ нашей силы, хотя бы мы того и желали. Можно подчинить его другому, высшему, направить къ той или другой цѣли; но всегда останется оно существеннымъ, уже неизъемлемымъ элементомъ всякаго будущаго развитія нашего. Легче узнать все новое на свѣтѣ, чѣмъ забыть узнанное. Впрочемъ, еслибы мы и могли даже забывать по произволу, еслибы могли возвратиться въ ту отдѣленную особенность нашей образованности, изъ которой вышли, то какую пользу получили бы мы отъ этой новой отдѣленности? Очевидно, что рано, или поздно, мы опять пришли бы въ соприкосновеніе съ началами Европейскими, опять подверглись бы ихъ вліянію, опять должны бы были страдать отъ ихъ разногласія съ нашею образованностію, прежде, чѣмъ успѣли бы подчинить ихъ нашему началу; и такимъ образомъ, безпрестанно возвращались бы къ тому же вопросу, который занимаетъ насъ теперь.

Но кромѣ всѣхъ другихъ несообразностей этого направленія, оно имѣетъ еще и ту темную сторону, что, безусловно отвергая все Европейское, тѣмъ самымъ отрѣзываетъ насъ отъ

всякаго участія въ общемъ дѣлѣ умственнаго бытія человѣка; ибо нельзя же забывать, что просвѣщеніе Европейское наслѣдовало всѣ результаты образованности Греко-Римскаго міра, который въ свою очередь принялъ въ себя всѣ плоды умственной жизни всего человѣческаго рода. Оторванное такимъ образомъ отъ общей жизни человѣчества, начало нашей образованности, вмѣсто того, чтобы быть началомъ просвѣщенія живаго, истиннаго, полнаго, необходимо сдѣлается началомъ одностороннимъ и, слѣдовательно, утратитъ все свое общечеловѣческое значеніе.

Направленіе къ народности истинно у насъ, какъ высшая ступень образованности, а не какъ душный провинціализмъ. Потому, руководствуясь этою мыслію, можно смотрѣть на просвѣщеніе Европейское, какъ на неполное, одностороннее, не проникнутое истиннымъ смысломъ, и потому ложное; но отрицать его какъ бы не существующее, значитъ стѣснять собственное. Если Европейское, въ самомъ дѣлѣ, ложное, если дѣйствительно противорѣчитъ началу истинной образованности, то начало это, какъ истинное, должно не оставлять этого противорѣчія въ умѣ человѣка, а напротивъ, принять его въ себя, оцѣнить, поставить въ свои границы и, подчинивъ такимъ образомъ собственному превосходству, сообщить ему свой истинный смыслъ. Предполагаемая ложность этого просвѣщенія нисколько не противорѣчитъ возможности его подчиненія истинѣ. Ибо все ложное, въ основаніи своемъ, есть истинное, только поставленное на чужое мѣсто: существенно ложнаго нѣтъ, какъ нѣтъ существенности во лжи.

Такимъ образомъ, оба противоположные взгляда на отношенія коренной образованности нашей къ просвѣщенію Европейскому, оба эти крайнія мнѣнія являются равно неосновательными. Но надобно признаться, что въ этой крайности развитія, въ какой мы представили ихъ здѣсь, не существуютъ они въ дѣйствительности. Правда, мы безпрестанно встрѣчаемъ людей, которые въ образѣ мыслей своихъ уклоняются болѣе или менѣе на ту, или другую сторону, но односторонность свою они не развиваютъ до послѣднихъ результатовъ. Напротивъ, потому только и могутъ они оставаться въ своей односторонности, что не доводятъ ея до первыхъ выводовъ, гдѣ вопросъ дѣлается яснымъ, ибо изъ области безотчетныхъ пристрастій переходитъ въ сферу разумнаго сознанія, гдѣ противорѣчіе уничтожается

собственнымъ своимъ выраженіемъ. Отъ того мы думаемъ, что всѣ споры о превосходствѣ Запада, или Россіи, о достоинствѣ исторіи Европейской, или нашей, и тому подобныя разсужденія принадлежатъ къ числу самыхъ безполезныхъ, самыхъ пустыхъ вопросовъ, какіе только можетъ придумать праздно-любіе мыслящаго человѣка.

И что, въ самомъ дѣлѣ, за польза намъ отвергать, или порочить то, что̀ было, или есть добраго въ жизни Запада? Не есть ли оно, напротивъ, выраженіе нашего же начала, если наше начало истинное? Вслѣдствіе его господства надъ нами, все прекрасное, благородное, христіанское, по необходимости намъ свое, хотя бы оно было Европейское, хотя бы Африканское. Голосъ истины не слабѣетъ, но усиливается своимъ созвучіемъ со всѣмъ, что̀ является истиннаго, гдѣ бы то ни было.

Съ другой стороны, если бы поклонники Европейскаго просвѣщенія, отъ безотчетныхъ пристрастій къ тѣмъ или другимъ формамъ, къ тѣмъ или другимъ отрицательнымъ истинамъ, захотѣли возвыситься до самаго начала умственной жизни человѣка и народовъ, которое одно даетъ смыслъ и правду всѣмъ внѣшнимъ формамъ и частнымъ истинамъ; то безъ сомнѣнія должны бы были сознаться, что просвѣщеніе Запада не представляетъ этого высшаго, центральнаго, господствующаго начала, и, слѣдовательно, убѣдились бы, что вводить частныя формы этого просвѣщенія, значитъ разрушать, не созидая, и что, если въ этихъ формахъ, въ этихъ частныхъ истинахъ есть что-либо существенное, то это существенное тогда только можетъ усвоиться намъ, когда оно выростетъ изъ нашего корня, будетъ слѣдствіемъ нашего собственнаго развитія, а не тогда, какъ упадетъ къ намъ извнѣ, въ видѣ противорѣчія всему строю нашего сознательнаго и обычнаго бытія.

Это соображеніе обыкновенно выпускаютъ изъ виду даже тѣ литераторы, которые, съ добросовѣстнымъ стремленіемъ къ истинѣ, стараются отдать себѣ разумный отчетъ въ смыслѣ и цѣли своей умственной дѣятельности. Но что̀ же сказать о тѣхъ, которые дѣйствуютъ безотчетно? Которые увлекаются Западнымъ только потому, что оно не наше, ибо не знаютъ ни характера, ни смысла, ни достоинства того начала, которое лежитъ въ основаніи нашего историческаго быта, и не зная его, не заботятся узнать, легкомысленно смѣшивая въ одно

осужденіе и случайные недостатки и самую сущность нашей образованности? Что сказать о тѣхъ, которые женоподобно прельщаются наружнымъ блескомъ образованности Европейской, не вникая ни въ основаніе этой образованности, ни въ ея внутреннее значеніе, ни въ тотъ характеръ противорѣчія, несостоятельности, саморазрушенія, который, очевидно, заключается не только въ общемъ результатѣ Западной жизни, но даже и въ каждомъ ея отдѣльномъ явленіи,—очевидно, говорю я, въ томъ случаѣ, когда мы не довольствуемся внѣшнимъ понятіемъ явленія, но вникнемъ въ его полный смыслъ отъ основнаго начала до конечныхъ выводовъ.

Впрочемъ, говоря это, мы чувствуемъ между тѣмъ, что слова наши теперь еще найдутъ мало сочувствія. Ревностные поклонники и распространители Западныхъ формъ и понятій довольствуются обыкновенно столь малыми требованіями отъ просвѣщенія, что врядъ ли могутъ дойти до сознанія этого внутренняго разногласія Европейской образованности. Они думаютъ, напротивъ того, что если еще не вся масса человѣчества на Западѣ достигла послѣднихъ границъ своего возможнаго развитія, то, по крайней мѣрѣ, достигли ихъ высшіе ея представители; что всѣ существенныя задачи уже рѣшены, всѣ тайны раскладены, всѣ недоразумѣнія ясны, сомнѣнія кончены; что мысль человѣческая дошла до крайнихъ предѣловъ своего возрастанія; что теперь остается ей только распространяться въ общее признаніе, и что не осталось въ глубинѣ человѣческаго духа уже никакихъ существенныхъ, вопіющихъ, незаглушимыхъ вопросовъ, на которые не могъ бы онъ найти полнаго, удовлетворительнаго отвѣта во всеобъемлющемъ мышленіи Запада; по этой причинѣ и намъ остается только учиться, подражать и усвоивать чужое богатство.

Спорить съ такимъ мнѣніемъ, очевидно, нельзя. Пусть утѣшаются они полнотою своего знанія, гордятся истиною своего направленія, хвалятся плодами своей внѣшней дѣятельности, любуются стройностію своей внутренней жизни. Мы не нарушимъ ихъ счастливаго очарованія; они заслужили свое блаженное довольство мудрою умѣренностію своихъ умственныхъ и сердечныхъ требованій. Мы соглашаемся, что не въ силахъ переубѣдить ихъ, ибо мнѣніе ихъ крѣпко сочувствіемъ большинства, и думаемъ, что развѣ только со временемъ можетъ оно поколебаться силою собственнаго развитія. Но до тѣхъ

поръ не будемъ надѣяться, чтобы эти поклонники Европейскаго совершенства постигли то глубокое значеніе, которое скрывается въ нашей образованности.

Ибо двѣ образованности, два раскрытія умственныхъ силъ въ человѣкѣ и народахъ, представляетъ намъ безпристрастное умозрѣніе, исторія всѣхъ вѣковъ и даже ежедневный опытъ. Одна образованность есть внутреннее устроеніе духа силою извѣщающейся въ немъ истины; другая—формальное развитіе разума и внѣшнихъ познаній. Первая зависитъ отъ того начала, которому покоряется человѣкъ, и можетъ сообщаться непосредственно; вторая есть плодъ медленной и трудной работы. Первая даетъ смыслъ и значеніе второй, но вторая даетъ ей содержаніе и полноту. Для первой нѣтъ измѣняющагося развитія, есть только прямое признаніе, сохраненіе и распространеніе въ подчиненныхъ сферахъ человѣческаго духа; вторая, бывъ плодомъ вѣковыхъ, постепенныхъ усилій, опытовъ, неудачъ, успѣховъ, наблюденій, изобрѣтеній и всей преемственно богатящейся умственной собственности человѣческаго рода, не можетъ быть создана мгновенно, ни отгадана самымъ геніальнымъ вдохновеніемъ, но должна слагаться мало по малу изъ совокупныхъ усилій всѣхъ частныхъ разумѣній. Впрочемъ очевидно, что первая только имѣетъ существенное значеніе для жизни, влагая въ нее тотъ или другой смыслъ; ибо изъ ея источника истекаютъ коренныя убѣжденія человѣка и народовъ; она опредѣляетъ порядокъ ихъ внутренняго и направленіе внѣшняго бытія, характеръ ихъ частныхъ, семейныхъ и общественныхъ отношеній, является начальною пружиною ихъ мышленія, господствующимъ звукомъ ихъ душевныхъ движеній, краскою языка, причиною сознательныхъ предпочтеній и безсознательныхъ пристрастій, основою нравовъ и обычаевъ, смысломъ ихъ исторіи.

Покоряясь направленію этой высшей образованности и дополняя ее своимъ содержаніемъ, вторая образованность устрояетъ развитіе наружной стороны мысли и внѣшнихъ улучшеній жизни, сама не заключая въ себѣ никакой понудительной силы къ тому или къ другому направленію. Ибо, по сущности своей и въ отдѣленности отъ постороннихъ вліяній, она есть нѣчто среднее между добромъ и зломъ, между силою возвышенія и силою искаженія человѣка, какъ всякое внѣшнее свѣдѣніе, какъ собраніе опытовъ, какъ безпристрастное наблюденіе природы,

какъ развитіе художественной техники, какъ и самъ познающій разумъ, когда онъ дѣйствуетъ оторванно отъ другихъ способностей человѣка и развивается самодвижно, не увлекаясь низкими страстями, не озаряясь высшими помыслами, но передавая беззвучно одно отвлеченное знаніе, могущее быть одинаково употреблено на пользу и на вредъ, на служеніе правдѣ или на подкрѣпленіе лжи.

Самая безхарактерность этой внѣшней, логическо-технической образованности позволяетъ ей оставаться въ народѣ или человѣкѣ даже тогда, когда они утрачиваютъ или измѣняютъ внутреннюю основу своего бытія, свою начальную вѣру, свои коренныя убѣжденія, свой существенный характеръ, свое жизненное направленіе. Оставшаяся образованность, переживая господство высшаго начала, ею управлявшаго, поступаетъ на службу другаго, и, такимъ образомъ, невредимо переходитъ всѣ различные переломы исторіи, безпрестанно возрастая въ содержаніи своемъ до послѣдней минуты человѣческаго бытія.

Между тѣмъ въ самыя времена переломовъ, въ эти эпохи упадка человѣка или народа, когда основное начало жизни раздвояется въ умѣ его, распадается на части и теряетъ, такимъ образомъ, всю свою силу, заключающуюся преимущественно въ цѣльности бытія: тогда эта вторая образованность, разумно-внѣшняя, формальная, является единственною опорой неутвержденной мысли и господствуетъ, посредствомъ разумнаго разсчета и равновѣсія интересовъ, надъ умами внутреннихъ убѣжденій.

Исторія представляетъ намъ нѣсколько подобныхъ эпохъ перелома, раздѣленныхъ между собою тысячелѣтіями, но близко связанныхъ внутреннимъ сочувствіемъ духа, подобно тому сочувствію, какое замѣчается между мышленіемъ Гегеля и внутреннимъ основаніемъ мышленія Аристотеля.

Обыкновенно смѣшиваютъ эти двѣ образованности. Отъ того въ половинѣ 18-го вѣка могло возникнуть мнѣніе, съ начала развитое Лессингомъ и Кондорсетомъ, и потомъ сдѣлавшееся всеобщимъ,—мнѣніе о какомъ-то постоянномъ, естественномъ и необходимомъ усовершенствованіи человѣка. Оно возникло въ противоположность другому мнѣнію, утверждавшему неподвижность человѣческаго рода, съ какими-то періодическими колебаніями вверхъ и внизъ. Можетъ быть, не было мысли сбивчивѣе этихъ двухъ. Ибо, если бы въ самомъ дѣлѣ человѣческій

родъ усовершенствовался, то отъ чего же человѣкъ не дѣлается совершеннѣе? Если бы ничто въ человѣкѣ не развивалось, не возрастало, то какъ бы мы могли объяснить безспорное усовершенствованіе нѣкоторыхъ наукъ?

Одна мысль отрицаетъ въ человѣкѣ всеобщность разума, прогрессъ логическихъ выводовъ, силу памяти, возможность словеснаго взаимодѣйствія и т. п.; другая убиваетъ въ немъ свободу нравственнаго достоинства.

Но мнѣніе о неподвижности человѣческаго рода должно было уступить въ общемъ признаніи мнѣнію о необходимомъ развитіи человѣка, ибо послѣднее было слѣдствіемъ другаго заблужденія, принадлежащаго исключительно раціональному направленію послѣднихъ вѣковъ. Заблужденіе это заключается въ предположеніи, будто то живое разумѣніе духа, то внутреннее устроеніе человѣка, которое есть источникъ его путеводныхъ мыслей, сильныхъ дѣлъ, безоглядныхъ стремленій, задушевной поэзіи, крѣпкой жизни и высшаго зрѣнія ума, будто оно можетъ составляться искусственно, такъ сказать механически, изъ одного развитія логическихъ формулъ. Это мнѣніе долго было господствующимъ, покуда, наконецъ, въ наше время начало разрушаться успѣхами высшаго мышленія. Ибо логическій разумъ, отрѣзанный отъ другихъ источниковъ познаванія и не испытавшій еще до конца мѣры своего могущества, хотя и обѣщаетъ сначала человѣку создать ему внутренній образъ мыслей, сообщить не формальное, живое воззрѣніе на міръ и самого себя; но, развившись до послѣднихъ границъ своего объема, онъ самъ сознаетъ неполноту своего отрицательнаго вѣденія и уже вслѣдствіе собственнаго вывода требуетъ себѣ инаго высшаго начала, недостижимаго его отвлеченному механизму.

Таково теперь состояніе Европейскаго мышленія,—состояніе, которое опредѣляетъ отношеніе Европейскаго просвѣщенія къ кореннымъ началамъ нашей образованности. Ибо если прежній, исключительно раціональный характеръ Запада могъ дѣйствовать разрушительно на нашъ бытъ и умъ, то теперь, напротивъ того, новыя требованія Европейскаго ума и наши коренныя убѣжденія имѣютъ одинакій смыслъ. И если справедливо, что основное начало нашей Православно-Словенской образованности есть истинное (что впрочемъ доказывать здѣсь я почитаю ни нужнымъ, ни умѣстнымъ),—если справедливо, говорю я, что это верховное, живое начало нашего просвѣщенія

есть истинное: то очевидно, что какъ оно нѣкогда было источникомъ нашей древней образованности, такъ теперь должно служить необходимымъ дополненіемъ образованности Европейской, отдѣляя ее отъ ея особенныхъ направленій, очищая отъ характера исключительной раціональности и проницая новымъ смысломъ; между тѣмъ какъ образованность Европейская,—какъ зрѣлый плодъ всечеловѣческаго развитія, оторванный отъ стараго дерева,—должна служить питаніемъ для новой жизни, явиться новымъ возбудительнымъ средствомъ къ развитію нашей умственной дѣятельности.

Поэтому любовь къ образованности Европейской, равно какъ любовь къ нашей, обѣ совпадаютъ въ послѣдней точкѣ своего развитія въ одну любовь, въ одно стремленіе къ живому, полному, всечеловѣческому и истинно Христіанскому просвѣщенію.

Напротивъ того, въ недоразвитомъ состояніи своемъ являются онѣ обѣ ложными: ибо одна не умѣетъ принять чужаго, не измѣнивъ своему; другая въ тѣсныхъ объятіяхъ своихъ задушаетъ то, что хочетъ сберечь. Одна ограниченность происходитъ отъ запоздалости мышленія и отъ незнанія глубины ученія, лежащаго основаніемъ нашей образованности; другая, сознавая недостатки первой, слишкомъ запальчиво спѣшитъ стать къ ней въ прямое противорѣчіе. Но при всей ихъ односторонности нельзя не сознаться, что въ основаніи обѣихъ могутъ лежать одинаково благородныя побужденія, одинакая сила любви къ просвѣщенію и даже къ отечеству, не смотря на наружную противоположность.

Это понятіе наше о правильномъ отношеніи нашей народной образованности къ Европейской и о двухъ крайнихъ воззрѣніяхъ необходимо было намъ высказать прежде, чѣмъ мы приступимъ къ разсмотрѣнію частныхъ явленій нашей словесности.

III.

Бывъ отраженіемъ словесностей иностранныхъ, наши литературныя явленія, подобно Западнымъ, преимущественно сосредоточиваются въ журналистикѣ.

Но въ чемъ же заключается характеръ нашихъ періодическихъ изданій?

Затруднительно журналу произносить свое мнѣніе о другихъ журналахъ. Похвала можетъ казаться пристрастіемъ, порицаніе имѣетъ видъ самохвальства. Но какъ же говорить о литературѣ нашей, не разбирая того, что составляетъ ея существенный характеръ? Какъ опредѣлить настоящій смыслъ словесности, не говоря о журналахъ? Постараемся не заботиться о той наружности, какую могутъ имѣть наши сужденія.

Старѣе всѣхъ другихъ литературныхъ журналовъ осталась теперь „*Библіотека для Чтенія*." Господствующій характеръ ея есть совершенное отсутствіе всякаго опредѣленнаго образа мыслей. Она хвалитъ нынче то, что вчера порицала; выставляетъ нынче одно мнѣніе и нынче же проповѣдуетъ другое; для того же предмета имѣетъ нѣсколько противоположныхъ взглядовъ; не выражаетъ никакихъ особенныхъ правилъ, никакихъ теорій, никакой системы, никакого направленія, никакой краски, никакого убѣжденія, никакой опредѣленной основы для своихъ сужденій; и, несмотря на то, однако, постоянно произноситъ свое сужденіе обо всемъ, что является въ литературѣ или наукахъ. Это дѣлаетъ она такъ, что для каждаго особеннаго явленія сочиняетъ особливые законы, изъ которыхъ случайно исходитъ ея порицательный или одобрительный приговоръ и падаетъ—на счастливаго. По этой причинѣ дѣйствіе, которое производитъ всякое выраженіе ея мнѣнія, похоже на то, какъ бы она совсѣмъ не произносила никакого мнѣнія. Читатель понимаетъ мысль судьи отдѣльно, а предметъ, къ которому относится сужденіе, также отдѣльно ложится въ умѣ его: ибо онъ чувствуетъ, что между мыслію и предметомъ нѣтъ другаго отношенія, кромѣ того, что они встрѣтились случайно и на короткое время, и опять встрѣтившись, не узнаютъ другъ друга.

Само собою разумѣется, что это особеннаго рода безпристрастіе лишаетъ *Библіотеку для Чтенія* всякой возможности имѣть вліяніе на литературу, какъ *журналъ*, но не мѣшаетъ ей дѣйствовать, какъ *сборникъ* статей, часто весьма любопытныхъ. Въ редакторѣ ея замѣтно, кромѣ необыкновенной, многосторонней и часто удивительной учености, еще особый, рѣдкій и драгоцѣнный даръ: представлять самые трудные вопросы наукъ въ самомъ ясномъ и для всѣхъ понятномъ видѣ, и оживлять это представленіе своими, всегда оригинальными, часто остроумными замѣчаніями. Одно это качество могло бы

сдѣлать славу всякаго періодическаго изданія, не только у насъ, но даже и въ чужихъ краяхъ.

Но самая живая часть Б. д. Ч. заключается въ *библіографіи*. Ея рецензіи исполнены остроумія, веселости и оригинальности. Нельзя не смѣяться, читая ихъ. Намъ случалось видѣть авторовъ, которыхъ творенія были разобраны, и которые сами не могли удержаться отъ добродушнаго смѣха, читая приговоры своимъ сочиненіямъ. Ибо въ сужденіяхъ Библіотеки замѣтно такое совершенное отсутствіе всякаго серьезнаго мнѣнія, что самыя по наружности злыя нападенія ея получаютъ отъ того характеръ фантастически невинный, такъ сказать, добродушно сердитый. Ясно, что она смѣется не потому, чтобы предметъ былъ въ самомъ дѣлѣ смѣшонъ, а только потому, что ей хочется посмѣяться. Она переиначиваетъ слова автора по своему намѣренію, соединяетъ раздѣленныя смысломъ, раздѣляетъ соединенныя, вставляетъ, или выпускаетъ цѣлыя рѣчи, чтобы измѣнить значеніе другихъ, иногда сочиняетъ фразы совсѣмъ небывалыя въ книгѣ, изъ которой выписываетъ, и сама смѣется надъ своимъ сочиненіемъ. Читатель видитъ это, и смѣется вмѣстѣ съ нею, потому что ея шутки почти всегда остроумны и веселы, потому что онѣ невинны, потому что онѣ не стѣсняются никакимъ серьезнымъ мнѣніемъ, и потому, наконецъ, что журналъ, шутя передъ нимъ, не объявляетъ притязанія ни на какой другой успѣхъ, кромѣ чести: разсмѣшить и забавить публику.

Между тѣмъ, хотя мы съ большимъ удовольствіемъ просматриваемъ иногда эти рецензіи, хотя мы знаемъ, что шутливость эта составляетъ, вѣроятно, главнѣйшую причину успѣха журнала, однако, когда размыслимъ, какою дорогою цѣною покупается этотъ успѣхъ, какъ иногда, за удовольствіе позабавить, продается вѣрность слова, довѣренность читателя, уваженіе къ истинѣ, и т. п.,—тогда невольно приходитъ намъ въ мысли: что, если бы съ такими блестящими качествами, съ такимъ остроуміемъ, съ такою ученостію, съ такою многосторонностію ума, съ такою оригинальностію слова соединялись еще другія достоинства, напримѣръ, возвышенная мысль, твердое и не измѣняющее себѣ убѣжденіе, или хотя безпристрастіе, или хотя наружный видъ его? Какое дѣйствіе могла бы тогда имѣть Б. д. Ч., не говорю на литературу нашу, но на всю совокупность нашей образованности? Какъ легко могла бы она

посредствомъ своихъ рѣдкихъ качествъ овладѣть умами читателей, развить свое убѣжденіе сильно, распространить его широко, привлечь сочувствіе большинства, сдѣлаться судьею мнѣній, можетъ быть, проникнуть изъ литературы въ самую жизнь, связать ея различныя явленія въ одну мысль и, господствуя такимъ образомъ надъ умами, составить крѣпко сомкнутое и сильно развитое мнѣніе, могущее быть полезнымъ двигателемъ нашей образованности? Конечно, тогда она была бы менѣе забавною.

Характеръ совершенно противоположный Библіотекѣ для Чтенія" представляютъ Маякъ и Отечественныя Записки. Между тѣмъ какъ Библіотека въ цѣломъ составѣ своемъ болѣе сборникъ разнородныхъ статей, чѣмъ журналъ; а въ критикѣ своей имѣетъ цѣлію единственно забаву читателя, не выражая никакого опредѣленнаго образа мыслей; напротивъ того, „Отечественныя Записки" и Маякъ проникнуты каждый своимъ рѣзко опредѣленнымъ мнѣніемъ и выражаютъ каждый свое, одинаково рѣшительное, хотя прямо одно другому противоположное направленіе.

„Отечественныя Записки стремятся отгадать и присвоить себѣ то воззрѣніе на вещи, которое, по ихъ мнѣнію, составляетъ новѣйшее выраженіе Европейскаго просвѣщенія, и потому, часто мѣняя свой образъ мыслей, онѣ постоянно остаются вѣрными одной заботѣ: выражать собою самую модную мысль, самое новое чувство изъ литературы Западной.

„Маякъ, напротивъ того, замѣчаетъ только ту сторону Западнаго просвѣщенія, которая кажется ему вредною или безнравственною, и, чтобы вѣрнѣе избѣжать съ ней сочувствія, отвергаетъ все просвѣщеніе Европейское вполнѣ, не входя въ сомнительныя разбирательства. Отъ того одинъ хвалитъ, что другой бранитъ; одинъ восхищается тѣмъ, что въ другомъ возбуждаетъ негодованіе; даже одни и тѣ же выраженія, которыя въ словарѣ одного журнала означаютъ высшую степень достоинства, напр. *европеизмъ*, *послѣдній моментъ развитія*, *человѣческая премудрость*, и пр.,—на языкѣ другаго имѣютъ смыслъ крайняго порицанія. Отъ того, не читая одного журнала, можно знать его мнѣніе изъ другаго, понимая только всѣ слова его въ обратномъ смыслѣ.

Такимъ образомъ, въ общемъ движеніи литературы нашей односторонность одного изъ этихъ періодическихъ изданій

полезно уравновѣшивается противоположною односторонностію другаго. Взаимно уничтожая другъ друга, каждый изъ нихъ, не зная того, дополняетъ недостатки другаго, такъ, что смыслъ и значеніе, даже образъ мыслей и содержаніе одного, основываются на возможности существованія другаго. Самая полемика между ними служитъ имъ причиною неразрывной связи и составляетъ, такъ сказать, необходимое условіе ихъ мысленнаго движенія. Впрочемъ, характеръ этой полемики совершенно различенъ въ обоихъ журналахъ. Маякъ нападаетъ на Отечественныя Записки прямо, открыто и съ геройскою неутомимостію, замѣчая ихъ заблужденія, ошибки, оговорки и даже опечатки. Отечественныя Записки мало заботятся о Маякѣ, какъ журналѣ, и даже рѣдко говорятъ о немъ; но за то постоянно имѣютъ въ виду его направленіе, противъ крайности котораго стараются выставить противоположную, не менѣе запальчивую крайность. Эта борьба поддерживаетъ возможность жизни обоихъ и составляетъ ихъ главное значеніе въ литературѣ.

Это противоборство Маяка и Отеч. Записокъ почитаемъ мы явленіемъ полезнымъ въ литературѣ нашей потому, что, выражая два крайнія направленія, они, своею преувеличенностію этихъ крайностей, необходимо представляютъ ихъ нѣсколько въ каррикатурѣ, и, такимъ образомъ, невольно наводятъ мысли читателя на дорогу благоразумной умѣренности въ заблужденіяхъ. Кромѣ того, каждый журналъ въ своемъ родѣ сообщаетъ много статей любопытныхъ, дѣльныхъ и полезныхъ для распространенія нашей образованности. Ибо мы думаемъ, что образованность наша должна вмѣщать въ себѣ плоды обоихъ направленій; мы не думаемъ только, чтобы эти направленія должны были оставаться въ ихъ исключительной односторонности.

Впрочемъ, говоря о двухъ направленіяхъ, мы имѣемъ въ виду болѣе идеалы двухъ журналовъ, чѣмъ самые журналы, о которыхъ идетъ рѣчь. Ибо, къ сожалѣнію, ни Маякъ, ни Отечественныя Записки далеко не достигаютъ той цѣли, которую они себѣ предполагаютъ.

Отвергать все Западное и признавать только ту сторону нашей образованности, которая прямо противоположна Европейской, есть, конечно, направленіе одностороннее; однако, оно могло бы имѣть нѣкоторое подчиненное значеніе, если бы журналъ выражалъ его во всей чистотѣ его односторонности;

но, принимая его своею цѣлью, Маякъ смѣшиваетъ съ нимъ нѣкоторыя разнородныя, случайныя и явно произвольныя начала, которыя иногда разрушаютъ главное его значеніе. Такъ напримѣръ, полагая въ основаніе всѣхъ сужденій своихъ святыя истины нашей Православной вѣры, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ принимаетъ еще въ основаніе себѣ другія истины: положенія своей самосочиненной психологіи, и судитъ о вещахъ по тремъ критеріямъ, по четыремъ разрядамъ и по десяти стихіямъ. Такимъ образомъ, смѣшивая свои личныя мнѣнія съ общими истинами, онъ требуетъ, чтобы система его принята была за краеугольный камень національнаго мышленія. Вслѣдствіе этого же смѣшенія понятій, думаетъ оказать великую услугу словесности, уничтожая вмѣстѣ съ Отечественными Записками еще и то, что составляетъ славу нашей словесности. Такъ доказываетъ онъ, между прочимъ, что поэзія Пушкина не только ужасная, безнравственная, но что еще въ ней нѣтъ ни красоты, ни искусства, ни хорошихъ стиховъ, ни даже правильныхъ риѳмъ. Такъ, заботясь объ усовершенствованіи Русскаго языка и стараясь придать ему *мягкость*, *сладость*, *звучную прелесть*, которыя бы сдѣлали *его общелюбезнымъ языкомъ всей Европы*, самъ онъ, въ то же время, вмѣсто того, чтобы говорить языкомъ Русскимъ, употребляетъ языкъ собственнаго своего изобрѣтенія.

Вотъ почему, не смотря на многія великія истины, кой-гдѣ выражаемыя Маякомъ, и которыя, бывъ представлены въ чистомъ видѣ, должны бы были пріобрѣсть ему живое сочувствіе многихъ, мудрено, однако же, сочувствовать ему потому, что истины въ немъ перемѣшаны съ понятіями, по крайней мѣрѣ странными.

Отечественныя Записки, съ своей стороны, уничтожаютъ также собственную силу свою другимъ образомъ. Вмѣсто того, чтобы передавать намъ результаты образованности Европейской, онѣ безпрестанно увлекаются какими-нибудь частными явленіями этой образованности и, не обнявъ ее вполнѣ, думаютъ быть новыми, являясь въ самомъ дѣлѣ всегда запоздалыми. Ибо страстное стремленіе за модностью мнѣнія, страстное желаніе принять наружность льва въ кругу мышленія, само по себѣ уже доказываетъ удаленіе отъ центра моды. Это желаніе даетъ нашимъ мыслямъ, нашему языку, всей нашей наружности, тотъ характеръ неувѣренной въ себѣ рѣзкости,

тотъ покрой яркой преувеличенности, которые служатъ признакомъ нашего отчужденія именно отъ того круга, къ которому мы хотимъ принадлежать.

Arrivé de province à Paris, разсказываетъ одинъ глубокомысленный и почтенный журналъ (кажется l'Illustration или Guêpes), arrivé a Paris il voulut s'habiller à la mode du lendemain; il sut exprimer les emotions de son âme par les noeuds de sa cravatte et il abusa de l'épingle.

Конечно, О. З. берутъ мнѣнія свои изъ самыхъ новыхъ книгъ Запада; но эти книги принимаютъ онѣ отдѣльно отъ всей совокупности Западной образованности, и потому тотъ смыслъ, который имѣютъ онѣ тамъ, является у нихъ совсѣмъ въ другомъ значеніи; та мысль, которая была новою тамъ, какъ отвѣтъ на совокупность окружающихъ ее вопросовъ, бывъ оторвана отъ этихъ вопросовъ, является у насъ уже не новою, но только что преувеличенною стариною.

Такъ, въ сферѣ философіи, не представляя ни малѣйшаго слѣда тѣхъ задачъ, которыя составляютъ предметъ современнаго мышленія Запада, О. З. проповѣдуютъ системы уже устарѣвшія, но прибавляютъ къ нимъ нѣкоторые результаты новыхъ, которыя съ ними не вяжутся. Такъ, въ сферѣ исторіи онѣ приняли нѣкоторыя мнѣнія Запада, которыя явились тамъ какъ результатъ стремленія къ народности; но понявъ ихъ отдѣльно отъ ихъ источника, онѣ выводятъ изъ нихъ же отрицаніе нашей народности, потому что она несогласна съ народностями Запада, — какъ нѣкогда Нѣмцы отвергали свою народность потому, что она непохожа на Французскую. Такъ, въ сферѣ литературы замѣтили „Отечеств. Записки", что на Западѣ не безъ пользы для успѣшнаго движенія образованности были уничтожены нѣкоторые незаслуженные авторитеты, и вслѣдствіе этого замѣчанія, онѣ стремятся унизить всѣ наши извѣстности, стараясь уменьшить литературную репутацію Державина, Карамзина, Жуковскаго, Баратынскаго, Языкова, Хомякова, и на мѣсто ихъ превозносятъ И. Тургенева и Ѳ. Майкова, поставляя ихъ такимъ образомъ въ одну категорію съ Лермонтовымъ, который, вѣроятно, самъ избралъ бы себѣ не это мѣсто въ литературѣ нашей. Слѣдуя тому же началу, О. З. стараются обновить языкъ нашъ своими особенными словами и формами.

Вотъ почему мы осмѣливаемся думать, что какъ О. З., такъ и Маякъ, выражаютъ направленіе нѣсколько одностороннее и не всегда истинное.

Сѣверная Пчела болѣе политическая газета, чѣмъ литературный журналъ. Но въ неполитической части своей она выражаетъ такое же стремленіе къ нравственности, благоустройству и благочинію, какое О. З. обнаруживаютъ къ Европейской образованности. Она судитъ о вещахъ по своимъ нравственнымъ понятіямъ, довольно разнообразно передаетъ все, что ей кажется замѣчательнымъ, сообщаетъ все, что ей нравится, доноситъ обо всемъ, что ей не по сердцу, очень ревностно, но, можетъ быть, не всегда справедливо.

Мы имѣемъ нѣкоторое основаніе думать, что не всегда справедливо.

Въ Литературной Газетѣ мы не умѣли открыть никакого особеннаго направленія. Это чтеніе по преимуществу легкое, —чтеніе дессертное, немного сладкое, немного пряное, литературные конфекты, иногда немного сальные, но тѣмъ болѣе пріятные для нѣкоторыхъ невзыскательныхъ организмовъ.

Вмѣстѣ съ этими періодическими изданіями, должны мы упомянуть и о „Современникѣ", потому что онъ также литературный журналъ, хотя признаемся, что намъ не хотѣлось бы смѣшивать его имя съ другими именами. Онъ принадлежитъ совсѣмъ другому кругу читателей, имѣетъ цѣль совершенно отличную отъ другихъ изданій, и особенно не смѣшивается съ ними тономъ и способомъ своего литературнаго дѣйствованія. Сохраняя постоянно достоинство своей спокойной независимости, Современникъ не вступаетъ въ запальчивыя полемики, не позволяетъ себѣ заманивать читателей преувеличенными обѣщаніями, не забавляетъ ихъ праздность своею шутливостью, не ищетъ блеснуть мишурою чужихъ, непонятыхъ системъ, не гоняется тревожно за новостію мнѣній и не основываетъ своихъ убѣжденій на авторитетѣ моды; но свободно и твердо идетъ своей дорогой, не сгибаясь передъ наружнымъ успѣхомъ. Отъ того, со времени Пушкина до сихъ поръ, остается онъ постояннымъ вмѣстилищемъ самыхъ знаменитыхъ именъ нашей словесности; отъ того для писателей менѣе извѣстныхъ, помѣщеніе статей въ „Современникѣ" есть уже нѣкоторое право на уваженіе публики.

Между тѣмъ, направленіе „Современника" не преимущественно, но исключительно литературное. Статьи ученыя, имѣющія цѣлью развитіе науки, а не слова, не входятъ въ составъ его. Отъ того образъ его воззрѣнія на вещи находится въ нѣко-

торомъ противорѣчіи съ его названіемъ. Ибо въ наше время достоинство чисто-литературное уже далеко не составляетъ существенной стороны литературныхъ явленій. Отъ того, когда, разбирая какое-нибудь произведеніе словесности, Современникъ основываетъ свои сужденія на правилахъ риторики или піитики, то мы невольно жалѣемъ, что сила его нравственной чистоты истощается въ заботахъ его литературной чистоплотности.

Финскій Вѣстникъ только начинается, и потому мы не можемъ еще судить о его направленіи; скажемъ только, что мысль сблизить словесность Русскую съ литературами Скандинавскими, по мнѣнію нашему, принадлежитъ не только къ числу полезныхъ, но вмѣстѣ къ числу самыхъ любопытныхъ и значительныхъ нововведеній. Конечно, отдѣльное произведеніе какого-нибудь Шведскаго или Датскаго писателя не можетъ быть вполнѣ оцѣнено у насъ, если мы не сообразимъ его не только съ общимъ состояніемъ литературы его народа, но, что еще важнѣе, съ состояніемъ всего частнаго и общаго, внутренняго и внѣшняго быта этихъ малоизвѣстныхъ у насъ земель. Если же, какъ мы надѣемся, Финскій Вѣстникъ познакомитъ насъ съ любопытнѣйшими сторонами внутренней жизни Швеціи, Норвегіи и Даніи; если онъ представитъ намъ въ ясномъ видѣ многозначительные вопросы, занимающіе ихъ въ настоящую минуту; если онъ раскроетъ передъ нами всю важность тѣхъ малоизвѣстныхъ въ Европѣ умственныхъ и жизненныхъ движеній, которыя наполняютъ теперь эти государства; если онъ представитъ намъ въ ясной картинѣ удивительное, почти неимовѣрное, благосостояніе низшаго класса, особенно въ нѣкоторыхъ областяхъ этихъ государствъ; если онъ удовлетворительно объяснитъ намъ причины этого счастливаго явленія; если объяснитъ причины другаго, не менѣе важнаго обстоятельства, удивительнаго развитія нѣкоторыхъ сторонъ народной нравственности, особенно въ Швеціи и Норвегіи; если представитъ ясную картину отношеній между различными сословіями, отношеній совершенно непохожихъ на другія государства; если, наконецъ, всѣ эти важные вопросы свяжетъ съ явленіями литературными въ одну живую картину: въ такомъ случаѣ, безъ сомнѣнія, журналъ этотъ будетъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ явленій въ нашей словесности.

Другіе журналы наши имѣютъ характеръ преимущественно спеціальный, и потому мы не можемъ здѣсь говорить объ нихъ.

Между тѣмъ распространеніе періодическихъ изданій во всѣ концы государства и во всѣ круги грамотнаго общества, роль, которую они очевидно играютъ въ словесности нашей, интересъ, который они возбуждаютъ во всѣхъ классахъ читателей,—все это неоспоримо доказываетъ намъ, что самый характеръ литературной образованности нашей есть преимущественно журнальный.

Впрочемъ, смыслъ этого выраженія требуетъ нѣкоторыхъ поясненій.

Литературный журналъ не есть литературное произведеніе. Онъ только извѣщаетъ о современныхъ явленіяхъ словесности, разбираетъ ихъ, указываетъ мѣсто въ ряду другихъ, произноситъ объ нихъ свое сужденіе. Журналъ въ словесности то же, что предисловіе въ книгѣ. Слѣдовательно, перевѣсъ журналистики въ литературѣ доказываетъ, что въ современной образованности потребность *наслаждаться* и *знать*, уступаетъ потребности *судить*, — подвести свои наслажденія и знанія подъ одинъ обзоръ, отдать себѣ отчетъ, имѣть *мнѣніе*. Господство журналистики въ области литературы то же, что господство философскихъ сочиненій въ области наукъ.

Но если развитіе журналистики у насъ основывается на стремленіи самой образованности нашей къ разумному отчету, къ выраженному, формулированному мнѣнію о предметахъ наукъ и литературы, то, съ другой стороны, неопредѣленный, сбивчивый, односторонній и вмѣстѣ самъ себѣ противорѣчащій характеръ нашихъ журналовъ доказываетъ, что литературныя мнѣнія у насъ еще не составились; что въ движеніяхъ образованности нашей болѣе *потребность* мнѣній, чѣмъ самыя мнѣнія; болѣе чувство необходимости ихъ *вообще*, чѣмъ опредѣленная наклонность къ тому или другому направленію.

Впрочемъ, могло ли и быть иначе? Соображая общій характеръ нашей словесности, кажется, что въ литературной образованности нашей нѣтъ элементовъ для составленія общаго опредѣленнаго мнѣнія, нѣтъ силъ для образованія цѣльнаго, сознательно развитаго направленія, и не можетъ быть ихъ, покуда господствующая краска нашихъ мыслей будетъ случайнымъ оттѣнкомъ чужеземныхъ убѣжденій. Безъ сомнѣнія, возможны и даже дѣйствительно безпрестанно встрѣчаются

люди, выдающіе какую-нибудь частную мысль, ими отрывчато-понятую, за свое опредѣленное *мнѣніе*, — люди, называющіе свои книжныя понятія именемъ *убѣжденій*; но эти мысли, эти понятія, похожи болѣе на школьное упражненіе въ логикѣ и философіи; — это мнѣніе мнимое; одна наружная одежда мыслей; модное платье, въ которое нѣкоторые умные люди наряжаютъ свой умъ, когда выносятъ его въ салоны, или — юношескія мечты, разлетающіяся при первомъ напорѣ жизни дѣйствительной. Мы не то разумѣемъ подъ словомъ убѣжденіе.

Было время, и не очень давно, когда для мыслящаго человѣка возможно было составить себѣ твердый и опредѣленный образъ мыслей, обнимающій вмѣстѣ и жизнь, и умъ, и вкусъ, и привычки жизни, и литературныя пристрастія; — можно было составить себѣ опредѣленное мнѣніе единственно изъ сочувствія съ явленіями иностранныхъ словесностей: были полныя, цѣлыя, доконченныя системы. Теперь ихъ нѣтъ; по крайней мѣрѣ, нѣтъ общепринятыхъ, безусловно господствующихъ. Чтобы построить изъ противорѣчащихъ мыслей свое полное воззрѣніе, надобно выбирать, составлять самому, искать, сомнѣваться, восходить до самаго источника, изъ котораго истекаетъ убѣжденіе, то-есть, или навсегда остаться съ колеблющимися мыслями, или напередъ принести съ собою уже готовое, не изъ литературы почерпнутое убѣжденіе. *Составить* убѣжденіе изъ различныхъ системъ — нельзя, какъ вообще нельзя *составить* ничего живаго. Живое рождается только изъ жизни.

Теперь уже не можетъ быть ни Вольтеріянцевъ, ни Жанъ-Жакистовъ, ни Жанъ-Павлистовъ, ни Шеллингіянцевъ, ни Байронистовъ, ни Гетистовъ, ни Доктринеровъ, ни исключительныхъ Гегеліянцевъ (выключая можетъ быть такихъ, которые, иногда и не читавши Гегеля, выдаютъ подъ его именемъ свои личныя догадки); теперь каждый долженъ составлять себѣ свой собственный образъ мыслей, и слѣдовательно, если не возметъ его изъ всей совокупности жизни, то всегда останется при однѣхъ книжныхъ фразахъ.

По этой причинѣ, литература наша могла имѣть полный смыслъ до конца жизни Пушкина, и не имѣетъ теперь никакого опредѣленнаго значенія.

Мы думаемъ однако, что такое состояніе ея продолжиться не можетъ. Вслѣдствіе естественныхъ, необходимыхъ законовъ

человѣческаго разума, пустота безмыслія должна когда-нибудь наполниться смысломъ.

И въ самомъ дѣлѣ, съ нѣкотораго времени, въ одномъ уголкѣ литературы нашей, начинается уже важное измѣненіе, хотя еще едва замѣтное по нѣкоторымъ особымъ оттѣнкамъ словесности,—измѣненіе, не столько выражающееся въ произведеніяхъ словесности, сколько обнаруживающееся въ состояніи самой образованности нашей вообще, и обѣщающее переобразовать характеръ нашей подражательной подчиненности въ своеобразное развитіе внутреннихъ началъ нашей собственной жизни. Читатели догадываются, конечно, что я говорю о томъ Славяно-христіанскомъ направленіи, которое, съ одной стороны подвергается нѣкоторымъ, можетъ быть, преувеличеннымъ пристрастіямъ, а съ другой, преслѣдуется странными, отчаянными нападеніями, насмѣшками, клеветами; но во всякомъ случаѣ достойно вниманія, какъ такое событіе, которому, по всей вѣроятности, предназначено занять не послѣднее мѣсто въ судьбѣ нашего просвѣщенія.

Мы постараемся обозначить его со всевозможнымъ безпристрастіемъ, собирая въ одно цѣлое его отдѣльные признаки, тутъ и тамъ разбросанные, и еще болѣе замѣтные въ мыслящей публикѣ, чѣмъ въ книжной литературѣ.

О характерѣ просвѣщенія Европы и о его отношеніи къ просвѣщенію Россіи.

(Письмо къ гр. Е. Е. Комаровскому).

(1852).

Въ послѣднее свиданіе наше, мы много бесѣдовали съ вами о характерѣ просвѣщенія Европейскаго и объ его отличіяхъ отъ характера того просвѣщенія Россіи, которое принадлежало ей въ древнія времена, и котораго слѣды, до сихъ поръ еще, не только замѣчаются въ нравахъ, обычаяхъ и образѣ мыслей простаго народа, но проникаютъ, такъ сказать, всю душу, весь складъ ума, весь, если можно такъ выразиться, внутренній составъ Русскаго человѣка, не переработаннаго еще Западнымъ воспитаніемъ. Вы требовали отъ меня, чтобы я изложилъ мои мысли объ этомъ предметѣ на бумагѣ. Но тогда я не могъ исполнить вашего желанія. Теперь же, когда я долженъ писать о томъ же предметѣ статью для Московскаго Сборника, я прошу позволенія дать этой статьѣ форму письма къ вамъ: мысль, что я разговариваю съ вами, согрѣетъ и оживитъ мои кабинетныя размышленія.

Конечно, мало вопросовъ, которые въ настоящее время были бы важнѣе этого вопроса—объ отношеніи Русскаго просвѣщенія къ Западному. Отъ того, какъ онъ разрѣшается въ умахъ нашихъ, зависитъ не только господствующее направленіе нашей литературы, но, можетъ быть, и направленіе всей нашей умственной дѣятельности, и смыслъ нашей частной жизни, и характеръ общежительныхъ отношеній. Однакоже, еще не очень давно то время, когда этотъ вопросъ былъ почти невозможенъ, или, что все равно, разрѣшался такъ легко, что не стоило труда его предлагать. Общее мнѣніе было таково, что различіе между просвѣщеніемъ Европы и Россіи существуетъ только

въ степени, а не въ характерѣ, и еще менѣе въ духѣ или основныхъ началахъ образованности.—У насъ (говорили тогда) было прежде только варварство: образованность наша начинается съ тоій минуты, какъ мы начали подражать Европѣ, безконечно опередившей насъ въ умственномъ развитіи. Тамъ науки процвѣтали, когда у насъ ихъ еще не было; тамъ онѣ созрѣли, когда у насъ только начинаютъ распускаться. Отъ того тамъ учители, мы ученики; впрочемъ,—прибавляли обыкновенно съ самодовольствомъ,—ученики довольно смышленые, которые такъ быстро перенимаютъ, что скоро, вѣроятно, обгонятъ своихъ учителей.

„Кто бы могъ подумать, братцы,—говорилъ Петръ въ 1714 году, въ Ригѣ, осушая стаканъ на новоспущенномъ кораблѣ,—кто бы могъ думать тому 30 лѣтъ, что вы, Русскіе, будете со мною здѣсь, на Балтійскомъ морѣ строить корабли и пировать въ Нѣмецкихъ платьяхъ?—Историки,—прибавилъ онъ,—полагаютъ древнее сѣдалище наукъ въ Греціи; оттуда перешли онѣ въ Италію и распространились по всѣмъ землямъ Европы. Но невѣжество *) нашихъ предковъ помѣшало имъ проникнуть далѣе Польши, хотя и Поляки находились прежде въ такомъ же мракѣ, въ какомъ сперва были и всѣ Нѣмцы и въ какомъ мы живемъ до сихъ поръ, и только благодаря безконечнымъ усиліямъ своихъ правителей, могли они, наконецъ, открыть глаза и усвоить себѣ Европейское знаніе, искусства и образъ жизни. Это движеніе наукъ на землѣ сравниваю я съ обращеніемъ крови въ человѣкѣ: и мнѣ сдается, что онѣ опять когда нибудь покинутъ свое мѣстопребываніе въ Англіи, Франціи и Германіи, и перейдутъ къ намъ на нѣсколько столѣтій, чтобы потомъ снова возвратиться на свою родину, въ Грецію“.

Эти слова объясняютъ увлеченіе, съ которымъ дѣйствовалъ Петръ, и во многомъ оправдываютъ его крайности. Любовь къ просвѣщенію была его страстью. Въ немъ одномъ видѣлъ онъ спасеніе для Россіи; а источникъ его видѣлъ въ одной Европѣ. Но его убѣжденіе пережило его цѣлымъ столѣтіемъ въ образованномъ, или, правильнѣе, въ переобразованномъ имъ классѣ его народа; и тому 30 лѣтъ едва ли можно было встрѣтить мыслящаго человѣка, который бы постигалъ возможность

---

*) Петръ употребилъ слово: die Unart.

другаго просвѣщенія, кромѣ заимствованнаго отъ Западной Европы.

Между тѣмъ, съ тѣхъ поръ въ просвѣщеніи Западно-Европейскомъ и въ просвѣщеніи Европейско-Русскомъ произошла перемѣна.

Европейское просвѣщеніе, во второй половинѣ 19-го вѣка, достигло той полноты развитія, гдѣ его особенное значеніе выразилось съ очевидною ясностію для умовъ, хотя нѣсколько наблюдательныхъ. Но результатъ этой полноты развитія, этой ясности итоговъ, былъ почти всеобщее чувство недовольства и обманутой надежды. Не потому Западное просвѣщеніе оказалось неудовлетворительнымъ, чтобы науки на Западѣ утратили свою жизненность; напротивъ, онѣ процвѣтали, повидимому, еще болѣе, чѣмъ когда нибудь; не потому, чтобы та или другая форма внѣшней жизни тяготѣла надъ отношеніями людей или препятствовала развитію ихъ господствующаго направленія; напротивъ, борьба съ внѣшнимъ препятствіемъ могла бы только укрѣпить пристрастіе къ любимому направленію, и никогда, кажется, внѣшняя жизнь не устроивалась послушнѣе и согласнѣе съ ихъ умственными требованіями. Но чувство недовольства и безотрадной пустоты легло на сердце людей, которыхъ мысль не ограничивалась тѣснымъ кругомъ минутныхъ интересовъ, именно потому, что самое торжество ума Европейскаго обнаружило односторонность его коренныхъ стремленій; потому что, при всемъ богатствѣ, при всей, можно сказать, громадности частныхъ открытій и успѣховъ въ наукахъ, общій выводъ изъ всей совокупности знанія представилъ только отрицательное значеніе для внутренняго сознанія человѣка; потому что, при всемъ блескѣ, при всѣхъ удобствахъ наружныхъ усовершенствованій жизни, самая жизнь лишена была своего существеннаго смысла: ибо, не проникнутая никакимъ общимъ, сильнымъ убѣжденіемъ, она не могла быть ни украшена высокою надеждою, ни согрѣта глубокимъ сочувствіемъ. Многовѣковой холодный анализъ разрушилъ всѣ тѣ основы, на которыхъ стояло Европейское просвѣщеніе отъ самаго начала своего развитія; такъ, что собственныя его коренныя начала, изъ которыхъ оно выросло, сдѣлались для него посторонними, чужими, противорѣчащими его послѣднимъ результатамъ; между тѣмъ какъ прямою собственностію его оказался этотъ самый разрушившій его корни анализъ, этотъ самодвижущійся ножъ ра-

зума, этотъ отвлеченный силлогизмъ, не признающій ничего, кромѣ себя и личнаго опыта, этотъ самовластвующій разсудокъ, или, какъ вѣрнѣе назвать, эту логическую дѣятельность, отрѣшенную отъ всѣхъ другихъ познавательныхъ силъ человѣка, кромѣ самыхъ грубыхъ, самыхъ первыхъ чувственныхъ данныхъ, и на нихъ однихъ созидающую свои воздушныя, діалектическія построенія.

Впрочемъ, надобно вспомнить, что чувство недовольства и безнадежности не вдругъ обнаружилось въ Западномъ человѣкѣ при первомъ явномъ торжествѣ его разрушительной разсудочности. Опрокинувъ свои вѣковыя убѣжденія, онъ тѣмъ болѣе надѣялся на всемогущество своего отвлеченнаго разума, чѣмъ огромнѣе, чѣмъ крѣпче, чѣмъ объемлющѣе были эти убѣжденія, имъ разрушенныя. Въ первую минуту успѣха, его радость не только не была смѣшана съ сожалѣніемъ, но, напротивъ, упоеніе его самонадѣянности доходило до какой-то поэтической восторженности. Онъ вѣрилъ, что собственнымъ отвлеченнымъ умомъ можетъ сейчасъ же создать себѣ новую разумную жизнь и устроить небесное блаженство на переобразованной имъ землѣ. Страшные, кровавые опыты не пугали его; огромныя неудачи не охлаждали его надежды; частныя страданія налагали только вѣнецъ мученичества на его ослѣпленную голову; можетъ быть, цѣлая вѣчность неудачныхъ попытокъ могла бы только утомить, но не могла бы разочаровать его самоувѣренности, еслибы тотъ же самый отвлеченный разумъ, на который онъ надѣялся, силою собственнаго развитія не дошелъ до сознанія своей ограниченной односторонности.

Этотъ послѣдній результатъ Европейской образованности, правда еще далеко не сдѣлавшійся всеобщимъ, но, очевидно, начинающій уже господствовать въ передовыхъ мыслителяхъ Запада, принадлежитъ новѣйшей и, вѣроятно, уже окончательной эпохѣ отвлеченно-философскаго мышленія. Но мнѣнія философскія недолго остаются достояніемъ ученыхъ каѳедръ. Что́ нынче выводъ кабинетнаго мышленія, то́ завтра будетъ убѣжденіемъ массъ; ибо для человѣка, оторваннаго отъ всѣхъ другихъ вѣрованій, кромѣ вѣры въ раціональную науку, и не признающаго другаго источника истины, кромѣ выводовъ собственнаго разума, судьба философіи дѣлается судьбою всей умственной жизни. Въ ней не только сходятся всѣ науки и всѣ житейскія отношенія, и связываются въ одинъ узелъ обща-

го сознанія; но изъ этого узла, изъ этого общаго сознанія, снова исходятъ правительственныя нити во всѣ науки и во всѣ житейскія отношенія, даютъ имъ смыслъ и связь, и образовываютъ ихъ по своему направленію. Отъ того нерѣдко видѣли мы, какъ въ какомъ нибудь уголкѣ Европы созрѣваетъ едва замѣченная мысль въ головѣ какого нибудь труженика науки, котораго и лицо едва замѣтно толпѣ, его окружающей, и черезъ двадцать лѣтъ, эта незамѣтная мысль этого незамѣтнаго лица управляетъ умами и волею этой же самой толпы, являясь передъ ней въ какомъ нибудь яркомъ историческомъ событіи. Не потому, чтобы въ самомъ дѣлѣ какой нибудь кабинетный мыслитель изъ своего дымнаго угла могъ по своему произволу управлять исторіей; но потому, что исторія, проходя черезъ его систему, развивается до своего самосознанія. Онъ только замѣчаетъ и сводитъ въ одинъ общій итогъ совокупность господствующихъ результатовъ, и всякій произволъ въ движеніи его мысли отнимаетъ у нея всю силу надъ дѣйствительностію; ибо только та система дѣлается господствующею, которая сама есть необходимый выводъ изъ господствовавшихъ до нея убѣжденій. Такъ въ организмѣ народовъ, основывающихъ свои убѣжденія единственно на своихъ личныхъ разумѣніяхъ, голова философа является какъ необходимый естественный органъ, черезъ который проходитъ все кругообращеніе жизненныхъ силъ, отъ внѣшнихъ событій возвышаясь до внутренняго сознанія и отъ внутренняго сознанія снова возвращаясь въ сферу очевидной исторической дѣятельности. Посему можно сказать, что не мыслители Западные убѣдились въ односторонности логическаго разума, но самъ логическій разумъ Европы, достигнувъ высшей степени своего развитія, дошелъ до сознанія своей ограниченности и, уяснивъ себѣ законы собственной дѣятельности, убѣдился, что весь объемъ его самодвижной силы не простирается далѣе отрицательной стороны человѣческаго знанія; что его умозрительное сцѣпливаніе выводныхъ понятій требуетъ основаній, почерпнутыхъ изъ другихъ источниковъ познаванія; что высшія истины ума, его живыя зрѣнія, его существенныя убѣжденія, всѣ лежатъ внѣ отвлеченнаго круга его діалектическаго процесса, и хотя не противорѣчатъ его законамъ, однакоже и не выводятся изъ нихъ, и даже не досягаются его дѣятельностію, когда она оторвана отъ своей исконной совокупности съ общею дѣятельностію другихъ силъ человѣческаго духа.

Такъ Западный человѣкъ, исключительнымъ развитіемъ своего отвлеченнаго разума утративъ вѣру во всѣ убѣжденія, не изъ одного отвлеченнаго разума исходящія, вслѣдствіе развитія этого разума потерялъ и послѣднюю вѣру свою въ его всемогущество. Такимъ образомъ былъ онъ принужденъ, или довольствоваться состояніемъ полускотскаго равнодушія ко всему, что выше чувственныхъ интересовъ и торговыхъ разсчетовъ (такъ сдѣлали многіе; но многіе не могли, ибо еще сохранившимися остатками прежней жизни Европы были развиты иначе), или долженъ былъ опять возвратиться къ тѣмъ отвергнутымъ убѣжденіямъ, которыя одушевляли Западъ прежде конечнаго развитія отвлеченнаго разума;—такъ сдѣлали нѣкоторые; но другіе не могли потому, что убѣжденія эти, какъ они образовались въ историческомъ развитіи Западной Европы, были уже проникнуты разлагающимъ дѣйствіемъ отвлеченнаго разума, и потому изъ первобытной сферы своей, изъ самостоятельной полноты и независимости, перешли на степень разумной системы, и отъ того являлись сознанію человѣка Западнаго какъ односторонность разума, вмѣсто того, чтобы быть его высшимъ, живительнымъ началомъ.

Что же оставалось дѣлать для мыслящей Европы? Возвратиться еще далѣе назадъ, къ той первоначальной чистотѣ этихъ основныхъ убѣжденій, въ какой они находились прежде вліянія на нихъ Западно-Европейской разсудочности? Возвратиться къ этимъ началамъ, какъ они были прежде самаго начала Западнаго развитія? Это было бы дѣломъ почти невозможнымъ для умовъ, окруженныхъ и проникнутыхъ всѣми обольщеніями и предразсудками Западной образованности. Вотъ, можетъ быть, почему большая часть мыслителей Европейскихъ, не въ силахъ будучи вынести ни жизни тѣсно эгоистической, ограниченной чувственными цѣлями и личными соображеніями, ни жизни односторонно умственной, прямо противорѣчащей полнотѣ ихъ умственнаго сознанія, чтобы не оставаться совсѣмъ безъ убѣжденій и не предаться убѣжденіямъ завѣдомо неистиннымъ,—обратились къ тому избѣгу, что каждый началъ въ своей головѣ изобрѣтать для всего міра новыя общія начала жизни и истины, отыскивая ихъ въ личной игрѣ своихъ мечтательныхъ соображеній, мѣшая новое съ старымъ, невозможное съ возможнымъ, отдаваясь безусловно самымъ неограниченнымъ надеждамъ, и каждый противорѣча

другому и каждый требуя общаго признанія другихъ. Всѣ сдѣлались Колумбами, всѣ пустились открывать новыя Америки внутри своего ума, отыскивать другое полушаріе земли по безграничному морю невозможныхъ надеждъ, личныхъ предположеній и строго силлогистическихъ выводовъ.

Такое состояніе умовъ въ Европѣ имѣло на Россію дѣйствіе противное тому, какое оно въ послѣдствіи произвело на Западъ. Только немногіе, можетъ быть, и то развѣ на минуту, могли увлечься наружнымъ блескомъ этихъ безразсудныхъ системъ, обмануться искусственнымъ благообразіемъ ихъ гнилой красоты; но большая часть людей, слѣдившихъ за явленіями Западной мысли, убѣдившись въ неудовлетворительности Европейской образованности, обратили вниманіе свое на тѣ особенныя начала просвѣщенія, неоцѣненныя Европейскимъ умомъ, которыми прежде жила Россія и которыя теперь еще замѣчаются въ ней помимо Европейскаго вліянія.

Тогда начались живыя историческія розысканія, сличенія, изданія. Особенно благодѣтельны были въ этомъ случаѣ дѣйствія нашего правительства, открывшаго въ глуши монастырей, въ пыли забытыхъ архивовъ, и издавшаго въ свѣтъ столько драгоцѣнныхъ памятниковъ старины. Тогда Русскіе ученые, можетъ быть въ первый разъ послѣ полутораста лѣтъ, обратили безпристрастный, испытующій взоръ внутрь себя и своего отечества, и, изучая въ немъ новые для нихъ элементы умственной жизни, поражены были страннымъ явленіемъ: они съ изумленіемъ увидѣли, что почти во всемъ, что касается до Россіи, ея исторіи, ея народа, ея вѣры, ея коренныхъ основъ просвѣщенія, и явныхъ, еще теплыхъ слѣдовъ этого просвѣщенія на прежней Русской жизни, на характерѣ и умѣ народа,—почти во всемъ, говорю я,—они были до сихъ поръ обмануты; не потому, чтобы кто нибудь съ намѣреніемъ хотѣлъ обмануть ихъ, но потому, что безусловное пристрастіе къ Западной образованности и безотчетное предубѣжденіе противъ Русскаго варварства, заслоняли отъ нихъ разумѣніе Россіи. Можетъ быть, и они сами прежде, подъ вліяніемъ тѣхъ же предразсудковъ, содѣйствовали къ распространенію того же ослѣпленія. Но обаяніе было такъ велико, что скрывало отъ нихъ самые явные предметы, стоявшіе, такъ сказать, предъ ихъ глазами; за то и пробужденіе совершается такъ быстро, что удивляетъ своею неожиданностію. Ежедневно видимъ мы людей, раздѣ-

лявшихъ Западное направленіе, и нерѣдко между ними людей, принадлежащихъ къ числу самыхъ просвѣщенныхъ умовъ и самыхъ твердыхъ характеровъ, которые совершенно перемѣняютъ свой образъ мыслей единственно отъ того, что безпристрастно и глубоко обращаютъ свое вниманіе внутрь себя и своего отечества, изучая въ немъ—тѣ основныя начала, изъ которыхъ сложилась особенность Русскаго быта; въ себѣ—открывая тѣ существенныя стороны духа, которыя не находили себѣ ни мѣста, ни пищи, въ Западномъ развитіи ума.

Впрочемъ, понять и выразить эти основныя начала, изъ которыхъ сложилась особенность Русскаго быта, не такъ легко, какъ, можетъ быть, думаютъ нѣкоторые. Ибо коренныя начала просвѣщенія Россіи не раскрылись въ ея жизни до той очевидности, до какой развились начала Западнаго просвѣщенія въ его исторіи. Чтобы ихъ найти, надобно искать; они не бросаются сами въ глаза, какъ бросается образованность Европейская. Европа высказалась вполнѣ. Въ девятнадцатомъ вѣкѣ она, можно сказать, докончила кругъ своего развитія, начавшійся въ девятомъ. Россія, хотя въ первые вѣка своей исторической жизни была образована не менѣе Запада, однакоже, вслѣдствіе постороннихъ и, повидимому, случайныхъ препятствій, была постоянно останавливаема на пути своего просвѣщенія, такъ, что для настоящаго времени могла она сберечь не полное и досказанное его выраженіе, но только одни, такъ сказать, намеки на его истинный смыслъ, одни его первыя начала и ихъ первые слѣды на умѣ и жизни Русскаго человѣка.

Въ чемъ же заключаются эти начала просвѣщенія Русскаго? Что представляютъ они особеннаго отъ тѣхъ началъ, изъ которыхъ развилось просвѣщеніе Западное? и возможно ли ихъ дальнѣйшее развитіе? и если возможно, то что̀ обѣщаютъ они для умственной жизни Россіи? что могутъ принести для умственной жизни Европы?—Ибо, послѣ совершившагося сопрникновенія Россіи и Европы, уже невозможно предполагать ни развитія умственной жизни въ Россіи безъ отношенія къ Европѣ, ни развитія умственной жизни въ Европѣ безъ отношенія къ Россіи.

Начала просвѣщенія Русскаго совершенно отличны отъ тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ составилось просвѣщеніе народовъ Европейскихъ. Конечно, каждый изъ народовъ Европы имѣетъ

въ характерѣ своей образованности нѣчто особое; но эти частныя, племенныя и государственныя или историческія особенности не мѣшаютъ имъ всѣмъ составлять вмѣстѣ то духовное единство, куда каждая особая часть входитъ какъ живой членъ въ одно личное тѣло. Отъ того, посреди всѣхъ историческихъ случайностей, они развивались всегда въ тѣсномъ и сочувственномъ соотношеніи. Россія, отдѣлившись духомъ отъ Европы, жила и жизнію отдѣльною отъ нея. Англичанинъ, Французъ, Итальянецъ, Нѣмецъ, никогда не переставалъ быть Европейцемъ, всегда сохраняя притомъ свою національную особенность. Русскому человѣку, напротивъ того, надобно было почти уничтожить свою народную личность, чтобы сродниться съ образованностью Западною; ибо и наружный видъ, и внутренній складъ ума, взаимно другъ друга объясняющіе и поддерживающіе, были въ немъ слѣдствіемъ совсѣмъ другой жизни, проистекающей совсѣмъ изъ другихъ источниковъ.

Кромѣ разностей племенныхъ, еще три историческія особенности дали отличительный характеръ всему развитію просвѣщенія на Западѣ: особая форма, черезъ которую проникало въ него Христіанство, особый видъ, въ которомъ перешла къ нему образованность древнеклассическаго міра, и наконецъ, особые элементы, изъ которыхъ сложилась въ немъ государственность.

Христіанство было душою умственной жизни народовъ на Западѣ, также какъ и въ Россіи. Но въ Западную Европу проникало оно единственно черезъ Церковь Римскую.

Конечно, каждый патріархатъ, каждое племя, каждая страна въ Христіанскомъ мірѣ, не переставали сохранять свою личную особенность, участвуя притомъ въ общемъ единствѣ всей Церкви. Каждый народъ, вслѣдствіе мѣстныхъ, племенныхъ или историческихъ случайностей развившій въ себѣ преимущественно одну какую нибудь сторону умственной дѣятельности, естественно долженъ былъ и въ духовной жизни своей, и въ писаніяхъ своихъ богослововъ, удерживать тотъ же свой особенный характеръ, свою, такъ сказать, природную физіономію, только просвѣтленную высшимъ сознаніемъ. Такъ богословскіе писатели Сирійскихъ странъ обращали, кажется, преимущественное вниманіе на внутреннюю, созерцательную жизнь человѣка, отрѣшеннаго отъ міра. Римскіе богословы занимались особенно стороною практической дѣятель-

ности и логической связи понятій. Духовные писатели просвѣщенной Византіи болѣе другихъ, кажется, имѣли въ виду отношеніе Христіанства къ частнымъ наукамъ, вокругъ него процвѣтавшимъ, и сперва враждовавшимъ съ нимъ, а потомъ покорившимся ему. Богословы Александрійскіе, находясь въ двоякой борьбѣ: съ язычествомъ и Іудействомъ, окруженные философскими, теозофскими и гностическими школами, по-преимуществу обращали вниманіе на умозрительную сторону Христіанскаго ученія. Различные пути вели къ одной общей цѣли, покуда стремящіеся по нимъ не уклонялись отъ общей цѣли. Вездѣ бывали частныя ереси, которыя всегда имѣли близкое отношеніе къ господствующему направленію народовъ, гдѣ онѣ возникали; но онѣ уничтожались единомыслiемъ Церкви Вселенской, соединявшей всѣ частныя Церкви въ одно святое согласіе. Бывали времена, когда опасность уклоненія угрожала и цѣлымъ патріархатамъ, когда ученіе, несогласное съ ученіемъ Вселенской Церкви, согласовалось однакоже съ господствующимъ направленіемъ и умственною особенностію народовъ, частную Церковь составлявшихъ; но въ эти времена испытанія, когда для частной Церкви предстоялъ рѣшительный выборъ: или отторгнуться отъ Церкви Вселенской, или пожертвовать своимъ частнымъ мнѣніемъ, Господь спасалъ Свои Церкви единодушіемъ всего Православнаго міра. Особенность каждой частной Церкви тогда только могла бы увлечь ее въ расколъ, когда бы она отдѣлилась отъ преданія и общенія съ другими Церквами; но, оставаясь вѣрною общему преданію и общему согласію любви, каждая частная Церковь, особымъ характеромъ своей духовной дѣятельности, только увеличивала общее богатство и полноту духовной жизни всего Христіанства. Такъ и Римская Церковь имѣла свою, такъ сказать, законную особенность, прежде чѣмъ отдѣлилась отъ Церкви Вселенской; но, отдѣлившись отъ нея, она естественно должна была эту частную свою особенность обратить въ исключительную форму, черезъ которую одну Христіанское ученіе могло проникать въ умы народовъ, ей подчиненныхъ.

Образованность древняго до-Христіанскаго міра, — второй элементъ, изъ котораго развилось просвѣщеніе Европы,— была извѣстна Западу до половины 15-го вѣка почти исключительно въ томъ особенномъ видѣ, какой она приняла въ жизни древняго языческаго Рима; но другая сторона ея, обра-

зованность Греческая и Азіатская, въ чистомъ видѣ своемъ почти не проникала въ Европу до самаго почти покоренія Константинополя. Между тѣмъ Римъ, какъ извѣстно, далеко не былъ представителемъ всего языческаго просвѣщенія: ему принадлежало только господство матеріяльное надъ міромъ, между тѣмъ какъ умственное господство надъ нимъ принадлежало и языку и образованности Греческой. Потому, всю опытность человѣческаго ума, все достояніе его, которое онъ добылъ себѣ въ продолженіе шеститысячелѣтнихъ усилій, принимать единственно въ той формѣ, какую оно получило въ образованности Римской, — значило принимать его въ видѣ совершенно одностороннемъ, и неминуемо подвергаться опасности — сообщить эту односторонность и характеру собственной своей образованности. Такъ дѣйствительно и совершилось съ Европою. Когда же, въ 15-мъ вѣкѣ, Греческіе изгнанники перешли на Западъ съ своими драгоцѣнными рукописями, то было уже поздно. Образованность Европы, правда, оживилась; но смыслъ ея остался тотъ же: складъ ума и жизни былъ уже заложенъ. Греческая наука расширила кругъ знанія и вкуса, разбудила мысли, дала умамъ полетъ и движеніе; но господствующаго направленія духа уже измѣнить не могла.

Наконецъ, третій элементъ просвѣщенія, образованность общественная, представляетъ ту особенность на Западѣ, что почти ни въ одномъ изъ народовъ Европы государственность не произошла изъ спокойнаго развитія національной жизни и національнаго самосознанія, гдѣ господствующія, религіозныя и общественныя понятія людей, воплощаясь въ бытовыхъ отношеніяхъ, естественно выростаютъ и крѣпнутъ и связываются въ одно общее единомысліе, правильно отражающееся въ стройной цѣльности общественнаго организма. Напротивъ, общественный бытъ Европы, по какой-то странной исторической случайности, почти вездѣ возникъ насильственно, изъ борьбы на смерть двухъ враждебныхъ племенъ: изъ угнетенія завоевателей, изъ противодѣйствія завоеванныхъ, и наконецъ изъ тѣхъ случайныхъ условій, которыми наружно кончались споры враждующихъ, несоразмѣрныхъ силъ.

Эти три элемента Запада: Римская Церковь, древне - Римская образованность и возникшая изъ насилій завоеванія государственность, были совершенно чужды древней Россіи. При-

нявъ ученіе Христіанское отъ Греціи, она постоянно находилась въ общеніи со Вселенскою Церковью. Образованность древне-языческаго міра переходила къ ней уже сквозь ученіе Христіанское, не дѣйствуя на нее одностороннимъ увлеченіемъ, какъ живой остатокъ какой нибудь частной народности; только въ послѣдствіи, утвердившись въ образованности Христіанской, начинала она усвоивать себѣ послѣдніе результаты наукообразнаго просвѣщенія древняго міра,—когда Провидѣнію видимо угодно было остановить дальнѣйшій ходъ ея умственнаго развитія, спасая ее, можетъ быть, отъ вреда той односторонности, которая неминуемо стала бы ея удѣломъ, еслибы ея разсудочное образованіе началось прежде, чѣмъ Европа докончила кругъ своего умственнаго развитія, и когда, не обнаруживъ еще послѣднихъ выводовъ своихъ, она могла тѣмъ безотчетнѣе и тѣмъ глубже завлечь ее въ ограниченную сферу своего особеннаго развитія. — Христіанство, проникнувъ въ Россію, не встрѣтило въ ней тѣхъ громадныхъ затрудненій, съ какими должно было бороться въ Римѣ и Греціи, и въ Европейскихъ земляхъ, пропитанныхъ Римскою образованностью. Чистому вліянію его ученія на внутреннюю и общественную жизнь человѣка Словенскій міръ не представлялъ тѣхъ неодолимыхъ препятствій, какія оно находило въ сомкнутой образованности міра классическаго и въ односторонней образованности народовъ Западныхъ. Во многомъ даже племенныя особенности Словенскаго быта помогали успѣшному осуществленію Христіанскихъ началъ. Между тѣмъ основныя понятія человѣка о его правахъ и обязанностяхъ, о его личныхъ, семейныхъ и общественныхъ отношеніяхъ не составлялись насильственно изъ формальныхъ условій враждующихъ племенъ и классовъ, — какъ послѣ войны проводятся искусственныя границы между сосѣдними государствами по мертвой буквѣ выспореннаго трактата. Но, неиспытавъ завоеванія, Русскій народъ устроивался самобытно. Враги, угнетавшіе его, всегда оставались внѣ его, не мѣшаясь въ его внутреннее развитіе. Татары, Ляхи, Венгры, Нѣмцы и другіе бичи, посланные ему Провидѣніемъ, могли только остановить его образованіе, и дѣйствительно остановили его, но не могли измѣнить существеннаго смысла его внутренней и общественной жизни.

Между тѣмъ эти, чуждые Россіи, три элемента первоначальной образованности Европейской: Римская Церковь, древне-

Римскій міръ и возникшая изъ завоеванія государственность опредѣлили весь кругъ дальнѣйшаго развитія Европы,—какъ три точки въ пространствѣ опредѣляютъ круговую линію, которая черезъ нихъ проходитъ.

Вліяніе живыхъ еще развалинъ, уцѣлѣвшихъ отъ разрушенія остатковъ старой Римской образованности, на новорождающуюся образованность Запада — было всеобъемлющее. Проникая въ самое основное строеніе общественныхъ отношеній, въ законы, въ языкъ, въ нравы, въ обычаи, въ первое развитіе наукъ и искусствъ Европейскихъ, древній Римъ долженъ былъ поневолѣ сообщить болѣе или менѣе всѣмъ отношеніямъ Западнаго человѣка тотъ особенный характеръ, которымъ самъ онъ отличался отъ другихъ народовъ; и этотъ особенный характеръ всей совокупности отношеній, окружающихъ человѣка, по необходимости, долженъ былъ проникнуть въ самый, такъ сказать, внутренній составъ его жизни, переобразовывая болѣе или менѣе всѣ другія вліянія, согласно своему господствующему направленію,

Потому, главная особенность умственнаго характера Рима должна была отразиться и въ умственной особенности Запада. Но если мы захотимъ эту господствующую особенность Римскаго образованія выразить одною общею формулою, то не ошибемся, кажется, если скажемъ, что отличительный складъ Римскаго ума заключался въ томъ именно, что въ немъ наружная разсудочность брала перевѣсъ надъ внутреннею сущностью вещей. Этотъ характеръ, очевидно, представляетъ намъ общественный и семейный бытъ Рима, логически и нераскаянно уродовавшій естественныя и нравственныя отношенія людей, по внѣшней буквѣ случайно выразившагося закона. Тотъ же характеръ представляетъ намъ и поэзія Римлянъ, работавшая надъ художественнымъ усовершенствованіемъ внѣшнихъ формъ чужаго вдохновенія. То же представляетъ намъ ихъ языкъ, задавившій, подъ искусственною стройностію грамматическихъ конструкцій, естественную свободу и живую непосредственность душевныхъ движеній. Тотъ же характеръ видимъ мы въ самыхъ знаменитыхъ законахъ Римскихъ, гдѣ стройность внѣшней формальности доведена до столь изумительнаго логическаго совершенства, при изумительномъ тоже отсутствіи внутренней справедливости. То же наружное сцѣпленіе мыслей на счетъ внутренней, живой полноты смысла представляетъ намъ и религія

Римская, за внѣшними обрядами почти забывшая ихъ таинственное значеніе,—Римская религія,—это собраніе всѣхъ разнородныхъ, даже противорѣчащихъ другъ другу божествъ языческаго міра, наружно совмѣщенныхъ, внутренно разнорѣчащихъ, въ то же время логически соглашенныхъ въ одно символическое поклоненіе, гдѣ подъ покрываломъ философской связи скрывалось внутреннее отсутствіе вѣры. Тотъ же характеръ разсудочнаго направленія замѣчаемъ мы и въ нравахъ Римскихъ, гдѣ такъ высоко цѣнилась внѣшняя дѣятельность человѣка, и такъ мало обращалось вниманія на ея внутреннiй смыслъ; гдѣ гордость была добродѣтелью; гдѣ личное логическое убѣжденіе каждаго было единственнымъ руководствомъ его дѣйствій; гдѣ, потому, каждая личность сознавала себя не только за нѣчто особое, но и за нѣчто отличное отъ другихъ личностей, и не понимала къ нимъ иныхъ отношеній, кромѣ отношеній, логически выведенныхъ изъ наружныхъ условій жизни. Потому, Римлянинъ не зналъ почти другой связи между людьми, кромѣ связи общаго интереса; другаго единства, кромѣ единства партіи. Самый патріотизмъ Римлянина—безкорыстнѣйшее чувство, до котораго онъ могъ достигнуть, — былъ для него не тѣмъ, чѣмъ онъ былъ для Грека. Онъ не любилъ дыма отечества; даже дымъ Греческаго очага былъ для него привлекательнѣе. Онъ любилъ въ отечествѣ интересъ своей партіи и то особенно, что оно ласкало его гордость. Но непосредственное, общечеловѣческое чувство было почти заглушено въ душѣ Римлянина. Относительно же согражданъ своихъ понималъ онъ себя почти такъ же, какъ его великій Римъ понималъ себя относительно другихъ городовъ, его окружавшихъ; равно готовый на союзъ и на войну, онъ рѣшался на то или другое по указанію разсчета, постоянно слушая внушенія той страсти, которая обыкновенно господствуетъ внутри ума сухо-логическаго и корыстно-дѣятельнаго: я говорю о страсти преобладанія надъ другими, которая въ душѣ Римлянина занимала то же мѣсто, какое въ душѣ сочувственнаго Грека занимала страсть безразсуднаго славолюбія. Однимъ словомъ, во всѣхъ особенностяхъ Римскаго человѣка, во всѣхъ изгибахъ умственной и душевной дѣятельности, видимъ мы одну общую черту, что наружная стройность его логическихъ понятій была для него существеннѣе самой существенности, и что внутреннее равновѣсіе его бытія, если можно такъ выразиться, сознавалось имъ един-

ственно въ равновѣсіи разсудочныхъ понятій или внѣшней формальной дѣятельности.

Христіанство, разумѣется, при самомъ появленіи своемъ среди языческаго міра, противорѣчило этому направленію корыстной личности и самомнительной разсудочности Римскаго человѣка. Обращая главную дѣятельность духа къ внутренней цѣльности бытія, оно не только противилось всякой страстности увлеченій, хотя бы и благовидными предлогами украшенной, но вмѣстѣ, возводя умъ къ живому средоточію самопознанія, оно боролось и съ тѣмъ состояніемъ духовнаго распаденія, гдѣ односторонняя разсудочность отрывается отъ другихъ силъ духа и думаетъ достигнуть истины наружною связностію понятій. Между тѣмъ, какъ для этой внѣшней, разсудочной мудрости Христіанская проповѣдь казалась безуміемъ, — съ высоты Христіанскаго ученія эта надменная разсудочность являлась во всей бѣдности своей нечувственной слѣпоты. Потому, въ первые вѣка Церкви, видимъ мы въ богословскихъ писателяхъ даже Римскаго міра нерѣдкія нападенія на ложность языческаго философствованія. Однакоже господство чисто-Христіанскаго направленія не могло совершенно изгладить изъ ихъ ума особенность Римской физіономіи, которая, какъ уже мы замѣтили, оставаясь въ своихъ законныхъ границахъ, не только не мѣшала истинному направленію духа, но, напротивъ, должна была еще увеличивать многостороннее богатство его проявленій, и только тамъ увлекала въ заблужденія, гдѣ ея излишествомъ нарушалось внутреннее равновѣсіе духа. Такъ Тертуліанъ, можетъ быть самый краснорѣчивый изъ богословскихъ писателей Рима, особенно поражаетъ своею блестящею логикою, наружною связностію своихъ положеній; многія изъ его произведеній навсегда остаются украшеніемъ Церкви, хотя самое излишество логической способности, или, лучше сказать, ея отдѣленность отъ другихъ силъ разума увлекла его въ ту крайность, гдѣ его ученіе уже оторвалось отъ ученія чисто-Христіанскаго. Счастливѣе былъ его знаменитый ученикъ, Св. Кипріанъ, хотя не менѣе его замѣчателенъ особенностію своей логической силы. Но ни одинъ, можетъ быть, изъ древнихъ и новыхъ Отцевъ Церкви не отличался столько любовію къ логическому сцѣпленію истинъ, какъ Блаженный Августинъ, по преимуществу называемый Учителемъ Запада. Нѣкоторыя сочиненія его являются какъ бы одна, изъ кольца въ кольцо неразрывно

сомкнутая, желѣзная цѣпь силлогизмовъ. Отъ того, можетъ быть, иногда увлекался онъ слишкомъ далеко, за наружною стройностію не замѣчая внутреннюю односторонность мысли, такъ, что въ послѣдніе годы своей жизни долженъ былъ самъ писать опроверженіе нѣкоторыхъ изъ своихъ прежнихъ утвержденій.

Но если эта особенная приверженность Римскаго міра къ наружному сцѣпленію понятій была небезопасна для Римскихъ богослововъ еще въ то время, когда Римская Церковь была живою частію Церкви Вселенской, когда общее сознаніе всего Православнаго міра удерживало каждую особенность въ законномъ равновѣсіи,—то понятно, что, послѣ отдѣленія Рима, эта особенность Римскаго ума должна была взять рѣшительный перевѣсъ въ характерѣ ученія Римскихъ богослововъ. Можетъ быть даже, эта Римская особенность, эта оторванная разсудочность, эта излишняя склонность къ наружному сцѣпленію понятій, была одною изъ главнѣйшихъ причинъ самаго отпаденія Рима. Конечно, не мѣсто здѣсь разбирать ни причины, ни обстоятельства этого отпаденія,—Римскій ли духъ преобладанія былъ тайнымъ побужденіемъ главныхъ дѣятелей, или другія причины: всѣ предположенія могутъ быть подвержены спору; но не подверженъ сомнѣнію самый предлогъ отпаденія: новое прибавленіе догмата къ прежнему символу, прибавленіе, которое, противъ древняго преданія и общаго сознанія Церкви, оправдывалось единственно логическими выводами Западныхъ богослововъ.

Мы потому особенно упоминаемъ здѣсь объ этомъ обстоятельствѣ, что оно лучше другихъ можетъ намъ объяснить характеръ Западной образованности, гдѣ Римская отрѣшенная разсудочность уже съ 9-го вѣка проникла въ самое ученіе богослововъ, разрушивъ своею односторонностію гармоническую цѣльность внутренняго умозрѣнія.

Съ этой точки зрѣнія для насъ становится понятнымъ, почему Западные богословы, со всею разсудочною добросовѣстностію, могли не видать единства Церкви иначе, какъ въ наружномъ единствѣ епископства; почему наружнымъ дѣламъ человѣка могли они приписывать существенное достоинство; почему, при внутренней готовности души и при недостаткѣ этихъ наружныхъ дѣлъ, не понимали они для нея другаго средства спасенія, кромѣ опредѣленнаго срока чистилища; почему, на-

конецъ, могли они приписывать нѣкоторымъ людямъ даже избытокъ достоинства наружныхъ дѣлъ и вмѣнять этотъ избытокъ недостатку другихъ, тоже за какія нибудь наружныя дѣйствія, совершенныя для внѣшней пользы Церкви.

Такимъ образомъ, подчинивъ вѣру логическимъ выводамъ разсудка, Западная Церковь еще въ 9-мъ вѣкѣ положила внутри себя неминуемое сѣмя реформаціи, которая поставила ту же Церковь передъ судомъ того же логическаго разума, ею самою возвышеннаго надъ общимъ сознаніемъ Церкви Вселенскоій; и тогда еще мыслящій человѣкъ могъ уже увидѣть Лютера изъза папы Николая 1-го, какъ, по словамъ Римскихъ католиковъ, мыслящій человѣкъ XVI вѣка могъ уже изъ-за Лютера предвидѣть Штрауса.

Очевидно, что та же нравственная причина, тотъ же перевѣсъ логическоій односторонности, который произвелъ ученіе о необходимости наружнаго единства Церкви, долженъ былъ породить и ученіе о непогрѣшаемости ея видимоій главы. Это было прямымъ слѣдствіемъ того особеннаго характера образованности, который началъ господствовать въ Западномъ мірѣ. Изъ этой же причины общаго состоянія умовъ въ Европѣ произошло и то обстоятельство, что Франкскій императоръ могъ предложить, а Римскій архіерей могъ принять свѣтское владычество въ своей эпархіи. Потомъ, по той же логическоій причинѣ, должно было полудуховное владычество папы распространиться надъ всѣми правителями Запада и породить все устройство, такъ называемой, Святой Римской Имперіи, и весь характеръ историческаго развитія среднихъ вѣковъ, гдѣ свѣтская власть безпрестанно смѣшивалась съ духовною и безпрестанно боролась съ нею, взаимно приготовляя одна другой мѣсто для будущаго паденія во мнѣніи народномъ, между тѣмъ, какъ въ то же время, внутри человѣка Западнаго, происходила тоже борьба между вѣрою и разумомъ, между преданіемъ и личнымъ самомнѣніемъ; и какъ духовная власть Церкви искала себѣ основанія въ силѣ свѣтскоій, такъ духовное убѣжденіе умовъ Западныхъ искало себѣ основанія въ разсудочномъ силлогизмѣ.

Такъ искусственно устроивъ себѣ наружное единство, поставивъ надъ собою одну единую главу, соединившую власть духовную и свѣтскую, Церковь Западная произвела раздвоеніе въ своей духовной дѣятельности, въ своихъ внутреннихъ инте-

ресахъ и въ внѣшнихъ своихъ отношеніяхъ къ міру. Двойная башня, которая обыкновенно возвышается надъ католическимъ костеломъ, можетъ служить символомъ этого раздвоенія.

Между тѣмъ свѣтскіе правители, подчинившіеся главенству тривѣнчаннаго правителя Церкви, сомкнули такимъ образомъ феодальное устройство, такъ называемой, Святой Римской Имперіи. Можетъ быть, это былъ единственный разумный исходъ общественной жизни народовъ, которыхъ государственное устроїйство возникло изъ завоеванія. Ибо непримиримая борьба двухъ спорящихъ племенъ, угнетавшаго и угнетеннаго, произвела на все развитіе ихъ исторіи постоянную ненависть сословій, неподвижно другъ противъ друга стоящихъ, съ своими враждебными правами, съ исключительными преимуществами одного, съ глубокимъ недовольствомъ и безконечными жалобами другаго, съ упорною завистію возникшаго между ними средняго, съ общимъ и вѣчно болѣзненнымъ колебаніемъ ихъ относительнаго перевѣса, изъ котораго рождались наружныя, формальныя и насильственныя условія примиренія, которыми всѣ стороны оставались недовольными и которыя могли получить нѣкоторое утвержденіе въ сознаніи общественномъ только изъ начала, внѣ государства находящагося. Между тѣмъ, чѣмъ менѣе было правъ для сословія, происшедшаго отъ племени завоеваннаго, тѣмъ менѣе было правомѣрности и въ понятіяхъ сословія, происшедшаго отъ завоевателей. Каждая благородная личность стремилась сдѣлаться сама верховнымъ закономъ своихъ отношеній къ другимъ. Мысль объ общей государственности или народности не могла проникнуть въ ихъ независимое сердце, со всѣхъ сторонъ защищенное желѣзомъ и гордостію. Только ими же изобрѣтенныя и добровольно установленныя правила внѣшнихъ формальныхъ отношеній могли подчинить себѣ ихъ самоуправный произволъ. Такимъ образомъ, законы чести хотя родились изъ потребности времени, какъ единственно возможная замѣна закона при совершенной беззаконности, однакоже характеромъ своимъ обличаютъ такую односторонность общественнаго быта, такую крайнюю внѣшность и формальность личныхъ отношеній, и такое забвеніе ихъ существенной стороны, что, взятые отдѣльно отъ всей жизни Европейской, они одни могли бы служить полнымъ зеркаломъ всего развитія Западной общественности.

Каждый благородный рыцарь, внутри своего замка, былъ

отдѣльное государство. Потому, и отношенія между благородными лицами могли имѣть только внѣшній, формальный характеръ. Такой же внѣшній, формальный характеръ должны были носить и отношенія ихъ къ другимъ сословіямъ. Потому, и развитіе права гражданскаго въ Западныхъ государствахъ получило тотъ же смыслъ внѣшней, спорно-буквальной формальности, какой лежалъ въ самой основѣ общественныхъ отношеній. Римское право, еще продолжавшее жить и дѣйствовать въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ городахъ Европы, еще болѣе укрѣпило это направленіе внѣшней формальности въ Европейской юриспруденціи. Ибо Римское право имѣетъ тотъ же внѣшній формальный характеръ, за наружною буквою формы забывающій внутреннюю справедливость; можетъ быть потому, что и Римская общественная жизнь также развилась изъ постоянной борьбы двухъ противоположныхъ народностей, насильственно въ одну государственность втѣсненныхъ.

Этимъ объясняется между прочимъ, отъ чего, чужое для Европейскихъ народовъ, Римское право такъ легко могло привиться къ нимъ, исключая тѣ немногія страны, гдѣ общественность возникла не изъ завоеванія, и которыя потому обѣщаютъ болѣе цѣльное развитіе въ будущемъ.

Но, начавшись насиліемъ, государства Европейскія должны были развиваться переворотами, ибо развитіе государства есть не что иное, какъ раскрытіе внутреннихъ началъ, на которыхъ оно основано. Потому Европейскія общества, основанныя насиліемъ, связанныя формальностію личныхъ отношеній, проникнутыя духомъ односторонней разсудочности, должны были развить въ себѣ не общественный духъ, но духъ личной отдѣленности, связываемой узлами частныхъ интересовъ и партій. Отъ чего исторія Европейскихъ государствъ хотя представляетъ намъ иногда внѣшніе признаки процвѣтанія жизни общественной, — но, въ самомъ дѣлѣ, подъ общественными формами скрывались постоянно однѣ частныя партіи, для своихъ частныхъ цѣлей и личныхъ системъ забывавшія о жизни цѣлаго государства. Партіи папскія, партіи императорскія, партіи городскія, партіи церковныя, придворныя, личныя, правительственныя, религіозныя, политическія, народныя, среднесословныя, даже партіи метафизическія,—постоянно боролись въ Европейскихъ государствахъ, стараясь каждая перевернуть его устройство, согласно своимъ личнымъ цѣлямъ. Потому, раз-

витіе въ государствахъ Европейскихъ совершалось не спокойнымъ возрастаніемъ, но всегда посредствомъ болѣе или менѣе чувствительнаго переворота. Переворотъ былъ условіемъ всякаго прогресса, покуда самъ сдѣлался уже не средствомъ къ чему-нибудь, но самобытною цѣлью народныхъ стремленій.

Очевидно, что, при такихъ условіяхъ, образованность Европейская должна была окончиться разрушеніемъ всего умственнаго и общественнаго зданія, ею же самою воздвигнутаго.

Однакоже, это распаденіе разума на частныя силы, это преобладаніе разсудочности надъ другими дѣятельностями духа, которое въ послѣдствіи должно было разрушить все зданіе Европейской средневѣковой образованности, въ началѣ имѣло дѣйствіе противное и произвело тѣмъ быстрѣйшее развитіе, чѣмъ оно было одностороннѣе. Таковъ законъ уклоненія человѣческаго разума: наружность блеска, при внутреннемъ потемнѣніи.

Еще быстрѣе совершилось развитіе образованности Арабской, ибо оно было еще одностороннѣе, хотя имѣло то же отвлеченно-разсудочное направленіе, какое приняла и средневѣковая Европа. Но просвѣщенію Магометанскому легче было обратить въ логическую формальность свои основныя убѣжденія, чѣмъ просвѣщенію Христіанскому, существенно живому и цѣльному. Систематическая связь отвлеченныхъ понятій была высшею цѣлью, до которой могло достигнуть умственное самосознаніе Магометанина, и которая лежала, можно сказать, въ самомъ основаніи его вѣры. Ибо, требуя отъ него только отвлеченнаго признанія нѣкоторыхъ историческихъ фактовъ и метафизическаго признанія единства Божества, она притомъ не требовала отъ него внутренней цѣльности самопознанія, но спокойно оставляла распавшуюся натуру человѣка въ ея непримиренной раздвоенности; она не указывала ему высшей цѣли бытія, но, напротивъ, указывала ему состояніе грубо-чувственныхъ наслажденій, не только какъ лучшую награду для здѣшней жизни, но даже какъ высшую цѣль будущей. Потому все, до чего могла доходить умственная потребность Магометанина, заключалось въ потребности отвлеченнаго логическаго единства, въ наружномъ порядкѣ его мыслей и систематической правильности ихъ взаимныхъ отношеній. Крайняя метафизическая задача, которую могла предлагать себѣ любознательность Магометанская,—эта, такъ сказать, поэзія Магометанскаго любо-

мудрія,—заключалась въ составленіи видимыхъ формулъ для невидимой дѣятельности міра духовнаго: въ отысканіи талисманической связи между законами міра надзвѣзднаго и законами міра подлуннаго. Отсюда ихъ страсть къ логикѣ, отсюда ихъ астрологія, алхимія, хиромантія, и всѣ ихъ отвлеченно-разсудочныя и чувственно-духовныя науки. Отсюда также объясняется, почему Арабы хотя получили начало своей умственноїи образованности отъ Сирійскихъ Грековъ, хотя находились въ близкихъ сношеніяхъ съ Византіею, однакоже на ходъ просвѣщенія Греческаго не имѣли почти никакого вліянія. Но на Западную Европу произвели они тѣмъ сильнѣйшее дѣйствіе, что принесли туда весь блескъ своего процвѣтанія наукъ въ то время, когда Европа находилась въ состояніи почти совершеннаго невѣжества. Своимъ отвлеченно-логическимъ направленіемъ учености они, безъ сомнѣнія, содѣйствовали также къ усиленію этого же направленія въ просвѣщеніи Европейскомъ, — примѣшавъ только, на нѣкоторое время, къ господствующему теченію Европейскаго мышленія, разноцвѣтную струю своихъ талисманическихъ умозрѣній. Они первые познакомили Латинскихъ богословъ съ твореніями Аристотеля, которыя въ первыїи разъ сдѣлались извѣстны имъ въ переводѣ съ Арабскаго, вмѣстѣ съ Арабскими толкованіями;—такъ мало знакома имъ была Греческая образованность.

Аристотель, никогда не понятый вполнѣ, но до безконечности изучаемый въ частностяхъ, былъ, какъ извѣстно, душою схоластики, которая, въ свою очередь, была представительницею всего умственнаго развитія тогдашней Европы и самымъ яснымъ его выраженіемъ.

Схоластика была не что иное, какъ стремленіе къ наукообразному богословію. Ибо богословіе было тогда и высшею цѣлью и главнымъ источникомъ всякаго знанія. Задача схоластики состояла въ томъ, чтобы не только связать понятія богословскія въ разумную систему, но и подложить подъ нихъ разсудочно-метафизическое основаніе. Главными орудіями для того были творенія Блаженнаго Августина и логическія сочиненія Аристотеля. Высшее университетское развитіе заключалось въ діалектическихъ словопреніяхъ о предметахъ вѣры. Знаменитѣйшіе богословы старались выводить ея догматы изъ своихъ логическихъ умозаключеній. Начиная отъ Шотландца Еригена до XVI вѣка, можетъ быть, не было ни одного изъ нихъ, кото-

рый бы не пытался свое убѣжденіе о бытіи Божіемъ поставить на остріе какого нибудь искусно выточеннаго силлогизма. Ихъ громадные труды были наполнены отвлеченныхъ тонкостей, логически сплетенныхъ изъ голо-разсудочныхъ понятій. Самыя несущественныя стороны мышленія были для нихъ предметомъ науки, причиною партій, цѣлью жизни.

Не отвлеченные споры номиналистовъ и реалистовъ, не странныя пренія о Евхаристіи, о благодати, о рожденіи Пресвятої Дѣвы и тому подобныхъ предметахъ, могутъ дать настоящее понятіе о духѣ схоластики и о состояніи умовъ того времени; но всего яснѣе выражаетъ ихъ то именно, что въ этихъ спорахъ составляло главный предметъ вниманія и занимало мышленіе ученѣйшихъ философовъ:—т. е., составленіе произвольныхъ вопросовъ о несбыточныхъ предположеніяхъ, и разборъ всѣхъ возможныхъ доводовъ въ пользу и противъ нихъ

Такая безконечная, утомительная игра понятій въ продолженіе семи сотъ лѣтъ, этотъ безполезный, передъ умственнымъ зрѣніемъ безпрестанно вертящійся калейдоскопъ отвлеченныхъ категорій, должны были неминуемо произвести общую слѣпоту къ тѣмъ живымъ убѣжденіямъ, которыя лежатъ выше сферы разсудка и логики; къ убѣжденіямъ, до которыхъ человѣкъ доходитъ не путемъ силлогизмовъ, но, напротивъ, стараясь основать ихъ на силлогистическомъ выводѣ, только искажаетъ ихъ правду, когда не уничтожаетъ ее совершенно.

Живое, цѣльное пониманіе внутренней, духовной жизни и живое, непредупрежденное созерцаніе внѣшней природы равно изгонялись изъ оцѣпленнаго круга Западнаго мышленія, первое подъ именемъ „мистики“, — по натурѣ своей ненавистной для схоластической разсудочности (сюда относилась и та сторона ученія Православной Церкви, которая не согласовалась съ Западными системами);—второе преслѣдовалось прямо подъ именемъ „безбожія“ (сюда относились тѣ открытія въ наукахъ, которыя разнорѣчили съ современнымъ понятіемъ богослововъ). Ибо схоластика сковала свою вѣру съ своимъ тѣснымъ разумѣніемъ науки въ одну неразрывную судьбу.

Потому, когда со взятіемъ Константинополя, свѣжій, неиспорченный воздухъ Греческой мысли повѣялъ съ Востока на Западъ, и мыслящій человѣкъ на Западѣ вздохнулъ легче и свободнѣе, то все зданіе схоластики мгновенно разрушилось. Однакоже, слѣды схоластической односторонности остались на

умахъ, ею воспитанныхъ. Предметъ мышленія сталъ другоій, и направленіе иное; но тотъ же перевѣсъ разсудочности и та же слѣпота къ живымъ истинамъ сохранились почти по прежнему.

Поучительный примѣръ тому представляетъ самъ знаменитыій родоначальникъ новѣйшей философіи. Онъ думалъ, что рѣшительно сбросилъ съ себя узы схоластики; однако, не чувствуя того самъ, до того еще оставался запутанъ ими, что, не смотря на все свое геніальное разумѣніе формальныхъ законовъ разума, былъ такъ странно слѣпъ къ живымъ истинамъ, что свое внутреннее, непосредственное сознаніе о собственномъ своемъ бытіи почиталъ еще неубѣдительнымъ, покуда не вывелъ его изъ отвлеченнаго силлогистическаго умозаключенія! И этотъ примѣръ тѣмъ замѣчательнѣе, что не былъ личною особенностію философа, но выразилъ общее направленіе умовъ. Ибо логическій выводъ Декарта не остался его исключительною собственностію, но былъ принятъ съ восторгомъ и сдѣлался основаніемъ мышленія для большей части новѣйшихъ философовъ. почти до половины XVIII вѣка.—Можетъ быть, еще и теперь есть глубокомысленные люди, которые утверждаютъ на немъ несомнѣнность своего бытія и успокоиваютъ такимъ образомъ свою образованную потребность твердыхъ убѣжденій. По крайней мѣрѣ, пишущій эти строки еще живо помнитъ ту эпоху въ собственной своей жизни, когда подобный процессъ искусственнаго мышленія сладостно утолялъ для него жажду умственнаго успокоенія.

Я не говорю уже о той особенности Декарта, что, увлеченный строгою необходимостью своихъ умозаключеній, онъ добродушно могъ убѣдиться въ томъ, что всѣ животныя, выключая человѣка, суть только наружныя машины, искусно построенныя Создателемъ, и, не имѣя сознанія, не чувствуютъ ни боли, ни удовольствія.

Неудивительно послѣ того, что его ученикъ и преемникъ въ господствѣ философскаго развитія, знаменитыій Спиноза, могъ такъ искусно и такъ плотно сковать разумные выводы о первой причинѣ, о высшемъ порядкѣ и устройствѣ всего мірозданія, что сквозь эту сплошную и неразрывную сѣть теоремъ и силлогизмовъ не могъ во всемъ созданіи разглядѣть слѣдовъ Живаго Создателя, ни въ человѣкѣ замѣтить его внутренней свободы. Тотъ же избытокъ логической разсудочности скрылъ отъ великаго Лейбница, за умственнымъ сцѣпленіемъ

его отвлеченныхъ понятій, очевидное сцѣпленіе причины и дѣйствія, и для объясненія ихъ заставилъ его предположить свою Предустановленную Гармонію, — которая, впрочемъ, поэзіей своей основной мысли восполняетъ нѣсколько ея односторонность.

Я говорю: поэзія мысли восполняетъ нѣсколько ея односторонность; ибо думаю, что когда къ достоинству логическому присоединяется достоинство изящное, или нравственное, то уже этимъ соединеніемъ силъ самъ разумъ возвращается болѣе или менѣе къ своей первобытной полнотѣ и потому приближается къ истинѣ.

Нужно ли продолжать исчисленіе послѣдующихъ представителей Западной философіи, чтобы, припоминая ихъ системы, убѣдиться въ общей односторонности Западнаго направленія? Нужно ли напоминать, какъ Юмъ—этотъ прямой и неминуемый результатъ другой вѣтви Западнаго любомудрія, послѣдователь Бакона, Локка и однородныхъ съ ними мыслителей, — безпристрастный Юмъ, силою безпристрастнаго разума, доказалъ, что въ мірѣ не существуетъ никакой истины, и правда и ложь подвержены одинакому сомнѣнію? Какъ знаменитый Кантъ, возбужденный Юмомъ и приготовленный Нѣмецкою школою, изъ самыхъ законовъ чистаго разума вывелъ неоспоримое доказательство, что для чистаго разума никакихъ доказательствъ о высшихъ истинахъ не существуетъ?

Отсюда, можетъ быть, оставался одинъ шагъ до правды; — но Западный міръ тогда еще не созрѣлъ для нея.

Изъ системы Канта развилась одна отвлеченная сторона въ системѣ Фихте, который удивительнымъ построеніемъ силлогизмовъ доказалъ, что весь внѣшній міръ есть только мнимый призракъ воображенія, и что существуетъ въ самомъ дѣлѣ только одно саморазвивающееся *Я*.—Отсюда Шеллингъ развилъ противоположную сторону гипотезы, т. е., что хотя внѣшній міръ дѣйствительно существуетъ, но душа міра есть не что иное, какъ это человѣческое *Я*, развивающееся въ бытіи вселенной для того только, чтобы сознать себя въ человѣкѣ. Гегель еще болѣе укрѣпилъ и распространилъ ту же систему саморазвитія человѣческаго самосознанія. Между тѣмъ, углубившись болѣе, чѣмъ кто либо прежде, въ самые законы логическаго мышленія, онъ, силою своей необыкновенной, громадной геніальности, довелъ ихъ до послѣдней полноты и ясности результатовъ, и

тѣмъ далъ возможность тому же Шеллингу доказать односторонность всего логическаго мышленія. Такимъ образомъ, Западная философія теперь находится въ томъ положеніи, что ни далѣе идти по своему отвлеченно-раціональному пути она уже не можетъ, ибо сознала односторонность отвлеченной раціональности; ни проложить себѣ новую дорогу не въ состояніи, ибо вся сила ея заключалась въ развитіи именно этой, отвлеченной раціональности *).

Между тѣмъ, въ то же время, какъ Римское богословіе развивалось посредствомъ схоластической философіи, писатели Восточной Церкви, не увлекаясь въ односторонность силлогистическихъ построеній, держались постоянно той полноты и цѣльности умозрѣнія, которыя составляютъ отличительный признакъ Христіанскаго любомудрія. Ибо не надобно забывать, что все современное просвѣщеніе тогда сосредоточивалось въ Византіи. Древніе писатели Христіанскіе и языческіе, и особенно писатели-философы, были коротко знакомы образованнымъ Грекамъ, — и очевидные слѣды ихъ основательнаго изученія видны въ большей части духовныхъ твореній, до самой половины XV вѣка; между тѣмъ, какъ Западъ, необразованный и, можно даже сказать, невѣжественный сравнительно съ Византіей, до самаго почти XIV вѣка обращался въ своемъ мышленіи почти единственно въ кругу однихъ Латинскихъ писателей, за исключеніемъ только немногихъ Греческихъ. Только въ половинѣ XIV вѣка основана была первая ученая академія въ Италіи знаменитымъ монахомъ Варлаамомъ, учителемъ Петрарки, — тѣмъ самымъ несчастнымъ предателемъ Православной Церкви, который, заразившись Западною увѣренностію въ своей логической разумности, отвергалъ нѣкоторые, непонятные ему, догматы Христіанскаго ученія и былъ за то осужденъ Константинопольскимъ соборомъ и изгнанъ изъ Греціи съ безчестіемъ: но за то—тѣмъ съ большею честію принятъ въ Италіи.

Аристотель, безъ всякаго сомнѣнія, былъ лучше и основательнѣе извѣстенъ Грекамъ, чѣмъ Латинянамъ, хотя, можетъ быть, безъ тѣхъ дополненій, которыми обогатили его Арабскіе и Латинскіе ученые, и которыя, до самаго паденія схоластическаго воспитанія въ Европѣ, составляли необходимое условіе

---

*) См. мои статьи: *О современномъ состояніи просвѣщенія*, въ 1-мъ и 2-мъ №№ Москвит. 1845 года.

всякаго развитія ума на Западѣ. Однакоже, въ Греческихъ мыслителяхъ не только не видимъ мы особаго пристрастія къ Аристотелю, но, напротивъ того, въ большей части изъ нихъ замѣчаемъ явное предпочтеніе Платона; — не потому, конечно, чтобы Христіанскіе мыслители усвоивали себѣ языческія понятія того или другаго; но потому, вѣроятно, что самый способъ мышленія Платона представляетъ болѣе цѣльности въ умственныхъ движеніяхъ, болѣе теплоты и гармоніи въ умозрительной дѣятельности разума. Отъ того, почти то же отношеніе, какое мы замѣчаемъ между двумя философами древности, существовало и между философіей Латинскаго міра, какъ она вырабатывалась въ схоластикѣ, и тою духовною философіей, которую находимъ въ писателяхъ Церкви Восточной, особенно ясно выраженную въ Св. Отцахъ, живших послѣ Римскаго отпаденія.

Достойно замѣчанія, что эта духовная философія Восточныхъ Отцевъ Церкви, писавшихъ послѣ X вѣка, — философія прямо и чисто Христіанская, глубокая, живая, возвышающая разумъ отъ разсудочнаго механизма къ высшему, нравственно свободному умозрѣнію,—философія, которая даже и для невѣрующаго мыслителя могла бы быть поучительною, по удивительному богатству и глубинѣ и тонкости своихъ психологическихъ наблюденій,—не смотря однакоже на всѣ свои достоинства (я говорю здѣсь единственно о достоинствахъ умозрительныхъ, оставляя въ сторонѣ значеніе богословское), была такъ мало доступна разсудочному направленію Запада, что не только никогда не была оцѣнена Западными мыслителями, но, что еще удивительнѣе, до сихъ поръ осталась имъ почти вовсе неизвѣстною. По крайней мѣрѣ, ни одинъ философъ, ни одинъ историкъ философіи, не упоминаетъ объ ней, хотя въ каждой исторіи философіи находимъ мы длинные трактаты о философіи Индѣйской, Китайской и Персидской. Самыя творенія Восточныхъ писателей оставались долго неизвѣстными въ Европѣ; многія до сихъ поръ еще остаются незнакомы имъ; другія хотя извѣстны, но оставлены безъ вниманія, ибо не были поняты; иныя изданы еще весьма недавно, и тоже не оцѣнены. Нѣкоторые богословскіе писатели Запада хотя и упоминали о нѣкоторыхъ особенностяхъ писателей Восточныхъ, но такъ мало могли постигать эту особенность, что изъ ихъ словъ часто должно вывести заключеніе, прямо противоположное истинѣ-

Наконецъ, ни въ одномъ почти изъ богословскихъ писателей Запада незамѣтно живаго слѣда того вліянія, которое необходимо должны бы были оставить на нихъ писанія Восточной Церкви, если бы они были извѣстны имъ хотя въ половину противъ того, какъ имъ извѣстны были писатели древне-языческіе. — Изъ этого должно исключить, можетъ быть, одного Ѳому Кемпійскаго,—или Герсона,—если только книга, имъ приписываемая, принадлежитъ дѣйствительно имъ и не есть, какъ нѣкоторые полагаютъ, переводъ съ Греческаго, передѣланный нѣсколько по Латинскимъ понятіямъ.

Конечно, въ писателяхъ Восточной Церкви, жившихъ послѣ отдѣленія Римской, нельзя искать ничего новаго относительно Христіанскаго ученія; ничего такого, что бы не находилось въ писателяхъ первыхъ вѣковъ. Но въ томъ-то и заключается ихъ достоинство; въ томъ-то, скажу, и особенность ихъ, что они сохраняли и поддержали во всей чистотѣ и полнотѣ ученіе существенно-Христіанское, и, держась постоянно въ самомъ, такъ сказать, средоточіи истиннаго убѣжденія, отсюда могли яснѣе видѣть и законы ума человѣческаго, и путь, ведущій его къ истинному знанію, и внѣшніе признаки, и внутреннія пружины его разновидныхъ уклоненій.

Впрочемъ, и древніе Отцы Церкви, жившіе еще до отдѣленія Рима и, слѣдовательно, равно признаваемые Востокомъ и Западомъ, не всегда одинаково понимались на Западѣ и на Востокѣ. Это различіе могло произойти отъ того, что Востоку всегда были вполнѣ извѣстны *всѣ* писатели и учители Вселенской Церкви; Западнымъ же ученымъ были знакомы преимущественно Латинскіе и только нѣкоторые изъ Греческихъ писателей, на которыхъ они тоже смотрѣли сквозь готовыя уже понятія, почерпнутыя ими у Римскихъ учителей. Отъ того и въ новѣйшія времена, когда они уже короче познакомились съ Греческою литературою, то все еще невольно продолжали смотрѣть на нее сквозь тоже ограниченное окно, если не съ цвѣтными, то съ тусклыми стеклами. Этимъ только можно объяснить себѣ, какимъ образомъ они могли такъ долго удержаться въ односторонности своего разсудочнаго направленія, которое, иначе, должно бы было разрушиться отъ совокупнаго дѣйствія всѣхъ древнихъ Отцевъ Церкви. Сохраняя же свою односторонность, они или не замѣчали, или иногда даже вовсе не знали тѣхъ изъ древнихъ писателей, въ которыхъ особенно выража-

лась сторона, прямо противоположная этой ограниченности, и самодовольно отвергали ее, подъ названіемъ мистики!

Отсюда, кромѣ различія понятій, на Востокѣ и Западѣ происходитъ еще различіе и въ самомъ *способѣ* мышленія богословско-философскомъ. Ибо, стремясь къ истинѣ умозрѣнія, Восточные мыслители заботятся прежде всего о правильности внутренняго состоянія мыслящаго духа; Западные—болѣе о внѣшней связи понятій. Восточные, для достиженія полноты истины, ищутъ внутренней цѣльности разума: того, такъ сказать, средоточія умственныхъ силъ, гдѣ всѣ отдѣльныя дѣятельности духа сливаются въ одно живое и высшее единство. Западные, напротивъ того, полагаютъ, что достиженіе полной истины возможно и для раздѣлившихся силъ ума, самодвижно дѣйствующихъ въ своей одинокой отдѣльности. Однимъ чувствомъ понимаютъ они нравственное; другимъ—изящное; полезное—опять особымъ смысломъ; истинное понимаютъ они отвлеченнымъ разсудкомъ,—и ни одна способность не знаетъ, что дѣлаетъ другая, покуда ея дѣйствіе совершится. Каждый путь, какъ предполагаютъ они, ведетъ къ послѣдней цѣли, прежде чѣмъ всѣ пути сойдутся въ одно совокупное движеніе. Безчувственный холодъ разсужденія и крайнее увлеченіе сердечныхъ движеній почитаютъ они равно законными состояніями человѣка; и когда, въ XIV вѣкѣ, узнали ученые Запада о стремленіи Восточныхъ созерцателей: сохранять безмятежность внутренней цѣльности духа,—то издѣвались надъ этою мыслію, изобрѣтая для нея всякаго рода насмѣшливыя прозванія. Правда, они употребляютъ иногда тѣ же выраженія, какія и Восточные, говоря о „внутреннемъ сосредоточеніи духа“, о „собраніи ума въ себѣ“, и тому подобное; но подъ этими словами обыкновенно разумѣютъ они другое: не сосредоточеніе, не собраніе, не цѣльность внутреннихъ силъ, а только ихъ крайнее напряженіе. Вообще можно сказать, что центръ духовнаго бытія ими не ищется. Западный человѣкъ не понимаетъ той живой совокупности высшихъ умственныхъ силъ, гдѣ ни одна не движется безъ сочувствія другихъ; того равновѣсія внутренней жизни, которое отличаетъ даже самыя наружныя движенія человѣка, воспитаннаго въ обычныхъ преданіяхъ Православнаго міра: ибо есть въ его движеніяхъ, даже въ самые крутые переломы жизни, что-то глубоко спокойное, какая-то неискусственная мѣрность, достоинство и вмѣстѣ смиреніе, свидѣтель-

ствующія о равновѣсіи духа, о глубинѣ и цѣльности обычнаго самосознанія. Европеецъ, напротивъ того, всегда готовый къ крайнимъ порывамъ, всегда суетливый, — когда не театральный,—всегда безпокойный въ своихъ внутреннихъ и внѣшнихъ движеніяхъ, только преднамѣреннымъ усиліемъ можетъ придать имъ искусственную соразмѣрность.

Ученія Св. Отцевъ Православной Церкви перешли въ Россію, можно сказать, вмѣстѣ съ первымъ благовѣстомъ Христіанскаго колокола. Подъ ихъ руководствомъ, сложился и воспитался коренной Русскій умъ, лежащій въ основѣ Русскаго быта.

Обширная Русская земля, даже во времена раздѣленія своего на мелкія княжества, всегда сознавала себя какъ одно живое тѣло и не столько въ единствѣ языка находила свое притягательное средоточіе, сколько въ единствѣ убѣжденій, происходящихъ изъ единства вѣрованія въ церковныя постановленія. Ибо ея необозримое пространство было все покрыто, какъ бы одною непрерывною сѣтью, неисчислимымъ множествомъ уединенныхъ монастырей, связанныхъ между собою сочувственными нитями духовнаго общенія. Изъ нихъ единообразно и единомысленно разливался свѣтъ сознанія и науки во всѣ отдѣльныя племена и княжества. Ибо не только духовныя понятія народа изъ нихъ исходили, но и всѣ его понятія нравственныя, общежительныя и юридическія, переходя черезъ ихъ образовательное вліяніе, опять отъ нихъ возвращались въ общественное сознаніе, принявъ одно, общее направленіе. Безразлично составляясь изо всѣхъ классовъ народа, изъ высшихъ и низшихъ ступеней общества, духовенство, въ свою очередь, во всѣ классы и ступени распространяло свою высшую образованность, почерпая ее прямо изъ первыхъ источниковъ, изъ самаго центра современнаго просвѣщенія, который тогда находился въ Царьградѣ, Сиріи и на Святой Горѣ. И образованность эта такъ скоро возрасла въ Россіи, и до такой степени, что и теперь даже она кажется намъ изумительною, когда мы вспомнимъ, что нѣкоторые изъ удѣльныхъ князей XII и XIII вѣка уже имѣли такія библіотеки, съ которыми многочисленностію томовъ едва могла равняться, первая тогда на Западѣ, библіотека Парижская *); что многіе изъ нихъ говорили на Греческомъ и Латинскомъ языкѣ также свободно, какъ на Рус-

*) См. Шлецера прим. на Нестора, томъ 1.

скомъ, а нѣкоторые знали притомъ и другіе языки Европейскіе *); что въ нѣкоторыхъ, уцѣлѣвшихъ до насъ, писаніяхъ XV вѣка **) мы находимъ выписки изъ Русскихъ переводовъ такихъ твореній Греческихъ, которыя не только не были извѣстны Европѣ, но даже въ самой Греціи утратились послѣ ея упадка и, только въ недавнее время и уже съ великимъ трудомъ, могли быть открыты въ неразобранныхъ сокровищницахъ Аѳона; что въ уединенной тишинѣ монашескихъ келлій, часто въ глуши лѣсовъ, изучались и переписывались, и до сихъ поръ еще уцѣлѣли въ старинныхъ рукописяхъ, Словенскіе переводы тѣхъ Отцевъ Церкви, которыхъ глубокомысленныя писанія, исполненныя высшихъ богословскихъ и философскихъ умозрѣній, даже въ настоящее время едва ли каждому Нѣмецкому профессору любомудрія придутся по силамъ мудрости (хотя, можетъ быть, ни одинъ не сознается въ этомъ): наконецъ, когда мы вспомнимъ, что эта Русская образованность была такъ распространена, такъ крѣпка, такъ развита, и потому пустила такіе глубокіе корни въ жизнь Русскую, что, не смотря на то, что уже полтораста лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ монастыри наши перестали быть центромъ просвѣщенія; не смотря на то, что вся мыслящая часть народа, своимъ воспитаніемъ и своими понятіями, значительно уклонилась, а въ нѣкоторыхъ и совсѣмъ отдѣлилась отъ прежняго Русскаго быта, изгладивъ даже и память объ немъ изъ сердца своего:—этотъ Русскій бытъ, созданный по понятіямъ прежней образованности и проникнутый ими, еще уцѣлѣлъ, почти неизмѣненно, въ низшихъ классахъ народа: онъ уцѣлѣлъ,—хотя живетъ въ нихъ уже почти безсознательно, уже въ одномъ обычномъ преданіи, уже несвязанный господствомъ образующей мысли, уже не оживляющійся, какъ въ старину, единомысленными воздѣйствіями высшихъ классовъ общества, уже не проникающійся, какъ прежде, вдохновительнымъ сочувствіемъ со всею совокупностію умственныхъ движеній отечества.

Какая же сила должна была существовать для того, чтобы

---

*) См. Истор. Русск. Словесности, Проф. Шевырева, выпускъ второй.—Эта книга, безъ сомнѣнія, одна изъ самыхъ замѣчательныхъ, вышедшихъ у насъ въ послѣднее время, должна, по вѣроятности, произвести рѣшительный переворотъ въ общемъ пониманіи нашей древней образованности.

**) См. Писанія Нила Сорскаго.

произвести такое прочное дѣйствіе?—И эта твердость быта, слѣдствіе прежней образованности, замѣчается въ томъ самомъ народѣ, который такъ легко могъ измѣнить свою образованность языческую, когда принялъ Христіанское ученіе.

Потому, этотъ Русскій бытъ и эта прежняя, въ немъ отзывающаяся, жизнь Россіи драгоцѣнны для насъ, особенно по тѣмъ слѣдамъ, которые оставили на нихъ чистыя Христіанскія начала, дѣйствовавшія безпрепятственно на добровольно покорившіяся имъ племена Словенскія. И не природныя какія нибудь преимущества Словенскаго племени заставляютъ насъ надѣяться на будущее его процвѣтаніе: нѣтъ! племенныя особенности, какъ земля, на которую падаетъ умственное сѣмя, могутъ только ускорить или замедлить его первое развитіе; онѣ могутъ сообщить ему здоровую или тощую пищу; могутъ, наконецъ, ему дать свободный ходъ на Божьемъ свѣтѣ или заглушить его чужими растеніями; но самое свойство плода зависитъ отъ свойства сѣмени.

Какое бы ни было наше мнѣніе о пришествіи Варяговъ: добровольно ли вся Русская земля призвала ихъ, или одна партія накликала на другую; но ни въ какомъ случаѣ это пришествіе не было нашествіемъ чужаго племени; ни въ какомъ случаѣ также оно не могло быть завоеваніемъ, ибо, если черезъ полтораста лѣтъ такъ легко можно было выслать ихъ изъ Россіи, или, по крайней мѣрѣ, значительную ихъ часть, то какъ же могли бы они такъ легко завоевать ее прежде? Какъ могли бы такъ безмятежно держаться въ ней противъ ея воли? *) При нихъ спокойно и естественно совершалось образованіе ея общественныхъ и государственныхъ отношеній, безъ всякихъ насильственныхъ нововведеній, единственно вслѣдствіе внутренняго устройства ея нравственныхъ понятій. Со введеніемъ же Христіанства, нравственныя понятія Русскаго человѣка измѣнились, а вмѣстѣ съ ними и его общежительныя отношенія; и потому все общественное устройство Русской земли должно было въ своемъ развитіи принять также направленіе Христіанское.

Лучшимъ выраженіемъ той готовности, съ какою Русскій человѣкъ стремился съ самаго начала осуществить въ своей

*) См. Москвит. 1845 г. № 3-й: *О древней Русской Исторіи*, статью моего брата, Петра Вас. Кирѣевскаго, котораго взглядъ на прежнюю Россію представляетъ, по моему мнѣнію, самую ясную картину ея первобытнаго устройства.

жизни всю полноту принятаго имъ новаго убѣжденія, можетъ служить первое, еще необдуманное (такъ прекрасно необдуманное!) желаніе Св. Владиміра: прощать всѣмъ преступникамъ. Сама Церковь первая остановила его отъ исполненія этого желанія, положивъ, такимъ образомъ, различіе между обязанностями лично-духовными и свѣтски-правительственными. Вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлила она, сначала навсегда, твердыя границы между собою и государствомъ, между безусловною чистотою своихъ высшихъ началъ и житейскою смѣшанностію общественнаго устройства, всегда оставаясь внѣ государства и его мірскихъ отношеній, высоко надъ ними, какъ недосягаемый, свѣтлый идеалъ, къ которому они должны стремиться, и который самъ не смѣшивался съ ихъ земными пружинами. Управляя личнымъ убѣжденіемъ людей, Церковь Православная никогда не имѣла притязанія насильственно управлять ихъ волею, или пріобрѣтать себѣ власть свѣтски-правительственную или, еще менѣе, искать формальнаго господства надъ правительственною властію. Государство, правда, стояло Церковью: оно было тѣмъ крѣпче въ своихъ основахъ, тѣмъ связнѣе въ своемъ устройствѣ, тѣмъ цѣльнѣе въ своей внутренней жизни, чѣмъ болѣе проникалось ею. Но Церковь никогда не стремилась быть государствомъ, какъ и государство, въ свою очередь, смиренно сознавая свое мірское назначеніе, никогда не называло себя „святымъ“. Ибо, если Русскую землю иногда называли: „святая Русь“, то это единственно съ мыслію о тѣхъ святыняхъ мощей и монастырей и храмовъ Божіихъ, которыя въ ней находились; а не потому, чтобы ея устройство представляло сопроницаніе церковности и свѣтскости, какъ устройство „Святой Римской Имперіи“.

Управляя такимъ образомъ общественнымъ составомъ, какъ духъ управляетъ составомъ тѣлеснымъ, Церковь не облекала характеромъ церковности мірскихъ устройствъ, подобныхъ рыцарско-монашескимъ орденамъ, инквизиціоннымъ судилищамъ и другимъ свѣтско-духовнымъ постановленіямъ Запада; но, проникая всѣ умственныя и нравственныя убѣжденія людей, она невидимо вела государство къ осуществленію высшихъ Христіанскихъ началъ, никогда не мѣшая его естественному развитію. И духовное вліяніе Церкви на это естественное развитіе общественности могло быть тѣмъ полнѣе и чище, что никакое историческое препятствіе не мѣшало внутреннимъ

убѣжденіямъ людей выражаться въ ихъ внѣшнихъ отношеніяхъ. Неискаженная завоеваніемъ, Русская земля, въ своемъ внутреннемъ устройствѣ, не стѣснялась тѣми насильственными формами, какія должны возникать изъ борьбы двухъ ненавистныхъ другъ другу племенъ, принужденныхъ, въ постоянной враждѣ, устроивать свою совмѣстную жизнь. Въ ней не было ни завоевателей, ни завоеванныхъ. Она не знала ни желѣзнаго разграниченія неподвижныхъ сословій, ни стѣснительныхъ для одного преимуществъ другаго, ни истекающей оттуда политической и нравственной борьбы, ни сословнаго презрѣнія, ни сословной ненависти, ни сословной зависти. Она не знала, слѣдственно, и необходимаго порожденія этой борьбы: искусственной формальности общественныхъ отношеній и болѣзненнаго процесса общественнаго развитія, совершающагося насильственными измѣненіями законовъ и бурными переломами постановленій. И князья, и бояре, и духовенство, и народъ, и дружины княжескія, и дружины боярскія, и дружины городскія, и дружина земская,—всѣ классы и виды населенія были проникнуты однимъ духомъ, одними убѣжденіями, однородными понятіями, одинакою потребностію общаго блага. Могло быть разномысліе въ какомъ нибудь частномъ обстоятельствѣ; но въ вопросахъ существенныхъ — слѣдовъ разномыслія почти не встрѣчается.

Такимъ образомъ, Русское общество выросло самобытно и естественно, подъ вліяніемъ одного внутренняго убѣжденія, Церковью и бытовымъ преданіемъ воспитаннаго. Однакоже— или лучше сказать *потому* именно въ немъ не было и мечтательнаго равенства, какъ не было и стѣснительныхъ преимуществъ. Оно представляетъ не плоскость, а лѣстницу, на которой было множество ступеней; но эти ступени не были вѣчно неподвижными, ибо устанавливались естественно, какъ необходимые сосуды общественнаго организма, а не насильственно, случайностями войны, и не преднамѣренно, по категоріямъ разума.

Если бы кто захотѣлъ вообразить себѣ Западное общество феодальныхъ временъ, то не иначе могъ бы сложить объ немъ картину, какъ представивъ себѣ множество замковъ, укрѣпленныхъ стѣнами, внутри которыхъ живетъ благородный рыцарь съ своею семьею, вокругъ которыхъ поселена—подлая чернь. Рыцарь былъ лицо; чернь—часть его замка. Воинственныя

отношенія этихъ личныхъ замковъ между собою и ихъ отношенія къ вольнымъ городамъ, къ королю и къ Церкви,—составляютъ всю исторію Запада.

Напротивъ того, воображая себѣ Русское общество древнихъ временъ, не видишь ни замковъ, ни окружающей ихъ подлой черни, ни благородныхъ рыцарей, ни борющагося съ ними короля. Видишь безчисленное множество маленькихъ общинъ, по всему лицу земли Русской разселенныхъ и имѣющихъ, каждая на извѣстныхъ правахъ, своего распорядителя, и составляющихъ, каждая, свое особое согласіе, или свой маленькій міръ: эти маленькіе міры или согласія сливаются въ другія, бо́льшія согласія, которыя, въ свою очередь, составляютъ согласія областныя и, наконецъ, племенныя, изъ которыхъ уже слагается одно общее, огромное согласіе всей Русской земли, имѣющее надъ собою Великаго Князя всея Руси, на которомъ утверждается вся кровля общественнаго зданія, опираются всѣ связи его верховнаго устройства.

Вслѣдствіе такихъ естественныхъ, простыхъ и единодушныхъ отношеній, и законы, выражающіе эти отношенія, не могли имѣть характеръ искусственной формальности; но, выходя изъ двухъ источниковъ: изъ бытоваго преданія и изъ внутренняго убѣжденія, они должны были, въ своемъ духѣ, въ своемъ составѣ и въ своихъ примѣненіяхъ, носить характеръ болѣе внутренней, чѣмъ внѣшней правды, предпочитая очевидность существенной справедливости—буквальному смыслу формы; святость преданія—логическому выводу; нравственность требованія—внѣшней пользѣ. Я говорю, разумѣется, не о томъ или другомъ законѣ отдѣльно, но о всей, такъ сказать, наклонности (тенденціи) древне-Русскаго права. Внутренняя справедливость брала въ немъ перевѣсъ надъ внѣшнею формальностію.

Между тѣмъ, какъ Римско-Западная юриспруденція отвлеченно выводитъ логическія заключенія изъ каждаго законнаго условія, говоря: *форма—это самый законъ*,—и старается всѣ формы связать въ одну разумную систему, гдѣ бы каждая часть, по отвлеченно-умственной необходимости, правильно развивалась изъ цѣлаго, и все вмѣстѣ составляло не только разумное дѣло, но *самый написанный разумъ*; право обычное, напротивъ того, какъ оно было въ Россіи, выростая изъ жизни, совершенно чуждалось развитія отвлеченно-логическаго. Законъ

въ Россіи не изобрѣтался предварительно какими-нибудь учеными юрисконсультами; не обсуживался глубокомысленно и краснорѣчиво въ какомъ-нибудь законодательномъ собраніи, и не падалъ потомъ, какъ снѣгъ на голову, посреди всей удивленной толпы гражданъ, ломая у нихъ какой-нибудь уже заведенный порядокъ отношеній. Законъ въ Россіи не сочинялся, но обыкновенно только записывался на бумагу, уже послѣ того, какъ онъ самъ собою образовался въ понятіяхъ народа и мало по малу, вынужденный необходимостью вещей, взошелъ въ народные нравы и народный бытъ. Логическое движеніе законовъ можетъ существовать только тамъ, гдѣ самая общественность основана на искусственныхъ условіяхъ; гдѣ, слѣдовательно, развитіемъ общественнаго устройства можетъ и должно управлять *мнѣніе* всѣхъ или нѣкоторыхъ. Но тамъ, гдѣ общественность основана на коренномъ единомысліи, тамъ твердость нравовъ, святость преданія и крѣпость обычныхъ отношеній не могутъ нарушаться, не разрушая самыхъ существенныхъ условій жизни общества. Тамъ каждая насильственная перемѣна по логическому выводу была бы разрѣзомъ ножа въ самомъ сердцѣ общественнаго организма. Ибо общественность тамъ стоитъ *на убѣжденіяхъ*, и потому всякія *мнѣнія*, даже всеобщія, управляя ея развитіемъ, были бы для нея смертоносны.

Мнѣніе, убѣжденіе—двѣ совершенно особыя пружины двухъ, совершенно различныхъ, общественныхъ устройствъ.—Мнѣніе не тѣмъ только отличается отъ убѣжденія, что первое минутнѣе, второе тверже; первое—выводъ изъ логическихъ соображеній; второе—итогъ всей жизни; но въ политическомъ смыслѣ они имѣютъ еще другое несходство: убѣжденіе есть невысканное сознаніе всей совокупности общественныхъ отношеній; мнѣніе есть преувеличенное сочувствіе только той сторонѣ общественныхъ интересовъ, которая совпадаетъ съ интересами одной партіи, и потому прикрываетъ ея своекорыстную исключительность обманчивымъ призракомъ общей пользы.

Отъ того въ обществѣ искусственномъ, основанномъ на формальномъ сочетаніи интересовъ, каждое улучшеніе совершается вслѣдствіе какого-нибудь преднамѣреннаго плана; новое отношеніе вводится потому, что нынѣшнее мнѣніе беретъ верхъ надъ вчерашнимъ порядкомъ вещей; каждое постановленіе насильственно измѣняетъ прежнее: развитіе совершается, какъ мы уже замѣтили, по закону переворотовъ—съ верху въ низъ

или съ низу въ верхъ, смотря по тому, гдѣ торжествующая партія сосредоточила свои силы, и куда торжествующее мнѣніе ихъ направило. Напротивъ того, въ обществѣ, устроившемся естественно изъ самобытнаго развитія своихъ коренныхъ началъ, каждый переломъ есть болѣзнь, болѣе или менѣе опасная; законъ переворотовъ, вмѣсто того, чтобы быть условіемъ жизненныхъ улучшеній, есть для него условіе распаденія и смерти: ибо его развитіе можетъ совершаться только гармонически и непримѣтно, по закону естественнаго возрастанія въ односмысленномъ пребываніи.

Одно изъ самыхъ существенныхъ отличій правомѣрнаго устройства Россіи и Запада составляютъ коренныя понятія о правѣ поземельной собственности. Римскіе гражданскіе законы, можно сказать, суть всѣ не что иное, какъ развитіе безусловности этого права. Западно-Европейскія общественныя устройства также произошли изъ разновидныхъ сочетаній этихъ самобытныхъ правъ, въ основаніи своемъ неограниченныхъ и, только въ отношеніяхъ общественныхъ, принимающихъ нѣкоторыя взаимно-условныя ограниченія. Можно сказать: все зданіе Западной общественности стоитъ на развитіи этого личнаго права собственности, такъ, что и самая личность, въ юридическоій основѣ своей, есть только выраженіе этого права собственности.

Въ устройствѣ Русской общественности, личность есть первое основаніе, а право собственности только ея *случайное* отношеніе. Общинѣ земля принадлежитъ потому, что община состоитъ изъ семей, состоящихъ изъ лицъ, могущихъ землю воздѣлывать. Съ увеличеніемъ числа лицъ, увеличивается и количество земли, принадлежащее семьѣ; съ уменьшеніемъ—уменьшается. Право общины надъ землею ограничивается правомъ помѣщика, или вотчинника; право помѣщика условливается его отношеніемъ къ государству. Отношенія помѣщика къ государству зависятъ не отъ помѣстья его, но его помѣстье зависитъ отъ его личныхъ отношеній. Эти личныя отношенія опредѣляются столько же личными отношеніями его отца, сколько и собственными, теряются неспособностью поддерживать ихъ, или возрастаютъ решительнымъ перевѣсомъ достоинствъ надъ другими, совмѣстными личностями. Однимъ словомъ, безусловность поземельной собственности могла являться въ Россіи только какъ исключеніе. Общество слагалось не изъ частныхъ

собственностей, къ которымъ приписывались лица, но изъ лицъ, которымъ приписывалась собственность.

Запутанность, которая въ послѣдствіи могла произойти отъ этихъ отношеній въ высшихъ слояхъ общества, при уничтоженіи мелкихъ княжествъ и сліяніи ихъ въ одно правительственное устройство, была случайная и имѣла основаніе свое, какъ кажется, въ причинахъ постороннихъ, являясь не какъ необходимое развитіе, но уже какъ нѣкоторое уклоненіе отъ правильнаго развитія основнаго духа всей Русской государственности. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, это особенное, совершенно отличное отъ Запада, положеніе, въ котöромъ человѣкъ понималъ себя относительно поземельной собственности, должно было находиться въ связи со всею совокупностью его общественныхъ и общежительныхъ и нравственныхъ отношеній.

Потому, общежительныя отношенія Русскихъ были также отличны отъ Западныхъ. Я не говорю о различіи нѣкоторыхъ частныхъ формъ, которыя можно почитать несущественными случайностями народной особенности. Но самый характеръ народныхъ обычаевъ, самый смыслъ общественныхъ отношеній и частныхъ нравовъ, былъ совсѣмъ иной. Западный человѣкъ раздробляетъ свою жизнь на отдѣльныя стремленія и, хотя связываетъ ихъ разсудкомъ въ одинъ общій планъ, однакоже, въ каждую минуту жизни, является какъ иной человѣкъ. Въ одномъ углу его сердца живетъ чувство религіозное, которое онъ употребляетъ при упражненіяхъ благочестія; въ другомъ,— отдѣльно—силы разума и усилія житейскихъ занятій; въ третьемъ — стремленія къ чувственнымъ утѣхамъ; въ четвертомъ—нравственно-семейное чувство; въ пятомъ—стремленіе къ личной корысти; въ шестомъ—стремленіе къ наслажденіямъ изящно искусственнымъ; и каждое изъ частныхъ стремленій подраздѣляется еще на разные виды, сопровождаемые особыми состояніями души, которыя всѣ являются разрозненно одно отъ другаго и связываются только отвлеченнымъ разсудочнымъ воспоминаніемъ. Западный человѣкъ легко могъ поутру молиться съ горячимъ, напряженнымъ, изумительнымъ усердіемъ; потомъ отдохнуть отъ усердія, забывъ молитву и упражняя другія силы въ работѣ; потомъ отдохнуть отъ работы, не только физически, но и нравственно, забывая ея сухія занятія за смѣхомъ и звономъ застольныхъ пѣсенъ; потомъ забыть весь день

и всю жизнь въ мечтательномъ наслажденіи искусственнаго зрѣлища. На другой день ему легко было опять снова начать оборачивать то же колесо своей наружно-правильной жизни.

Не такъ человѣкъ Русскій. Молясь въ церкви, онъ не кричитъ отъ восторга, не бьетъ себя въ грудь, не падаетъ безъ чувствъ отъ умиленія; напротивъ, во время подвига молитвеннаго онъ особенно старается сохранить трезвый умъ и цѣльность духа. Когда же не односторонняя напряженность чувствительности, но самая полнота молитвеннаго самосознанія проникнетъ его душу, и умиленіе коснется его сердца; то слезы его льются незамѣтно, и никакое страстное движеніе не смущаетъ глубокой тишины его внутренняго состоянія. За то онъ не поетъ и застольныхъ пѣсенъ. Его обѣдъ совершается съ молитвою. Съ молитвою начинаетъ и оканчиваетъ онъ каждое дѣло. Съ молитвою входитъ въ домъ и выходитъ. Послѣдній крестьянинъ, являясь во дворецъ передъ лицо Великаго Князя (за честь котораго онъ, можетъ быть, вчера еще отваживалъ свою жизнь въ какомъ-нибудь случайномъ спорѣ съ Ляхами), не кланяется хозяину прежде, чѣмъ преклонится передъ изображеніемъ Святыни, которое всегда, очевидно, стояло въ почетномъ углу каждой избы, большой и малой.—Такъ Русскій человѣкъ каждое важное и неважное дѣло свое всегда связывалъ непосредственно съ высшимъ понятіемъ ума и съ глубочайшимъ средоточіемъ сердца.

Однакоже надобно признаться, что это постоянное стремленіе къ совокупной цѣльности всѣхъ нравственныхъ силъ могло имѣть и свою опасную сторону. Ибо только въ томъ обществѣ, гдѣ всѣ классы равно проникнуты однимъ духомъ; гдѣ повсемѣстно уважаемые и многочисленные монастыри,—эти народныя школы и высшіе университеты религіознаго государства, вполнѣ владѣютъ надъ умами; гдѣ, слѣдовательно, люди, созрѣвшіе въ духовной мудрости, могутъ постоянно руководствовать другихъ, еще не дозрѣвшихъ: тамъ подобное расположеніе человѣка должно вести его къ высшему совершенству. Но когда, еще не достигнувъ до самобытной зрѣлости внутренней жизни, онъ будетъ лишенъ руководительныхъ заботъ высшаго ума, то жизнь его можетъ представить неправильное сочетаніе излишнихъ напряженій съ излишними изнеможеніями. Отъ того видимъ мы иногда, что Русскій человѣкъ, сосредоточивая

всѣ свои силы въ работѣ, въ три дня можетъ сдѣлать больше, чѣмъ осторожный Нѣмецъ не сдѣлаетъ въ тридцать; но за то, потомъ, уже долго не можетъ онъ добровольно приняться за дѣло свое. Вотъ почему, при такомъ недозрѣломъ состоянiи и при лишенiи единодушнаго руководителя, часто для Русскаго человѣка самый ограниченный умъ Нѣмца, размѣряя по часамъ и табличкѣ мѣру и степень его трудовъ, можетъ лучше, чѣмъ онъ самъ, управлять порядкомъ его занятiй.

Но въ древней Россiи эта внутренняя цѣльность самосознанiя, къ которой самые обычаи направляли Русскаго человѣка, отражалась и на формахъ его жизни семейной, гдѣ законъ постояннаго, ежеминутнаго самоотверженiя былъ не геройскимъ исключенiемъ, но дѣломъ общей и обыкновенной обязанности. До сихъ поръ еще сохраняется этотъ характеръ семейной цѣльности въ нашемъ крестьянскомъ быту. Ибо, если мы захотимъ вникнуть во внутреннюю жизнь нашей избы, то замѣтимъ въ ней то обстоятельство, что каждый членъ семьи, при всѣхъ своихъ безпрестанныхъ трудахъ и постоянной заботѣ объ успѣшномъ ходѣ всего хозяйства, никогда въ своихъ усилiяхъ не имѣетъ въ виду своей личной корысти. Мысли о собственной выгодѣ совершенно отсѣкъ онъ отъ самаго корня своихъ побужденiй. Цѣльность семьи есть одна общая цѣль и пружина. Весь избытокъ хозяйства идетъ безотчетно одному главѣ семейства; всѣ частные заработки сполна и совѣстливо отдаются ему. И притомъ образъ жизни всей семьи обыкновенно мало улучшается и отъ излишнихъ избытковъ главы семейства; но частные члены не входятъ въ ихъ употребленiе и не ищутъ даже узнать величину ихъ: они продолжаютъ свой вѣчный трудъ и заботы съ одинакимъ самозабвенiемъ, какъ обязанность совѣсти, какъ опору семейнаго согласiя. Въ прежнiя времена это было еще разительнѣе: ибо семьи были крупнѣе и составлялись не изъ однихъ дѣтей и внуковъ, но сохраняли свою цѣльность, при значительномъ размноженiи рода. Между тѣмъ, и теперь еще можемъ мы ежедневно видѣть, какъ легко, при важныхъ несчастiяхъ жизни, какъ охотно, скажу даже, какъ радостно одинъ членъ семейства всегда готовъ добровольно пожертвовать собою за другаго, когда видитъ въ своей жертвѣ общую пользу своей семьи.

На Западѣ ослабленiе семейныхъ связей было слѣдствiемъ общаго направленiя образованности: отъ высшихъ классовъ

народа перешло оно къ низшимъ, прямымъ вліяніемъ первыхъ на послѣдніе и неудержимымъ стремленіемъ послѣднихъ: перенимать нравы класса господствующаго. Эта страстная подражательность тѣмъ естественнѣе, чѣмъ однороднѣе умственная образованность различныхъ классовъ, и тѣмъ быстрѣе приноситъ плоды, чѣмъ искусственнѣе характеръ самой образованности, и чѣмъ болѣе она подчиняется личнымъ мнѣніямъ.

Въ высшихъ слояхъ Европейскаго общества, семейная жизнь, говоря вообще, весьма скоро стала, даже для женщинъ, дѣломъ почти постороннимъ. Отъ самаго рожденія дѣти знатныхъ родовъ воспитывались за глазами матери. Особенно въ тѣхъ государствахъ, гдѣ мода воспитывать дочерей внѣ семьи, въ отдѣленныхъ отъ нея непроницаемыми стѣнами монастыряхъ, сдѣлалась общимъ обычаемъ высшаго сословія, тамъ мать семейства вовсе почти лишена была семейнаго смысла. Переступая черезъ порогъ монастыря только для того, чтобы идти подъ вѣнецъ, она тѣмъ же шагомъ вступала въ заколдованный кругъ свѣтскихъ обязанностей, прежде, чѣмъ узнала обязанности семейныя. Потому, чувствительность къ отношеніямъ общественнымъ брала въ ней верхъ надъ отношеніями домашними. Самолюбивыя и шумныя удовольствія гостиной замѣняли ей тревоги и радости тихой дѣтской. Салонная любезность и умѣнье жить въ свѣтѣ, съ избыткомъ развиваясь на счетъ другихъ добродѣтелей, сдѣлались самою существенною частію женскаго достоинства. Скоро для обоихъ половъ блестящая гостиная обратилась въ главный источникъ удовольствій и счастія, въ источникъ ума и образованности, въ источникъ силы общественной, въ господствующую и всепоглощающую цѣль ихъ искусственной жизни. Оттуда,—особенно въ государствахъ, гдѣ воспитаніе женщинъ высшаго круга совершалось внѣ семьи, — произошло великолѣпное, обворожительное развитіе общежительныхъ утонченностей; вмѣстѣ съ этимъ развитіемъ и нравственное гніеніе высшаго класса, и въ немъ первый зародышъ, знаменитаго въ послѣдствіи, ученія о всесторонней эманципаціи женщины.

Въ Россіи, между тѣмъ, формы общежитія, выражая общую цѣльность быта, никогда не принимали отдѣльнаго, самостоятельнаго развитія, оторваннаго отъ жизни всего народа, и по-

тому не могли заглушить въ человѣкѣ его семейнаго смысла, ни повредить цѣльности его нравственнаго возрастанія. Рѣзкая особенность Русскаго характера въ этомъ отношеніи заключалась въ томъ, что никакая личность, въ общежительныхъ сношеніяхъ своихъ, никогда не искала выставить свою самородную особенность какъ какое-то достоинство; но все честолюбіе частныхъ лицъ ограничивалось стремленіемъ: быть правильнымъ выраженіемъ основнаго духа общества. Потому, какъ гостиная не правительствуетъ въ государствѣ, котораго всѣ части проникнуты сочувствіемъ со всею цѣльностію жизни общественной; какъ личное мнѣніе не господствуетъ въ обществѣ, которое незыблемо стоитъ на убѣжденіи: такъ и прихоть моды не властвуетъ въ немъ, вытѣсняясь твердостію общаго быта.

При такомъ устройствѣ нравовъ, простота жизни и простота нуждъ была не слѣдствіемъ недостатка средствъ и не слѣдствіемъ неразвитія образованности, но требовалась самымъ характеромъ основнаго просвѣщенія. На Западѣ роскошь была не противорѣчіе, но законное слѣдствіе раздробленныхъ стремленій общества и человѣка; она была, можно сказать, въ самой натурѣ искусственной образованности; ее могли порицать духовные, въ противность обычнымъ понятіямъ, но въ общемъ мнѣніи она была почти добродѣтелью. Ей не уступали, какъ слабости, но, напротивъ, гордились ею, какъ завиднымъ преимуществомъ. Въ средніе вѣка, народъ съ уваженіемъ смотрѣлъ на наружный блескъ, окружающій человѣка, и свое понятіе объ этомъ наружномъ блескѣ благоговѣйно сливалъ въ одно чувство съ понятіемъ о самомъ достоинствѣ человѣка. Русскій человѣкъ, больше золотой парчи придворнаго, уважалъ лохмотья юродиваго. Роскошь проникала въ Россію, но какъ зараза отъ сосѣдей. Въ ней извинялись; ей поддавались, какъ пороку, всегда чувствуя ея незаконность, не только религіозную, но и нравственную и общественную.

Западный человѣкъ искалъ развитіемъ внѣшнихъ средствъ облегчить тяжесть внутреннихъ недостатковъ. Русскій человѣкъ стремился внутреннимъ возвышеніемъ надъ внѣшними потребностями избѣгнуть тяжести внѣшнихъ нуждъ. Еслибы наука о политической экономіи существовала тогда, то, безъ

всякаго сомнѣнія, она не была бы понятна Русскому. Онъ не могъ бы согласить съ цѣльностію своего воззрѣнія на жизнь—особой науки о богатствѣ. Онъ не могъ бы понять, какъ можно съ намѣреніемъ раздражать чувствительность людей къ внѣшнимъ потребностямъ, только для того, чтобы умножить ихъ усилія къ вещественной производительности. Онъ зналъ, что развитіе богатства есть одно изъ второстепенныхъ условій жизни общественной и должно потому находиться не только въ тѣсной связи съ другими высшими условіями, но и въ совершенной имъ подчиненности.

Впрочемъ, если роскошь жизни еще могла, какъ зараза, проникнуть въ Россію, то искусственный комфортъ съ своею художественною изнѣженностію, равно какъ и всякая умышленная искусственность жизни, всякая разслабленная мечтательность ума, никогда не получили бы въ ней право гражданства,—какъ прямое и ясное противорѣчіе ея господствующему духу.

По той же причинѣ, если бы и изящныя искусства имѣли время развиться въ древней Россіи, то, конечно, приняли бы въ ней другой характеръ, чѣмъ на Западѣ. Тамъ развивались они сочувственно съ общимъ движеніемъ мысли, и потому та же раздробленность духа, которая въ умозрѣніи произвела логическую отвлеченность, въ изящныхъ искусствахъ породила мечтательность и разрозненность сердечныхъ стремленій. Оттуда языческое поклоненіе отвлеченной красотѣ. Вмѣсто того, чтобы смыслъ красоты и правды хранить въ той неразрывной связи, которая, конечно, можетъ мѣшать быстротѣ ихъ отдѣльнаго развитія, но которая бережетъ общую цѣльность человѣческаго духа и сохраняетъ истину его проявленій: Западный міръ, напротивъ того, основалъ красоту свою на обманѣ воображенія, на завѣдомо ложной мечтѣ, или на крайнемъ напряженіи односторонняго чувства, рождающагося изъ умышленнаго раздвоенія ума. Ибо Западный міръ не сознавалъ, что мечтательность есть сердечная ложь, и что внутренняя цѣльность бытія необходима не только для истины разума, но и для полноты изящнаго наслажденія.

Это направленіе изящныхъ искусствъ шло не мимо жизни всего Западнаго міра. Изнутри всей совокупности человѣческихъ отношеній рождается свободное искусство и, явившись на свѣтъ, снова входитъ въ самую глубину человѣческаго ду-

ха, укрѣпляя его или разслабляя, собирая его силы или расточая ихъ. Отъ того, я думаю, ложное направленіе изящныхъ искусствъ еще глубже исказило характеръ просвѣщенія Европейскаго, чѣмъ само направленіе философіи, которая тогда только бываетъ пружиною развитія, когда сама результатъ его. Но добровольное, постоянное и, такъ сказать, одушевленное стремленіе къ умышленному раздвоенію внутренняго самознанія разщепляетъ самый корень душевныхъ силъ. Отъ того разумъ обращается въ умную хитрость, сердечное чувство—въ слѣпую страсть, красота — въ мечту, истина—въ мнѣніе; наука—въ силлогизмъ; существенность—въ предлогъ къ воображенію; добродѣтель—въ самодовольство, а театральность является неотвязною спутницею жизни, внѣшнею прикрышкою лжи, —какъ мечтательность служитъ ей внутреннею маскою.

Но назвавъ „самодовольство“, я коснулся еще одного, довольно общаго отличія Западнаго человѣка отъ Русскаго. Западный, говоря вообще, почти всегда доволенъ своимъ нравственнымъ состояніемъ; почти каждый изъ Европейцевъ всегда готовъ, съ гордостію ударяя себя по сердцу, говорить себѣ и другимъ, что совѣсть его вполнѣ спокойна, что онъ совершенно чистъ передъ Богомъ и людьми, что онъ одного только проситъ у Бога, чтобы другіе люди всѣ были на него похожи. Если же случится, что самыя наружныя дѣйствія его придутъ въ противорѣчіе съ общепринятыми понятіями о нравственности: онъ выдумываетъ себѣ особую, оригинальную систему нравственности, вслѣдствіе которой его совѣсть опять успокоивается. Русскій человѣкъ, напротивъ того, всегда живо чувствуетъ свои недостатки, и чѣмъ выше восходитъ по лѣстницѣ нравственнаго развитія, тѣмъ болѣе требуетъ отъ себя, и потому тѣмъ менѣе бываетъ доволенъ собою. При уклоненіяхъ отъ истиннаго пути, онъ не ищетъ обмануть себя какимъ-нибудь хитрымъ разсужденіемъ, придавая наружный видъ правильности своему внутреннему заблужденію; но, даже въ самыя страстныя минуты увлеченія, всегда готовъ сознать его нравственную незаконность.

Но остановимся здѣсь и соберемъ вмѣстѣ все сказанное нами о различіи просвѣщенія Западно-Европейскаго и древне-Русскаго; ибо, кажется, достаточно уже замѣченныхъ нами особенностей для того, чтобы, сведя ихъ въ одинъ итогъ, вывести ясное опредѣленіе характера той и другой образованности.

Христіанство проникало въ умы Западныхъ народовъ черезъ ученіе одной Римской Церкви,—въ Россіи оно зажигалось на свѣтильникахъ всей Церкви Православной; богословіе на Западѣ приняло характеръ разсудочной отвлеченности,—въ Православномъ мірѣ оно сохранило внутреннюю цѣльность духа; тамъ раздвоеніе силъ разума,—здѣсь стремленіе къ ихъ живой совокупности; тамъ движеніе ума къ истинѣ посредствомъ логическаго сцѣпленія понятій, — здѣсь стремленіе къ ней посредствомъ внутренняго возвышенія самосознанія къ сердечной цѣльности и средоточію разума; тамъ исканіе наружнаго, мертваго единства, — здѣсь стремленіе къ внутреннему, живому; тамъ Церковь смѣшалась съ государствомъ, соединивъ духовную власть со свѣтскою и сливая церковное и мірское значеніе въ одно устройство, смѣшаннаго характера,—въ Россіи она оставалась не смѣшанною съ мірскими цѣлями и устройствомъ; тамъ схоластическіе и юридическіе университеты, — въ древней Россіи молитвенные монастыри, сосредоточивавшіе въ себѣ высшее знаніе; тамъ разсудочное и школьное изученіе высшихъ истинъ,—здѣсь стремленіе къ ихъ живому и цѣльному познаванію; тамъ взаимное проростаніе образованности языческой и Христіанской,—здѣсь постоянное стремленіе къ очищенію истины; тамъ государственность изъ насилій завоеванія, — здѣсь изъ естественнаго развитія народнаго быта, проникнутаго единствомъ основнаго убѣжденія; тамъ враждебная разграниченность сословій,—въ древней Россіи ихъ единодушная совокупность, при естественной разновидности; тамъ искусственная связь рыцарскихъ замковъ съ ихъ принадлежностями составляетъ отдѣльныя государства, — здѣсь совокупное согласіе всей земли духовно выражаетъ нераздѣлимое единство; тамъ поземельная собственность—первое основаніе гражданскихъ отношеній,—здѣсь собственность только случайное выраженіе отношеній личныхъ; тамъ законность формально логическая, — здѣсь — выходящая изъ быта; тамъ наклонность права къ справедливости внѣшней, —здѣсь предпочтеніе внутренней; тамъ юриспруденція стремится къ логическому кодексу,—здѣсь, вмѣсто наружной связности формы съ формою, ищетъ она внутренней связи правомѣрнаго убѣжденія съ убѣжденіями вѣры и быта; тамъ законы исходятъ искусственно изъ господствующаго мнѣнія, — здѣсь они рождались естественно изъ быта; тамъ улучшенія всегда совершались насильственными перемѣнами,—здѣсь стройнымъ

естественнымъ возрастаніемъ; тамъ волненіе духа партій, здѣсь незыблемость основнаго убѣжденія; тамъ прихоть моды,—здѣсь твердость быта; тамъ шаткость личной самозаконности,—здѣсь крѣпость семейныхъ и общественныхъ связей; тамъ щеголеватость роскоши и искусственность жизни,—здѣсь простота жизненныхъ потребностей и бодрость нравственнаго мужества; тамъ изнѣженность мечтательности, — здѣсь здоровая цѣльность разумныхъ силъ; тамъ внутренняя тревожность духа, при разсудочной увѣренности въ своемъ нравственномъ совершенствѣ,—у Русскаго — глубокая тишина и спокойствіе внутренняго самосознанія, при постоянной недовѣрчивости къ себѣ и при неограниченной требовательности нравственнаго усовершенія; однимъ словомъ, тамъ раздвоеніе духа, раздвоеніе мыслей, раздвоеніе наукъ, раздвоеніе государства, раздвоеніе сословій, раздвоеніе общества, раздвоеніе семейныхъ правъ и обязанностей, раздвоеніе нравственнаго и сердечнаго состоянія, раздвоеніе всей совокупности и всѣхъ отдѣльныхъ видовъ бытія человѣческаго, общественнаго и частнаго; — въ Россіи, напротивъ того, преимущественное стремленіе къ цѣльности бытія внутренняго и внѣшняго, общественнаго и частнаго, умозрительнаго и житейскаго, искусственнаго и нравственнаго. Потому, если справедливо сказанное нами прежде, то *раздвоеніе* и *цѣльность*, *разсудочность* и *разумность*, будутъ послѣднимъ выраженіемъ Западно-Европейской и древне-Русской образованности.

Но здѣсь естественно приходитъ вопросъ: отъ чего же образованность Русская не развилась полнѣе образованности Европейской, прежде введенія въ Россію просвѣщенія Западнаго? Отъ чего не опередила Россія Европу? Отъ чего не стала она во главѣ умственнаго движенія всего человѣчества, имѣя столько залоговъ для правильнаго и всеобъемлющаго развитія духа?

Въ объясненіе этого сказать: что если развитіе Русскаго ума отдалилось на нѣсколько вѣковъ отъ того времени, когда оно, по вѣроятности, должно было совершиться, то это произошло по высшей волѣ Провидѣнія,—значило бы сказать мысль справедливую, но не отвѣтную. Святое Провидѣніе не безъ нравственной причины человѣка продолжаетъ или сокращаетъ назначенный ему путь. Отъ Египта до Обѣтованной земли, Израильскій народъ могъ совершить въ 40 дней то путешествіе черезъ пустыни Аравійскія, которое онъ совершалъ 40 лѣтъ

только потому, что душа его удалялась отъ чистаго стремленія къ Богу, его ведущему.

Но мы говорили уже, что каждый патріархатъ во Вселенской Церкви, каждый народъ, каждый человѣкъ, принося на служеніе ей свою личную особенность, въ самомъ развитіи этой особенности встрѣчаетъ опасность для своего внутренняго равновѣсія и для своего согласнаго пребыванія въ общемъ духѣ Православія.

Въ чемъ же заключалась особенность Россіи, сравнительно съ другими народами міра Православнаго, и гдѣ таилась для нея опасность?—И не развилась ли эта особенность въ нѣкоторое излишество, могущее уклонить ея умственное направленіе отъ прямаго пути къ назначенной ему цѣли?

Здѣсь, конечно, могутъ быть только гадательныя предположенія. Что касается до моего личнаго мнѣнія, то я думаю, что особенность Россіи заключалась въ самой полнотѣ и чистотѣ того выраженія, которое Христіанское ученіе получило въ ней,—во всемъ объемѣ ея общественнаго и частнаго быта. Въ этомъ состояла главная сила ея образованности; но въ этомъ же таилась и главная опасность для ея развитія. Чистота выраженія такъ сливалась съ выражаемымъ духомъ, что человѣку легко было смѣшать ихъ значительность, и наружную форму уважать наравнѣ съ ея внутреннимъ смысломъ. Отъ этого смѣшенія, конечно, ограждалъ его самый характеръ Православнаго ученія, преимущественно заботящагося о цѣльности духа. Однако же разумъ ученія, принимаемаго человѣкомъ, не совершенно уничтожаетъ въ немъ обще-человѣческую слабость. Въ человѣкѣ и въ народѣ, нравственная свобода воли не уничтожается никакимъ воспитаніемъ и никакими постановленіями. Въ XVI вѣкѣ, дѣйствительно, видимъ мы, что уваженіе къ формѣ уже во многомъ преобладаетъ надъ уваженіемъ духа. Можетъ быть, начало этого неравновѣсія должно искать еще и прежде; но въ XVI вѣкѣ оно уже становится видимымъ. Нѣкоторыя поврежденія, вкравшіяся въ богослужебныя книги, и нѣкоторыя особенности въ наружныхъ обрядахъ Церкви упорно удерживались въ народѣ, не смотря на то, что безпрестанныя сношенія съ Востокомъ должны бы были вразумить его о несходствахъ съ другими Церквами. Въ то же время видимъ мы, что частныя юридическія постановленія Византіи не только изучались, но и уважались наравнѣ почти съ поста-

новленіями обще-Церковными, и уже выражается требованіе: примѣнять ихъ къ Россіи, какъ бы они имѣли всеобщую обязательность. Въ то же время въ монастыряхъ, сохранявшихъ свое наружное благолѣпіе, замѣчался нѣкоторый упадокъ въ строгости жизни. Въ то же время, правильное въ началѣ, образованіе взаимныхъ отношеній бояръ и помѣщиковъ начинаетъ принимать характеръ уродливой формальности запутаннаго мѣстничества. Въ то же время близость Уніи, страхомъ чуждыхъ нововведеній, еще болѣе усиливаетъ общее стремленіе къ боязливому сохраненію всей, даже наружной и буквальной цѣлости въ коренной Русской Православной образованности.

Такимъ образомъ уваженіе къ преданію, которымъ стояла Россія, нечувствительно для нея самой, перешло въ уваженіе болѣе наружныхъ формъ его, чѣмъ его оживляющаго духа. Оттуда произошла та односторонность въ Русской образованности, которой рѣзкимъ послѣдствіемъ былъ Іоаннъ Грозный, и которая, черезъ вѣкъ послѣ, была причиною расколовъ и, потомъ, своею ограниченностью должна была въ нѣкоторой части мыслящихъ людей произвести противоположную себѣ, другую односторонность: стремленіе къ формамъ чужимъ и къ чужому духу.

Но корень образованности Россіи живетъ еще въ ея народѣ и, что всего важнѣе, онъ живетъ въ его Святой, Православной Церкви. Потому на этомъ только основаніи, и ни на какомъ другомъ, должно быть воздвигнуто прочное зданіе просвѣщенія Россіи, созидаемое донынѣ изъ смѣшанныхъ и большею частію чуждыхъ матеріаловъ, и потому имѣющее нужду быть перестроеннымъ изъ чистыхъ собственныхъ матеріаловъ. Построеніе же этого зданія можетъ совершиться тогда, когда тотъ классъ народа нашего, который не исключительно занятъ добываніемъ матеріальныхъ средствъ жизни, и которому, слѣдовательно, въ общественномъ составѣ преимущественно предоставлено значеніе: вырабатывать мысленно общественное самосознаніе,—когда этотъ классъ, говорю я, до сихъ поръ проникнутый Западными понятіями, наконецъ полнѣе убѣдится въ односторонности Европейскаго просвѣщенія; когда онъ живѣе почувствуетъ потребность новыхъ умственныхъ началъ; когда, съ разумною жаждою полной правды, онъ обратится къ чистымъ источникамъ древней Православной вѣры своего

народа, и чуткимъ сердцемъ будетъ прислушиваться къ яснымъ еще отголоскамъ этой Святой вѣры отечества въ прежней, родимой жизни Россіи. Тогда, вырвавшись изъ подъ гнета разсудочныхъ системъ Европейскаго любомудрія, Русскій образованный человѣкъ, въ глубинѣ особеннаго, недоступнаго для Западныхъ понятій, живаго, цѣльнаго умозрѣнія Святыхъ Отцевъ Церкви, найдетъ самые полные отвѣты именно на тѣ вопросы ума и сердца, которые всего болѣе тревожатъ душу, обманутую послѣдними результатами Западнаго самосознанія. А въ прежней жизни отечества своего онъ найдетъ возможность понять развитіе другой образованности.

Тогда возможна будетъ въ Россіи наука, основанная на самобытныхъ началахъ, отличныхъ отъ тѣхъ, какія намъ предлагаетъ просвѣщеніе Европейское. Тогда возможно будетъ въ Россіи искусство, на самородномъ корнѣ расцвѣтающее *). Тогда жизнь общественная въ Россіи утвердится въ направленіи, отличномъ отъ того, какое можетъ ей сообщить образованность Западная.

Однакоже, говоря: „направленіе“, я неизлишнимъ почитаю прибавить, что этимъ словомъ я рѣзко ограничиваю весь смыслъ моего желанія. Ибо, если когда нибудь случилось бы мнѣ увидѣть во снѣ, что какая либо изъ внѣшнихъ особенностей нашей прежней жизни, давно погибшая, вдругъ воскресла посреди насъ и въ прежнемъ видѣ своемъ вмѣшалась въ настоящую жизнь нашу; то это видѣніе не обрадовало бы меня. Напротивъ, оно испугало бы меня. Ибо такое перемѣщеніе прошлаго въ новое, отжившаго въ живущее, было бы то же, что перестановка колеса изъ одной машины въ другую, другаго устройства и размѣра: въ такомъ случаѣ или колесо должно сломаться, или машина. Одного только желаю я, чтобы тѣ начала жизни, которыя хранятся въ ученіи Святой Православной Церкви, вполнѣ проникнули убѣжденія всѣхъ степеней и сословій

---

*) О современномъ состояніи искусства и о характерѣ его будущаго развитія было еще въ 1845 году высказано нѣсколько глубокихъ мыслей А. С. Хомяковымъ, въ его статьѣ: *Письмо въ Петербургъ*, напечатанной во 2-мъ № Москвитянина того года; но тогда воззрѣніе это было, кажется, еще преждевременно для нашей публики; ибо литература наша не отозвалась на эти живыя мысли тѣмъ отвѣтомъ, какой бы должно было ожидать отъ нея при болѣе сознательномъ расположеніи умовъ.

нашихъ; чтобы эти высшія начала, господствуя надъ просвѣщеніемъ Европейскимъ и не вытѣсняя его, но напротивъ, обнимая его своею полнотою, дали ему высшій смыслъ и послѣднее развитіе, и чтобы та *цѣльность* бытія, которую мы замѣчаемъ въ древней, была навсегда удѣломъ настоящей и будущей нашей Православной Россіи...

О необходимости и возможности новыхъ началъ для философіи.

(1856).

Недавно еще стремленіе къ философіи было господствующимъ въ Европѣ. Даже политическіе вопросы занимали второе мѣсто, подчиняясь рѣшенію философскихъ системъ и отъ нихъ заимствуя свой окончательный смыслъ и свою внутреннюю значительность. Но въ послѣднее время интересъ къ философіи видимо ослабѣлъ, а съ 48-го года отношенія между ею и политикой совершенно перемѣнились: все вниманіе людей мыслящихъ поглощается теперь вопросами политическими; сочиненій философскихъ почти не выходитъ; философскія системы занимаютъ немногихъ, — и по справедливости. Для отвлеченнаго, систематическаго мышленія нѣтъ мѣста въ тѣснотѣ громадныхъ общественныхъ событій, проникнутыхъ всемірною значительностію и смѣняющихся одно другимъ съ быстротою театральныхъ декорацій.

Къ тому же самое философское развитіе въ Европѣ достигло той степени зрѣлости, когда появленіе новой системы уже не можетъ такъ сильно и такъ видимо волновать умы, какъ прежде оно волновало ихъ, поражая противоположностію новыхъ выводовъ съ прежними понятіями. То направленіе къ раціональному самомышленію, которое началось на Западѣ около временъ реформаціи, и котораго первыми представителями въ философіи были Баконъ и Декартъ, постоянно возрастая и распространяясь въ продолженіе трехъ съ половиною столѣтій, то раздробляясь на множество отдѣльныхъ системъ, то совокупляясь въ ихъ крупные итоги, и переходя такимъ образомъ всѣ ступени своего возможнаго восхожденія, достигло, наконецъ, послѣдняго всевмѣщающаго вывода, далѣе котораго умъ Европейскаго человѣка уже не можетъ стремиться, не измѣнивъ совершенно своего основнаго направленія. Ибо, когда человѣкъ отвергаетъ всякій авторитетъ, кромѣ своего отвлеченнаго мыш-

ленія, то можетъ ли онъ идти далѣе того воззрѣнія, гдѣ все бытіе міра является ему прозрачной діалектикой его собственнаго разума, а его разумъ самосознаніемъ всемірнаго бытія? Очевидно, что здѣсь конечная цѣль, которую только можетъ предположить себѣ отвлеченный разумъ, отдѣленный отъ другихъ познавательныхъ силъ, — цѣль, къ которой онъ шелъ въ продолженіе вѣковъ, до которой онъ достигъ въ наше время, и выше которой ему искать уже нѣчего. Лишившись возможности идти впередъ, философія можетъ только распространяться въ ширину, развиваться въ подробностяхъ и подводить всѣ отдѣльныя знанія подъ одинъ общій смыслъ. По этой причинѣ видимъ мы, что современные мыслители Запада, какъ бы ни были различны мнѣнія каждаго, почти всѣ стоятъ на одинакой высотѣ основныхъ началъ. Послѣдователи Гегеля говорятъ языкомъ болѣе школьнымъ, не читавшіе его говорятъ языкомъ болѣе человѣческимъ; но почти всѣ, даже и не слыхавшіе его имени, выражаютъ то главное убѣжденіе, которое служитъ основаніемъ и является послѣднимъ выводомъ его системы. Это убѣжденіе, такъ сказать, въ воздухѣ современной образованности. Потому, если мы видимъ, что мало выходитъ философскихъ книгъ, мало спорятъ о философскихъ вопросахъ; если мы замѣчаемъ, что интересъ къ философскимъ системамъ ослабѣлъ; то изъ этого не слѣдуетъ еще заключать, чтобы ослабѣлъ интересъ къ самому мышленію философскому. Напротивъ, оно болѣе, чѣмъ когда нибудь, проникло во всѣ другія области разума. Каждое явленіе въ общественной жизни и каждое открытіе въ наукахъ ложится въ умѣ человѣка далѣе предѣловъ своей видимой сферы и, связываясь съ вопросами общечеловѣческими, принимаетъ раціонально-философское значеніе. Самая всемірность событій общественныхъ помогаетъ такому направленію ума. Интересъ простылъ къ школьному построенію системъ; но тѣмъ съ большимъ усиліемъ стремится каждый образованный человѣкъ протянуть руководительную нить своей отвлеченной мысли сквозь всѣ лабиринты общественной жизни, сквозь всѣ чудеса новыхъ открытій въ наукахъ и всю безконечность ихъ возможныхъ послѣдствій. Возникновеніе новыхъ системъ философскихъ кончилось, но господство раціональной философіи продолжается.

Это раціональное мышленіе, которое въ новѣйшей философіи Германіи получило свое окончательное сознаніе и выраже-

ніе, связываетъ всѣ явленія современнаго Европейскаго просвѣщенія въ одинъ общій смыслъ и даетъ имъ одинъ общій характеръ. Каждое движеніе жизни проникнуто тѣмъ же духомъ, каждое явленіе ума наводитъ на тѣ же философскія убѣжденія. Несогласія этихъ раціонально-философскихъ убѣжденій съ ученіями вѣры внушили нѣкоторымъ Западнымъ Христіанамъ желаніе противопоставить имъ другія философскія воззрѣнія, основанныя на вѣрѣ. Но самыя блестящія усилія Западно-Христіанскихъ мыслителей послужили только къ тому, чтобъ еще болѣе доказать прочное господство раціонализма. Ибо противники философіи, стараясь опровергнуть ея выводы, не могутъ, однакоже, оторваться отъ того основанія, изъ котораго произошла философія ходомъ естественнаго развитія, и изъ котораго только насиліемъ могутъ быть вынуждены другія послѣдствія. По этой причинѣ многіе благочестивые люди на Западѣ, пораженные этимъ неудержимымъ стремленіемъ мысли къ невѣрію, желая спасти вѣру, совсѣмъ отвергаютъ всякую философію, какъ нѣчто несовмѣстное съ религіей, и осуждаютъ разумъ вообще, какъ нѣчто противное вѣрѣ. Но эти благочестивые люди на Западѣ не замѣчаютъ, что такимъ гоненіемъ разума они еще болѣе самихъ философовъ вредятъ убѣжденіямъ религіознымъ. Ибо что̀ это была бы за религія, которая не могла бы вынести свѣта науки и сознанія? Что̀ за вѣра, которая несовмѣстна съ разумомъ?

Между тѣмъ кажется, что вѣрующему человѣку на Западѣ почти не остается другаго средства спасти вѣру, какъ сохранять ея слѣпо̀ту и сберегать боязливо отъ соприкосновенія съ разумомъ. Это несчастное, но необходимое послѣдствіе внутренняго раздвоенія самой вѣры. Ибо гдѣ ученіе вѣры хотя сколько-нибудь уклонилось отъ своей основной чистоты, тамъ это уклоненіе, развиваясь мало по малу, не можетъ не явиться противорѣчіемъ вѣрѣ. Недостатокъ цѣльности и внутренняго единства въ вѣрѣ принуждаетъ искать единства въ отвлеченномъ мышленіи. Человѣческій разумъ, получивъ одинакія права съ Божественнымъ Откровеніемъ, сначала служитъ основаніемъ религіи, а потомъ замѣняетъ ее собою.

Но говоря о раздвоеніи вѣры и объ отвлеченно-раціональномъ основаніи религіи, я разумѣю не одни протестантскія исповѣданія, гдѣ авторитетъ преданія замѣняется авторитетомъ

личнаго разумѣнія. Въ Латинствѣ не менѣе протестантства видимъ мы отвлеченный разумъ въ самой основѣ вѣроученія, не смотря на то, что въ борьбѣ съ протестантствомъ Латинство отвергаетъ раціонализмъ, опираясь на одно преданіе. Ибо только въ противорѣчіи протестантизму поставляетъ Латинство церковное преданіе выше человѣческаго разума; но, въ отношеніи къ Церкви Вселенской, Римъ въ дѣлахъ вѣры даетъ преимущество отвлеченному силлогизму передъ святымъ преданіемъ, хранящимъ общее сознаніе всего Христіанскаго міра въ живоії и неразрывной цѣльности. Это предпочтеніе силлогизма преданію было даже единственнымъ условіемъ отдѣльнаго и самостоятельнаго возникновенія Рима. Ибо какъ могла бы Римская Церковь оторваться иначе отъ Церкви Вселенской? Она отпала отъ нея только потому, что хотѣла ввести въ вѣру новые догматы, неизвѣстные церковному преданію и порожденные случайнымъ выводомъ логики Западныхъ народовъ. Отсюда произошло то первое раздвоеніе въ самомъ основномъ началѣ Западнаго вѣроученія, изъ котораго развилась сперва схоластическая философія внутри вѣры, потомъ реформація въ вѣрѣ и наконецъ философія внѣ вѣры. Первые раціоналисты были схоластики; ихъ потомство называется Гегельянцами.

Но направленіе Западныхъ философій было различно, смотря по тѣмъ исповѣданіямъ, изъ которыхъ онѣ возникали; ибо каждое особое исповѣданіе непремѣнно предполагаетъ особое отношеніе разума къ вѣрѣ. Особое отношеніе разума къ вѣрѣ опредѣляетъ особый характеръ того мышленія, которое изъ него рождается.

Римская Церковь оторвалась отъ Церкви Вселенской вслѣдствіе вывода разума формально-логическаго, искавшаго наружной связи понятій и изъ нея выводившаго свои заключенія о сущности. Такой только наружный разумъ и могъ отторгнуть Римъ отъ Церкви, поставивъ свой силлогизмъ выше живаго сознанія всего Христіанства. Лишившись опоры Вселенскаго преданія и общаго и единомысленнаго сочувствія всей Церкви, Церковь Римская должна была искать утвержденія на какой-нибудь богословской системѣ. Но какъ разумъ человѣческій, особенно разсудочный, можетъ различно постигать Божественное, согласно различію личныхъ понятій каждаго, и какъ противорѣчія въ богословскихъ разсужденіяхъ не могли уже

разрѣшаться внутреннимъ согласіемъ всей Церкви, видимой и невидимой, Церкви всѣхъ вѣковъ и народовъ,—то единомысліе Западныхъ Христіанъ должно было ограждаться внѣшнимъ авторитетомъ іерархіи. Такимъ образомъ внѣшній авторитетъ, независимо отъ внутренняго, сдѣлался послѣднимъ основаніемъ вѣры. Потому, отношенія вѣры и разума приняли тотъ характеръ, что разумъ долженъ былъ *слѣпо* покоряться вѣроученію, утверждаемому внѣшнею властію видимой Церкви; слѣпо — потому что нельзя было искать никакой внутренней причины для того или другаго богословскаго мнѣнія, когда истинность или ложность мнѣнія рѣшалась случайнымъ разумѣніемъ іерархіи. Отсюда схоластика со всѣми ея разсудочными утонченностями, безпрестанно соглашавшая требованія разума съ утвержденіями іерархіи и, соглашая ихъ, безпрестанно удалявшаяся отъ нихъ въ безчисленное множество еретическихъ системъ и толкованій.

Между тѣмъ, предоставивъ разуму іерархіи, независимо отъ преданія и отъ всей полноты Церкви, высшій судъ надъ Божественными истинами, Римская Церковь должна была вмѣстѣ признать свою іерархію источникомъ всякой истины и подчинить приговору того же іерархическаго мнѣнія весь объемъ человѣческаго мышленія, все развитіе ума въ наукахъ и жизни общественной. Ибо все болѣе или менѣе касается вопросовъ Божественной истины, и если однажды разумъ іерархіи переступилъ границы Божественнаго Откровенія, то не было причины ему остановиться въ своемъ движеніи. Примѣръ Галилея не исключеніе: онъ выражаетъ постоянный законъ общаго отношенія Западной Церкви къ человѣческому мышленію. Потому, для спасенія разума отъ совершеннаго ослѣпленія или отъ совершеннаго безвѣрія, реформація была необходима и должна была возникнуть изъ того же самаго начала, изъ котораго Римская Церковь выводила свое право на отдѣльную самобытность и всевмѣшательство. Вся разница заключалась въ томъ, что право суда надъ Божественнымъ Откровеніемъ, сохранявшимся въ преданіи, перенесено было изъ разума временной іерархіи въ разумъ всего современнаго Христіанства. Вмѣсто одного внѣшняго авторитета, равно обязательнаго для всѣхъ, основаніемъ вѣры сдѣлалось личное убѣжденіе каждаго.

Это была другая крайность того же уклоненія отъ истины. Границы между естественнымъ разумомъ человѣка и Божествен-

нымъ Откровеніемъ были равно нарушены, какъ въ Римской Церкви, такъ и въ протестантскихъ исповѣданіяхъ, но различнымъ образомъ; потому и отношенія ихъ къ просвѣщенію были различныя. Тамъ основаніемъ вѣры было преданіе, подчиненное суду одной іерархіи, обуздывавшей такимъ образомъ общее развитіе разума своимъ случайнымъ разумѣніемъ и старавшейся втѣснить всякое мышленіе въ одну условную форму; здѣсь отъ преданія осталась одна буква Писанія, которой смыслъ зависѣлъ отъ личнаго пониманія каждаго.

Отъ этихъ двухъ отношеній должно было возникать совершенно противоположное направленіе умовъ. Подъ вліяніемъ Латинства, надобно было уму волею-неволею подвести все свое знаніе подъ одну систему. Главная истина была дана; способъ ея разумѣнія опредѣленъ; многія черты ея отношенія къ разуму обозначены; оставалось только всю совокупность мышленія согласить съ данными понятіями, устранивъ изъ разума все, что могло имъ противорѣчить. Въ протестантствѣ, напротивъ того, кромѣ буквы Писанія, въ руководство уму даны были только нѣкоторыя личныя мнѣнія реформаторовъ, несогласныхъ между собою въ самыхъ существенныхъ началахъ. Ибо коренныя отношенія человѣка къ Богу, отношенія свободной воли къ благодати и предопредѣленію, и тому подобныя разумныя отношенія вѣры съ самаго начала понимались ими совершенно различно. Отъ того разумъ человѣческій долженъ былъ искать общаго основанія для истины, мимо преданій вѣры, внутри собственнаго мышленія. Отсюда по необходимости должна была возникнуть философія раціональная, стремящаяся не развить данную истину, не проникнуться ею, не возвыситься до нея, но прежде всего — найти ее. Впрочемъ, не имѣя единаго и твердаго основанія для истины въ вѣрѣ, могъ ли человѣкъ не обратиться къ отвлеченному отъ вѣры мышленію? Самая любовь къ Божественной истинѣ заставляла его искать философіи раціональной. Если же раціональная философія, развиваясь внѣ Божественнаго преданія, увлекла человѣка къ безвѣрію, то первая вина этого несчастія лежитъ, конечно, не на протестантизмѣ, но на Римѣ, который, имѣя уже истину и составляя живую часть живой Церкви, сознательно и преднамѣренно отъ нея откололся.

Заботясь болѣе о наружномъ единствѣ и о внѣшнемъ владычествѣ надъ умами, чѣмъ о внутренней истинѣ, Римъ сохра-

нялъ для своей іерархіи монополію разумѣнія и не могъ дѣйствовать иначе, если не хотѣлъ распасться на множество противорѣчащихъ толковъ. Народъ не долженъ былъ мыслить, не долженъ былъ понимать Богослуженія, не долженъ былъ даже читать Божественнаго Писанія. Онъ могъ только слушать, не понимая, и слушаться, не разсуждая; онъ почитался безсознательной массой, на которой стояло зданіе Церкви, и которая должна была оставаться безсознательною, чтобы Церковь стояла. Потому, почти всякое самобытное мышленіе, искренно и естественно возникавшее внутри Римской Церкви, по необходимости обращалось въ оппозицію противъ нея. Почти всѣ замѣчательные мыслители отвергались ею и преслѣдовались. Каждое движеніе ума, несогласное съ ея условными понятіями, было ересью; ибо ея понятія, заклейменныя авторитетомъ іерархіи, оффиціально проникали во всѣ области разума и жизни.

Реформація, напротивъ того, способствовала развитію просвѣщенія народовъ, которыхъ она спасла отъ умственнаго угнетенія Рима, самаго невыносимаго изо всѣхъ угнетеній. Въ этомъ заключается главная заслуга реформаціи, возвратившей человѣку его человѣческое достоинство и завоевавшей ему право быть существомъ разумнымъ. Однакоже, въ этой разумности не было силы, которая бы постоянно подымала ее выше естественной обыкновенности. Оторванные отъ сочувствія съ единою истинною Церковью, которая отъ нихъ заслонялась Римомъ, протестантскіе народы не видали вокругъ себя ничего Божественнаго, кромѣ буквы Писанія и своего внутренняго убѣжденія, и въ радости освобожденія отъ умственной неволи они просмотрѣли въ обожаемой буквѣ Писанія ту истину, что Господь принесъ на землю не одно ученіе, но вмѣстѣ основалъ и Церковь, которой обѣщалъ непрерывное существованіе до конца вѣковъ, и что ученіе Свое утвердилъ Онъ въ Своей Церкви, а не внѣ ея. Между собою и первыми вѣками Христіанства протестанты не видали ничего, кромѣ лжи и заблужденія; они думали, что, вопреки обѣтованій Спасителя, врата адовы одолѣли Церковь, что Церковь Божія умирала до нихъ, и что имъ предоставлено было воскресить ее собою, опираясь на Священномъ Писаніи. Но Священное Писаніе, не проникнутое единомысленнымъ разумѣніемъ, принимало особый смыслъ по личнымъ понятіямъ каждаго. По этой причинѣ, и чтобы удовлетворить всѣмъ личнымъ сознаніямъ, надобно было не толь-

ко найти общее основаніе истины въ разумѣ человѣка вообще, но непремѣнно въ той части его разума, которая доступна *всякой* отдѣльной личности. Потому философія, возбужденная протестантизмомъ, преимущественно должна была ограничиваться областію разума логическаго, равно принадлежащаго каждому человѣку, каковы бы ни были его внутренняя высота и устроеніе. Совокупленіе всѣхъ познавательныхъ способностей въ одну силу, внутренняя цѣльность ума, необходимая для сознанія цѣльной истины, не могли быть достояніемъ всѣхъ. Только разумъ отношеній, разумъ отрицательный, логическій, могъ признаваться за общій авторитетъ; только онъ могъ требовать безусловнаго признанія своихъ выводовъ отъ каждой особенной личности.

По этой причинѣ видимъ мы, что философія раціональная развивалась почти исключительно въ земляхъ протестантскихъ. Ибо то, что̀ называютъ философіей Французской, есть собственно Англійская философія, перенесенная во Францію во времена ослабленія вѣры. Хотя Декартъ былъ Французъ, и хотя въ половинѣ XVII-го вѣка почти всѣ мыслящіе люди Франціи держались его системы, но, не смотря на то, уже въ началѣ XVIII-го она исчезла сама собой изъ общаго убѣжденія,— такъ мало она была согласна съ особеннымъ характеромъ народнаго мышленія. Измѣненіе, которое хотѣлъ въ ней произвести Мальбраншъ, имѣло еще менѣе прочности. Между тѣмъ для Германскаго мышленія Декартъ сдѣлался родоначальникомъ всей философіи.

Можетъ быть, во Франціи могла бы возникнуть своя философія, положительная, если бы Боссюэтовъ галликанизмъ не ограничился дипломатической формальностію, но развился полнѣе, сознательнѣе и внутреннѣе, и освободилъ Французскую образованность отъ умственнаго угнетенія Рима прежде, чѣмъ она утратила вѣру. Начала этой возможной для Франціи философіи заключались въ томъ, что было общаго между убѣжденіями Поръ-Рояля и особенными мнѣніями Фенелона. Ибо, кромѣ несходства съ оффиціальными понятіями Рима, между ними было то общее, что они стремились къ развитію внутренней жизни и въ ея глубинѣ искали живой связи между вѣрою и разумомъ, выше сферы наружнаго сцѣпленія понятій. Поръ-Рояль и Фенелонъ получили это направленіе изъ одного источника, изъ той части Христіанскаго любомудрія, которую они

нашли въ древнихъ Отцахъ Церкви и которую не вмѣщало въ себя Римское ученіе. Мысли Паскаля могли быть плодотворнымъ зародышемъ этой новой для Запада философіи. Его неконченное сочиненіе не только открывало новыя основанія для разумѣнія нравственнаго порядка міра, для сознанія живаго отношенія между Божественнымъ Промысломъ и человѣческою свободою, но еще заключало въ себѣ глубокомысленныя наведенія на другой способъ мышленія, отличающійся равно отъ Римско-схоластическаго и отъ раціонально-философскаго. Если бы эти искры его мыслей соединились въ общемъ сознаніи съ тѣми, которыя согрѣвали душу Фенелона, когда онъ, въ защиту Гюйонъ, собиралъ ученія Св. Отцевъ о внутренней жизни; то изъ совмѣстнаго ихъ пламени должна была загорѣться новая, самобытная философія, которая, можетъ быть, могла бы спасти Францію отъ безвѣрія и его послѣдствій. Конечно, эта философія не была бы чистой истиной, потому что все таки она оставалась бы внѣ Церкви; но она ближе подходила бы къ ней, чѣмъ всѣ раціональныя умозрѣнія. Но происки іезуитовъ разрушили Поръ-Рояль съ его уединенными мыслителями; съ ними погибло и рождавшееся живительное направленіе ихъ мыслей. Холодная, торжественная логика Боссюэта не поняла того, что было живаго и теплаго въ уклоненіи Фенелона отъ оффиціальнаго мышленія Рима, и съ самодовольствомъ принудила его авторитетомъ папы отречься отъ своихъ завѣтныхъ убѣжденій, изъ уваженія къ папской непогрѣшимости. Такимъ образомъ, самобытная философія Франціи замерла въ самомъ зародышѣ, и образованность Французская, требовавшая какого-нибудь умственнаго дыханія, должна была подчиниться хохоту Вольтера и законамъ чужой философіи, которая явилась тѣмъ враждебнѣе для религіозныхъ убѣжденій Франціи, что не имѣла съ ними ничего общаго. Въ Англіи система Локка могла еще кое-какъ уживаться съ вѣрою, подлѣ которой она выростала; но во Франціи она приняла характеръ разрушительный, перешла черезъ Кондильяка въ Гельвеція и распространеніемъ своимъ уничтожила послѣдніе остатки вѣры.

Такимъ образомъ въ тѣхъ народахъ, которыхъ умственная жизнь подлежала Римской Церкви, самобытная философія была невозможна. Но, однакоже, развитіе образованности требовало сознающаго ее и связующаго мышленія. Между живою наукою міра и формальною вѣрою Рима лежала пропасть, чрезъ

которую мыслящій католикъ долженъ былъ дѣлать отчаянный прыжокъ. Этотъ прыжокъ не всегда былъ подъ силу человѣческому разуму и не всегда по совѣсти искреннему Христіанину. Отъ того, родившись въ земляхъ протестантскихъ, раціональная философія распространилась и на католическія, проникла всю образованность Европы однимъ общимъ характеромъ и прежнее единомысліе вѣры Западныхъ народовъ замѣнила единомысліемъ отвлеченнаго разума.

Но не вдругъ мысль человѣка дошла до своего послѣдняго вывода. Только мало по малу отбрасывала она отъ себя всѣ постороннія данныя, находя ихъ недостаточно вѣрными для основнаго утвержденія первой истины. Сначала дѣятельность ея распалась на двѣ стороны. Въ народахъ происхожденія Романскаго, которые, по своей исторической натурѣ, стремились сливать внутреннее самосознаніе съ внѣшностію жизни, возникла философія опытная или чувственная, восходившая отъ частныхъ наблюденій къ общимъ итогамъ и изъ порядка внѣшней природы выводившая всѣ законы бытія и разумѣнія. Въ народахъ Германскаго происхожденія, носившихъ, также вслѣдствіе своей исторической особенности, внутри себя постоянное чувство раздѣленія жизни внѣшней отъ внутренней, возникло стремленіе вывести изъ самыхъ законовъ разума законы для внѣшняго бытія. Наконецъ, обѣ философіи соединились въ одно умственное воззрѣніе, основанное на тождествѣ разума и бытія и развивавшее изъ этого тождества ту форму мышленія, которая обнимала всѣ другія философіи, какъ отдѣльныя ступени неконченной лѣстницы, ведущей къ одной цѣли.

Но, происходя изъ совокупности Западно-Европейской образованности и вмѣщая въ себѣ общій результатъ ея умственной жизни, новѣйшая философія, какъ и вся новѣйшая образованность Европы, въ послѣднемъ процвѣтаніи своемъ совершенно отдѣлилась отъ своего корня. Ея выводы не имѣютъ ничего общаго съ ея прошедшимъ. Она относится къ нему, не какъ довершающая, но какъ разрушающая сила. Совершенно независимо отъ своего прошедшаго, она является теперь, какъ самобытно новое начало, рождаетъ новую эпоху для умственной и общественной жизни Запада. Опредѣлить настоящій характеръ ея вліянія на Европейскую образованность еще весьма трудно, ибо ея особенное вліяніе только начинаетъ обозначаться; конечные плоды его еще таятся въ будущемъ.

Однакоже, недавность господства этой новой системы надъ прежними философскими убѣжденіями Европы не даетъ намъ права думать, чтобы основныя положенія этой послѣдней системы и ея діалектическій процессъ мышленія были исключительною принадлежностію нашего времени. Въ общей жизни человѣчества новѣйшая философія не такъ нова, какъ полагаютъ обыкновенно. Она новость для новой исторіи, но для человѣческаго разума вообще она вещь бывалая, и потому будущія послѣдствія ея господства надъ умами болѣе или менѣе уже обозначились въ прошедшемъ. Ибо тотъ же духъ мышленія господствовалъ въ образованномъ мірѣ за нѣсколько сотъ лѣтъ до Рождества Христова. Основныя убѣжденія Аристотеля,—не тѣ, которыя ему приписывали его средневѣковые толкователи, но тѣ, которыя выходятъ изъ его сочиненій,—совершенно тождественны съ убѣжденіями Гегеля. А тотъ способъ діалектическаго мышленія, который обыкновенно почитаютъ за исключительную особенность и за своеобразное открытіе Гегеля, составлялъ, еще прежде Аристотеля, явную принадлежность Элеатовъ, такъ что, читая Платонова Парменида, кажется, будто въ словахъ ученика Гераклитова мы слышимъ самого Берлинскаго профессора, разсуждающаго о діалектикѣ, какъ о главномъ назначеніи философіи и ея настоящей задачѣ, видящаго въ ней чудотворную силу, которая превращаетъ каждую опредѣленную мысль въ противоположную и изъ нея рождаетъ опять новое опредѣленіе, и полагающаго отвлеченныя понятія о бытіи, небытіи и возникновеніи въ начало мыслительнаго процесса, обнимающаго все бытіе и знаніе. Потому, разница новаго философа отъ древнихъ заключается не въ основной точкѣ зрѣнія, до которой возвысился разумъ, не въ особенномъ способѣ мышленія, имъ изобрѣтенномъ, но единственно въ доконченной полнотѣ систематическаго развитія и въ этомъ богатствѣ умственныхъ пріобрѣтеній, которое любознательность человѣка могла собрать ему въ теченіе своихъ двухъ тысячелѣтнихъ исканій. Разумъ стоитъ на той же ступени,—не выше, и видитъ ту же послѣднюю истину,—не далѣе; только горизонтъ вокругъ яснѣе обозначился.

Кажется, умъ Западнаго человѣка имѣетъ особое сродство съ Аристотелемъ. Въ самое начало Западно-Европейской образованности заложено было сочувствіе къ его мышленію. Но схоластики пользовались его системою только для того, чтобы

утверждать на ней другую истину, не изъ нея непосредственно выведенную, но принятую ими изъ преданія. Когда же, съ возрожденіемъ наукъ, упалъ безграничный авторитетъ Аристотеля, то, казалось, сочувствіе съ нимъ утратилось навсегда. Освобожденіе отъ него праздновалось по Европѣ съ какимъ-то восторгомъ, какъ великое и спасительное событіе для ума человѣческаго. Гегель шелъ по другой дорогѣ, и внѣ системы Аристотеля; но однакоже сошелся съ нимъ и въ послѣднемъ выводѣ, и въ основномъ отношеніи ума къ истинѣ. Онъ построилъ другую систему, но такъ, какъ бы ее построилъ самъ Аристотель, если бы воскресъ въ наше время, и если бы, не перемѣняя уровня, на которомъ стоялъ разумъ человѣческій въ его время, онъ только подвелъ къ своей точкѣ зрѣнія вопросы современной образованности. Ученики Гегеля, подставляя свою терминологію вмѣсто Аристотелевской, узнаютъ въ его системѣ, хотя не полное, но вѣрное отраженіе системы ихъ учителя. Голосъ новаго міра отозвался прежнимъ отголоскомъ міра прошедшаго.

Древняя Греческая философія возникла также не прямо изъ Греческихъ вѣрованій, но ихъ вліяніемъ, и подлѣ нихъ, возникла изъ ихъ внутренняго разногласія. Внутреннее разногласіе вѣры принуждало къ отвлеченной разумности. Отвлеченная разумность и живая, пестрая осязательность противорѣчащихъ ученій вѣры, противополагаясь другъ другу въ сущности, могли мириться внутри сознанія Грека только въ созерцаніяхъ изящнаго и, можетъ быть, еще въ скрытомъ значеніи мистерій. Потому, Греческое изящное стоитъ между ощутительностію Греческой миѳологіи и отвлеченною разумностію ея философіи. Прекрасное для Грека сдѣлалось средоточіемъ всей умственной жизни. Развитіе смысла изящнаго составляетъ, можно сказать, всю сущность Греческой образованности, внутренней и внѣшней. Но въ самой натурѣ этого изящнаго лежали предѣлы его процвѣтанія; одинъ изъ его элементовъ уничтожался возрастаніемъ другаго. По мѣрѣ развитія разумности, ослаблялась вѣра миѳологическая, съ которой вмѣстѣ увядала Греческая красота. Ибо прекрасное также, какъ истинное, когда не опирается на существенное, улетучивается въ отвлеченность. Возрастая на развалинахъ вѣрованій, философія подкопала ихъ и вмѣстѣ сломила живую пружину развитія Греческой образованности. Бывъ сначала ея выраженіемъ, въ концѣ

своего возрастанія философія явилась противорѣчіемъ прежней Греческой образованности, и хотя носила еще наружные признаки ея миѳологіи, но имѣла отдѣльную отъ нея самобытность. Она зародилась и возрастала въ понятіяхъ Греческихъ; но, созрѣвши, сдѣлалась достояніемъ всего человѣчества, какъ отдѣльный плодъ разума, округлившійся и созрѣвшій, и оторвавшійся отъ своего естественнаго корня.

Такъ съ конечнымъ развитіемъ Греческой образованности окончилось, можно сказать, владычество языческихъ вѣрованій надъ просвѣщеніемъ человѣчества; не потому, чтобы не оставалось еще вѣрующихъ язычниковъ, но потому, что передовая мысль образованности была уже внѣ языческой вѣры, обращая миѳологію въ аллегорію. Только недоразвитая и, слѣдовательно, безсильная мысль могла оставаться языческою; развиваясь, она подпала власти философіи.

Съ этой отрицательной стороны, Греческая философія является въ жизни человѣчества, какъ полезная воспитательница ума, освободившая его отъ ложныхъ ученій язычества и своимъ разумнымъ руководствомъ приведшая его въ то безразличное состояніе, въ которомъ онъ сдѣлался способнымъ къ принятію высшей истины. Философія приготовила поле для Христіанскаго посѣва.

Но между Аристотелемъ и общимъ подчиненіемъ міроваго просвѣщенія ученію Христіанскому прошло много вѣковъ, въ продолженіе которыхъ многія различныя и противорѣчащія системы философіи питали, утѣшали и тревожили разумъ. Однакоже, крайности этихъ системъ принадлежали немногимъ: общее состояніе просвѣщенія подчинялось тому, что было общаго крайностямъ, составляя ихъ середину. Между добродѣтельною гордостію стоиковъ и чувственною философіею епикурейцевъ, между заманчивою высотою заоблачныхъ построеній ума въ ново-Платонической школѣ и безчувственною, неумолимою, всеискореняющею сохою скептицизма стояла философія Аристотеля, къ которой безпрестанно возращался умъ отъ крайнихъ уклоненій, и которая въ самыя односторонности уклонившагося отъ нея мышленія впускала логическія сѣти своей равнодушной системы. Потому можно сказать, что въ древнемъ до-Христіанскомъ мірѣ были нѣкоторые философы различныхъ, противорѣчащихъ другъ другу сектъ; но вся масса мыслящаго человѣчества, вся нравственная и умственная сила просвѣще-

нія принадлежала Аристотелю. Какое же именно вліяніе имѣла философія Аристотеля на просвѣщеніе и нравственное достоинство человѣка? Рѣшеніе этого вопроса важно не для одной исторіи міра прошедшаго.

Самый ясный и самый короткій отвѣтъ на этотъ вопросъ могъ бы, кажется, заключаться въ нравственномъ и умственномъ настроеніи тѣхъ вѣковъ, когда эта философія господствовала. Римскій гражданинъ временъ кесаревскихъ былъ живымъ отпечаткомъ ея убѣжденій. Ибо не отдѣльныя истины, логическія или метафизическія, составляютъ конечный смыслъ всякой философіи, но то отношеніе, въ которое она поставляетъ человѣка къ послѣдней искомой истинѣ, то внутреннее требованіе, въ которое обращается умъ, ею проникнутый. Ибо всякая философія, въ полнотѣ своего развитія, имѣетъ двойной результатъ, или, правильнѣе, двѣ стороны послѣдняго результата: одна — общій итогъ сознанія, другая — господствующее требованіе, изъ этого итога возникающее. Послѣдняя истина, на которую опирается умъ, указываетъ и на то сокровище, котораго человѣкъ пойдетъ искать въ наукѣ и въ жизни. Въ концѣ философской системы, между ея исконной истиной и ея искомой цѣлью, лежитъ уже не мысль, имѣющая опредѣленную формулу, но одинъ, такъ сказать, духъ мысли, ея внутренняя сила, ея сокровенная музыка, которая сопровождаетъ всѣ движенія души убѣжденнаго ею человѣка. И этотъ внутренній духъ, эта живая сила свойственна не однимъ высшимъ философіямъ, доконченнымъ и сомкнутымъ въ своемъ развитіи. Система принадлежитъ школѣ; ея сила, ея конечное требованіе принадлежатъ жизни и просвѣщенію всего человѣчества.

Но, надобно сознаться, философія Аристотеля, когда она не служила подкрѣпленіемъ чужой системы, а дѣйствовала самобытно, имѣла на просвѣщеніе человѣчества весьма грустное вліяніе, прямо противоположное тому, какое она имѣла на своего перваго ученика, великаго завоевателя Востока. Стремленіе къ лучшему въ кругу обыкновеннаго, къ благоразумному въ ежедневномъ смыслѣ этого слова, къ возможному, какъ оно опредѣляется внѣшнею дѣйствительностію, — были крайними выводами той разумности, которая внушалась системою Аристотеля. Но эти внушенія не пришлись по мѣркѣ только одного ученика; другимъ всѣмъ они были по плечу. Слушая ихъ, Александръ, кажется, тѣмъ напряженнѣе развивалъ свою про-

тивоположную имъ самобытность, какъ бы на перекоръ совѣтамъ учителя. Можетъ быть даже, безъ этого понужденія благоразумной посредственности въ немъ бы не развилась вся крайность его неблагоразумной геніальности. Но остальное человѣчество тѣмъ охотнѣе подчинялось вліянію разсудочной философіи, что, при отсутствіи высшихъ убѣжденій, стремленіе къ земному и благоразумно обыкновенному само собой становится господствующимъ характеромъ нравственнаго міра.

Система Аристотеля разорвала цѣльность умственнаго самосознанія и перенесла корень внутреннихъ убѣжденій человѣка, внѣ нравственнаго и эстетическаго смысла, въ отвлеченное сознаніе разсуждающаго разума. Орудія, которыми она познавала истину, ограничивались логическою дѣятельностью ума и безучастною наблюдательностію внѣшняго міра. Наружное бытіе и выразимая, словесная сторона мысли составляли ея единственныя данныя, изъ которыхъ она извлекала то, что можетъ изъ нихъ извлечься логическимъ сцѣпленіемъ понятій,—и надобно сознаться, извлекла изъ нихъ все, что этимъ путемъ могло быть извлечено изъ нихъ въ то время. Дѣйствительность въ глазахъ Аристотеля была полнымъ воплощеніемъ высшей разумности. Всѣ разногласія міра физическаго и нравственнаго были только мнимыя и не только терялись въ общей гармоніи, но были необходимыми звуками для ея вѣчно неизмѣняемой полноты. Міръ, по его мнѣнію, никогда не былъ лучше и не будетъ; онъ всегда достаточно прекрасенъ, ибо никогда не начинался, какъ никогда не кончится, и вѣчно останется цѣлъ и неизмѣненъ въ общемъ объемѣ, безпрестанно измѣняясь и уничтожаясь въ частяхъ своихъ. Но эта полнота и удовлетворительность міра представлялась ему въ холодномъ порядкѣ отвлеченнаго единства. Высшее благо видѣлъ онъ въ мышленіи, разумѣющемъ это единство сквозь разнообразіе частныхъ явленій, при внѣшнемъ довольствѣ и спокойствіи жизни: физическій и умственный комфортъ.

Когда человѣкъ освободится отъ нуждъ житейскихъ, говорилъ онъ, тогда только начинаетъ онъ любомудрствовать (между тѣмъ какъ, по убѣжденію стоической школы, только одна мудрость можетъ освободить человѣка отъ нуждъ и тяжестей житейскихъ). Добродѣтель, по мнѣнію Аристотеля, не требовала высшей сферы бытія, но состояла въ отысканіи золотой середины между порочными крайностями. Она происходила

изъ двухъ источниковъ: изъ отвлеченнаго вывода разума, который, какъ отвлеченный, не давалъ силы духу и не имѣлъ понудительности существенной, и изъ привычки, которая слагалась частію изъ отвлеченнаго желанія согласить волю съ предписаніями разума, частію изъ случайности внѣшнихъ обстоятельствъ.

Очевидно, что такой образъ мыслей могъ произвести очень умныхъ зрителей среди разнообразныхъ явленій человѣчества, но совершенно ничтожныхъ дѣятелей. И дѣйствительно, философія Аристотеля дѣйствовала разрушительно на нравственное достоинство человѣка. Подкопавъ всѣ убѣжденія, лежащія выше разсудочной логики, она уничтожила и всѣ побужденія, могущія поднять человѣка выше его личныхъ интересовъ. Нравственный духъ упалъ; всѣ пружины внутренней самобытности ослабѣли; человѣкъ сдѣлался послушнымъ орудіемъ окружающихъ обстоятельствъ, разсуждающимъ, но невольнымъ выводомъ внѣшнихъ силъ,—умною матеріей, повинующеюся силѣ земныхъ двигателей, выгоды и страха. Немногіе примѣры стоической добродѣтели составляютъ только рѣдкія исключенія, яркія противоположности общему настроенію, и больше подтверждаютъ, чѣмъ ослабляютъ понятіе о всеобщемъ отсутствіи внутренней самобытности. Ибо стоицизмъ могъ возникнуть только, какъ напряженное противорѣчіе, какъ грустный протестъ, какъ отчаянное утѣшеніе немногихъ противъ подлости всѣхъ. Между тѣмъ даже тѣ мыслители, которые не исключительно слѣдовали Аристотелю, но только изучали его систему, безсознательно вносили результаты его ученія даже въ свое пониманіе другихъ философовъ. Такъ Цицеронъ, въ борьбѣ между гибелью отечества и личною безопасностію, ищетъ оправданія своему малодушію въ Платонѣ; но Платонъ для него имѣетъ только тотъ смыслъ, который согласенъ съ Аристотелемъ. Потому, онъ утѣшается мыслію, что Платонъ не совѣтуетъ безполезно сопротивляться силѣ и вмѣшиваться въ дѣла народа, который выжилъ изъ ума. Нравственное ничтожество было общимъ клеймомъ всѣхъ и каждаго;—а еслибы во времена кесарей, при совершенномъ упадкѣ внутренняго достоинства человѣка, была внѣшняя образованность еще болѣе развита; если бы извѣстны были желѣзныя дороги и электрическіе телеграфы и пексаны и всѣ открытія, которыя подчиняютъ міръ власти бездушнаго разсчета, тогда, — мудрено бы было сказать, что тогда вышло бы изъ бѣднаго человѣчества.

Таково было вліяніе философіи древней, и преимущественно Аристотелевской, на просвѣщеніе человѣчества. На землѣ человѣку уже не оставалось спасенія. Только Самъ Богъ могъ спасти его.

Однакоже Христіанство, измѣнивъ духъ древняго міра и воскресивъ въ человѣкѣ погибшее достоинство его природы, не безусловно отвергло древнюю философію. Ибо вредъ и ложь философіи заключались не въ развитіи ума, ею сообщаемомъ, но въ ея послѣднихъ выводахъ, которые зависѣли отъ того, что она почитала себя высшею и единственною истиной, и уничтожались сами собою, какъ скоро умъ признавалъ другую истину выше ея. Тогда философія становилась на подчиненную степень, являлась истиною относительной и служила средствомъ къ утвержденію высшаго начала въ сферѣ другой образованности.

Боровшись на смерть съ ложью языческой миѳологіи, Христіанство не уничтожало языческой философіи, но, принимая ее, преобразовывало согласно своему высшему любомудрію. Величайшія свѣтила Церкви: Іустинъ, Климентъ, Оригенъ, во сколько онъ былъ православенъ, Аѳанасій, Василій, Григорій и большая часть изъ великихъ Святыхъ Отцевъ, на которыхъ, такъ сказать, утверждалось Христіанское ученіе среди языческой образованности, были не только глубоко знакомы съ древнею философіею, но еще пользовались ею для разумнаго построенія того перваго Христіанскаго любомудрія, которое все современное развитіе наукъ и разума связало въ одно всеобъемлющее созерцаніе вѣры. Истинная сторона языческой философіи, проникнутая Христіанскимъ духомъ, явилась посредницею между вѣрою и внѣшнимъ просвѣщеніемъ человѣчества. И не только въ тѣ времена, когда Христіанство еще боролось съ язычествомъ, но и во все послѣдующее существованіе Византіи, видимъ мы, что глубокое изученіе Греческихъ философовъ было почти общимъ достояніемъ всѣхъ учителей Церкви. Ибо Платонъ и Аристотель могли быть только полезны для Христіанскаго просвѣщенія, какъ великіе естествоиспытатели разума, но не могли быть опасны для него, покуда на верху образованности человѣческой стояла истина Христіанская. Ибо не надобно забывать, что въ борьбѣ съ язычествомъ Христіанство не уступало ему разума, но, проникая его, подчиняло своему служенію всю умственную дѣятельность міра

настоящаго и прошедшаго, во сколько онъ былъ извѣстенъ. Но если гдѣ была опасность для Христіанскаго народа уклониться отъ истиннаго ученія, то опасность эта преимущественно таилась въ невѣжествѣ. Развитіе разумнаго знанія, конечно, не даетъ спасенія, но ограждаетъ отъ лжезнанія. Правда, что гдѣ умъ и сердце уже однажды проникнуты Божественною истиной, тамъ степень учености дѣлается вещію постороннею. Правда также, что сознаніе Божественнаго равно вмѣстимо для всѣхъ ступеней разумнаго развитія. Но чтобы проникать, одушевлять и руководить умственную жизнь человѣчества, Божественная истина должна подчинить себѣ внѣшній разумъ, должна господствовать надъ нимъ, не оставаться внѣ его дѣятельности. Она должна въ общемъ сознаніи стоять выше другихъ истинъ, какъ начало властвующее, проникая весь объемъ просвѣщенія, для каждаго частнаго лица поддерживаться единомысліемъ общественной образованности. Невѣжество, напротивъ того, отлучаетъ народы отъ живаго общенія умовъ, которымъ держится, движется и выростаетъ истина посреди людей и народовъ. Отъ невѣжества разума, при самыхъ правильныхъ убѣжденіяхъ сердца, рождается ревность не по разуму, изъ которой, въ свою очередь, происходитъ уклоненіе разума и сердца отъ истинныхъ убѣжденій.

Такъ было съ Западомъ передъ его отпаденіемъ. Невѣжество народовъ подвергло ихъ умственную жизнь непреодолимому вліянію оставшихся слѣдовъ язычества, которые сообщили ихъ мышленію разсудочный характеръ Римской наружно-логической отвлеченности и этимъ уклоненіемъ разума заставили ихъ искать наружнаго единства Церкви, вмѣсто единства духовнаго. Невѣжество также увлекло ихъ въ излишнюю ревность противъ Аріанъ, такъ что, не довольствуясь отверженіемъ ихъ ереси, они составили, въ прямую противоположность Аріанамъ, новый догматъ о Божествѣ, подъ вліяніемъ того же наружно-логическаго мышленія,—догматъ, который они почитали истиннымъ только потому, что онъ былъ прямо противоположенъ одному виду ереси, забывъ, что прямая противоположность заблужденію обыкновенно бываетъ не истина, но только другая крайность того же заблужденія.

Такимъ образомъ, вслѣдствіе невѣжества Западныхъ народовъ, самое стремленіе къ единству Церкви оторвало ихъ отъ

этого единства, а самое стремленіе къ Православію оторвало ихъ отъ Православія.

Конечно, не *одно* невѣжество оторвало Западъ отъ Церкви; невѣжество—только несчастіе, и отторженіе человѣчества отъ спасительной истины не могло совершиться безъ нравственной вины. Но въ невѣжествѣ была возможность и основаніе для этой вины; безъ него и властолюбіе папъ не могло бы имѣть успѣха. Только при совокупномъ дѣйствіи папскаго властолюбія и народнаго невѣжества, могло совершиться незаконное прибавленіе къ символу,—это первое торжество раціонализма надъ вѣрою и незаконное признаніе главенства папъ, это постоянная преграда возвращенію Запада къ Церкви. Но, однажды оторвавшись отъ нея, Римское исповѣданіе уже, какъ по готовому скату горы, само собою спустилось до всѣхъ тѣхъ уклоненій, которыя все болѣе и болѣе удаляли его отъ истины и произвели всю особенность Западнаго просвѣщенія со всѣми его послѣдствіями для него и для насъ. Я говорю: для насъ, ибо судьба всего человѣчества находится въ живой и сочувственной взаимности, не всегда замѣтной, но тѣмъ не менѣе дѣйствительной. Отпаденіе Рима лишило Западъ чистоты Христіанскаго ученія и въ то же время остановило развитіе общественной образованности на Востокѣ. Что должно было совершаться совокупными усиліями Востока и Запада, то уже сдѣлалось не подъ силу одному Востоку, который такимъ образомъ былъ обреченъ только на сохраненіе Божественной истины въ ея чистотѣ и святости, не имѣя возможности воплотить ее во внѣшней образованности народовъ.

Кто знаетъ? Можетъ быть, этому внѣшнему безсилію Востока суждено было продолжаться до той эпохи, когда, въ замѣну отпавшаго Рима, возрастетъ и созрѣетъ другой народъ, просвѣтившійся истиннымъ Христіанствомъ въ то самое время, когда отъ Востока отпадалъ Западъ; можетъ быть, этому новому народу суждено придти въ умственную возмужалость именно въ то время, когда просвѣщеніе Запада силою собственнаго своего развитія уничтожитъ силу своего иноученія и изъ ложныхъ убѣжденій въ Христіанствѣ перейдетъ къ безразличнымъ убѣжденіямъ философскимъ, возвращающимъ міръ во времена до-Христіанскаго мышленія. Ибо иноученіе Христіанское менѣе способно принять истину, чѣмъ совершенное отсутствіе Христіанскихъ убѣжденій. Тогда для господства

истиннаго Христіанства надъ просвѣщеніемъ человѣка будетъ, по крайней мѣрѣ, открыта внѣшняя возможность.

Ибо нѣтъ сомнѣнія, что всѣ дѣйствія и стремленія частныхъ людей и народовъ подчиняются невидимому, едва слышному, часто совсѣмъ незамѣтному теченію общаго нравственнаго порядка вещей, увлекающему за собой всякую общую и частную дѣятельность. Но этотъ общій порядокъ составляется изъ совокупности частныхъ воль. Есть минуты, есть положенія, когда ходъ вещей стоитъ, такъ сказать, на перевѣсѣ, и одно движеніе воли рѣшаетъ то или другое направленіе.

Такая минута была для Запада въ эпоху его отклоненія. Ибо хотя невѣжество народное тяготѣло надъ дѣйствіями папъ, однако нѣтъ сомнѣнія, что въ это время твердая и рѣшительная воля одного изъ нихъ могла бы еще преодолѣть заблужденіе народовъ и удержать истину въ Западной Церкви. Была роковая минута, когда судьбу всего міра Господь видимо вложилъ въ руку одного. Устоитъ онъ въ истинѣ, — и міръ спасенъ отъ тысячелѣтнихъ заблужденій и бѣдствій, народы разживаются въ чувственномъ общеніи вѣры и разума, совокупно уничтожая остатки язычества въ умѣ и жизни общественной; Востокъ передаетъ Западу свѣтъ и силу умственнаго просвѣщенія, Западъ дѣлится съ Востокомъ развитіемъ общественности; вездѣ просвѣщеніе созидается на твердомъ камнѣ Божественнаго Откровенія; лучшія силы духа не тратятся на безполезные перевороты, новымъ вредомъ разрушенія уничтожающіе прежній вредъ злоустройства; лучшій цвѣтъ народовъ не гибнетъ отъ истребительнаго нашествія внѣшнихъ варваровъ, или непреодолѣннаго угнетенія внутренняго языческаго насилія, продолжающаго торжествовать надъ образованностію Христіанскихъ народовъ; общественная жизнь, возрастая стройно, не разрушаетъ каждымъ успѣхомъ прежнихъ пріобрѣтеній и не ищетъ ковчега спасенія въ земныхъ разсчетахъ промышленности, или въ надзвѣздныхъ построеніяхъ утопій; общая образованность опирается не на мечту и не на мнѣніе, но на самую истину, на которой утверждается гармонически и незыблемо:—все это зависѣло отъ одной минуты и, можетъ быть, было во власти одного человѣка. Но человѣкъ не устоялъ,— и Западная образованность, лишенная сочувствія съ Церковью Вселенскою, направилась къ земнымъ цѣлямъ; Восточная, свя-

занная насиліемъ еще преобладающаго язычества и лишенная помощи Западныхъ собратій, затворилась въ монастыряхъ.

Впрочемъ въ XVI-мъ вѣкѣ была, кажется, еще другая минута, когда для Западнаго міра былъ возможенъ возвратъ. Писанія Святыхъ Отцевъ, перенесенныя изъ Греціи послѣ паденія, открыли глаза многимъ Европейцамъ, показавъ имъ различіе между ученіемъ Христіанскимъ и Римскимъ; въ то же время злоупотребленія Римской Церкви достигли такихъ громадныхъ размѣровъ, что народы пришли къ ясному убѣжденію въ необходимости церковнаго преобразованія. Но какъ совершить это преобразованіе, — еще не было рѣшено ни въ чьемъ сознаніи.

„Я изучаю теперь папскія декреталіи,—писалъ тогда Лютеръ къ Меланхтону,—и нахожу въ нихъ столько противорѣчій и лжи, что не въ силахъ повѣрить, чтобы Самъ Духъ Святый внушалъ ихъ, и чтобы на нихъ должна была основываться наша вѣра. Послѣ этого займусь изученіемъ Вселенскихъ Соборовъ и посмотрю, не на нихъ ли вмѣстѣ съ Священнымъ Писаніемъ (и уже мимо декреталій папскихъ) должно утверждаться ученіе Церкви?“

Если бы въ это время Лютеръ вспомнилъ, что цѣлая половина человѣчества, называющагося Христіанами, признаетъ Вселенскихъ Соборовъ только семь, а не шестнадцать, и что эта половина Христіанскаго человѣчества чиста отъ тѣхъ злоупотребленій Западной Церкви, которыя возмутили его душу праведнымъ негодованіемъ, — тогда, можетъ быть, вмѣсто того, чтобы сочинять новое исповѣданіе по своимъ личнымъ понятіямъ, онъ могъ бы прямо обратиться къ Церкви Вселенской. Тогда онъ могъ бы еще это сдѣлать; ибо въ убѣжденіяхъ Германскихъ народовъ не было еще ничего рѣшеннаго, кромѣ ненависти къ папѣ и желанія избѣгнуть отъ Римскихъ беззаконій. За нимъ послѣдовали бы всѣ воздвигнутые имъ народы, и Западъ опять могъ бы соединиться съ Церковью; тѣмъ болѣе, что остатки Гусситства были одною изъ главнѣйшихъ причинъ успѣховъ Лютера, а Гусситство, какъ извѣстно, было проникнуто воспоминаніями и отголосками Церкви Православной *). Но Лютеръ не захотѣлъ вспомнить о Православной

*) Замѣчательно, что Моравскіе братья, которыхъ вѣроученіе, по большей части, измѣнилось вліяніемъ протестантскихъ исповѣданій, до сихъ поръ, одна-

Церкви и, вмѣсто семи Соборовъ, сличалъ между собою всѣ тѣ, которые Римляне называютъ Вселенскими. Вслѣдствіе этого сличенія онъ писалъ къ Меланхтону: „Я изучалъ опредѣленія Соборовъ; они также противорѣчатъ одинъ другому, какъ декреталіи папскія: видно, намъ остается принять за основаніе вѣры одно Священное Писаніе“.

Такъ совершалась реформація. Недоразумѣніе,—вольное или невольное, одинъ Богъ знаетъ,—рѣшило ея судьбу. Когда же, въ XVII-мъ вѣкѣ, протестанты посылали къ Восточнымъ патріархамъ вопросъ о вѣрѣ, — было уже поздно. Мнѣнія протестантовъ уже сложились и загорѣлись всѣмъ жаромъ новыхъ убѣжденій и новыхъ еще неиспытанныхъ надеждъ.

Упоминая объ этихъ отношеніяхъ обще-народныхъ убѣжденій къ случайностямъ нравственнаго произвола частныхъ лицъ, мы не уклоняемся отъ своего предмета. Напротивъ, мы составили бы себѣ ложное понятіе о развитіи человѣческаго мышленія, если бы отдѣлили ее отъ вліянія нравственной и исторической случайности. Нѣтъ ничего легче, какъ представить каждый фактъ дѣйствительности въ видѣ неминуемаго результата высшихъ законовъ разумной необходимости; но ничто не искажаетъ такъ настоящаго пониманія исторіи, какъ эти мнимые законы разумной необходимости, которые въ самомъ дѣлѣ суть только законы разумной возможности. Все должно имѣть свою мѣру и стоять въ своихъ границахъ. Конечно, каждая минута въ исторіи человѣчества есть прямое послѣдствіе прошедшей и рождаетъ грядущую. Но одна изъ стихій этихъ минутъ есть свободная воля человѣка. Не хотѣть ее видѣть значитъ хотѣть себя обманывать и замѣнять внѣшнею стройностію понятій дѣйствительное сознаніе живой истины.

Изъ этихъ двухъ минутъ жизни Западной Европы, когда она могла присоединиться къ Церкви Православной, — и не присоединилась, только по случайному дѣйствію человѣческой воли, — мы видимъ, что образованность Европы хотя совершенно отлична отъ характера образованности Православной, однакоже не такъ далека отъ нея, какъ представляется при первомъ воззрѣніи. Въ самой сущности ея лежитъ необходи-

---

ко, одни изъ всего Западнаго міра исповѣдаютъ догматъ о Св. Троицѣ согласно съ ученіемъ Православной Церкви. Но они сами не сознаютъ еще всей важности этого отличія. Общій характеръ Западной образованности еще не вмѣщаетъ въ себя этого сознанія.

мость отдѣльныхъ періодовъ развитія, между которыми она является свободною отъ предыдущихъ вліяній и способною избрать то или другое направленіе.

Однакоже, если при началѣ реформаціи была возможность двухъ исходовъ, то, послѣ ея развитія, уже не было другой, кромѣ исполнившейся. Строить зданіе вѣры на личныхъ убѣжденіяхъ народа—тòже, что строить башню по мыслямъ каждаго работника. Общаго между вѣрующими протестантами были только нѣкоторыя особыя понятія ихъ первыхъ предводителей, буква Священнаго Писанія и естественный разумъ, на которомъ ученіе вѣры должно было сооружаться. Въ настоящее время едва ли найдется много лютеранскихъ пасторовъ, которые бы во всемъ были согласны съ исповѣданіемъ Аугсбургскимъ, хотя, при вступленіи въ должность, всѣ обѣщаются принимать его за основаніе своего вѣроученія. Между тѣмъ естественный разумъ, на которомъ должна была утвердиться Церковь, переросъ вѣру народа. Понятія философскія все болѣе и болѣе замѣняли и замѣняютъ понятія религіозныя. Пройдя эпоху невѣрія сомнѣвающагося, потомъ эпоху невѣрія фанатическаго, мысль человѣка перешла наконецъ къ невѣрію равнодушно-разсуждающему, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ сознанію внутренней пустоты, требующей живаго убѣжденія, которое бы связывало человѣка съ человѣкомъ не холоднымъ согласіемъ въ отвлеченныхъ убѣжденіяхъ, не наружною связью внѣшнихъ выгодъ, но внутреннимъ сочувствіемъ цѣльнаго бытія, одною любовью, однимъ разумомъ и однимъ стремленіемъ проникнутаго.

Но гдѣ найдетъ Западъ эти живыя убѣжденія? Воротиться къ тому, чему онъ вѣрилъ прежде, уже невозможно. Насильственные возвраты, искусственная вѣра — тòже, что стараніе нѣкоторыхъ охотниковъ до театра убѣдить себя, что декорація—дѣйствительность.

Раздробивъ цѣльность духа на части и отдѣленному логическому мышленію предоставивъ высшее сознаніе истины, человѣкъ въ глубинѣ своего самосознанія оторвался отъ всякой связи съ дѣйствительностію и самъ явился на землѣ существомъ отвлеченнымъ, какъ зритель въ театрѣ, равно способный всему сочувствовать, все одинаково любить, ко всему стремиться, подъ условіемъ только, чтобы физическая личность его чи отъ чего не страдала и не безпокоилась. Ибо только отъ

одной физической личности не могъ онъ отрѣшиться своею логическою отвлеченностію.

Потому не только вѣра утратилась на Западѣ, но вмѣстѣ съ ней погибла и поэзія, которая безъ живыхъ убѣжденій должна была обратиться въ пустую забаву и сдѣлалась тѣмъ скучнѣе, чѣмъ исключительнѣе стремилась къ одному вообразимому удовольствію.

Одно осталось серьезное для человѣка: это промышленность; ибо для него уцѣлѣла одна дѣйствительность бытія: его физическая личность. Промышленность управляетъ міромъ безъ вѣры и поэзіи. Она въ наше время соединяетъ и раздѣляетъ людей; она опредѣляетъ отечество, она обозначаетъ сословія, она лежитъ въ основаніи государственныхъ устройствъ, она движетъ народами, она объявляетъ войну, заключаетъ миръ, измѣняетъ нравы, даетъ направленіе наукамъ, характеръ—образованности; ей покланяются, ей строятъ храмы, она дѣйствительное божество, въ которое вѣрятъ нелицемѣрно и которому повинуются. Безкорыстная дѣятельность сдѣлалась невѣроятною; она принимаетъ такое же значеніе въ мірѣ современномъ, какое во времена Сервантеса получила дѣятельность рыцарская.

Впрочемъ мы всего еще не видимъ. Неограниченное господство промышленности и послѣдней эпохи философіи, можно сказать, только начинается. Рука объ руку одна съ другой, имъ слѣдуетъ еще пройти весь кругъ новаго развитія Европейской жизни. Трудно понять, до чего можетъ достигнуть Западная образованность, если въ народахъ не произойдетъ какой нибудь внутренней перемѣны. Эта возможная перемѣна, очевидно, можетъ заключаться только въ перемѣнѣ основныхъ убѣжденій, или, другими словами, въ измѣненіи духа и направленія философіи,—ибо въ ней теперь весь узелъ человѣческаго самосознанія.

Но характеръ господствующей философіи, какъ мы видѣли, зависитъ отъ характера господствующей вѣры. Гдѣ она и не происходитъ отъ нея непосредственно, гдѣ даже является ея противорѣчіемъ, философія все таки рождается изъ того особеннаго настроенія разума, которое сообщено ему особеннымъ характеромъ вѣры. Тотъ же смыслъ, которымъ человѣкъ понималъ Божественное, служитъ ему и къ разумѣнію истины вообще.

Подъ вліяніемъ Римскаго исповѣданія, этотъ смыслъ былъ логическая разсудочность, которая, однакоже, дѣйствовала только отрывочно, не имѣя возможности собраться въ свою отдѣльную цѣльность, ибо полнота ея дѣятельности разрушалась вмѣшательствомъ внѣшняго авторитета.

Подъ вліяніемъ исповѣданій протестантскихъ, эта разсудочность достигла полнаго развитія въ своей отдѣленности и, сознавая себя въ этой полнотѣ своего развитія, какъ нѣчто высшее, назвала себя разумомъ (die Vernunft), въ противоположность отъ прежней своей отрывчатой дѣятельности, для которой оставила названіе разсудка (der Verstand).

Но для насъ, воспитанныхъ внѣ Римскаго и протестантскаго вліянія, ни тотъ, ни другой способъ мышленія не могутъ быть вполнѣ удовлетворительны. Хотя мы и подчиняемся образованности Запада, ибо не имѣемъ еще своей, но только до тѣхъ поръ можемъ подчиняться ей, покуда не сознáемъ ея односторонности.

Въ Церкви Православной отношеніе между разумомъ и вѣрою совершенно отлично отъ Церкви Римской и отъ протестантскихъ исповѣданій. Это отличіе заключается между прочимъ въ томъ, что въ Православной Церкви Божественное Откровеніе и человѣческое мышленіе не смѣшиваются; предѣлы между Божественнымъ и человѣческимъ не переступаются ни наукою, ни ученіемъ Церкви. Какъ бы ни стремилось вѣрующее мышленіе согласить разумъ съ вѣрою, но оно никогда не приметъ никакого догмата Откровенія за простой выводъ разума, никогда не присвоитъ выводу разума авторитетъ Откровеннаго догмата. Границы стоятъ твердо и нерушимо. Никакой патріархъ, никакое собраніе епископовъ, никакое глубокомысленное соображеніе ученаго, никакая власть, никакой порывъ такъ называемаго общаго мнѣнія какого бы ни было времени не могутъ прибавить новаго догмата, ни измѣнить прежній, ни приписать его толкованію власть Божественнаго Откровенія и выдать такимъ образомъ изъясненіе человѣческаго разума за святое ученіе Церкви, или вмѣшать авторитетъ вѣчныхъ и незыблемыхъ истинъ Откровенія въ область наукъ, подлежащихъ развитію, измѣняемости, ошибкамъ и личной совѣсти каждаго. Всякое распространеніе Церковнаго ученія далѣе предѣловъ Церковнаго преданія само собою выходитъ изъ сферы Церковнаго авторитета и является, какъ частное мнѣніе, болѣе

или менѣе уважительное, но уже подлежащее суду разума. И чье бы ни было новое мнѣніе, не признанное прежними вѣками, хотя бы мнѣніе цѣлаго народа, хотя бы большей части всѣхъ Христіанъ какого нибудь времени,—но если бы оно захотѣло выдать себя за догматъ Церкви, то этимъ притязаніемъ оно исключило бы себя изъ Церкви. Ибо Церковь Православная не ограничиваетъ своего самосознанія какимъ нибудь временемъ,—сколько бы это время ни почитало себя разумнѣе прежнихъ; но вся совокупность Христіанъ всѣхъ вѣковъ, настоящаго и прошедшихъ, составляетъ одно недѣлимое, вѣчно для нея живущее собраніе вѣрныхъ, связанныхъ единствомъ сознанія столько же, сколько общеніемъ молитвы.

Такая неприкосновенность предѣловъ Божественнаго Откровенія, ручаясь за чистоту и твердость вѣры въ Православной Церкви, съ одной стороны ограждаетъ ея ученіе отъ неправильныхъ перетолкованій естественнаго разума, съ другой—ограждаетъ разумъ отъ неправильнаго вмѣшательства Церковнаго авторитета. Такъ что для православнаго Христіанина всегда будетъ равно непонятно и то, какъ можно жечь Галилея за несогласіе его мнѣній съ понятіями Церковной іерархіи, и то, какъ можно отвергать достовѣрность Апостольскаго посланія за несогласіе истинъ, въ немъ выраженныхъ, съ понятіями какого нибудь человѣка или какого нибудь времени.

Но чѣмъ яснѣе обозначены и чѣмъ тверже стоятъ границы Божественнаго Откровенія, тѣмъ сильнѣе потребность вѣрующаго мышленія—согласить понятіе разума съ ученіемъ вѣры. Ибо истина одна, и стремленіе къ сознанію этого единства есть постоянный законъ и основное побужденіе разумной дѣятельности.

Чѣмъ свободнѣе, чѣмъ искреннѣе вѣрующій разумъ въ своихъ естественныхъ движеніяхъ, тѣмъ полнѣе и правильнѣе стремится онъ къ Божественной истинѣ. Для православномыслящаго ученіе Церкви не пустое зеркало, которое каждой личности отражаетъ ея очертаніе; не Прокрустова постель, которая уродуетъ живыя личности по одной условной мѣркѣ; но высшій идеалъ, къ которому только можетъ стремиться вѣрующій разумъ, конечный край высшей мысли, руководительная звѣзда, которая горитъ на высотѣ неба и, отражаясь въ сердцѣ, освѣщаетъ разуму его путь къ истинѣ.

Но, чтобы согласить разумъ съ вѣрою, для православномыслящаго недостаточно устроивать разумныя понятія сообразно положеніямъ вѣры, избирать соотвѣтственныя, исключать противныя и такимъ образомъ очищать разумъ отъ всего противорѣчащаго вѣрѣ. Если бы въ такой отрицательной дѣятельности заключались отношенія православнаго мышленія къ вѣрѣ, то и результаты этого отношенія были бы такіе же, какъ на Западѣ. Понятія, несогласныя съ вѣрою, происходя изъ того же источника и такимъ же способомъ, какъ и понятія согласныя съ нею, имѣли бы одинакое съ ними право на признаніе, и въ самоїй основѣ самосознанія произошло бы то болѣзненное раздвоеніе, которое рано или поздно, но неминуемо уклонило бы мышленіе внѣ вѣры.

Но въ томъ-то и заключается главное отличіе православнаго мышленія, что оно ищетъ не отдѣльныя понятія устроить сообразно требованіямъ вѣры, но самый разумъ поднять выше своего обыкновеннаго уровня, — стремится самый источникъ разумѣнія, самый способъ мышленія возвысить до сочувственнаго согласія съ вѣрою.

Первое условіе для такого возвышенія разума заключается въ томъ, чтобы онъ стремился собрать въ одну недѣлимую цѣльность всѣ свои отдѣльныя силы, которыя въ обыкновенномъ положеніи человѣка находятся въ состояніи разрозненности и противорѣчія; чтобы онъ не признавалъ своей отвлеченной логической способности за единственный органъ разумѣнія истины; чтобы голосъ восторженнаго чувства, не соглашенный съ другими силами духа, онъ не почиталъ безошибочнымъ указаніемъ правды; чтобы внушенія отдѣльнаго эстетическаго смысла, независимо отъ другихъ понятій, онъ не считалъ вѣрнымъ путеводителемъ для разумѣнія высшаго міроустройства; даже, — чтобы господствующую любовь своего сердца, отдѣльно отъ другихъ требованій духа, онъ не почиталъ за непогрѣшительную руководительницу къ постиженію высшаго блага; но чтобы постоянно искалъ въ глубинѣ души того внутренняго корня разумѣнія, гдѣ всѣ отдѣльныя силы сливаются въ одно живое и цѣльное зрѣніе ума.

И для разумѣнія истины въ этомъ собраніи всѣхъ душевныхъ силъ, разумъ не будетъ приводить мысль, ему предстоящую, послѣдовательно и отдѣльно на судъ каждой изъ

своихъ отдѣльныхъ способностей, стараясь согласить всѣ ихъ приговоры въ одно общее значеніе. Но въ цѣльномъ мышленіи, при каждомъ движеніи души, всѣ ея струны должны быть слышны въ полномъ аккордѣ, сливаясь въ одинъ гармоническій звукъ.

Внутреннее сознаніе, что есть въ глубинѣ души живое общее средоточіе для всѣхъ отдѣльныхъ силъ разума, сокрытое отъ обыкновеннаго состоянія духа человѣческаго, но достижимое для ищущаго, и одно достойное постигать высшую истину,—такое сознаніе постоянно возвышаетъ самый образъ мышленія человѣка: смиряя его разсудочное самомнѣніе, онъ не стѣсняетъ свободы естественныхъ законовъ его разума; напротивъ, укрѣпляетъ его самобытность и вмѣстѣ съ тѣмъ добровольно подчиняетъ его вѣрѣ. Тогда на всякое мышленіе, исходящее изъ высшаго источника разумѣнія, онъ смотритъ, какъ на неполное, и потому невѣрное знаніе, которое не можетъ служить выраженіемъ высшей истины, хотя можетъ быть полезнымъ на своемъ подчиненномъ мѣстѣ, и даже иногда быть необходимою ступенью для другаго знанія, стоящаго на ступени еще низшей.

Потому, свободное развитіе естественныхъ законовъ разума не можетъ быть вредно для вѣры православно-мыслящаго. Православно-вѣрующій можетъ заразиться невѣріемъ, и то только при недостаткѣ внѣшней самобытной образованности,—но не можетъ, какъ мыслящій другихъ исповѣданій, естественнымъ развитіемъ разума придти къ невѣрію. Ибо его коренныя понятія о вѣрѣ и разумѣ предохраняютъ его отъ этого несчастія. Вѣра для него не слѣпое понятіе, которое потому только въ состояніи *вѣры*, что не развито естественнымъ разумомъ, и которое разумъ долженъ *возвысить* на степень *знанія*, разложивъ его на составныя части и показавъ такимъ образомъ, что въ немъ нѣтъ ничего особеннаго, чего бы и безъ Божественнаго Откровенія нельзя было найти въ сознаніи естественнаго разума; она также не одинъ внѣшній авторитетъ, передъ которымъ разумъ долженъ слѣпнуть; но авторитетъ вмѣстѣ внѣшній и внутренній, высшая разумность, живительная для ума. Для нея развитіе разума естественнаго служитъ только ступенями, и, превышая обыкновенное состояніе ума, она тѣмъ самымъ вразумляетъ его, что онъ отклонился отъ своей первоестественной цѣльности и этимъ вразумленіемъ побуждаетъ

къ возвращенію на степень высшей дѣятельности. Ибо православно-вѣрующій знаетъ, что для цѣльной истины нужна цѣльность разума, и исканіе этой цѣльности составляетъ постоянную задачу его мышленія.

При такомъ убѣжденіи, вся цѣпь основныхъ началъ естественнаго разума, могущихъ служить исходными точками для всѣхъ возможныхъ системъ мышленія, является ниже разума вѣрующаго, какъ въ бытіи внѣшней природы вся цѣпь различныхъ органическихъ существъ является ниже человѣка, способнаго при всѣхъ степеняхъ развитія къ внутреннему Богосознанію и молитвѣ.

Находясь на этой высшей степени мышленія, православно-вѣрующій легко и безвредно можетъ понять всѣ системы мышленія, исходящія изъ низшихъ степеней разума, и видѣть ихъ ограниченность и вмѣстѣ относительную истинность. Но для мышленія, находящагося на низшей степени, высшая непонятна и представляется неразуміемъ. Таковъ законъ человѣческаго ума вообще.

Эта независимость основной мысли православно-вѣрующаго отъ низшихъ системъ, могущихъ прикасаться его уму, не составляетъ исключительной принадлежности однихъ ученыхъ богослововъ и находится, такъ сказать, въ самомъ воздухѣ Православія. Ибо какъ бы ни мало были развиты разсудочныя понятія вѣрующаго, но каждый православный сознаетъ во глубинѣ души, что истина Божественная не обнимается соображеніями обыкновеннаго разума и требуетъ высшаго, духовнаго зрѣнія, которое пріобрѣтается не наружною ученостію, но внутреннею цѣльностію бытія. Потому истиннаго Богомыслія ищетъ онъ тамъ, гдѣ думаетъ встрѣтить вмѣстѣ и чистую цѣльную жизнь, которая ручается ему за цѣльность разума, а не тамъ, гдѣ возвышается одна школьная образованность. Потому также весьма рѣдки случаи, чтобы православно-вѣрующій утратилъ свою вѣру единственно вслѣдствіе какихъ нибудь логическихъ разсужденій, могущихъ измѣнить его разсудочныя понятія. По большей части онъ увлекается къ невѣрію, а не убѣждается имъ. Онъ теряетъ вѣру не отъ умственныхъ затрудненій, но вслѣдствіе соблазновъ жизни, и своими разсудочными соображеніями ищетъ только оправдать въ собственныхъ глазахъ своихъ свое сердечное отступничество. Въ послѣдствіи уже безвѣріе укрѣпляется въ немъ ка-

кою нибудь разумною системою, замѣняющею прежнюю вѣру; такъ что тогда ему уже трудно бываетъ опять возвратиться къ вѣрѣ, не прочистивъ предварительно дороги для своего разума. Но покуда онъ вѣритъ сердцемъ, для него логическое разсужденіе безопасно. Ибо для него нѣтъ мышленія, оторваннаго отъ памяти о внутренней цѣльности ума, о томъ средоточіи самосознанія, гдѣ настоящее мѣсто для высшей истины и гдѣ не одинъ отвлеченный разумъ, но вся совокупность умственныхъ и душевныхъ силъ кладутъ одну общую печать достовѣрности на мысль, предстоящую разуму,—какъ на Аѳонскихъ горахъ каждый монастырь имѣетъ только одну часть той печати, которая, слагаясь вмѣстѣ изо всѣхъ отдѣльныхъ частей, на общемъ соборѣ монастырскихъ предстоятелей составляетъ одну законную печать Аѳона.

По этой же причинѣ въ мышленіи православно-вѣрующаго совокупляется всегда двойная дѣятельность: слѣдя за развитіемъ своего разумѣнія, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдитъ и за самымъ способомъ своего мышленія, постоянно стремясь возвысить разумъ до того уровня, на которомъ бы онъ могъ сочувствовать вѣрѣ. Внутреннее сознаніе, или иногда только темное чувство этого искомаго, конечнаго края ума, присутствуетъ неотлучно при каждомъ движеніи его разума, при каждомъ, такъ сказать, дыханіи его мысли, и если когда нибудь возможно развитіе самобытной образованности въ мірѣ православно-вѣрующемъ, то очевидно, что эта особенность православнаго мышленія, исходящая изъ особеннаго отношенія разума къ вѣрѣ, должна опредѣлить ея господствующее направленіе. Такое только мышленіе можетъ со временемъ освободить умственную жизнь православнаго міра отъ искажающихъ вліяній посторонняго просвѣщенія, также какъ и отъ удушающаго гнета невѣжества, равно противныхъ просвѣщенію православному. Ибо развитіе мышленія, дающее тотъ или другой смыслъ всей умственной жизни, или, лучше сказать, развитіе философіи, условливается соединеніемъ двухъ противоположныхъ концовъ человѣческой мысли: того, гдѣ она сопрягается съ высшими вопросами вѣры, и того, гдѣ она прикасается развитію наукъ и внѣшней образованности.

Философія не есть одна изъ наукъ, и не есть вѣра. Она общій итогъ и общее основаніе всѣхъ наукъ, и проводникъ мысли между ними и вѣрою.

Гдѣ есть вѣра, и нѣтъ развитія разумной образованности, тамъ и философіи быть не можетъ.

Гдѣ есть развитіе наукъ и образованности, но нѣтъ вѣры, или вѣра исчезла,—тамъ убѣжденія философскія замѣняютъ убѣжденія вѣры и, являясь въ видѣ предразсудка, даютъ направленіе мышленію и жизни народа. Не всѣ, раздѣляющіе философскія убѣжденія, изучали системы, изъ которыхъ онѣ исходятъ; но всѣ принимаютъ послѣдніе выводы этихъ системъ, такъ сказать, на вѣру въ убѣжденіе другихъ. Опираясь на эти умственные предразсудки съ одной стороны, а съ другой—возбуждаясь текущими вопросами современной образованности, разумъ человѣческій порождаетъ новыя системы философіи, соотвѣтствующія взаимному отношенію установившихся предубѣжденій и текущей образованности.

Но тамъ, гдѣ вѣра народа имѣетъ одинъ смыслъ и одно направленіе, а образованность, заимствованная отъ другаго народа, имѣетъ другой смыслъ и другое направленіе,—тамъ должно произойти одно изъ двухъ: или образованность вытѣснитъ вѣру, порождая соотвѣтственныя себѣ убѣжденія философскія; или вѣра, преодолѣвая въ мыслящемъ сознаніи народа эту внѣшнюю образованность, изъ самаго соприкосновенія съ нею произведетъ свою философію, которая дастъ другой смыслъ образованности внѣшней и проникнетъ ее господствомъ другаго начала.

Послѣднее совершилось, когда Христіанство явилось среди образованности языческой. Не только наука, но и самая философія языческая обратилась въ орудіе Христіанскаго просвѣщенія и, какъ подчиненное начало, вошло въ составъ философіи Христіанской.

Покуда внѣшнее просвѣщеніе продолжало жить на Востокѣ, до тѣхъ поръ процвѣтала тамъ и православно-Христіанская философія. Она погасла только вмѣстѣ съ свободою Греціи и съ уничтоженіемъ ея образованности. Но слѣды ея сохраняются въ Писаніяхъ Святыхъ Отцевъ Православной Церкви, какъ живыя искры, готовыя вспыхнуть при первомъ прикосновеніи вѣрующей мысли и опять засвѣтить путеводительный фонарь для разума, ищущаго истины.

Но возобновить философію Св. Отцевъ въ томъ видѣ, какъ она была въ ихъ время, невозможно. Возникая изъ отношенія вѣры къ современной образованности, она должна была

соотвѣтствовать и вопросамъ своего времени, и той образованности, среди которой она развилась. Развитіе новыхъ сторонъ наукообразной и общественной образованности требуетъ и соотвѣтственнаго имъ новаго развитія философіи. Но истины, выраженныя въ умозрительныхъ Писаніяхъ Св. Отцевъ, могутъ быть для нея живительнымъ зародышемъ и свѣтлымъ указателемъ пути.

Противопоставить эти драгоцѣнныя и живительныя истины современному состоянію философіи; проникнуться, по возможности, ихъ смысломъ; сообразить въ отношеніи къ нимъ всѣ вопросы современной образованности, всѣ логическія истины, добытыя наукою, всѣ плоды тысячелѣтнихъ опытовъ разума среди его разносторонних дѣятельностей; изо всѣхъ этихъ соображеній вывести общія слѣдствія, соотвѣтственныя настоящимъ требованіямъ просвѣщенія,—вотъ задача, рѣшеніе которой могло бы измѣнить все направленіе просвѣщенія въ народѣ, гдѣ убѣжденія Православной вѣры находятся въ разногласіи съ заимствованною образованностію.

Но для удовлетворительнаго рѣшенія этой великой задачи нужна совокупная дѣятельность людей единомысленныхъ. Философія, которая не хочетъ оставаться въ книгѣ и стоять на полкѣ, но должна перейти въ живое убѣжденіе,—должна также и развиться изъ живаго взаимно-дѣйствія убѣжденій, разнообразно, но единомышленно стремящихся къ одной цѣли. Ибо все, что́ есть существеннаго въ душѣ человѣка, вырастаетъ въ немъ только общественно. Потомъ необходимо, чтобы личныя убѣжденія пришли не въ предположительное, но въ дѣйствительное столкновеніе съ вопросами окружающей образованности. Ибо только изъ дѣйствительныхъ отношеній къ существенности загораются тѣ мысли, которыя освѣщаютъ умъ и согрѣваютъ душу.

Но чтобы понять отношенія, которыя философія древнихъ Св. Отцевъ можетъ имѣть къ современной образованности, недостаточно прилагать къ ней требованія нашего времени; надобно еще постоянно держать въ умѣ ея связь съ образованностію, ей современною, чтобы отличить то, что въ ней есть существеннаго, отъ того, что только временное и относительное. Тогда не та была степень развитія наукъ, не тотъ ха-

рактеръ этого развитія, и не то волновало и смущало сердце человѣка, что волнуетъ и смущаетъ его теперь.

Древній міръ былъ въ непримиримомъ противорѣчіи съ Христіанствомъ: не только тогда, когда Христіанство боролось съ многобожіемъ, но и тогда, когда государство называло себя Христіанскимъ. Міръ и Церковь были двѣ противныя крайности, которыя взаимно другъ друга исключали въ сущности, хотя терпѣли другъ друга наружно. Язычество не уничтожилось съ многобожіемъ. Оно процвѣтало въ устройствѣ государственномъ, въ законахъ, въ Римскомъ правительствѣ, своекорыстномъ, бездушномъ, насильственномъ и лукавомъ; въ чиновникахъ, нагло продажныхъ и открыто двоедушныхъ; въ судахъ, явно подкупныхъ и вопіющую несправедливость умѣвшихъ одѣвать въ формальную законность; въ нравахъ народа, проникнутыхъ лукавствомъ и роскошью, въ его обычаяхъ, въ его играхъ, однимъ словомъ, во всей совокупности общественныхъ отношеній Имперіи. Константинъ Великій призналъ правительство Христіанскимъ, но не успѣлъ его переобразовать согласно духу Христіанскому. Физическое мученичество прекратилось, но нравственное осталось. Великое дѣло было — законное и гласное признаніе истины Христіанства; но воплощеніе этой истины въ государственномъ устройствѣ требовало времени. Если бы преемники Константина были проникнуты такимъ же искреннимъ уваженіемъ къ Церкви, то, можетъ быть, Византія могла бы сдѣлаться Христіанскою. Но ея правители по большей части были еретики или отступники и угнетали Церковь, подъ видомъ покровительства, пользуясь ею только, какъ средствомъ для своей власти. Между тѣмъ самый составъ Римской Имперіи былъ таковъ, что для правящей ею власти едва ли возможно было отказаться отъ своего языческаго характера. Римская власть была отвлеченно-государственная; подъ правительствомъ не было народа, котораго бы оно было выраженіемъ, съ которымъ его сочувственныя отношенія могли бы устроивать лучшую жизнь государства. Римское правительство было внѣшнею и насильственною связью многихъ разнородныхъ народностей, чуждыхъ другъ другу по языку и нравамъ и враждебныхъ по интересамъ. Крѣпость правительства основывалась на равновѣсіи народныхъ враждебностей. Насильственный узелъ связывалъ людей, но не соединялъ ихъ. Всякій

общественный и мѣстный духъ, которымъ дышетъ и держится нравственность общественная, былъ противенъ правительству. У народовъ остались родины, но отечество исчезло и не могло возникнуть иначе, какъ изъ внутренняго единомыслія. Одна Церковь Христіанская оставалась живою, внутреннею связью между людьми; одна любовь къ небесному отечеству соединяла ихъ; одно единомысліе въ вѣрѣ вело къ сочувствію жизненному; одно единство внутреннихъ убѣжденій, укрѣпляясь въ умахъ, могло со временемъ привести и къ лучшей жизни на землѣ. Потому, стремленіе къ единомыслію и единодушію въ Церкви было полнымъ выраженіемъ и любви къ Богу, и любви къ человѣчеству, и любви къ отечеству, и любви къ истинѣ. Между гражданиномъ Рима и сыномъ Церкви не было ничего общаго. Христіанину оставалась одна возможность для общественной дѣятельности, которая заключалась въ полномъ и безусловномъ протестѣ противъ міра. Чтобы спасти внутреннія убѣжденія, Христіанинъ Византійскій могъ только умереть для общественной жизни. Такъ онъ дѣлалъ, идя на мученичество; такъ дѣлалъ, уходя въ пустыни, или запираясь въ монастырь. Пустыня и монастырь были не главнымъ, но, можно сказать, почти единственнымъ поприщемъ для Христіанскаго нравственнаго и умственнаго развитія человѣка; ибо Христіанство не уклонялось умственнаго развитія, но, напротивъ, вмѣщало его въ себѣ.

Вслѣдствіе такого порядка вещей, вопросы современной образованности не могли имѣть характера общественнаго, потому и философія должна была ограничиться развитіемъ внутренней, созерцательной жизни. Интересъ историческій, который основывается на интересѣ общественномъ, также не могъ входить въ ея сферу. Нравственные вопросы касались ея также только въ той мѣрѣ, въ какой они относились къ одинокой внутренней жизни. Но внѣшняя жизнь человѣка и законы развитія отношеній семейныхъ, гражданскихъ, общественныхъ и государственныхъ, почти не входили въ ея объемъ. Хотя общія начала для этихъ отношеній находятся въ ея общихъ понятіяхъ о человѣкѣ, но они не получили наукообразнаго вывода. Можетъ быть, общія нравственныя понятія тѣмъ чище и глубже раскрывались въ одинокихъ умозрѣніяхъ монастырей, чѣмъ менѣе къ нимъ примѣшивались

временныя мірскія вліянія. Но ихъ внутренняя чистота и глубина не имѣли той полноты наружнаго развитія, какой. требовало бы отъ нихъ другое время и другое состояніе внѣшней образованности.

Однакоже, между вопросами внутренней, созерцательной жизни того времени и между вопросами современной намъ общественно-философской образованности есть общее; это— человѣческій разумъ. Естество разума, разсматриваемое съ высоты сосредоточеннаго Богомыслія, испытанное въ самомъ высшемъ развитіи внутренняго, духовнаго созерцанія, является совсѣмъ въ другомъ видѣ, чѣмъ въ какомъ является разумъ, ограничивающійся развитіемъ жизни внѣшней и обыкновенной. Конечно, общіе его законы тѣ же. Но, восходя на высшую ступень развитія, онъ обнаруживаетъ новыя стороны и новыя силы своего естества, которыя бросаютъ новый свѣтъ и на общіе его законы.

То понятіе о разумѣ, которое выработалось въ новѣйшей философіи и котораго выраженіемъ служитъ система Шеллинго-Гегельянская, не противорѣчило бы безусловно тому понятію о разумѣ, какое мы замѣчаемъ въ умозрительныхъ твореніяхъ Святыхъ Отцевъ, еслибы только оно не выдавало себя за высшую познавательную способность, и вслѣдствіе этого притязанія на высшую силу познаванія, не ограничивало бы самую истину только той стороной познаваемости, которая доступна этому отвлеченно-раціональному способу мышленія.

Всѣ ложные выводы раціональнаго мышленія зависятъ только отъ его притязанія на высшее и полное познаніе истины. Если бы оно сознало свою ограниченность и видѣло въ себѣ одно изъ орудій, которыми познается истина, а не единственное орудіе познаванія; тогда и выводы свои оно представило бы, какъ условные и относящіеся единственно къ его ограниченной точкѣ зрѣнія, и ожидало бы другихъ, высшихъ и истиннѣйшихъ выводовъ отъ другаго, высшаго и истиннѣйшаго способа мышленія. Въ этомъ смыслѣ принимается оно мыслящимъ Христіаниномъ, который, отвергая его послѣдніе результаты, тѣмъ съ большею пользою для своего умственнаго развитія можетъ изучать его относительную истину, принимая, какъ законное достояніе разума, все, что есть вѣрнаго и объяснительнаго въ самомъ одностороннемъ развитіи его умозрѣній.

Впрочемъ, если бы разумъ философскій созналъ свою ограниченность, то, развиваясь даже внутри ея, онъ принялъ бы другое направленіе, могущее его привести къ высшей полнотѣ знанія. Но это сознаніе ограниченности было бы смертнымъ приговоромъ его безусловному авторитету: потому онъ всегда боялся этого сознанія, и тѣмъ болѣе, что оно всегда было близко къ нему. Чтобы избѣжать его, онъ безпрестанно мѣнялъ свои формы. Едва понимали его недостаточность, какъ онъ ускользалъ отъ этого пониманія, являясь въ другомъ видѣ и оставляя свой прежній образъ, какъ простую чешую, въ рукахъ своихъ противниковъ. Такъ: чтобы избѣжать упрековъ въ недостаточности, онъ перешелъ отъ формально-логическихъ доказательствъ къ опытнымъ наблюденіямъ съ одной стороны, съ другой—къ внутреннему сознанію истины, и назвалъ прежнее свое мышленіе *разсудочнымъ*, а новое *разумнымъ*. Обнаруживъ вслѣдствіе своего развитія въ новой формѣ также и ея недостаточность, онъ назвалъ и ее *разсудочною* и перешелъ къ *чистому разуму*. Когда же Якоби обличалъ ограниченность теорій чистаго разума, какъ онѣ выразились въ системѣ Канта и Фихте, то въ концѣ своей длинной и многолѣтней полемики, узналъ къ своему удивленію, что все, сказанное имъ о *разумѣ*, должно относиться къ *разсудку*. Теорія Канта и Фихте оказалась разсудочная; развитіе разума должно было только начаться въ системѣ Шеллинга и Гегеля. „Теперь только, — писалъ Гегель въ 1802 году, указывая на систему Шеллинга,—теперь только можетъ начаться собственно философія *разума;* ибо циклъ разсудочнаго развитія окончился системою Фихте“.

Такимъ образомъ разумъ, какъ его понимаетъ послѣдняя философія, не смѣшиваетъ себя съ логическимъ разсудкомъ, заключающимся въ формальномъ сцѣпленіи понятій и движущимся посредствомъ силлогистическихъ выводовъ и доказательствъ. Разумъ въ послѣднемъ своемъ видѣ выводитъ свое знаніе, по законамъ умственной необходимости, не изъ отвлеченнаго понятія, но изъ самаго корня самосознанія, гдѣ бытіе и мышленіе соединяются въ одно безусловное тождество. Его мыслительный процессъ заключается не въ логическомъ развитіи, движущемся посредствомъ отвлеченныхъ умозаключеній, но въ развитіи діалектическомъ, исходящемъ изъ самой сущности предмета. Предметъ мышленія, предстоя зрѣнію ума, самъ

собою прелагается изъ вида въ видъ, изъ понятія въ понятіе, безпрестанно возрастая въ полнѣйшее значеніе. Умъ, вглядываясь въ предметъ своего мышленія, открываетъ въ немъ внутреннее противорѣчіе, уничтожающее прежнее объ немъ понятіе. Это противорѣчащее, отрицательное понятіе, представляясь уму, также обнаруживаетъ свою несостоятельность и открываетъ въ себѣ необходимость положительной основы, таящейся въ немъ, которая такимъ образомъ уже является, какъ соединеніе положительнаго и отрицательнаго опредѣленія въ одно *сложное* (конкретное). Но это новое понятіе, въ свою очередь, едва представляется уму въ видѣ послѣдняго результата сознаванія, какъ уже въ этомъ притязаніи на конечную самобытность обличаетъ свою несостоятельность и открываетъ свою отрицательную сторону. Эта отрицательная сторона опять приводитъ свою положительную, которая снова подвергается тому же видоизмѣнительному процессу, покуда наконецъ совершится весь кругъ діалектическаго развитія мысли, восходящей отъ перваго начала сознанія къ общей и чистой отвлеченности мышленія, которая вмѣстѣ есть и общая существенность. Отсюда тѣмъ же діалектическимъ способомъ сознаніе наполняется всѣмъ развитіемъ бытія и мышленія, какъ тождественнаго явленія одной осуществленной разумности и самосознающейся существенности.

Но, высказавъ свое послѣднее слово, философскій разумъ далъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность уму сознать его границы. Вслѣдствіе того же діалектическаго процесса, который служилъ разуму къ построенію его философіи, самъ этотъ діалектическій процессъ подвергся тому же разлагающему воззрѣнію и явился предъ разумнымъ сознаніемъ, какъ одна отрицательная сторона знанія, обнимающая только возможную, а не дѣйствительную, истину и требующая въ пополненіе себѣ другаго мышленія, не предположительно, а положительно сознающаго и стоящаго столько же выше логическаго саморазвитія, сколько дѣйствительное событіе выше простой возможности.

Это сознаніе ограниченности и неудовлетворительности послѣдняго выраженія философскаго мышленія составляетъ теперь высшую степень умственнаго развитія Запада. Это не мнѣніе какихъ нибудь дилетантовъ философіи; не возгласы людей, нападающихъ на философію по причинѣ какихъ нибудь посторон-

нихъ интересовъ; это даже не судъ такихъ людей, какъ Краузе и Баадеръ, которые своимъ философскимъ глубокомысліемъ во многомъ помогали развитію послѣдней философіи, но не имѣли довольно власти надъ умами для того, чтобы ихъ протестъ противъ ея безусловной истинности могъ измѣнить направленіе философскаго развитія. Они сильно дѣйствовали на другомъ поприщѣ, которое проходитъ невидимо между наукою и жизнію; но ни одинъ изъ нихъ не образовалъ особой философской школы *). Односторонность и неудовлетворительность раціональнаго мышленія и послѣдней философіи, какъ его полнѣйшаго проявленія, созналъ и выразилъ въ очевидной и неопровержимой ясности тотъ же самый великій мыслитель, который первый создалъ послѣднюю философію и возвысилъ, по признанію Гегеля, раціональное мышленіе отъ формальной разсудочности къ существенной разумности.

Ибо послѣдняя философія Нѣмецкая столько же принадлежитъ Шеллингу, сколько и Гегелю. Она начата была Шеллингомъ, имъ утверждена на своемъ новомъ основаніи, имъ развита во многихъ отдѣльныхъ частяхъ, имъ вмѣстѣ съ Гегелемъ введена въ общее сознаніе Германіи. Гегель долго почитался ученикомъ и послѣдователемъ Шеллинга. Ему принадлежитъ ея подробнѣйшее развитіе, обнимающее всѣ отрасли наукъ и представляющее доконченную круглоту наукообразно построенной системы. Потому, Шеллингъ и могъ такъ ясно сознать ограниченность этой философіи, что она была его собственная мысль **).

---

*) Халибеусъ не можетъ входить въ категорію философовъ, противныхъ послѣднему направленію философіи. Ибо хотя его начала въ самомъ основаніи нѣсколько разногласятъ съ воззрѣніемъ Гегеля на общіе законы разума, но эти разногласія не выводятъ его изъ сферы раціональнаго отвлеченнаго мышленія. Герресъ, бывшій однимъ изъ знаменитѣйшихъ послѣдователей Шеллинга и перешедшій отъ философіи къ вѣрѣ, также не могъ имѣть вліянія на общее развитіе ума, потому что его переходъ совершился не вслѣдствіе правильнаго развитія сознанія, но вслѣдствіе его личной особенности и посторонних вліяній.

**) Гегель въ своей исторіи философіи обозначаетъ нѣкоторыя отличія своей системы отъ Шеллинговой; но эти отличія принадлежатъ тому періоду Шеллинговой философіи, когда его мышленіе уже начало принимать другое направленіе, о чемъ, впрочемъ, и самъ Гегель упоминаетъ. Единственное различіе между первою системою Шеллинга и системою Гегеля заключается въ способѣ изложенія основной мысли. Ибо то внутреннее противорѣчіе мысли, которое Шеллингъ представляетъ въ совокупномъ проявленіи двухъ полярностей и ихъ тождества, у Гегеля является въ послѣдовательномъ движеніи сознаванія отъ одного опредѣленія мысли къ противоположному. Что же касается до *умственнаго созерцанія*, о которомъ говорилъ Шеллингъ и которое не вмѣщалось въ систему Гегеля, то оно и въ Шеллинговой первой системѣ не имѣетъ существеннаго значенія. Объ немъ Шеллингъ упоминаетъ, но не развиваетъ его. Это было только предчувствіе будущаго направленія его мысли.

Авторитетъ Шеллинга и еще болѣе очевидная справедливость его воззрѣнія на ограниченность раціональнаго мышленія видимо поколебали въ Германіи безусловную довѣренность къ выводамъ послѣдняго любомудрія и были одной изъ причинъ охлажденія умовъ къ философіи. Конечно, Гегельянцы еще остались и останутся надолго, ибо весь характеръ современной образованности сочувствуетъ ихъ направленію. Но когда мысль на самой вершинѣ своего развитія сознала свою несостоятельность, то новое направленіе уже возможно. Большинство, составляющее толпу, еще долго можетъ оставаться въ отжившихъ убѣжденіяхъ; но прежняго огня увѣренности убѣжденіе толпы въ нихъ не вложитъ. Знаменитый Эрдманъ называетъ себя послѣднимъ Могиканомъ изъ учениковъ Гегеля. Новыхъ философскихъ знаменитостей уже не видно,—и врядъ ли онѣ уже возможны.

Но послѣдняя система Шеллинга не могла еще имѣть настоящаго дѣйствія на умы, потому что соединяетъ въ себѣ двѣ противоположныя стороны, изъ которыхъ одна несомнѣнно истинная, а другая почти столько же несомнѣнно ложная: первая—отрицательная, показывающая несостоятельность раціональнаго мышленія; вторая—положительная, излагающая построеніе новой системы. Но эти двѣ стороны не имѣютъ между собой необходимой связи и могутъ быть отдѣлены одна отъ другой, и непремѣнно будутъ отдѣлены. Тогда отрицательное вліяніе Шеллингова мышленія будетъ еще несравненно сильнѣе. Убѣдившись въ ограниченности самомышленія и въ необходимости Божественнаго Откровенія, хранящагося въ преданіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ необходимости живой вѣры, какъ высшей разумности и существенной стихіи познаванія, Шеллингъ не обратился къ Христіанству, но перешелъ къ нему естественно, вслѣдствіе глубокаго и правильнаго развитія своего разумнаго самосознанія: ибо въ основной глубинѣ человѣческаго разума, въ самой природѣ его заложена возможность сознанія его коренныхъ отношеній къ Богу. Только оторвавшись отъ этой существенной глубины, или не достигнувъ ея, можетъ мысль человѣческая кружиться въ отвлеченномъ забвеніи своихъ основныхъ отношеній. Шеллингъ же, по своей врожденной геніальности и по необычайному развитію своего философскаго глубокомыслія, принадлежалъ къ числу тѣхъ существъ, которыя рождаются не вѣками, но тысячелѣтіями.

Но, стремясь къ Божественному Откровенію, гдѣ могъ онъ найти его чистое выраженіе, соотвѣтствующее его разумной потребности вѣры?—Бывъ отъ рожденія протестантомъ, Шеллингъ былъ, однакоже, столько искрененъ и добросовѣстенъ въ своихъ внутреннихъ убѣжденіяхъ, что не могъ не видать ограниченности протестантизма, отвергающаго преданіе, которое хранилось въ Римской Церкви, и часто выражалъ это воззрѣніе свое; такъ что долгое время по Германіи ходили слухи, что Шеллингъ перешелъ къ Римской Церкви. Но Шеллингъ также ясно видѣлъ и въ Римской Церкви смѣшеніе преданія истиннаго съ неистиннымъ, Божественнаго съ человѣческимъ.

Тяжелое должно быть состояніе человѣка, который томится внутреннею жаждою Божественной истины и не находитъ чистой религіи, которая бы могла удовлетворить этой всепроникающей потребности. Ему оставалось одно: собственными силами добывать и отыскивать изъ смѣшеннаго Христіанскаго преданія то, что соотвѣтствовало его внутреннему понятію о Христіанской истинѣ. Жалкая работа—сочинять себѣ вѣру!

Здѣсь руководствовался онъ не одними умозрительными соображеніями, которыхъ недостаточность такъ ясно сознавалъ, но, кромѣ Священнаго Писанія, искалъ опоры для мысли въ дѣйствительномъ Богосознаніи всего человѣчества, во сколько оно сохраняло преданіе первобытнаго Божественнаго Откровенія человѣку. Въ миѳологіи древнихъ народовъ находилъ онъ слѣды хотя искаженнаго, но не утраченнаго Откровенія. То существенное отношеніе къ Богу, въ которомъ находилось первое человѣчество, распадаясь на различные виды, сообразно развѣтвленію различныхъ народностей, въ каждой народности являлось въ особой ограниченной формѣ, и этою особою формою Богосознанія опредѣляло самую особенность народности. Но внутри всѣхъ этихъ болѣе или менѣе искажающихъ ограниченій оставались неизмѣнныя черты общаго существеннаго характера Откровенія. Согласіе этихъ общихъ внутреннихъ и основныхъ началъ каждой миѳологіи съ основными началами Христіанскаго преданія выражало для Шеллинга чистую истину Божественнаго Откровенія.

Такой взглядъ на исторію человѣческихъ вѣрованій могъ бы быть весьма питателенъ для Христіанской мысли, если бы она предварительно уже стояла на твердомъ основаніи. Но неопредѣленность предварительнаго убѣжденія и вмѣстѣ неопредѣлен-

ность внутренняго значенія миѳологіи, подлежащихъ болѣе или менѣе произвольному толкованію изыскателя, были причиною, что Шеллингова Христіанская философія явилась и не Христіанскою, и не философіей: отъ Христіанства отличалась она самыми главными догматами, отъ философіи—самымъ способомъ познаванія.

Къ тому же, требуя истины существенной, основанной не на отвлеченномъ умозрѣніи, но на мышленіи, проникнутомъ вѣрою, Шеллингъ не обратилъ вииманія на тотъ особенный образъ внутренней дѣятельности разума, который составляетъ необходимую принадлежность вѣрующаго мышленія. Ибо образъ разумной дѣятельности измѣняется, смотря по той степени, на которую разумъ восходитъ. Хотя разумъ одинъ, и естество его одно, но его образы дѣйствія различны, также какъ и выводы, смотря по тому, на какой степени онъ находится, и какая сила имъ движетъ и дѣйствуетъ. Ибо эта движущая и оживляющая сила происходитъ не отъ мысли, предстоящей разуму, но изъ самаго внутренняго состоянія разума исходитъ она къ мысли, въ которой находитъ свое успокоеніе и чрезъ которую уже сообщается другимъ разумнымъ личностямъ.

Эта внутренняя природа разума обыкновенно ускользаетъ отъ вниманія Западныхъ мыслителей. Привыкнувъ къ мышленію отвлеченно-логическому, гдѣ все знаніе зависитъ отъ формальнаго развитія предмета мышленія и гдѣ весь смыслъ поглощается выразимою стороною мысли, они не обращаютъ вниманія на ту внутреннюю силу ума, которая въ предметахъ живаго знанія, превосходящаго формальность логическаго сцѣпленія, совершаетъ движеніе мышленія, постоянно сопровождаетъ его, носится, такъ сказать, надъ выраженіемъ мысли и сообщаетъ ей смыслъ, невмѣстимый внѣшнимъ опредѣленіемъ, и результаты, независимые отъ наружной формы. Потому, въ писаніяхъ Св. Отцевъ искалъ Шеллингъ выраженія Богословскихъ догматовъ, но не цѣнилъ ихъ умозрительныхъ понятій о разумѣ и о законахъ высшаго познаванія. По этой причинѣ положительная сторона его системы, не имѣя внутренняго характера вѣрующаго мышленія, хотя мало нашла сочувствія въ Германіи, но еще менѣе можетъ найти его въ Россіи. Ибо Россія можетъ увлекаться логическими системами иноземныхъ философій, которыя для нея еще новы; но для любомудрія вѣрующаго она строже другихъ земель Европы, имѣя высокіе

образцы духовнаго мышленія въ древнихъ Св. Отцахъ и въ великихъ духовныхъ писаніяхъ всѣхъ временъ, не исключая и настоящаго. За то отрицательная сторона Шеллинговой системы, обнимающая несостоятельность раціональнаго мышленія, врядъ ли можетъ быть такъ безпристрастно оцѣнена въ Германіи, сроднившейся съ своимъ отвлеченнымъ и логическимъ мышленіемъ, какъ въ Россіи, гдѣ, послѣ перваго, юношескаго увлеченія чужою системою, человѣкъ свободнѣе можетъ возвратиться къ существенной разумности, — особенно, когда эта существенная разумность согласна съ его историческою своеобразностію.

Потому я думаю, что философія Нѣмецкая, въ совокупности съ тѣмъ развитіемъ, которое она получила въ послѣдней системѣ Шеллинга, можетъ служить у насъ самою удобною ступенью мышленія отъ заимствованныхъ системъ къ любомудрію самостоятельному, соотвѣтствующему основнымъ началамъ древне-Русской образованности и могущему подчинить раздвоенную образованность Запада цѣльному сознанію вѣрующаго разума.

Отрывки.

Древне-Русская, православно-Христіанская образованность, лежавшая въ основаніи всего общественнаго и частнаго быта Россіи, заложившая особенный складъ Русскаго ума, стремящагося ко внутренней цѣльности мышленія, и создавшая особенный характеръ коренныхъ Русскихъ нравовъ, проникнутыхъ постоянною памятью объ отношеніи всего временнаго къ вѣчному и человѣческаго къ Божественному,—эта образованность, которой слѣды до сихъ поръ еще сохраняются въ народѣ, была остановлена въ своемъ развитіи прежде, чѣмъ могла принести прочный плодъ въ жизни или даже обнаружить свое процвѣтаніе въ разумѣ. На поверхности Русской жизни господствуетъ образованность заимствованная, возросшая на другомъ корнѣ. Противорѣчіе основныхъ началъ двухъ спорящихъ между собою образованностей есть главнѣйшая, если не единственная, причина всѣхъ золъ и недостатковъ, которые могутъ быть замѣчены въ Русской землѣ. Потому, примиреніе обѣихъ образованностей въ такомъ мышленіи, котораго основаніе заключало бы въ себѣ самый корень древне-Русской образованности, а развитіе состояло бы въ сознаніи всей образованности Западной и въ подчиненіи ея выводовъ господствующему духу православно-Христіанскаго любомудрія,—такое примирительное мышленіе могло бы быть началомъ новой умственной жизни въ Россіи и,—кто знаетъ?—можетъ быть, нашло бы отголоски и на Западѣ, среди искреннихъ мыслителей, безпристрастно ищущихъ истины.

Чья вина была въ томъ, что древне-Русская образованность не могла развиться и господствовать надъ образованностью Запада?—Вина ли внѣшнихъ историческихъ обстоятельствъ,

или внутренняго ослабленія духовной жизни Русскаго человѣка? Рѣшеніе этого вопроса не касается нашего предмета. Замѣтимъ только, что характеръ просвѣщенія, стремящагося ко внутренней, духовной цѣльности, тѣмъ отличается отъ просвѣщенія логическаго, или чувственно-опытнаго, или вообще основаннаго на развитіи распавшихся силъ разума, что послѣднее, не имѣя существеннаго отношенія къ нравственному настроенію человѣка, не возвышается и не упадаетъ отъ его внутренней высоты или низости, но, бывъ однажды пріобрѣтено, остается навсегда его собственностію, независимо отъ настроенія его духа. Просвѣщеніе духовное, напротивъ того, есть знаніе живое: оно пріобрѣтается по мѣрѣ внутренняго стремленія къ нравственной высотѣ и цѣльности, и исчезаетъ вмѣстѣ съ этимъ стремленіемъ, оставляя въ умѣ одну наружность своей формы. Его можно погасить въ себѣ, если не поддерживать постоянно того огня, которымъ оно загорѣлось.

По этой причинѣ, кажется, нельзя не предположить, что хотя сильныя внѣшнія причины, очевидно, противились развитію самобытной Русской образованности, однакоже упадокъ ея совершился и не безъ внутренней вины Русскаго человѣка. Стремленіе къ внѣшней формальности, которое мы замѣчаемъ въ Русскихъ раскольникахъ, даетъ поводъ думать, что въ первоначальномъ направленіи Русской образованности произошло нѣкоторое ослабленіе еще гораздо прежде Петровскаго переворота. Когда же мы вспомнимъ, что въ концѣ 15-го и въ началѣ 16-го вѣка были сильныя партіи между представителями тогдашней образованности Россіи, которыя начали смѣшивать Христіанское съ Византійскимъ, и по Византійской формѣ хотѣли опредѣлить общественную жизнь Россіи, еще искавшую тогда своего равновѣсія; то мы поймемъ, что въ это самое время и, можетъ быть, въ этомъ самомъ стремленіи и начинался упадокъ Русской образованности. Ибо дѣйствительно, какъ скоро Византійскіе законы стали вмѣшиваться въ дѣло Русской общественной жизни, и для грядущаго Россіи начали брать образцы изъ прошедшаго порядка Восточно-Римской Имперіи; то въ этомъ движеніи ума уже была рѣшена судьба Русской коренной образованности. Подчинивъ развитіе общества чужой формѣ, Русскій человѣкъ тѣмъ самымъ лишилъ себя возможности живаго и правильнаго возрастанія въ самобытномъ просвѣщеніи, и хотя сохранилъ свя-

тую истину въ чистомъ и неискаженномъ видѣ, но стѣснилъ свободное въ ней развитіе ума и тѣмъ подвергся сначала невѣжеству, потомъ, вслѣдствіе невѣжества, подчинился непреодолимому вліянію чужой образованности.

Хотя просвѣщеніе иноземное принадлежитъ почти исключительно высшему, такъ называемому, *образованному* классу Русскаго народа, а первобытное просвѣщеніе Россіи хранится, не развиваясь, въ нравахъ, обычаяхъ и внутреннемъ складѣ ума, такъ называемаго, простаго народа,—однакожъ, противорѣчіе этихъ двухъ просвѣщеній отзывается равно вредными послѣдствіями на оба класса. Ни тутъ, ни тамъ, нѣтъ ничего цѣльнаго, однороднаго. Ни иноземная образованность не можетъ принести даже тѣхъ плодовъ, какіе она приноситъ въ другихъ странахъ, ибо не находитъ для себя корня въ землѣ; ни коренная образованность не можетъ сохранять своего значенія, потому что вся внѣшняя жизнь проникнута другимъ смысломъ. Въ нравственномъ отношеніи такое противорѣчіе еще вреднѣе, чѣмъ въ умственномъ, и большая часть пороковъ Русскаго человѣка, которые приписываются разнымъ случайнымъ причинамъ, происходятъ единственно отъ этого основнаго разногласія Русской жизни.

Самый образъ распространенія внѣшней иноземной образованности посреди Русскаго народа уже опредѣляетъ характеръ ея нравственнаго вліянія. Ибо распространеніе это совершается, какъ я уже сказалъ, не силою внутренняго убѣжденія, но силою внѣшняго соблазна, или внѣшней необходимости. Въ обычаяхъ и нравахъ своихъ отцевъ Русскій человѣкъ видитъ что-то святое; въ обычаяхъ и нравахъ привходящей образованности онъ видитъ только приманчивое или выгодное, или просто насильственно неразумное. Потому, обыкновенно онъ поддается образованности противъ совѣсти, какъ злу, которому противостоять не нашелъ въ себѣ силы. Принимая чужіе нравы и обычаи, онъ не измѣняетъ своего образа мыслей, но ему измѣняетъ. Сначала увлекается или поддается, потомъ уже составляетъ себѣ образъ мыслей, согласный съ своимъ образомъ жизни. Потому, чтобы сдѣлаться образованнымъ, ему прежде нужно сдѣлаться болѣе или менѣе отступникомъ отъ своихъ внутреннихъ убѣжденій. Какія послѣдствія должно имѣть такое начало образованности на нравственный характеръ народа,—легко отгадать заочно. Правда, до сихъ поръ, слава

Богу, Русскій народъ еще не теряетъ своей чистой вѣры и многихъ драгоцѣнныхъ качествъ, которыя изъ этой вѣры рождаются; но, по несчастію, нельзя не сознаться, что онъ потерялъ уже одну изъ необходимыхъ основъ общественной добродѣтели: уваженіе къ святынѣ *правды*.

Здѣсь коснулись мы такого предмета, о которомъ едва ли можетъ говорить равнодушно человѣкъ, сколько нибудь любящій свое отечество. Ибо если есть какое зло въ Россіи, если есть какое либо неустройство въ ея общественныхъ отношеніяхъ, если есть вообще причины страдать Русскому человѣку, то всѣ онѣ первымъ корнемъ своимъ имѣютъ неуваженіе къ святости правды.

Да, къ несчастію, Русскому человѣку легко солгать. Онъ почитаетъ ложь грѣхомъ общепринятымъ, неизбѣжнымъ, почти не стыднымъ, какимъ-то внѣшнимъ грѣхомъ, происходящимъ изъ необходимости внѣшнихъ отношеній, на которыя онъ смотритъ, какъ на какую-то неразумную силу. Потому, онъ не задумавшись готовъ отдать жизнь за свое убѣжденіе, претерпѣть всѣ лишенія для того, чтобы не запятнать своей совѣсти, и въ то же время лжетъ за копѣйку барыша, лжетъ за стаканъ вина, лжетъ изъ боязни, лжетъ изъ выгоды, лжетъ безъ выгоды. Такъ удивительно сложились его понятія въ послѣднее полуторастолѣтіе. Онъ совершенно не дорожитъ своимъ внѣшнимъ словомъ. Его слово—это не онъ, это его вещь, которою онъ владѣетъ на правѣ Римской собственности, то есть, можетъ ее употреблять и истреблять, не отвѣчая ни передъ кѣмъ. Онъ не дорожитъ даже своею присягою. На площади каждаго города можно видѣть калачниковъ, которые каждый торгъ ходятъ по десяти разъ въ день присягать въ томъ, что они не видали драки, бывшей передъ ихъ глазами. При каждой покупкѣ земли, при каждомъ вводѣ во владѣніе собираются всѣ окружные сосѣди присягать, сами не зная въ чемъ и не интересуясь узнать этого.—И это отсутствіе правды у того самаго народа, котораго древніе путешественники хвалили за правдолюбіе, который такъ дорожилъ присягою, что даже въ правомъ дѣлѣ скорѣе готовъ былъ отказаться отъ своего иска, чѣмъ произнести клятву!

А между тѣмъ, лишившись правдивости слова, какъ можетъ человѣкъ надѣяться видѣть устройство правды въ его общественныхъ отношеніяхъ? Покуда не возраститъ онъ въ

себѣ безусловное уваженіе къ правдѣ слова, какимъ внѣшнимъ надзоромъ можно уберечь общество отъ тѣхъ злоупотребленій, которыя только самимъ обществомъ могутъ быть замѣчены, оцѣнены и исправлены?

Но это отсутствіе правды, благодаря Бога, проникло еще не въ самую глубину души Русскаго человѣка; еще есть сферы жизни, гдѣ святость правды и вѣрность слову для него остались священными. На этой части его сердца, уцѣлѣвшей отъ заразы, утверждается возможность его будущаго возрожденія. Много путей открывается передъ мыслію, по которымъ Русскій человѣкъ можетъ идти къ возрожденію въ прежнюю стройность жизни. Всѣ они съ большею или меньшею вѣроятностію могутъ вести къ желанной цѣли, ибо достиженіе этой цѣли еще возможно, покуда силы Русскаго духа еще не утрачены, покуда вѣра въ немъ еще не погасла, покуда на господственномъ состояніи его духа еще лежитъ печать прежней цѣльности бытія. Но одно достовѣрно и несомнѣнно, что тотъ вредъ, который чужая образованность производитъ въ умственномъ и нравственномъ развитіи Русскаго народа, не можетъ быть устраненъ насильственнымъ удаленіемъ отъ этой образованности или отъ ея источника,—Европейской науки. Ибо, во первыхъ, это удаленіе невозможно. Никакіе карантины не остановятъ мысли и только могутъ придать ей силу и заманчивость тайны. Во вторыхъ, если бы и возможно было остановить входъ новыхъ мыслей, то это было бы еще вреднѣе для Русской образованности, ибо въ Россіи движется уже такъ много прежде вошедшихъ понятій Запада, что новыя могли бы только ослабить вредъ прежнихъ, разлагая и разъясняя, и доводя до своего отвлеченнаго основанія, съ которымъ вмѣстѣ должны они или упасть, или остаться. Ибо въ настоящее время все развитіе Европейскаго ума, сознаваясь, разлагается до своего послѣдняго начала, которое само сознаетъ свою неудовлетворительность. Между тѣмъ какъ, оставаясь неконченными и несознанными, но только требующими приложенія и воплощенія, прежнія понятія Запада могли бы быть тѣмъ вреднѣе въ Россіи, что лишились бы своего противодѣйствія въ собственномъ развитіи. Если бы не узнала Россія Шеллинга и Гегеля, то какъ уничтожилось бы господство Вольтера и энциклопедистовъ надъ Русскою образованностію? Но, наконецъ, если бы даже и возможно было совер-

шенно изгнать Западную образованность изъ Россіи, то кратковременное невѣжество подвергло бы ее опять еще сильнѣйшему вліянію чужаго просвѣщенія. Россія опять воротилась бы къ той эпохѣ Петровскаго преобразованія, когда введеніе всего Западнаго, только потому что оно не Русское, почиталось уже благомъ для Россіи, ибо влекло за собой образованность. И что же вышло бы изъ этого? Всѣ плоды полуторастолѣтняго ученичества Россіи были бы уничтожены для того, чтобы ей снова начать тотъ же курсъ ученія.

Одинъ изъ самыхъ прямыхъ путей къ уничтоженію вреда отъ образованности иноземной, противорѣчащей духу просвѣщенія Христіанскаго, былъ бы, конечно, тотъ, чтобы развитіемъ законовъ самобытнаго мышленія подчинить весь смыслъ Западной образованности господству православно-Христіанскаго убѣжденія. Ибо мы видѣли, что Христіанское любомудріе иначе понимается Православною Церковію, чѣмъ какъ оно понимается Церковью Римскою или протестантскими исповѣданіями. Затрудненія, которыя встрѣчало Христіанское мышленіе на Западѣ, не могутъ относиться къ мышленію православному. Для развитія же этого самобытнаго православнаго мышленія не требуется особой геніальности. Напротивъ, геніальность, предполагающая непремѣнно оригинальность, могла бы даже повредить полнотѣ истины. Развитіе этого мышленія должно быть общимъ дѣломъ всѣхъ людей вѣрующихъ и мыслящихъ, знакомыхъ съ писаніями св. Отцевъ и съ Западною образованностію. Данныя къ нему готовы: съ одной стороны, Западное мышленіе, силою собственнаго развитія дошедшее до сознанія своей несостоятельности и требующее новаго начала, котораго еще не знаетъ; съ другой, глубокое, живое и чистое любомудріе св. Отцевъ, представляющее зародышъ этого высшаго философскаго начала. Его простое развитіе, соотвѣтственное современному состоянію науки и сообразное требованіямъ и вопросамъ современнаго разума, составило бы само собой, безъ всякихъ остроумныхъ открытій, ту новую науку мышленія, которая должна уничтожить болѣзненное противорѣчіе между умомъ и вѣрою, между внутренними убѣжденіями и внѣшнею жизнію.

Но любомудріе св. Отцевъ представляетъ только зародышъ этой будущей философіи, которая требуется всею совокупностію современной Русской образованности,—зародышъ живой и яс-

ный, но нуждающійся еще въ развитіи и не составляющій еще самой науки философіи. Ибо философія не есть основное убѣжденіе, но мысленное развитіе того отношенія, которое существуетъ между этимъ основнымъ убѣжденіемъ и современною образованностію. Только изъ такого развитія своего получаетъ она силу сообщать свое направленіе всѣмъ другимъ наукамъ, будучи вмѣстѣ ихъ первымъ основаніемъ и послѣднимъ результатомъ. Думать же, что у насъ уже есть философія готовая, заключающаяся въ св. Отцахъ, было крайне ошибочно. Философія наша должна еще создаться, и создаться, какъ я сказалъ, не однимъ человѣкомъ, но выростать на виду, сочувственнымъ содѣйствіемъ общаго единомыслія.

Можетъ быть, для того благое Провидѣніе и попустило Русскому народу перейти черезъ невѣжество къ подчиненію иноземной образованности, чтобы въ борьбѣ съ чужими стихіями православное просвѣщеніе овладѣло, наконецъ, всѣмъ умственнымъ развитіемъ современнаго міра, доставшимся ему въ удѣлъ отъ всей прежней умственной жизни человѣчества, и чтобы, обогатившись мірскою мудростію, истина Христіанская тѣмъ полнѣе и торжественнѣе явила свое господство надъ относительными истинами человѣческаго разума. Ибо, не смотря на видимое преобладаніе иноземной образованности, не смотря на тотъ вредъ, который она принесла нравственному характеру народа, поколебавъ въ одномъ классѣ чувство правды, въ другомъ поколебавъ вмѣстѣ и правду, и истину,—не смотря на все зло, ею причиненное, еще остались въ Россіи, еще есть въ ней несомнѣнные залоги возрожденія въ прежнюю православную цѣльность. Эти залоги—живая вѣра народа въ Св. Православную Церковь, память его прежней исторіи и явно уцѣлѣвшіе слѣды прежней внутренней цѣльности его существованія, сохранившіеся въ обычномъ и естественномъ настроеніи его духа,—въ этомъ еще не замолкнувшемъ отголоскѣ прежней его жизни, воспитанной внутри однороднаго общественнаго состава, насквозь проникнутаго православнымъ ученіемъ Церкви. Такъ, разсматривая внимательно и хладнокровно отношеніе Западной философіи къ Русскому просвѣщенію, кажется, безъ самообольщенія можно сказать, что время для полнаго и общаго переворота Русскаго мышленія уже не далеко. Ибо когда мы сообразимъ, какъ неудовлетворительность Западнаго любомудрія требуетъ новаго начала, котораго

оно не находитъ во всемъ объемѣ Западнаго просвѣщенія; какъ это высшее начало знанія хранится внутри Православной Церкви; какъ живительно для ума и науки могло быть развитіе мысли, сообразное этому высшему началу; какъ самое богатство современнаго внѣшняго знанія могло бы служить побужденіемъ для этого развитія и его опорою въ разумѣ человѣка; какъ нестѣснительно было бы оно для всего, что есть истиннаго въ естественныхъ пріобрѣтеніяхъ человѣческаго разума,—какъ живительно для всего, что требуетъ жизни,—какъ удовлетворительно могло бы оно отвѣчать на всѣ вопросы ума и сердца, требующіе и не находящіе себѣ разрѣшенія;—когда мы сообразимъ все это, то намъ не то кажется сомнительнымъ, скоро ли разовьется, но то удивительнымъ, отъ чего до сихъ поръ еще не развилось у насъ это новое самосознаніе ума, такъ настоятельно требуемое всею совокупностью нашей умственной и нравственной образованности. Возможность такого знанія такъ близка къ уму всякаго образованнаго и вѣрующаго человѣка, что, казалось бы, достаточно одной случайной искры мысли, чтобы зажечь огонь неугасимаго стремленія къ этому новому и живительному мышленію, долженствующему согласить вѣру и разумъ, наполнить пустоту, которая раздвояетъ два міра, требующіе соединенія, утвердить въ умѣ человѣка истину духовную видимымъ ея господствомъ надъ истиною естественною, и возвысить истину естественную ея правильнымъ отношеніемъ къ духовной, и связать наконецъ обѣ истины въ одну живую мысль; ибо истина одна, какъ одинъ умъ человѣка, созданный стремиться къ Единому Богу.

Указанія Св. Отцевъ приметъ вѣрующее любомудріе за первыя данныя для своего разумѣнія, тѣмъ болѣе, что указанія эти не могутъ быть отгаданы отвлеченнымъ мышленіемъ. Ибо истины, ими выражаемыя, были добыты ими изъ внутренняго непосредственнаго опыта и передаются намъ, не какъ логическій выводъ, который и нашъ разумъ могъ бы сдѣлать, но какъ извѣстія очевидца о странѣ, въ которой онъ былъ.

Если не на всѣ вопросы ума найдетъ вѣрующая философія готовые отвѣты въ писаніяхъ Св. Отцевъ, то, основываясь на истинахъ, ими выраженныхъ, и на своемъ верховномъ

убѣжденіи, она будетъ искать въ совокупности этихъ двухъ указаній прямаго пути къ разумѣнію другихъ предметовъ знанія. И во всякомъ случаѣ способъ мышленія разума вѣрующаго будетъ отличенъ отъ разума, ищущаго убѣжденія или опирающагося на убѣжденіе отвлеченное. Особенность эту, кромѣ твердости коренной истины, будутъ составлять тѣ данныя, которыя разумъ получитъ отъ святыхъ мыслителей, просвѣщенныхъ высшимъ зрѣніемъ, и то стремленіе къ внутренней цѣльности, которое не позволяетъ уму принять истину мертвую за живую, и наконецъ та крайняя совѣстливость, съ которою искренняя вѣра отличаетъ истину вѣчную и Божественную отъ той, которая можетъ быть (добыта) мнѣніемъ человѣка или народа или времени.

Задача: Разработываніе общественнаго самосознанія.

Истинныя убѣжденія благодѣтельны и сильны только въ совокупности своей.

Добрыя силы въ одиночествѣ не ростутъ. Рожь заглохнетъ между сорныхъ травъ.

Распаденіе единства Богопознанія на разнообразныя влеченія къ частнымъ благамъ и на разнорѣчащіе признаки частныхъ истинъ.

Слово должно быть не ящикъ, въ который заключается мысль, но проводникъ, который передаетъ его другимъ; не подвалъ, куда складываются сокровища ума и знанія, но дверь, черезъ которую они выносятся. И странный законъ этихъ сокровищъ: чѣмъ болѣе ихъ выносится наружу, тѣмъ болѣе ихъ остается въ хранилищѣ. Дающая рука не оскудѣетъ.

Слово, какъ прозрачное тѣло духа, должно соотвѣтствовать всѣмъ его движеніямъ. Потому, оно безпрестанно должно мѣнять свою краску, сообразно безпрестанно измѣняющемуся сцѣпленію и разрѣшенію мыслей. Въ его переливчатомъ смыслѣ должно трепетать и отзываться каждое дыханье ума. Оно

должно дышать свободою внутренней жизни. Потому слово, окостенѣлое въ школьныхъ формулахъ, не можетъ выражать духа, какъ трупъ не выражаетъ жизни. Однакожъ, измѣняясь въ оттѣнкахъ своихъ, оно не должно переиначиваться въ внутреннемъ составѣ.

Для одного отвлеченнаго мышленія существенное вообще недоступно. Только существенность можетъ прикасаться существенному. Отвлеченное мышленіе имѣетъ дѣло только съ границами и отношеніями понятій. Законы разума и вещества, которые составляютъ его содержаніе, сами по себѣ не имѣютъ существенности, но являются только совокупностью отношеній. Ибо существеннаго въ мірѣ есть только разумно-свободная личность. Она одна имѣетъ самобытное значеніе. Все остальное имѣетъ значеніе только относительное. Но для раціональнаго мышленія живая личность разлагается на отвлеченные законы саморазвитія, или является произведеніемъ постороннихъ началъ, и въ обоихъ случаяхъ теряетъ свой настоящій смыслъ.

Потому отвлеченное мышленіе, касаясь предметовъ вѣры, по наружности можетъ быть весьма сходно съ ея ученіемъ; но въ сущности имѣетъ совершенно отличное значеніе, именно потому, что въ немъ недостаетъ смысла существенности, который возникаетъ изъ внутренняго развитія смысла цѣльной личности.

Весьма во многихъ системахъ раціональной философіи видимъ мы, что догматы о единствѣ Божества, о Его всемогуществѣ, о Его премудрости, о Его духовности и вездѣсущіи, даже о Его троичности,—возможны и доступны уму невѣрующему. Онъ можетъ даже допустить и объяснить всѣ чудеса, принимаемыя вѣрою, подводя ихъ подъ какую нибудь особую формулу. Но все это не имѣетъ религіознаго значенія, только потому, что раціональному мышленію невмѣстимо сознаніе о живой личности Божества и о Ея живыхъ отношеніяхъ къ личности человѣка.

Сознаніе объ отношеніи живой Божественной личности къ личности человѣческой служитъ основаніемъ для вѣры, или,

правильнѣе, вѣра есть то самое сознаніе, болѣе или менѣе ясное, болѣе или менѣе непосредственное. Она не составляетъ чисто человѣческаго знанія, не составляетъ особаго понятія въ умѣ или сердцѣ, не вмѣщается въ одной какой либо познавательной способности, не относится къ одному логическому разуму, или сердечному чувству, или внушенію совѣсти; но обнимаетъ всю цѣльность человѣка, и является только въ минуты этой цѣльности и соразмѣрно ея полнотѣ. Потому главный характеръ вѣрующаго мышленія заключается въ стремленіи собрать всѣ отдѣльныя части души въ одну силу, отыскать то внутреннее средоточіе бытія, гдѣ разумъ и воля, и чувство, и совѣсть, и прекрасное, и истинное, и удивительное, и желанное, и справедливое, и милосердное, и весь объемъ ума сливается въ одно живое единство, и такимъ образомъ возстановляется существенная личность человѣка въ ея первозданной недѣлимости.

Не форма мысли, предстоящей уму, производитъ въ немъ это сосредоточеніе силъ; но изъ умственной цѣльности исходитъ тотъ смыслъ, который даетъ настоящее разумѣніе мысли.

Это стремленіе къ умственной цѣльности, какъ необходимое условіе разумѣнія высшей истины, всегда было неотъемлемою принадлежностію Христіанскаго любомудрія. Со временъ Апостоловъ до нашихъ временъ оно составляетъ его исключительное свойство. Но съ отпаденія Западной Церкви оно осталось преимущественно въ Церкви Православной. Другія Христіанскія исповѣданія хотя не отвергаютъ его законности, но и не почитаютъ его необходимымъ условіемъ для разумѣнія Божественной истины. По мнѣнію Римскихъ богослововъ и философовъ, кажется, было достаточно, чтобъ авторитетъ Божественныхъ истинъ былъ однажды признанъ, для того, чтобъ дальнѣйшее разумѣніе и развитіе этихъ истинъ могло уже совершаться посредствомъ мышленія отвлеченно-логическаго. Можетъ быть, по особому пристрастію къ Аристотелю, богословскія сочиненія ихъ носятъ характеръ логическаго изложенія. Самый ходъ мышленія совершался наружнымъ оцѣпленіемъ понятій. Подъ догматъ вѣры искали они подвести логическое оправданіе. Въ этомъ логическомъ изложеніи, изъ от-

влеченно-разсудочнаго разумѣнія догматовъ, тоже, какъ отвлеченный выводъ, раздались требованія нравственныя. Странное рожденіе живаго изъ мертваго! Мудреное требованіе силы во имя мысли, которая сама не имѣетъ ея!

Отдѣленное отъ другихъ познавательныхъ силъ, логическое мышленіе составляетъ естественный характеръ ума, отпадшаго отъ своей цѣльности. Весь порядокъ вещей, происшедшій вслѣдствіе этого раздвоеннаго состоянія человѣка, самъ собою влечетъ его мышленіе къ этой логической отдѣленности. Потому-то вѣра и превышаетъ естественный разумъ, что онъ опустился ниже своего первоестественнаго уровня. Потому, и не необходимо для него возвыситься къ первообразному единству, чтобъ проникнуться вѣрою.

Не для всѣхъ возможны, не для всѣхъ необходимы занятія богословскія; не для всѣхъ доступно занятіе любомудріемъ; не для всѣхъ возможно постоянное и особое упражненіе въ томъ внутреннемъ вниманіи, которое очищаетъ и собираетъ умъ къ высшему единству; но для всякаго возможно и необходимо связать направленіе своей жизни съ своимъ кореннымъ убѣжденіемъ вѣры, согласить съ нимъ главное занятіе и каждое особое дѣло, чтобъ всякое дѣйствіе было выраженіемъ одного стремленія, каждая мысль искала одного основанія, каждый шагъ велъ къ одной цѣли. Безъ того жизнь человѣка не будетъ имѣть никакого смысла, умъ его будетъ счетною машиной, сердце—собраніемъ бездушныхъ струнъ, въ которыхъ свищетъ случайный вѣтеръ; никакое дѣйствіе не будетъ имѣть нравственнаго характера, и человѣка собственно не будетъ Ибо человѣкъ—это его вѣра.

И нѣтъ такого неразвитаго сознанія, которому бы не подъ силу было проникнуться основнымъ убѣжденіемъ Христіанской вѣры. Ибо нѣтъ такого тупаго ума, который бы не могъ

понять своей ничтожности и необходимости высшаго откровенія; нѣтъ такого ограниченнаго сердца, которое бы не могло разумѣть возможность другой любви, выше той, которую возбуждаютъ въ немъ предметы земные; нѣтъ такой совѣсти, которая бы не чувствовала невидимаго существованія высшаго нравственнаго порядка; нѣтъ такой слабой воли, которая бы не могла рѣшиться на полное самопожертвованіе за высшую любовь своего сердца. А изъ такихъ силъ слагается вѣра. Она есть живая потребность искупленія и безусловная за него благодарность. Въ этомъ вся его сущность. Отсюда получаетъ свой свѣтъ и смыслъ все послѣдующее развитіе вѣрующаго ума и жизни.

Духовное общеніе каждаго Христіанина съ полнотою всей Церкви.

Онъ знаетъ, что во всемъ мірѣ идетъ та же борьба, какая совершается въ его внутреннемъ самосознаніи, борьба между свѣтомъ и тьмою, между стремленіемъ къ высшей гармоніи и цѣльности бытія, и пребываніемъ въ естественномъ разногласіи и разъединенности, между свободою воли человѣка, созидающею духовную личность, и покорностью внѣшнимъ влеченіямъ, обращающимъ его въ орудіе чужихъ силъ; между великодушнымъ самоотверженіемъ и боязливымъ себялюбіемъ, однимъ словомъ, между дѣломъ искупленія и свободы и насильственною властію естественнаго, разстроеннаго порядка вещей.

Какъ бы ни мало было развито это сознаніе, но онъ знаетъ, что во внутреннемъ устройствѣ души своей онъ дѣйствуетъ не одинъ, и не для одного себя; что онъ дѣлаетъ общее дѣло всей Церкви, всего рода человѣческаго, для котораго совершилось искупленіе и котораго онъ только нѣкоторая часть. Только вмѣстѣ со всею Церковью и въ живомъ общеніи съ нею можетъ онъ спастись.

Каждая нравственная побѣда въ тайнѣ одной Христіанской души есть уже духовное торжество для всего Христіанскаго міра. Каждая сила духовная, создавшаяся внутри одного человѣка, невидимо влечетъ къ себѣ и подвигаетъ силы всего

нравственнаго міра. Ибо какъ въ мірѣ физическомъ небесныя свѣтила притягиваются другъ къ другу безъ всякаго вещественнаго посредства, такъ и въ мірѣ духовномъ каждая личность духовная, даже безъ видимаго дѣйствія, уже однимъ пребываніемъ своимъ на нравственной высотѣ, подымаетъ, привлекаетъ къ себѣ все сродное въ душахъ человѣческихъ. Но въ физическомъ мірѣ каждое существо живетъ и поддерживается только разрушеніемъ другихъ; въ духовномъ мірѣ созиданіе каждой личности созидаетъ всѣхъ, и жизнію всѣхъ дышетъ каждая.

Во всѣ времена были и есть люди, проникнутые высшимъ свѣтомъ и силою вѣры. Отъ нихъ, какъ лучи отъ звѣздъ, расходится истинное ученіе вѣры по всему Христіанскому міру. Въ исторіи Церкви можно видѣть часто видимые способы этого свѣта, какъ онъ проникаетъ изъ мѣстъ, озаренныхъ высшимъ ученіемъ, въ страны, гдѣ оно затемнялось волею человѣка; какъ погасалъ этотъ свѣтъ въ мѣстахъ, которыя прежде всего болѣе освящались имъ, и какъ опять зажигается онъ, принесенный изъ другихъ странъ, прежде лежавшихъ во тьмѣ. Ибо благодать истины никогда не оскудѣваетъ въ царствѣ Божіемъ.

Исторія Аѳона.

Духовная Іерархія.—Лѣстница Іакова.—Живыя истины—не тѣ, которыя составляютъ мертвый капиталъ въ умѣ человѣка, которыя лежатъ на поверхности его ума и могутъ пріобрѣтаться внѣшнимъ ученіемъ, но тѣ, которыя зажигаютъ душу, которыя могутъ горѣть и погаснуть, которыя даютъ жизнь жизни, которыя сохраняются въ тайнѣ сердечной и, по природѣ своей, не могутъ быть явными и общими для всѣхъ; ибо, выражаясь въ словахъ, остаются незамѣченными, выражаясь въ дѣлахъ, остаются непонятными для тѣхъ, кто не испыталъ ихъ непосредственнаго прикосновенія. По этой-то причинѣ особенно драгоцѣнны для каждаго Христіанина писанія Св. Отцевъ. Они говорятъ о странѣ, въ которой были.

Отношеніе вѣры къ разуму, или какую степень знанія составляетъ вѣра?

Различныя отношенія внутренняго самосознанія къ Богопознанію.

Сознаніе всепроникающей связности и единства вселенной предшествуетъ понятію о единой причинѣ бытія и возбуждаетъ разумное сознаніе единства Творца.

Неизмѣримость, гармонія и премудрость міроздания наводятъ разумъ на сознаніе всемогущества и премудрости Создателя.

Но единство, всемогущество, премудрость и всѣ другія понятія о Божественности первой причины, которыя разумъ можетъ извлечь изъ созерцанія внѣшняго міроздания, еще не внушаютъ ему того сознанія о живой и личной самосущности Создателя, которое даетъ существенность нашимъ умственнымъ къ Нему отношеніямъ, перелагая самое внутреннее движеніе нашихъ мыслей и чувствъ къ Нему изъ сферы умозрительной отвлеченности въ сферу живой, отвѣтственной дѣятельности.

Это сознаніе, совершенно измѣняющее характеръ нашего Богомыслія, и которое мы не можемъ извлечь прямо изъ одного созерцанія внѣшняго міроздания, возникаетъ въ душѣ нашей тогда, когда къ созерцанію міра внѣшняго присоединится самостоятельное и неуклонное созерцаніе міра внутренняго и нравственнаго, раскрывающаго предъ зрѣніемъ ума сторону высшей жизненности въ самыхъ высшихъ соображеніяхъ разума.

Вѣра—не довѣренность къ чужому увѣренію, но дѣйствительное событіе внутренней жизни, чрезъ которое человѣкъ входитъ въ существенное общеніе съ Божественными вещами (съ высшимъ міромъ, съ небомъ, съ Божествомъ).

Главная причина заблужденія человѣка заключается въ томъ, что онъ не знаетъ, что̀ любитъ и чего хочетъ.

Потребность счастія, потребность любви, потребность гармоніи, потребность правды, потребность сочувствія, потребность умиленія, потребность дѣятельности, потребность самозабвенія, потребность саморазумѣнія, — всѣ эти законныя и существенныя потребности человѣческаго сердца происходятъ изъ одного общаго корня жизни, до котораго немногіе доводятъ свое самосознаніе.

Справедливость, правда рѣже любви, потому что она труднѣе, стóитъ болѣе пожертвованій и менѣе усладительна.

Мы охотно удвоили бы наши пожертвованія, только бы уменьшить наши обязанности. Какъ часто встрѣчается человѣкъ великодушный и вмѣстѣ несправедливый, благотворительный и неблагодарный, щедрый и скупой, расточительныій на то, что не должно тратить, и скупой на то, что обязанъ давать; преданный по прихоти, жесткій съ тѣми, кто имѣетъ право на его преданность, ненавистный, можетъ быть, въ томъ кругу, куда поставило его Провидѣніе, и достойный любви и удивленія, какъ скоро выходитъ изъ него; охотникъ въ дѣлахъ человѣколюбія и бѣглецъ изъ рядовъ обязанностей, и воображающій, что можетъ произвольнымъ и часто безполезнымъ пожертвованіемъ уплатить нарушеніе самыхъ существенныхъ, самыхъ близкихъ обязанностей. Не труды, не пожертвованія, не опасности, ему противна правильность порядка. Ему легче быть возвышеннымъ, нежели честнымъ. Но не скажу: ему легче быть милосерднымъ, нежели справедливымъ, ибо милосердіе несправедливаго—не милосердіе.

Въ добрѣ и злѣ все связано. Добро одно, какъ истина одна. Справедливость къ милосердію, какъ стволъ дерева къ его верхушкѣ.

Мышленіе, отдѣленное отъ сердечнаго стремленія, есть также развлеченіе для души, какъ и безсознательная веселость. Чѣмъ глубже такое мышленіе, чѣмъ оно важнѣе по видимому, тѣмъ въ сущности дѣлаетъ оно человѣка легкомысленнѣе. Потому,

серьезное и сильное занятіе науками принадлежитъ также къ числу средствъ развлеченія, средствъ для того, чтобы разсѣяться, чтобы отдѣлаться отъ самого себя. Эта мнимая серьезность, мнимая дѣльность разгоняетъ истинную. Удовольствія свѣтскія дѣйствуютъ не такъ успѣшно и не такъ быстро.

Чувство возстановленія (исцѣленія) нашего внутренняго единства и гармоніи.

Вѣровать — это получать изъ сердца то свидѣтельство, которое Самъ Богъ далъ своему Сыну.

Вѣра—взоръ сердца къ Богу.

Справедливость, нравственность, духъ народа, достоинство человѣка, святость законности могутъ сознаваться только въ совокупности съ сознаніемъ вѣчныхъ религіозныхъ отношеній человѣка.

Міръ свободной воли имѣетъ свою правду въ мірѣ вѣчной нравственности.

ПРИМѢЧАНІЯ.

— **Матеріалы для біографіи И. В. Кирѣевскаго** (стр. 1).—Напечатано въ 1-мъ изданіи. На стр. 39 напечатано (какъ и въ 1-мъ изданіи): „Впрочемъ, въ отношеніи къ прежнему“ и т. д.; въ подлинномъ письмѣ было: „Впрочемъ, какъ эта перемѣна ни значительна въ отношеніи къ прежнему“ и т. д.

Въ дополненіе къ „Матеріаламъ“ приводимъ текстъ записки, оказавшейся среди бумагъ И. В. Кирѣевскаго. Она писана А. И. Кошелевымъ, безъ сомнѣнія со словъ вдовы И. В., Натальи Петровны Кирѣевской. Подлинникъ—на отдѣльномъ полулистѣ.

„Исторія обращенія Ивана Васильевича“.

„И. В. Кирѣевскій женился въ 1834 году на дѣвицѣ Нат. Петр. Арбеневой, воспитанной въ правилахъ строгаго христіанскаго благочестія. Въ первыя времена послѣ свадьбы исполненіе ею нашихъ церковныхъ обрядовъ и обычаевъ непріятно его поражало, но по свойственной ему терпимости и деликатности онъ ей въ томъ ни мало не препятствовалъ. Она съ своей стороны была еще скорбнѣе поражена отсутствіемъ въ немъ вѣры и полнымъ пренебреженіемъ всѣхъ обычаевъ Православной Церкви. Были между ними разговоры, которые оканчивались тѣмъ, что положено было ему не мѣшать ей въ исполненіи ея обязанностей, а ему быть свободнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ, но онъ обѣщалъ при ней не кощунствовать и даже всячески прекращать непріятные для нея разговоры его друзей. На второй годъ послѣ женитьбы онъ попросилъ жену свою прочесть Кузена. Она охотно это исполнила, но когда онъ сталъ спрашивать ея мнѣнія объ этой книгѣ, то она сказала, что много въ ней хорошаго, но что новаго тамъ не нашла ничего, ибо въ твореніяхъ Св. Отцовъ все это изложено гораздо глубже и удовлетворительнѣе. Онъ усмѣхнулся и замолчалъ. Онъ сталъ просить жену почитать съ нимъ Волтера. Она объявила ему, что готова читать всякую серьезную книгу, которую онъ ей предложитъ, но насмѣшки и всякое кощунство ей противны и она ихъ не можетъ ни слышать, ни читать. Тогда они послѣ нѣкотораго времени начали вмѣстѣ читать Шеллинга, и когда великія, свѣтлыя мысли ихъ останавливали и И. В. Кирѣевскій требовалъ удивленія отъ жены своей, то она сначала ему отвѣчала, что эти мысли ей извѣстны изъ твореній Св. Отцовъ. Неоднократно она ему ихъ показывала въ книгахъ Св. Отцовъ, что̀ заставило И. В. иногда прочитывать

цѣлыя страницы. Непріятно было ему сознавать, что дѣйствительно въ Св. Отцахъ многое чѣмъ онъ восхищался въ Шеллингѣ. Онъ не любилъ въ этомъ сознаваться, но тайкомъ бралъ у жены книги, и читалъ ихъ съ увлеченіемъ. Знакомство съ Новоспасскимъ инокомъ Филаретомъ, бесѣды со святымъ старцемъ, чтеніе разныхъ твореній Св. Отцовъ услаждали его и увлекали на сторону благочестія. Онъ ѣздилъ къ о. Филарету, но всякій разъ какъ бы по принужденію. Видно было, что ему хочется къ нему ѣхать, но всегда нужно было какое то принужденіе. Наконецъ въ 1842 году, кончина Старца Филарета окончательно утвердила его на пути благочестія. И. В. Кирѣевскій никогда прежде не носилъ на себѣ креста. Жена его не разъ его о томъ просила, но И. В. отмалчивался. Наконецъ однажды онъ сказалъ ей, что надѣнетъ крестъ, если онъ будетъ ему присланъ отъ о. Филарета, котораго умъ и благочестіе онъ уже душевно уважалъ. Нат. Петр. поѣхала къ о. Филарету и сообщила ему это. Старецъ, перекрестившись, снялъ съ себя крестъ и давая сказалъ Нат. Петр.: да будетъ онъ И. В. во спасеніе.—Когда Нат. Петр. пріѣхала домой, то И. В. встрѣчая ее спросилъ: ну что сказалъ отецъ Филаретъ? Она вынимаетъ крестъ и отдаетъ его И. В.—И. В. спрашиваетъ ее: какой это крестъ? Нат. Петр. говоритъ ему, что о. Филаретъ снялъ его съ себя и сказалъ, что да будетъ онъ ему во спасеніе. И. В. палъ на колѣни и говоритъ: ну теперь чаю спасенія для души моей, ибо я въ умѣ своемъ положилъ: если отецъ Филаретъ сниметъ съ себя крестъ и мнѣ его пришлетъ, то явно будетъ, что Богъ призываетъ меня ко спасенію. Съ этой минуты замѣтенъ былъ рѣшительный поворотъ въ мысляхъ и чувствахъ И. В. Послѣ кончины отца Филарета И. В., живя по близости Оптиной Пустыни, въ частыхъ бесѣдахъ съ отцами Леонидомъ, Макаріемъ и другими старцами, все болѣе и болѣе укрѣплялся въ благочестіи. Онъ читалъ очень много отеческихъ книгъ, бесѣдовалъ часто со старцами и все болѣе крѣпъ для будущей своей дѣятельности“.

— **Девятнадцатый вѣкъ** (стр. 85).—Впервые напечатано въ „Европеецъ“ 1832 г., кн. 1-я.

— **Въ отвѣтъ А. С. Хомякову** (стр. 109).—Впервые напечатано въ 1-мъ изданіи; написано въ 1839 г. (а не 1838-мъ, какъ ошибочно указано въ текстѣ), въ отвѣтъ на статью А. С. Хомякова „О старомъ и новомъ“; см. выше, т. I. стр. 63. Статья Хом. напечатана въ 3-мъ томѣ его *Сочиненій*, стр. 11—29, изд. 1900 года.

— **Обозрѣніе современнаго состоянія литературы** (стр. 121).—Впервые напечатано въ „Москвитянинѣ“ 1845 г., кн. 1, 2 и 3; должно было слѣдовать еще „Окончаніе“, но оно не появилось.

— **О характерѣ просвѣщенія Европы** (стр. 174).—Впервые напечатано въ „Московскомъ сборникѣ“ 1852 г. съ цензурными пропусками, и такъ же перепечатано въ 1-мъ изданіи. Въ настоящемъ изданіи пропуски

возстановлены на основаніи статьи М. А. Веневитинова *И. В. Кирѣевскій и цензура „Московскаго сборника“* въ *Рус. Арх.* 1897 г., кн. 10, стр. 287—291.

— **О необходимости и возможности новыхъ началъ для философіи** (стр. 223).—Впервые напеч. въ „Русск. Бесѣдѣ“ 1856 г. кн. II. Цензурою были вычеркнуты (въ какомъ именно мѣстѣ—опредѣлить невозможно) слѣдующія строки: „чтобы даже внутренній приговоръ совѣсти, болѣе или менѣе очищенной, онъ не признавалъ, мимо согласія другихъ разумѣтельныхъ силъ, за конечный приговоръ высшей справедливости“ (см. письмо Т. И. Филиппова къ И. В. Кирѣевскому отъ 5 іюня 1856 г., Барсуковъ, *Погодинъ*, т. XIV, стр. 573—4).

— **Отрывки** (стр. 265).—Впервые напеч., съ обширнымъ послѣсловіемъ А. С. Хомякова, въ „Рус. Бесѣдѣ“ 1857 г., кн. V.

С.С.С.Р.
ИНСТИТУТ
Ц. И. К.

ОГЛАВЛЕНІЕ

1-го тома.

Стр.

Предисловіе редактора..... III.

Матеріалы для біографіи И. В. Кирѣевскаго.—*Н. А. Елагина*..... 3

Первый отдѣлъ:

Девятнадцатый вѣкъ..... 85

Въ отвѣтъ А. С. Хомякову..... 109

Обозрѣніе современнаго состоянія литературы..... 121

О характерѣ просвѣщенія Европы и о его отношеніи къ просвѣщенію Россіи. 174

О необходимости и возможности новыхъ началъ для философіи..... 223

Отрывки..... 265

Примѣчанія..... 283